

Г. ФЕРРЕРО

ВЕЛИЧИЕ
И ПАДЕНИЕ
РИМА

Annotation

Пяти томный труд выдающегося итальянского историка и публициста, впервые вышедший в свет в 1902–1907 гг., посвящен гражданским войнам в Риме, приведшим к падению Республики и утверждению нового императорского режима Принципата. Изложение включает предысторию — время формирования и роста римской державы, период гражданских войн (30-е гг. I в. до н. э.) и подведшее под ним черту правление императора Августа (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Повествование отличается напряженным драматизмом, насыщено идеями и сопоставлениями, подчас весьма парадоксальными, изобилует блестящими портретными характеристиками (Суллы, Помпея, Красса, Лукулла, Цезаря, Цицерона, Октавиана Августа). Книга была переведена на все важнейшие европейские языки; русский перевод, подготовленный видным исследователем античности А.А. Захаровым, был опубликован между 1914 и 1925 гг. Новое издание этого перевода подготовлено под научной редакцией доктора исторических наук, профессора Э.Д. Фролова.

II том

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АВТОРИЗОВАННОМУ ФРАНЦУЗСКОМУ ПЕРЕВОДУ[1]

Второй том содержит историю завоевания Галлии и гражданской войны, приведшей к диктатуре Цезаря и его убийству. События этого периода рассматривались многими авторами, и я не взялся бы за эту тему после стольких предшественников, если бы, встав на новую точку зрения, не надеялся несколько осветить то, что является наиболее темным в этой истории.

Все, изучавшие завоевание Галлии, по моему мнению, допускали одну ошибку: они сосредоточивали свое внимание на Галлии и на фазах протекавшей там борьбы, рассматривая Цезаря лишь на театре войны, в отрыве от событий, протекавших в Риме. Завоевание Галлии, изучаемое таким образом, казалось относящимся более к личным планам Цезаря; планам, без сомнения, очень глубоким, но столь загадочным, что их невозможно было объяснить на основе тех исторических источников, которыми мы располагаем. Поэтому я предпочел изучать это великое событие, поместив себя, так сказать, в центре Рима, в центре его политических и финансовых интересов и стараясь анализировать отношения, существовавшие между военными операциями Цезаря и внутренними событиями римской политики.

Я думаю, что рассматриваемое с такой точки зрения завоевание Галлии становится более ясным и понятным. Мы видим, что оно совершается под действием социальных сил, какие действуют и теперь, и при помощи средств, более или менее похожих на те, которые употребляются и в наши дни. Завоевание Галлии становится «колониальной войной», начатой и проводимой вождем партии с целью воспользоваться ею как орудием воздействия на италийскую политику.

Однако если эта война походила по своей цели и своим способам на многие другие войны, то она все же имела такое огромное значение, что ее изучение является неистощимым источником размышлений для историка-философа. Нет, быть может, войны, на опыте которой можно было бы лучше выявить столь еще таинственные законы, управляющие судьбой наций и государств. В последнее время много рассуждали об исторической роли войны: то старались доказать, что она — божественное благодеяние, то, напротив, что она — самый ужасный бич мира. Эти рассуждения, подобно всем рассуждениям, старающимся определить моральный аспект человеческих действий и отношений, могут служить уроком для борьбы социальных сил, оспаривающих друг у друга управление государством; но сами проблемы слишком сложны для разума людей, чтобы когда-нибудь можно было найти их окончательное решение.

Историк-философ довольствуется более скромным: он наблюдает войну как силу, которая в известный момент подталкивает к разрешению социальные кризисы, уже подготовленные ветхостью и естественным ослаблением социальных и политических учреждений. Вся система традиций, интересов и моральных устоев, составляющая общество, мало-помалу деградирует под постоянным действием скрытых сил, которые заметны немногим. Дух консерватизма, определенные интересы, страх, внушаемый будущим, всегда препятствует замене старой системы новой даже после того, как отживающая стала невыносимой. Отсюда возникают те критические эпохи, когда умы и учреждения, нравы и состояния неизменно становятся жертвой страшных и печальных смут, от которых тщетно ищут избавления или успокоения путем огромных усилий. Война, сразу нарушая сохраняемое с большим трудом душевное равновесие, очень часто ускоряет в обществах, ставших добычей этого кризиса, конец всего нежизнеспособного; она вовлекает в решительную борьбу противоречивые силы и вызывает к жизни скрытые силы, способные установить новое равновесие.

Я с большим удовольствием писал историю этих четырнадцати лет (58–44 годы до Р. Х.), прошедших от начала галльской войны до ужасного убийства в иды марта, особенно потому, что события этой эпохи являются одним из наиболее ярких проявлений важнейшей истины, доказательством чего могут, вероятно, служить современные события в Манджурии и в России. Никакая война, за исключением войн революций и империй, не оказала столь большого влияния на историю мира. Галльская война возродила древний мир особенно тем, что ускорила два великих кризиса, тянувшихся уже столетие и смущавших все страны, входившие в греко-латинскую цивилизацию: с одной стороны, политический кризис Италии, который должен был в течение столетия изменить самую сущность государства и латинского общества; с другой — кризис стареющего кельтского общества. Я считаю доказанным, что гражданская война Цезаря и Помпея, ознаменовавшая политический кризис Италии, была отчасти действием усталости, надежд и разочарований, порожденных галльской войной. Продолжительность и ожесточенность последней вконец смутили Италию, слишком привыкшую к легким войнам на Востоке, и вызвала взрыв ненависти, копившейся в течение полувека в государстве — во всех классах, партиях, котериях и фамилиях. Одновременно с этим завоевание разрушило Кельтскую Галлию, уже более века бившуюся в конвульсиях медленной агонии, и этим сделало возможным латинизацию Галлии, что стало истинным началом европейской цивилизации.

Я описал в этом томе завоевание Галлии и ее непосредственное отражение в латинском мире, т. е. гражданскую войну и диктатуру Цезаря. Анализируя впоследствии другой великий результат этого завоевания, я укажу, как новая Галлия, Галлия Римская, возникла на развалинах Кельтской Галлии, разрушенной этой «колониальной войной», которую породили и финансовые коллизии, причем никто не мог предвидеть ее грозных последствий.

Г. Ферреро

Турин, 1 апреля 1905 г.

Первый год пребывания Цезаря в Галлии

Галльская политика Цезаря

Зная, что переселявшиеся гельветы готовы тронуться в путь, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима. Управление обеими Галлиями неожиданно выпало на его долю в феврале прошлого года: в течение всего своего консульства он был до такой степени занят политической борьбой и интригами, что не имел времени собрать сведения о Галлии, прочитать книги путешественников, посоветоваться с купцами и политическими деятелями, поддерживавшими отношения со свободными галлами через Галлию нарбонскую. Таким образом, он направился в Галлию без всякого определенного плана, плохо зная страну и ее жителей.^[2] Без сомнения, он решил применить к Галлии приемы Лукулла и Помпея и пользоваться всеми предложениями и всеми возможностями войны, чтобы обогатиться и доказать Риму, что он ловкий дипломат и хороший полководец. Но он не знал еще, в какой мере предприятие это окажется возможным и чего оно потребует от него. Во что же действительно превратилась внешняя и внутренняя римская политика, как не в ряд счастливых импровизаций? Цезарь на собственный риск намеревался следовать в Галлии только по аналогии: Лукулл имел успех, имел его и Помпей; Цезарь надеялся, что и он будет иметь его.

Гельветская опасность

Первой из этих импровизаций была война с гельветами. При своем отъезде из Рима Цезарь, несомненно, имел о переселении гельветов представления, распространенные в политическом обществе Рима в 62 году Дивитиаком, послом эдуев и глашатаем взглядов той политической части Галлии, которая имела основания противиться этому движению. Гельветы, по этим представлениям, хотели завладеть Галлией и стать во главе обширной коалиции галльских народов; в данный момент они ограничиваются вторжением в Провинцию, чтобы войти в Галлию по самой короткой дороге, но со временем они могут сделаться опасными даже для Италии, если под их военной гегемонией возникнет большая кельтская империя.^[3]

Неопытность Цезаря

Судя о движении гельветов по доставленным Дивитиаком сведениям, Цезарь поспешно выехал из Рима, как только узнал о том, что гельветы действительно тронулись в путь: опасность была чрезвычайно велика, нельзя было терять ни минуты. Хотя об этом вторжении знали уже давно, Цезарь, однако, позволил захватить себя врасплох с одним легионом в нарбонской Галлии и тремя легионами под Аквилеей, на другом конце цизальпинской Галлии. Он тотчас послал аквилейским легионам приказ присоединиться к нему. Находясь в движении день и ночь, он быстро прибыл в Женеву, где, вероятно, думал найти враждебные действия уже начатыми.

Переговоры Цезаря с гельветами

К его великому изумлению, между 5 и 8 апреля^[4] к нему явилось посольство гельветов, объявившее

ему, что часть их народа желает переселиться в Галлию,^[5] и просило у него позволения пройти через Провинцию. В этих просьбах не было ни вызова ни угрозы, но Цезарь, побежденный эдуями и видя в гельветов орду, с нетерпением ожидавшую возможности броситься на Галлию, заподозрил тут коварство. Он просил несколько дней на размышление, давая понять, что готов согласиться.^[6] Едва послы удалились, как он с бывшим при нем легионом и некоторым числом рекрутов стал укреплять между Женевским озером и Юрой те участки, где было легко форсировать Рону.^[7] По-видимому, он ожидал нападения гельветов после отказа, которым решил ответить на их просьбы, если принимал столько предосторожностей. Но в этом Цезарь также ошибался. Отрицательный ответ был сообщен гельветам 13 апреля, но нападения не последовало: гельветы не сделали никакой попытки вторгнуться в Провинцию.^[8]

Они, напротив, попросили у секванов позволения перейти горы через Эклюзский проход (Pas de l'Ecluse). Без труда получив это позволение, они немедленно все вместе: мужчины, женщины и дети, приблизительно 150 000 человек,^[9] нагрузив на свои повозки на три месяца припасов и немногие ценности, отправились по направлению к Юре под предводительством старого вождя по имени Дивикон.

Первая опасность, которой боялись римляне, — вторжение в Провинцию — миновала, и Цезарь потерял первый удобный случай для начала войны. Вторая опасность, возмущенная эдуями, опасность галльской империи, которую якобы хотели основать гельветы, все же оставалась.

Цезарь преследует гельветов

Цезарь, нуждавшийся в немедленном выполнении какого-нибудь блестящего предприятия, решил преследовать гельветов в Галлии и теперь же начать войну с этой будущей империей. Предлог, если не повод, найти было нетрудно: он был связан, конечно, с отношением к эдуям. Эдуи смотрели на эмиграцию гельветов как на угрозу себе, а сенат дал приказ правителю нарбонской Галлии защищать эдуев. Однако прежде всего нужны были средства для ведения этой войны. Четырех легионов было недостаточно. Оставив Лабиена для защиты Роны, Цезарь быстро возвратился в цизальпинскую Галлию, и пока он ожидал три легиона, уже вызванных им с их зимних квартир в Аквилее, набрал два новых легиона. Потом с пятью имевшимися легионами он перешел Женевский перевал (Mont Genevre), спустился к Куларону (совр. Гренобль) и быстро пошел на север к границе Провинции. По соседству с местом, где позднее возник Лион, к нему присоединился Лабиев с оставленным в Женеве легионом. Вероятно, к началу июня Цезарь с шестью легионами и вспомогательными войсками, т. е. приблизительно с 25 000 человек,^[10] перешел границу Провинции и вступил на галльскую территорию, следуя по левому берегу Арара (совр. Соны).^[11]

Гельветы ускользают от Цезаря

Он пришел в благоприятный момент. В эти два месяца гельветы медленно прошли территорию секванов и, вступив на территорию эдуев, дошли до Соны, намереваясь перейти ее, вероятно, возле Макона (Macon). Но потому ли, что они действительно занимались грабежом, или потому, что враги в стоворе с Цезарем оболгали гельветов, среди галльских племен была организована искусная агитация. Как только проконсул перешел границу, к нему отправили послов с просьбой о помощи разные галльские народы: аллоброги, жившие за Роной, амбарры, эдуи и даже секваны, которые, однако, позволили гельветам пройти через их территорию.^[12] Законный предлог для войны был найден. Цезарь, опираясь на сенатское постановление в пользу эдуев, потребовал от них хлеба и 4000 всадников и, не теряя времени, опрометчиво бросился в бой. Его план — захватить гельветов, начавших переправляться через Сону, во время этой медленной и трудной операции. Большими переходами, не останавливаясь ни на минуту, Цезарь направился к Макону. Когда он был уже возле него, он сделал последнее усилие и форсированным маршем послал вперед в качестве авангарда три легиона. Но он слишком понадеялся на медлительность

гельветов. По прибытии трех легионов на левом берегу оставался только небольшой арьергард. Уничтожить его было легко. Но так как этот успех не имел никакого значения,[\[13\]](#)то Цезарь за один день перебросил всю свою армию на противоположный берег и бросился преследовать гельветов, направлявшихся к северо-западу через неровную местность современного Шаролэ.[\[14\]](#)

Ариовист и гельветы

Цезарь воображал, что останавливает в самом начале обширное и опасное движение кельтских народностей, которое со временем могло принять размеры движения кимвров и тевтонов. Он с закрытыми глазами шел в ловушку, ловко расставленную консервативной партией эдуев, и совершил одну из величайших ошибок в своей политической карьере. Гельветы вовсе не намеревались основывать галльскую империю. Напротив, таково было намерение эдуев, которым римляне и Цезарь в своем неведении о положении дел в Галлии слишком наивно верили. Цель гельветов была совершенно другая. Цезарь прибыл в Галлию в критический момент, когда всей нации угрожала опасность гораздо большая, чем эмиграция гельветов, — германская опасность, олицетворяемая Ариовистом.

Приглашение Ариовиста в Галлию

Разделенная целыми столетиями на большое число независимых крупных и мелких республик, самые могущественные из которых вели непрерывные войны, усугубляемые в то же время в каждой республике ожесточенной борьбой партий, очень часто возбуждавшей распри между государствами.[\[15\]](#)Галлия в годы, предшествовавшие прибытию Цезаря, была дестабилизирована более обыкновенного долгой борьбой между эдуями и секванами, оспаривавшими друг у друга в непрерывных войнах Сону и ее богатые таможенные пошлины.[\[16\]](#)Несколько лет тому назад во время одной из этих войн побежденные эдуями арверны и секваны обратились к царю свевов, Ариовисту. Они просили у него помощи, обещая ему взамен этого землю в Галлии. Ариовист во главе своих германцев перешел Рейн и помог секванам и арвернам разбить эдуев.

Германское господство

Но последствия этой германской победы по эту сторону Рейна оказались гораздо важнее, чем предполагали секваны и арверны. Утвердившись раз в Галлии, Ариовист не довольствовался более уступленными ему землями. Он призвал массу свевов из своей страны и с помощью многочисленной и победоносной армии, пользуясь раздробленностью и слабостью галльских государств, мало-помалу приобрел власть над всей Галлией, которая для покоренных скоро стала невыносимой.[\[17\]](#)Коалиция галльских народов сделала попытку освободить страну. Но Ариовист победил ее[\[18\]](#)и, став после этой победы еще более могущественным,[\[19\]](#)принудил эдуев платить ему дань.[\[20\]](#)Он стал угнетать и самих секванов, своих прежних союзников, открывших ему ворота Галлии.[\[21\]](#)

Партии в Галлии

В последние 14 лет угроза германского владычества с центром на Рейне все увеличивалась. Еще важнее было то, что великая национальная опасность вместо сплочения галльских партий — партии, которую можно назвать аристократической и консервативной, и партии народной и плутократической — обострила борьбу между ними. Уже несколько поколений старая галльская знать погрязала в долгах и беднела, подобно римской знати во времена Гракхов. Этой все возрастающей нуждой своего класса воспользовалось небольшое число более ловких и смелых знатных с целью приобрести большое

политическое влияние и нажиться на нем. Одни накопили большие богатства в виде земель и капиталов, другие монополизировали сбор пошлин и налогов и давали деньги взаймы. Все они благодаря большому числу своих должников, своих клиентов, своих слуг, благодаря мелким подаркам беднякам старались приобрести почти монархическую власть в древних аристократических республиках.^[22] По всей Галлии эти демагоги-миллионеры, старавшиеся, подобно Крассу, Помпею и Цезарю, при помощи народных масс установить единоличное правление, боролись с консервативной знатью, пытавшейся сохранить вместе с традиционными учреждениями свое прежнее влияние. Борьба была столь ожесточенна, что эти партии не могли договориться даже в великом национальном вопросе о германской опасности.

Национальная партия и гельветы

Обе они отдавали себе отчет в том, что та из них, которой удастся вытеснить за Рейн Ариовиста, приобретет влияние, достаточное для утверждения своего могущества на много лет. Но, естественно, поскольку каждая преследовала исключительно свои цели, они не могли выработать согласованной политики, которой можно было бы следовать для освобождения Галлии. Консервативная знать, особенно знать эдуев, рассчитывала в деле изгнания Ариовиста на помощь Рима и с некоторого времени при посредстве Дивитиака интриговала в Риме, чтобы побудить сенат вмешаться в галльские дела.^[23] Народная же, или плутократическая, партия, опиравшаяся на массы и представлявшая их интересы, рассчитывала освободить Галлию силами самих галлов, без иностранного вмешательства, говоря, что если на помощь против Ариовиста призвать римлян, то они и займут место Ариовиста, лишив смысла все предприятие. Но так как самые влиятельные и цивилизованные галльские государства слишком пали духом и были слишком разобщены, то народная партия обратилась к наиболее варварским и воинственным галльским народам, надеясь с их помощью изгнать свевов.^[24] Эмиграция гельветов оказалась кстати для вождей этой партии. Они обещали дать — мы не знаем, в какой части Галлии, — землю гельветам, которым было слишком тесно в своей стране, чтобы использовать их в качестве союзников в войне против свевов, не раз уже битых гельветами.

Беспорядки в Галлии

Так как каждая партия предпочитала успеху своих противников сохранение сложившегося положения дел, хотя все считали его плачевным, то могущество Ариовиста все более утверждалось, в то время как партии спорили друг с другом о лучшем средстве его ниспровергнуть. Романофильская партия одержала крупный успех, когда ей удалось заставить римский сенат вотировать знаменитое сенатское постановление в пользу эдуев. Но поскольку в течение двух лет ей так и не удалось привести его в исполнение, национальная партия обвинила ее в измене интересам Галлии. Национальной партии в свою очередь удалось побудить гельветов поднять оружие против Ариовиста, но в течение трех лет различные затруднения препятствовали началу эмиграции и войны. Вероятно, не последнюю роль в этих затруднениях сыграли интриги романофильской партии, которая в это самое время изобрела в Риме «гельветскую опасность». В сущности, ни та, ни другая партия не была достаточно сильной, чтобы распространить свое влияние на всю Галлию и увлечь ее за собой в войну за освобождение страны. Хаос внутренней борьбы царствовал во всей стране, и сложность этой борьбы, разделявшей не только народы и классы, но и семейства, доказывается тем фактом, что вождь национальной партии, эдуй Думнориг, был братом Дивитиака, вождя романофильской партии.

Рим и гельветы

Однако после трехлетней работы в результате больших усилий национальная партия все-таки принудила гельветов спуститься со своих гор. Когда в начале 58 года началась гельветская эмиграция — прелюдия к войне с Ариовистом, национальная партия, казалось, на мгновение сделалась госпожой положения. Вся Галлия торжествовала, но радость была непродолжительной. Ловко эксплуатируя невежество и боевой дух нового проконсула, романофильская партия направила Цезаря против гельветов и одним этим ударом изменила положение дел в свою пользу.

Результат вмешательства Цезаря

Не смея противиться Риму и не будучи в состоянии покинуть гельветов, национальная партия оказалась теперь в величайшем затруднении. Несмотря на свое недовольство Цезарем, ее вожди очень быстро поняли, что пока надо хитрить, скрывать это недовольство, выигрывать время и пользоваться невежеством проконсула и своей популярностью, чтобы, действуя якобы заодно с романофилами, на самом деле прийти на помощь гельветам. Действительно, обе партии поспешили засвидетельствовать свою лояльность к Риму. Сам Думнориг явился в римский лагерь и согласился оплачивать кавалерийский корпус, который должны были доставить эдуи, но при условии, что командовать им будет он: таким образом он намеревался помочь своим друзьям гельветам. Популярность Думнорига была так велика, что романофильская партия не осмелилась предупредить Цезаря о его действительном положении.

Ошибка Цезаря

Таким образом, Цезарь устремился преследовать гельветов в обширную страну, ни людей, ни областей которой он не знал, не подозревая, что этой войной он вызывает ненависть галлов, у которых он грубо отнимал очень древнюю надежду. Он даже не подозревал о том, что часть его свиты, составленная из эдуев, идет с ним только для того, чтобы изменить ему. Война, начатая так безрассудно, скоро приняла необычайный оборот.

Дальнейшие переговоры с гельветами

Гельветы, спешившие закончить свое переселение в возможно лучших условиях, не хотели ссориться с Римом. Как только они узнали, что римский полководец перешел Сону, они отправили к нему посольство, во главе которого стал сам Дивикон, с целью представить самые успокоительные уверения и самые разумные предложения. Дивикон утверждал, что гельветы, несмотря на неспровоцированное нападение, которому они подверглись на берегу Соны, не хотят войны. Он объявил, что они готовы поселиться на землях, которые им укажет Цезарь. Но Цезаря, обманутого интригами эдуев, эти уверения не только не успокоили, но, напротив, лишь увеличили его подозрения. Можно ли считать искренними эти предложения, сделанные гельветами? Не следует ли опасаться, что они намерены основать великую галльскую империю? Он отвечал им упреками за войны, которые они некогда вели с Римом, объявил, что не доверяет им, и требовал от них заложников, обещая лишь при этом условии воздержаться от нападения. Дивикон отвечал, что гельветы имеют привычку брать, а не давать заложников, и прервал переговоры. [25] Тем самым война между Римом и гельветами с этих пор была объявлена официально.

Цезарь продолжает преследование

Но и на этот раз враждебных действий не последовало тотчас же, как можно было ожидать. Гельветы, все еще желавшие избежать войны, продолжали свой путь, готовые защищаться, но не нападать. Цезарь, знавший, как опасна была бы неудача, следовал за армией гельветов на расстоянии пяти или шести миль,

не решаясь напасть, но ожидая для этого удобный случай,^[26] который гельветы ему не предоставляли. Две недели обе армии следовали друг за другом на небольшом расстоянии, и между ними были только легкие кавалерийские стычки, в которых всадники предателя Думнорига легко давали себя разбивать.^[27] Однако гельветы направились к северу, к Бибракте, и Цезарь, преследуя их, вынужден был удалиться от Соны, по которой до сих пор ему подвозили продовольствие. Скоро провиант, взятый из Макона на вьючных животных, стал истощаться. Припасы, обещанные эдуями, не подвозили, и знать эдуев с трудом находила отговорки для объяснения этого промедления.

Цезарь осознает свою ошибку

Цезарь сперва ощутил подозрения, потом рассердился и, наконец, стал проводить расследование. Из намеков одного, из признаний другого он начал понимать, в какую ловушку попал в своем ослеплении; политическая ситуация в Галлии стала для него проясняться. Он узнал, что если у эдуев аристократическая партия во главе с Дивитиаком была расположена к римлянам, то демократическая партия была им враждебна; что ее вождь Думнориг согласился оплачивать кавалерию и командовать ею только с целью помочь гельветам; он узнал, что Думнориг благодаря своему богатству и своей популярности влиял на сенат эдуев и препятствовал доставке хлеба Цезарю с целью погубить его предприятие.

Попытка захватить гельветов

Положение оказалось чрезвычайно затруднительным. Цезарь не смел казнить Думнорига, страшась слишком раздражить эдуев, но он понимал, что, преследуя таким образом гельветов и не давая им сражения, он лишает мужества своих солдат и делается игрушкой предателей. Только блестящая победа могла бы изменить положение вещей. В тот самый день разведчики донесли Цезарю, что приблизительно в двенадцати километрах гельветы стали лагерем у подошвы холма, вершину которого они не догадались занять и на который можно подняться по дороге с противоположной стороны. Это был так давно ожидаемый удобный случай. Цезарь решил послать Лабиена в обход с двумя легионами занять ночью вершину холма, а сам с остальной армией двинуться в путь несколько позднее и, следуя по той же дороге, что и гельветы, на заре подойти к их лагерю и атаковать их еще спящих, в то время как Лабиен должен был напасть на них с вершины холма. План был остроумен и четко выполнен. Лабиен отправился вовремя; Цезарь, послав вперед отряд разведчиков под командой старого солдата, некоего Публия Консидия, ночью в назначенный час тронулся в путь со своими легионами. Должно быть, он очень взволновался во время этого ночного марша, готовясь провести свою первую стратегическую операцию при столь критических обстоятельствах: почти без провианта, со многими изменниками, которых по необходимости терпел в своем лагере, с легионами, почти потерявшими мужество. Действительно, мгновенного беспорядка было достаточно, чтобы свести на нет так хорошо подготовленный удар. На заре после тяжелого ночного перехода Цезарь уже видел лагерь гельветов, как вдруг прискакал Консидий с известием, что холм занят не Лабиеном, а гельветами. Что же такое произошло? Неужели Лабиен был уничтожен? Обеспокоенный Цезарь поспешно отступил и, найдя удобную позицию на другом холме, расположил там свои легионы в боевом порядке в ожидании атаки гельветов. Только некоторое время спустя, когда солнце было уже высоко, но все вокруг было спокойно, он опять послал разведчиков. Он скоро узнал, что Консидий ошибся, что Лабиен занял холм и напрасно ожидал прихода и атаки Цезаря; тем временем гельветы спокойно ушли.^[28]

Положение становилось критическим: армия имела припасов только на два дня. Двигаясь таким образом вперед, обе армии достигли высоты Бибракте (Mont Beauvray вблизи Autun), богатой столицы эдуев, находившейся приблизительно в 28 километрах к западу от линии пути. Цезарь, вынужденный

необходимостью, решил было повернуть к Бибракте, чтобы запастись там съестными припасами. Он готовился уже сделать необходимые распоряжения, как вдруг гельветы напали на его легионы; битва началась на том месте, где теперь находится деревня Иври (Ivry).^[29] Дивикон, узнав, что только случай спас гельветов от ужасной гибели, без сомнения, не захотел иметь более римлян у себя в тылу и, чтобы отбросить их, решил дать им бой.^[30] Может быть также, что он не мог более сдерживать пыл своих солдат. Как бы то ни было, Цезарь, сдержав натиск врагов своей кавалерией, едва успел расположить на склоне холма с правой стороны от дороги четыре легиона ветеранов в три линии, а выше поставил два новых легиона и вспомогательные войска, приказав им охранять обоз и готовить место для лагеря. Фаланги гельветов уже приближались, атакуя легионы с фронта: битва началась. Но скоро, после короткой схватки, гельветы отступили, показали тыл и бросились бежать.

Сражение при Иври

Дивикон, ловкий и хитрый тактик, совершенствовавшийся, подобно вождю буров, в постоянных войнах, расставил ловушку ученому римскому генералу, изучавшему греческие руководства по военному делу, но не имевшему еще опыта. Атака с фронта и отступление гельветов были хитростью, чтобы заманить римлян к подошве холма и уничтожить их.^[31]

Цезарь, не имевший в этой первой битве приобретенного позднее хладнокровия, попал в ловушку. Он думал, что атака на его армию с фронта была серьезной, и, когда гельветы начали отступать, приказал солдатам спуститься с холма и преследовать врага. Едва они спустились, как Дивикон двинул колонну в 15 000 боев и тулингов на правый фланг римлян. Притворно бежавшая фаланга сделала полуоборот и возобновила нападение. Римляне были атакованы с фронта, теснимы с фланга при угрозе с тыла с такой стремительностью, что Цезарь не успел послать оставшимся на вершине холма легионам приказ тотчас же идти на помощь. Что произошло тогда в ужасной свалке, трудно представить по путаному и противоречивому рассказу Цезаря.^[32] По-видимому, он хотел что-то скрыть, если не допустить, что автор, обыкновенно столь ясный и точный, столь туманен в рассказе о своем первом крупном военном деле просто по небрежности.

Результаты сражения

Вероятно, что оба новых легиона со страхом смотрели сверху на схватку, не решаясь без приказа идти на помощь; вероятно, что Цезарю удалось вывести своих солдат из низины на какую-нибудь удобную позицию, где они смогли оказать сопротивление натиску, но потеряли много людей; вероятно, что гельветы удалились, считая, что нанесли достаточно сильный удар. Если это так, то неясность рассказа является средством скрыть сомнительный результат победы. Действительно, Цезарь принужден был позволить ночью врагу сняться с лагеря и спокойно продолжать свой путь к лингонам, не оставив в его руках пленных. Сам он из-за большого числа убитых и раненых, усталости и также мрачного впечатления, произведенного на его солдат ужасной схваткой, принужден был три дня оставаться на поле битвы.^[33] Гельветы, таким образом, вполне успели в своем намерении.

Заклучение мира

Но Цезарь не мог смириться с этой неудачей. Он решил снова преследовать врагов и отомстить им какой угодно ценой, когда, к счастью для него, гельветы стали просить мира. Утомленные длинным путем и испуганные, быть может, своей победой, они, без сомнения, опасались, что Рим заставит их дорого заплатить за этот успех, и решили заключить с Цезарем мир, изъявив готовность вернуться на свою

прежнюю территорию. Цезарь, обрадованный этим предложением, без риска и позора избавлявшим его от опасной войны, на этот раз поставил очень мягкие условия. Он не только приказал алл об рогам дать гельветам большие запасы хлеба, чтобы они могли приступить к обработке земли и прожить до следующего года, но и, ввиду упорного несогласия боев вернуться на родину, приказал эдуям уступить им часть собственной территории. Так Цезарь смог прийти к соглашению с гельветами за счет галлов[34]и украсить отчет, сделанный им сенату, представив победой неопределенный результат войны.[35]Гельветы возвратились домой, кроме небольшого отряда упорствующих, которые желали продолжить эмиграцию и направились к Рейну, но они без труда были уничтожены галлами во время пути.

Спасение Цезаря

Итак, гельветы уstraшили не Цезаря, а Рима. Если бы на следующий после битвы день они напали на утомленную и испуганную римскую армию, то могли бы навсегда спасти Галлию от римского владычества. В течение двадцати четырех часов Дивикон держал в своих руках судьбу Европы, но, удовлетвоваввшись остановкой Цезаря, невежественный варвар последовал своей дорогой. Цезарь счастливо отделался от опасности, в которой оказался из-за своего легкомыслия. Этот сомнительный успех не мог его удовлетворить: он нуждался в какой-нибудь блестящей победе для поднятия своего престижа в Италии, где дела его партии шли очень плохо.

Возмущение изгнанием Цицерона

Во время войны против гельветов стали обнаруживаться первые результаты демократической революции, но они очень отличались от предположений как самого Цезаря, так и его противников. Он ошибался, думая, что после его отъезда Помпей и Красс из-за равнодушия широких слоев общества будут в состоянии управлять республикой и без труда навязывать свою волю консерваторам, не имевшим более вождей, сенату, с этих пор совершенно парализованному, и комициям, предводимым Клодием. Привычному равнодушию высших классов, которых не могли вывести из их апатии ни внутренние кризисы, ни войны, ни великие политические потрясения, после его отъезда пришел конец вследствие несправедливости, причиненной одному человеку, — вследствие изгнания Цицерона. Это любопытный и многозначительный факт. В эту бурную эпоху каждый день совершались несправедливости не менее важные, чем эта, и на них никто не обращал внимания. Клодий для успеха своего преследования великого писателя сильно рассчитывал на это стойкое равнодушие. Но на этот раз к великому изумлению всех, когда прошло первое потрясение, общество возмутилось, увидя, что Цицерон покидает Италию, что его дом на Палатине сожжен, его виллы разграблены, а изгнание предписано без суда простым большинством комиций, присвоивших себе судебные функции, что без соблюдения каких-либо юридических норм великого писателя лишили его родины и его имущества за преступление, которого он не совершал.

Психология этого возмущения

Это была чудовищная несправедливость; Рим был бы навсегда обесчещен, если бы не сумел исправить ее. Негодование, особенно в высших классах, было очень сильным. Было бы весьма интересно понять, почему среди стольких других несправедливостей, переносимых с холодным цинизмом, эта взволновала всех. Потому ли, что жертвой был знаменитый человек, любимый, вызывавший восхищение? Потому ли, что его преследователь был человек, ненавидимый самими богачами? Потому ли, что публика в этом случае обнаружила все свое возмущение, накапливавшееся по мере свершения многих других несправедливостей, которые она имела слабость или трусость переносить? Крупные проявления

коллективной психологии еще таинственны и темны.

Демонстрации в честь Цицерона

Как бы то ни было, в то время как Цицерон удалялся в свое печальное изгнание, на него были обращены все взоры, и солидарность с ним в Италии среди сенаторов и всадников все возрастала. Первая демонстрация в его защиту, столь же несущественная, как и молчаливая, прошла, когда Клодий пустил в продажу имущество изгнанника: никто не явился для покупки.^[36] Затем последовали другие демонстрации разного рода. Использовался всякий удобный случай, чтобы засвидетельствовать почтение изгнаннику. Многие богатые граждане предоставили в его распоряжение свои имения, чтобы он ни в чем не нуждался, оказавшись наполовину разоренным и принужденным вместе со своей семьей жить на приданое Теренции.^[37]

К несчастью, в то время как Цицерон пользовался уважением в среде богатых классов, его преследователь преуспел с помощью комиций. Клодий, этот удивительный авантюрист из знатной фамилии, этот наглый, испуленный юноша без страха и совести, всегда готовый по складу характера господствовать над общей трусостью не с помощью своего ограниченного ума, но благодаря своей дерзости, сумел воспользоваться своим положением предводителя комиций перед лицом парализованного сената и консервативной партии, лишенной вождей и храбрости.

Деятельность Клодия

Неприкосновенный в качестве трибуна, очень популярный благодаря своему хлебному закону, распоряжающийся при посредничестве Секста бесплатной раздачей хлеба, вождь выборных банд, господствовавших в комициях, тесно связанный с обоими консулами, которым он предоставил пятилетнее управление провинциями, Клодий начал применять и даже совершенствовать на свой лад метод Цезаря — использовать политику, особенно внешнюю, для добывания себе денег. Он выступил с необычайной дерзостью, дав возможность бежать сыну Тиграна, которого Помпей поместил под домашний арест в доме одного сенатора. Армянин хорошо заплатил ему, но оскорбление, нанесенное Помпею, было тяжким, и все спрашивали себя, что же в ответ предпримет завоеватель Сирии. Некоторые даже начали надеяться, что вожди народной партии поссорятся между собой.^[38] Но Помпей, желавший мира, не выказал гнева, и трибун продолжал свою политику с еще большей дерзостью, продавая во всех частях империи^[39] царства, привилегии, жречества и становясь тем самым господином Рима.

Защитники Цицерона и Клодий

Какое влияние могли произвести на столь могущественного и дерзкого человека платонические манифестации общественного мнения? Человек, подобный Клодию, не испугался бы, даже если бы богатым классам удалось вовлечь в агитацию средний класс и часть народа. Если бы даже общества откупщиков, коллегии писцов или свободных чиновников республики, большое число муниципий и итальянских колоний и даже некоторые общества рабочих вотировали постановления (мы сказали бы теперь — резолюции) в пользу Цицерона,^[40] то Клодий и тогда выпустил бы свою добычу только после ожесточенной политической борьбы. Друзья Цицерона понимали это так хорошо, что принялись ухаживать за сенатом и Помпеем, самым консервативным и впечатлительным из трех вождей демократической партии. На Красса, не перестававшего быть врагом Цицерона со времени сделанных при заговоре Каталины разоблачений, нельзя было рассчитывать.

Возвращение Квинта

Мало-помалу несправедливость, причиненная одному человеку, вызвала ужасный политический кризис, охвативший все государство. Так как не нашлось ни одного покупателя на землю, на которой стоял дом Цицерона, то Клодий приказал купить ее подставному лицу и, чтобы затруднить ее возвращение прежнему владельцу, предполагал выстроить там портик и маленький храм Свободы.^[41] Со своей стороны друзья Цицерона первого июня внесли в сенат проект — призвать его обратно, а когда Клодий через одного трибуна наложил на него veto,^[42] они ответили на это большой демонстрацией в честь его брата Квинта, возвратившегося из Азии. Они побудили также сенат постановить, что он более не будет рассматривать никаких дел, пока ему не позволят заняться Цицероном.^[43] На выборах они предполагали употребить все усилия, чтобы провести в сенат возможно больше сторонников изгнанника.

Цицерон в изгнании

В это время человек, бывший предметом такой горячей борьбы в Италии, томился и изнывал в Фессалонике.^[44] Все было ему противно, он не имел более вкуса ни к чему, даже к работе, даже к тому, что обыкновенно он всего более любил: к книгам и путешествию. Он не хотел более никого видеть — ни друзей, ни родных. Все свое время он проводил, строя и разрушая надежды на возвращение, осаждая своих друзей письмами, то жалуясь на них всех и сокрушаясь, то умоляя их действовать, оживал духом, но с тем, чтобы снова впасть в отчаяние и снова успокоиться.^[45] Времена изменились, и роль Рутилия Руфа ему не нравилась. Но консерваторы делали все возможное, чтобы обсуждать вопрос о его возвращении так, как если бы он был новый Рутилий Руф, знатная жертва не личной ненависти, прикрытой политическим предлогом, но дерзости всей народной партии. Таким образом они надеялись отомстить за поражения, понесенные в прошлом году. Варрон и другие друзья Цицерона старались не только побудить Помпея предложить изгнаннику возвратиться, но и пытались, пользуясь этим политическим кризисом, заставить его развестись с Юлией и покинуть партию Цезаря.^[46] Вообще политическое положение Италии к половине 58 года было таково, что должно было серьезно заботить Цезаря. К несчастью, сейчас же после войны с гелльветами галльские дела также сложились неожиданным образом.

Собрание всей Галлии

После заключения мира Цезарь одно время мог думать, что маленькая война с гелльветами будет иметь очень великие и благоприятные последствия для интересов Рима. Он видел, что вокруг него, под его председательством и без всякого старания с его стороны собирается почти вся Галлия — concilium totius Galliae. Почти все народы по собственной инициативе отправили к нему депутации. Эти депутации не только принесли Цезарю поздравления, но явились с жалобами на Ариовиста и с просьбой у него помощи против германского царя. Факт был многозначителен. Уже не политическая партия одного народа, как в войне против гелльветов, а вся Галлия без различия партий и национальностей объявляла теперь себя готовой вступить в римскую клиентеллу и обращалась к Риму за помощью в разрешении столь важного вопроса ее национальной политики. Нельзя было больше сомневаться: галльское собрание было доказательством, что война с гелльветами за один месяц подняла престиж Рима в глазах галлов более, чем все переговоры и совещания сената в течение многих лет.

Действительное положение Галлии

Но Цезарь не замедлил заметить, что положение было не так благоприятно, как казалось. Настал

торжественный и решительный момент в истории Галлии и всего мира, когда этот великий галльский совет собрался под председательством представителя Рима. Очень вероятно, что тогда впервые Цезарь обозрел в совокупности политическое положение Галлии и отдал в то же время себе отчет в истинной цели, которую преследовали своим движением гельветы. Этот существенный момент, важность которого до сих пор ускользала от него, свидетельствовал о том, что истинным противником римского влияния в Галлии были не гельветы со своим старым вождем Дивиконом, а Ариовист. Было очевидно, что римский проконсул не может приобрести в Галлии того верховенства, которое позволило бы ему под разными предлогами извлекать много денег из свободных кельтских республик, если он не очистит Галлию от конкурента, явившегося из Германии и игравшего уже ту роль, которой домогался.

Но, представляя себе политическое положение Галлии, Цезарь должен был осознать теперь страшную ошибку, совершенную им нападением на гельветов, на этот мужественный народ, также желавший разбить Ариовиста. Этой несчастной войной он лишил себя союзника, который мог быть ему очень полезен в войне с германским владычеством, и оказал значительную услугу германскому царю, т. е. своему противнику. Он оттолкнул от себя могущественную национальную партию и народные массы всей Галлии, восстановив их против себя и романофильской партии. Он, наконец, скомпрометировал престиж Рима в Галлии и идею войны против Ариовиста, которая была неизбежна, если Цезарь хотел ввести кельтские республики в сферу римского влияния.

Призыв к оружию против германцев

В действительности не из любви к Риму вся Галлия отправила к Цезарю посольство с просьбой о помощи против германского царя. Этот поступок был отчаянным усилием романофильской, консервативной партии использовать к своей выгоде положение, созданное войной против гельветов. Неудача гельветов, бывшая следствием интриг эдуев против Цезаря, возбудила ненависть всего галльского народа против этой партии до такой степени, что последняя поняла, что ей остается только одно средство спасения: немедленно побудить Цезаря ниспровергнуть господство Ариовиста. Если Цезарь остановится после заключения мира, то народ поверит вожакам национальной партии, обвинявшим эдуев и всю аристократическую партию в измене галльскому делу, в сковывании рук Галлии цепями германского владычества остановкой гельветов. Если, напротив, Цезарь отбросит за Рейн свевов, то эта партия могла бы утверждать, что она послужила национальному делу лучше своих противников, и приобрести в победоносном проконсуле прочную поддержку своей власти. Следовательно, не теряя времени, нужно было побудить Цезаря начать эту войну.

Планы на войну

Цезарь не замедлил заметить, что настойчивые и почтительные просьбы галльских представителей имеют вид настоящих требований. Войной с гельветами он уже оттолкнул от себя могущественную национальную партию и народные массы; теперь, если он не уничтожит Ариовиста, романофильская партия сама обратится против него, и он окажется со своей маленькой армией как бы затерянным среди Галлии, ненавидимый всей нацией и без поддержки со стороны какой-либо партии. Как мог бы он долго держаться в Галлии при таких условиях? Война против Ариовиста одна могла дать ему престиж, который ранее он надеялся заслужить войной с гельветами. К несчастью, эта война была не из тех, которые без большой опасности можно было симпровизировать за несколько недель. Речь шла о войне в отдаленной стране без хорошей операционной базы и с небольшой армией в шесть легионов с врагом, возбужденным великими победами и, по слухам, очень многочисленным. Цезарь не мог рассчитывать на лояльную поддержку галльской нации, от которой зависело снабжение продовольствием. В Галлии была целая

партия националистов, желавших видеть гибель Цезаря. То, что произошло в войне с гельветами, показывало, сколь велико было затруднение. Наконец, — и это было особенно опасно в случае неудачи — существовало также препятствие юридического характера: Ариовист в прошлом году был объявлен другом и союзником римского народа, и нельзя было сослаться ни на какой повод к войне.

Дилемма, предстоявшая Цезарю

Цезарь никогда не находился в подобном затруднении. Для него дело шло о риске всем приобретенным в долгой борьбе и всем тем, на что он надеялся в будущем. В случае поражения он не мог бы долго держаться в Галлии, а его положение в Риме было бы безвозвратно погублено. Но со свойственными ему ясностью мышления и быстротой в принятии решений Цезарь понял невозможность избежать этого испытания. Он решил идти навстречу опасности, импровизируя как только мог лучше в этой второй его войне.

Цезарь занимает Безонтион

Прежде всего нужно было найти предлог для нее. Он начал с приглашения Ариовиста посетить его, так как он хотел с ним говорить.^[47] Приглашение было высокомерным, и варвар, естественно, отвечал, что если Цезарь нуждается в нем, то сам может посетить его для желаемого разговора. Цезарь отказался и просил сделать разные уступки эдуям и секванам. Ариовист, уже раздраженный первым приглашением, отказал, и Цезарь объявил тогда, что уполномочен объявить ему войну в силу пресловутого декрета в пользу эдуев. Наученный, однако, предшествующей войной, Цезарь не хотел испытывать по пути недостатка в съестных припасах и опасался измены. Он занял Везонтион (совр. Безансон), самый большой и богатый город секванов, организовал провиантскую службу, о которой должны были заботиться эдуи и секваны, а вместо Думнорига начальником кавалерии назначил Публия Красса, сына Марка. Но когда все казалось готовым, возникло новое затруднение.

Паника и мятеж в Везонтионе

Солдаты, находившиеся под впечатлением кровавой битвы с гельветами и опасностей, испытанных в предшествующую войну, были напуганы рассказами везонтионских жителей и торговцев о германцах и Германии и в последний момент отказались выступить. Как, — говорили они, — будучи столь малочисленными, нападать на такого страшного врага? Как снабжать провиантом армию в неизмеримых лесах и диких пустынях этой непроходимой страны? Страх пробудил в них даже совесть: эта война против царя, объявленного сенатом другом и союзником, несправедлива, и боги не допустят, чтобы она имела счастливый исход.^[48] Цезарь должен был собрать своих офицеров и солдат, опровергать их доводы, предостерегать и возбуждать их самолюбие, объявляя, что, если другие не имеют храбрости, он пойдет один с десятым легионом. Этот-то по крайней мере не боится!

Поражение Ариовиста

На следующий день армия выступила к долине Рейна. После семидневного похода она достигла долины совр. Тура (Тур) и через некоторое время оказалась в виду армии Ариовиста. Цезарь, зная, что Ариовист ожидает подкрепления, попытался тотчас навязать ему битву, но Ариовист в течение многих дней уклонялся, говоря своим солдатам, желая сделать их терпеливее, что пророчицы запрещают сражаться до новолуния.^[49]

В это время он довольствовался тем, что угрожал сообщениям Цезаря с эдуями и секванами, занимал своих солдат кавалерийскими стычками, засадами и вылазками, не вступая в решительный бой. Одна из этих засад, однако, удалась слишком хорошо и едва не окончилась (без сомнения вследствие ошибки Цезаря) взятием одного из двух лагерей, между которыми Цезарь вынужден был разделить свою армию, чтобы облегчить снабжение ее продовольствием.^[50] Неясно, что случилось потом. Может быть, Ариовист понадеялся на свои силы, или он не мог уже более сдерживать солдат, утомленных долгим ожиданием. Достоверно то, что, когда Цезарь на следующий день выстроил своих солдат вне лагеря, Ариовист принял вызов. Правое крыло римской армии разбило линию неприятельского фронта, но левое крыло было не в состоянии выдержать удар и начало уже подаваться, в то время как Цезарь, находившийся на правом фланге, не замечал этого. По счастью, Публий Красс, бывший в стороне вместе с кавалерией, понял опасность и дал приказ третьей линии резерва двинуться на помощь. Опыт войны с гельветами принес пользу: римляне выиграли битву. Ариовист стремительно бежал за Рейн, отказавшись от всех своих претензий на Галлию. Германское владычество в Галлии было сокрушено.

Протекторат над Галлией

Именно эту победу над Ариовистом, а не победу над гельветами нужно рассматривать как первый политический и военный успех Цезаря; успех важный потому, что этой битвой он дал Риму, на известное по крайней мере время, тот род верховенства над отдельными галльскими республиками, которым до сих пор пользовался Ариовист и который мы теперь назвали бы протекторатом. Это верховенство еще нельзя было сравнивать с великими азиатскими завоеваниями Лукулла и Помпея, но оно могло стать в руках Цезаря полезным орудием для наполнения своей собственной кассы и сбора денег с целью воздействия на италийскую политику. Но в данный момент у Цезаря не было времени ни заниматься Галлией, ни как-либо использовать свою победу: он удовольствовался посылкой шести своих легионов под командованием Лабиена на зимние квартиры в область секванов и тотчас же возвратился в цизальпинскую Галлию.

Клодий и возвращение Цицерона

Дела в Риме шли очень плохо. В Италии вовсе не подозревали о важности событий, происходивших в Галлии, и вследствие этого никто ими не интересовался. Все занимались только Цицероном, и интерес к нему все возрастал, по мере того как борьба между его друзьями и Клодием становилась ожесточеннее. Партия Цицерона имела блестящий успех на выборах: оба консула, Публий Корнелий Лентул и Квинт Цецилий Метелл, были расположены к Цицерону так же, как семь преторов из восьми и восемь трибунов из десяти.^[51] Общество, очень довольное, надеялось, что этот результат ускорит желанное возвращение, тем более что Помпей после выборов дал обещание возбудить этот вопрос перед сенатом.^[52] Но Клодий не был человеком, способным так легко падать духом, и зная, как просто напугать Помпея, сенат и весь политический мир, начал в дерзких речах нападать на Помпея. Потом во главе своих банд он стал разгонять все собрания сторонников Цицерона и кончил тем, что вывесил на дверях сената начало своего закона, запрещавшего впредь заниматься этим делом.^[53] Испуганный Помпей, не будучи в состоянии обратиться к Крассу, не желавшему ничего делать, думал просить помощи у Цезаря, но Клодий, наглея все более и более, пригрозил сжечь его дом и убить его самого.^[54] Пользуясь бездеятельностью обоих консулов, он во главе своих банд терроризировал весь Рим. Общество могло протестовать сколько хотело против изгнания Цицерона: политический мир слишком боялся страшного трибуна и был в полной его власти. Помпей кончил тем, что заперся у себя в доме и никуда не выходил.^[55] В сенате никто более не осмеливался внести какое-либо предложение; только один друг Цицерона рискнул на это, да и то очень робко. Чтобы избежать запрещения, вывешенного Клодием на сенатских дверях, Секст попытался

включить вопрос о Цицероне в более общую формулу, где он не был назван,^[56]но из этого ничего не вышло. Клодий, пользуясь растерянностью своих противников, освятил на месте дома Цицерона маленький храм Свободы, поместив туда в качестве статуи богини — по крайней мере так рассказывает Цицерон — статую одной куртизанки из Танагры.^[57]Чтобы приобрести себе расположение народа, он начал раздавать хлеб, покупая его повсюду в Италии и тратя на эти покупки деньги, привезенные Помпеем, которые должны были послужить для приведения в исполнение аграрного закона Цезаря.^[58]

Защита Помпея

Все эти вызывающие действия довели до отчаяния Помпея, который, желая показать Риму, что он, а не Клодий, — правитель республики, решил послать Секста к Цезарю просить его согласия на приглашение Цицерона возвратиться.^[59]Он отвлек от Клодия консула Габиния и побудил его образовать отряд сторонников Цицерона для противодействия бандам Клодия.^[60]Он поручил также восьми народным трибунам предложить 29 октября закон о возвращении Цицерона.^[61]В угоду Помпею трибуны согласились, но в то же время, чтобы не ссориться со своим ужасным товарищем, включили в закон оговорку, совершенно его уничтожавшую, — именно, что ни одна часть их закона не должна решать или отменять вопроса, который другой закон запрещает решать или отменять.^[62]

Клодий обращается к консерваторам

Среди такого беспорядка никого не заботили предприятия Цезаря, и падение германского владычества в Галлии не произвело никакого впечатления. Цезарь понял, что для привлечения к нему италийского общества его победы не послужат и что его участие в возвращении Цицерона принесет ему больше пользы. Поэтому он дал на него свое согласие.^[63]Но этого было еще недостаточно для решения такого запутанного вопроса. Клодий, решившись на крайние средства, чтобы помешать неизбежному, замыслил самый безумный из способов: он пошел против Цезаря и предложил консерваторам аннулировать законы Цезаря, объявляя их недействительными по пресловутым ритуальным мотивам, ранее уже выдвигавшимся Бибулом.^[64]

Результаты трибунства Клодия

Трибунство Клодия закончилось 9 декабря, но его было достаточно, чтобы повергнуть Рим в состояние, близкое к безумию. В демократической партии был раздор: Помпей не доверял Крассу, Красс ненавидел Помпея. Клодий и Помпей были в состоянии открытой войны. Оба консула были несогласны друг с другом; в то время как Пизон оставался другом Клодия, Габиний перешел на сторону Помпея. Общественные дела были совершенно заброшены. Сенат не занимался более никакими делами. Красс ничего не делал. Помпей во все только вмешивался. Аграрный закон Цезаря, за который столько сражались в прошлом году, не был применен. Один только консул Габиний обнаружил некоторую активность, проведя антиплутократический закон, запрещавший италийцам давать деньги взаймы вне Италии, чтобы капитал оставался на полуострове и чтобы уменьшить процент в пользу должников.^[65]Между тем Цицерон все еще оставался в изгнании.

Утверждение закона о возвращении Цицерона

На заседании сената 1 января 57 года наконец рассмотрели вопрос о его возвращении.^[66]Некоторые сенаторы были достаточно смелы, чтобы заявить, что закон Клодия не препятствует возвращению и что, следовательно, нет необходимости в издании нового закона для отмены старого. А раз закон не имеет

силы запрета сам по себе, то достаточно просто пригласить Цицерона возвратиться. Но Помпей, более благоразумный, обеспечил перевес мнению, что лучше не становиться в оппозицию к комициям из-за юридических пустяков и что следует добиться утверждения закона.^[67] Поскольку дело было в неважной формальности, ожидалось, что закон будет утвержден без труда. Но не подумали об упорстве Клодия. Когда 25 января 57 года закон о возвращении Цицерона был внесен в комиции для обсуждения, Клодий, хотя и был теперь только простым гражданином, явился во главе своих банд воспрепятствовать его утверждению. Схватка была столь ожесточенной, что весь форум был залит кровью. После битвы нужно было его мыть губками.^[68]

II

Присоединение Галлии

Голод в Риме

Положение в Риме стало критическим. Голод, начавшийся зимой 58–57 годов, увеличивал беспорядок. Огромные покупки, сделанные Клодием в предшествующий год, и его безумные раздачи, вероятно, были причиной этого голода наряду с внутренними беспорядками, устрашавшими купцов и парализовавшими магистратов. По крайней мере факт: враги прежнего трибуна, желавшие отнять у него заведование продовольствием города, сделали его ответственным за него. [\[69\]](#)

Военные планы галльских националистов

Но хотя затруднения возрастали, Цезарь не мог так следить за италийскими делами, как он хотел бы. Он должен был тотчас возвратиться в Галлию, откуда Лабиен присылал ему малоуспокоительные известия. Победы над Ариовистом было недостаточно, чтобы загладить ошибку, которую сделал Цезарь, начав войну с гельветами, и последствия этой ошибки давали себя чувствовать. Национальная партия, ненавидевшая Цезаря, не доверяла неоднократным его уверениям в уважении к галльской свободе и готовила новую войну. План был тот же самый, что и план войны с Ариовистом. Речь шла о том, чтобы поднять против Цезаря и Рима другой варварский и воинственный народ, подобный гельветам. Это были белги, т. е. все смешанное население из кельтов и германцев, жившее между Рейном, Шельдой, Сенной и океаном.

Цезарь решает напасть на белгов

Когда Лабиен извещал Цезаря, план этой войны, без сомнения, едва был намечен, но угроза, хотя и отдаленная, все же должна была сильно заботить проконсула, доказывая ему, что если он не хочет отвести свои легионы назад в нарбонскую Галлию и отказаться от вмешательства в галльские дела, то ему придется выдержать новую борьбу. С другой стороны, умеренное впечатление, произведенное в Риме его победой над Ариовистом, побуждало его предпринять нечто более значительное, о чем заговорили бы. Поэтому Цезарь решил оставить Помпея, Красса, Клодия и Цицерона разбираться между собой и еще зимой возвратиться в Галлию, чтобы подготовить там мощный удар, который бы поразил Галлию и Италию, подобно ударам Лукулла на Востоке. Он решил предупредить нападение белгов, напав на них сам, и прежде чем они закончат свои приготовления, перенести войну на их территорию. Страна была отдаленна, Цезарь ее совершенно не знал; [\[70\]](#) враг считался очень опасным по причине его силы, которая была хорошо известна в южной Галлии, и его многочисленности, которой никто точно не знал, но которую считали очевидной.

Речь шла, следовательно, весьма вероятно, об очень серьезной войне. Но Цезарь не колебался. Ему было необходимо блестящими успехами утвердить свое влияние в Италии.

Цезарь выступает против белгов

Наученный, однако, опасностями, испытанными в предшествующий год в войне против Ариовиста, он на этот раз хотел быть предусмотрительнее и лучше подготовиться. Не будучи в состоянии точно сосчитать

силы своих врагов, Цезарь начал с увеличения своих легионов. Он послал агентов в Африку, на Крит, на Балеарские острова для набора там стрелков и пращников. В цизальпинской Галлии он набрал два новых легиона, отправил их в Галлию под начальством Квинта Педия и скоро последовал за ними, присоединившись к армии в теперешнем Франш-Контэ. Отсюда, предусмотрительно заботясь о своем продовольствии, он за пятнадцать дней быстрым маршем дошел до неприятельской территории и своим внезапным появлением привел ремов к покорности. Этот первый успех был очень важен, потому что ремы могли дать ему более точные указания о силах врагов. Ответы на его расспросы были малоуспокоительны. По сведениям ремов, белги могли выставить 350 000 человек. Цезарь не имел средств проверить их правдивость или определить, насколько искренни были ремы, уверяя его в своей дружбе. Во всяком случае, точны были эти указания или нет, приходилось быть осторожным. Поэтому он заставил ремов дать ему заложников и убедил эдуев вторгнуться в область белловаков, самого могущественного из бельгийских народов, чтобы отвлечь их от коалиции, в то время как сам он построил на Аксоне (совр. Aisne) сильное укрепление у моста, где поместил шесть когорт под начальством Квинта Титурия Сабина и расположил лагерь на правом берегу реки. На этой сильно укрепленной позиции он ожидал со своими восемью легионами приближающихся белгов. Когда белги приблизились, Цезарь не тотчас начал сражение; он хотел раньше изучить врага и его тактику и тщательно приготовить поле для битвы, приказав вырыть и укрепить два больших рва в 400 футов длиной, между которыми построил свою армию, защитив ее таким образом от атак с флангов. Дивикон научил его быть осторожным. Но это были бесполезные работы. Враги были не столь наивны, чтобы войти между двух рвов, атакуя легионы с фронта; и всякий день они строились в боевой порядок по ту сторону маленького болота, подобно римлянам, ожидая нападения.

Распадение коалиции белгов

В таком выжидании прошло много дней без всяких решительных действий, как вдруг Цезарь узнал от Титурия, что белги, перейдя реку вброд несколько ниже лагеря, пытаются обойти позицию, чтобы нарушить сообщение Цезаря с Галлией. Цезарь поспешно выступил с кавалерией, стрелками, пращниками, перешел мост и прибыл в тот момент, когда враги начали переходить реку вброд; он тотчас же напал на них в русле реки. Схватка была непродолжительна; белги отступили после слабого сопротивления. Изумленный этим отступлением, которое, по его мнению, не оправдывалось понесенными врагом потерями, и опасаясь военной хитрости, Цезарь приказал весь день наблюдать за берегами реки, но вечером, когда он начал успокаиваться, видя, что все тихо, он получил известие, еще более удивительное, чем дневные события: вся армия белгов начала отступление. Возможно ли было это после одной только стычки? Охваченный тревогой, Цезарь всю ночь продержал свою армию в лагере. Только на следующий день, получив подтверждение известия, он послал по следам врагов три легиона под начальством Лабиена и кавалерию под начальством Квинта Педия и Луция Аврункулея Котты. Он скоро узнал причину отступления, окончившего после короткой аванпостной стычки эту войну, которая, как он ожидал, будет страшной. Белловаки, узнав несколько дней тому назад, что эдуи вторглись на их территорию, предпочли возвратиться для защиты своих очагов; они еще попытались до своего ухода провести атаку, но, когда она была отбита, а в съестных припасах стал чувствоваться недостаток, они ушли, увлекая за собой и все другие племена. Каждое племя возвратилось в свою страну, великая коалиция распалась.

Сражение с нервиями

Цезарь понял, что, быстро использовав этот момент, он может легко покорить все эти народы один за другим. Тотчас, не выжидая более, он вторгся на территорию сусессионов, захватил их в тот момент, когда они только что возвратились из своей экспедиции, и легко принудил их к покорности. Потом он столь же

легко покорил амбианов и с еще большей быстротой и смелостью устремился на территорию нервиев. Последние были самыми воинственными и дикими из всех белгов; дикими до такой степени, что изгоняли из своей полупустынной страны всех иностранных купцов из Греции и Италии, привозивших им на продажу вино, этот коварный напиток, обессиливавший душу и ослаблявший тело. Хитрые и смелые нервии, соединившись с атребатами и веромандуями, однажды вечером захватили врасплох в лесу римскую армию, располагавшуюся на ночь лагерем. Битва была ужасна. Цезарь сам принужден был сражаться как простой солдат, и если бы римские воины не приобрели за два предшествовавших года умения сражаться сами, не ожидая приказа офицеров, то вся армия была бы уничтожена. Когда нервии сдались, под оружием остались только адуатуки. Они, узнав о поражении нервиев, сожгли свои деревни и укрылись в крепости, расположенной, как думают, на том месте, где теперь находится Намюр. Цезарь осадил ее, и, когда спустя несколько дней ему предложили сдать город, он принял предложение при обычном условии сдачи оружия. Целый день осажденные выносили за ограду и бросали в рвы оружие, но при наступлении ночи они взяли другое, заранее спрятанное, и напали на римлян. Атака была отражена, город взят, и все осажденные, которых, по сведениям Цезаря, было до 53 000, были проданы в рабство следовавшим за армией купцам.[\[71\]](#)

Действие этих побед на Галлию

Этими победами, одержанными над столькими варварскими и внушавшими страх народами, Цезарь поразил удивлением всю Галлию, принудил ее признать римское господство и взял огромную добычу. Кроме проданных пленников ему удалось найти у этих варваров значительное количество драгоценных металлов. Но имели ли эти победы такой же громкий отголосок в Италии, как в Галлии? Этот вопрос в данный момент более всего интересовал Цезаря.

Милон и Клодий

Известия, приходившие из Рима, заставляли бояться катастрофы демократического правительства. Цицерон возвратился принятый всей Италией с явным энтузиазмом, но закон Клодия был отменен только тогда, когда Помпей нашел среди народных трибунов 57 года человека, способного не отступить перед страшным демагогом. Это был некто Тит Анний Милон,[\[72\]](#) знатный честолюбец, запутавшийся в долгах, безрассудный и наглый, подобно Клодию. Под защитой трибунской неприкосновенности и соблазненный обещанием консульства, Милон набрал банду гладиаторов и сикариев,[\[73\]](#) благодаря которой посреди кровавых свалок Помпей мог провести 4 августа [\[74\]](#) закон, возвращавший Цицерона и постановлявший дать ему вознаграждение за понесенные убытки.

Новое назначение Помпея

Но мир еще не возвратился в республику. Консервативная партия и Помпей вступили в согласие, чтобы, пользуясь голодом, устранить Клодия от влияния на продовольственное дело. Цицерон добился от сената закона, дававшего Помпею на пять лет высший надзор за всеми портами и всеми рынками империи с правом назначить пятнадцать легатов для снабжения Рима хлебом.[\[75\]](#) Но эта мера снова вызвала бурю, на мгновение утихнувшую после возвращения Цицерона. Клодий из мести попытался возмутить народ против Помпея, распространив слух, что это он создал голод, чтобы заставить назначить себя царем Рима. Он выставил свою кандидатуру в эдилы на следующий год и старался при помощи дружественных трибунов воспрепятствовать тому, чтобы Цицерон был вознагражден за разрушение своего дома.[\[76\]](#) Наконец, при выборах на 56 год он заручился поддержкой консерваторов, обеспечив им при

помощи своих банд все преторские места и оба консульских.^[77]

Помпей и Птолемей

Союз между демагогом и консерваторами был заключен официально, и Помпей был этим так обеспокоен, что, страшась успехов поддерживаемого консерваторами Клодия, по соглашению с Милоном отложил выборы эдилов.^[78] Как будто бы недостаточно было этих затруднений: в Рим прибыл Птолемей Авлет, изгнанный из Египта народной революцией. Он заявил своим кредиторам, что если они хотят получить свои деньги, то должны помочь ему снова приобрести свое царство. Помпей, желавший хорошо выполнить свою продовольственную миссию, был в дружбе с царем, владельцем самой плодородной житницы Средиземного моря.

Он принял его в своем дворце и старался прийти к нему на помощь, но ни сенат, ни общество не интересовались судьбой царя.^[79] В сущности, если консервативная партия была слаба и стара, то народная партия, несмотря на свою энергию, рисковала разложиться в течение нескольких лет, ибо за исключением нескольких замечательных вождей состояла из авантюристов, воров, насильников и безумцев.

Рано или поздно консервативная партия, бывшая более богатой и насчитывавшая в своих рядах очень большое число уважаемых лиц, вернулась бы к власти, уничтожила бы Iex Julia и отомстила бы триумвирам, но особенно Цезарю.

Мысль о присоединении Галлии

Нужно было поэтому, чтобы Цезарь, находясь в Галлии, каким-нибудь смелым ударом остановил это быстрое разложение. Положение было критическим, потому что гибель его партии могла произойти каждую минуту. И тогда посреди затруднений, окружавших его, по-видимому, со всех сторон, этот сдержанный и гениальный человек, полный веры в себя, задумал такую безрассудную вещь, которая, как безумие, должна была испугать сторонников традиционной римской политики. Он хотел стать для Галлии тем же, чем Лукулл был для Понта, а Помпей для Сирии: объявить ее вплоть до Рейна римской провинцией. Рим не видал еще подобной смелости. Галлия была в два раза больше Италии: в ней было много государств, могущественная знать, влиятельные жрецы, свои собственные нравы и традиции; она имела по крайней мере, как теперь думают, население от 4 до 5 миллионов жителей,^[80] которое не было истощено и ослаблено, подобно восточным народам; часть его даже жила исключительно войной.

Задача протектората

Подчинить римскому владычеству за один день столько народов, изменить политические и национальные основы их существования — это было огромное предприятие. Даже не разделяя беспокойства робких дипломатов, не желавших ни завоевать Египет, ни принять его в дар, серьезные люди могли спросить себя, не превышает ли эта задача силы республики. Но слишком много мотивов побуждало Цезаря усвоить отважные и дерзкие методы новой империалистической школы Лукулла. Он, без сомнения, думал, что после войны с гелльетами национальная партия слишком ненавидит его, чтобы принять, пока он остается в Галлии, тот протекторат, который самая умеренная партия в Риме после побед Цезаря рассматривала как справедливый и необходимый и от которого он сам никоим образом не мог отказаться. Эта партия, напротив, воспользовалась бы полунезависимостью нации, чтобы возбуждать мятежи и создавать затруднения Риму, который мог бы выйти из них или полным отступлением или присоединением страны. Такова, впрочем, история всех протекторатов, и рано или поздно это должно было случиться и в Галлии, где национальное сопротивление было так сильно. Из благоразумия можно

было ускорить то, что казалось неизбежным, воспользовавшись впечатлением, произведенным победой над белгами.

Положение дел в Италии

С точки зрения италийской политики мотивы присоединения были еще более настоятельны. Цезарь понимал, что он сделается господином положения в Италии и спасет свою партию, только нанеся удар, который изумил бы всех. Победы над белгами было еще недостаточно, как и победы над Ариовистом. Нужно было быть в состоянии возвестить нечто большее, а именно: что древние страшные враги Рима после двух лет тяжелых войн покорены; что завоевание кельтских стран, начатое первым великим человеком римской демократии Гаем Фламинием, окончено через полтора столетия Гаем Юлием Цезарем; что Империя приобрела новую многолюдную, богатую и плодородную территорию, столь же обширную, как провинции, завоеванные на Востоке Лукуллом и Помпеем. Правда, это завоевание в значительной мере было еще воображаемым. Ни Аквитания, ни свободная часть южной Галлии до сих пор еще не видали ни римского солдата, ни римского магистрата. Масса народов центральной и западной Галлии была еще не покорена, масса покорилась только по видимости; многие другие, и между ними самые богатые и самые могущественные — секваны, эдуи, лингоны, дружественно принимали римского полководца только в качестве могущественного союзника, не выказывая никакого желания принять римское владычество. Но в Риме непосредственный успех, даже полученный средствами, полными отдаленных опасностей, был высшим законом для партий. И, раз отдавшись этой борьбе, где партии принуждены были морочить публику грубым шарлатанством, Цезарь, бывший самым умным из всех, пришел к мысли о самом безрассудном из этих средств, самом великом из этих шарлатанств.

Объявление аннексии

Чтобы немного скрасить ожидание, он послал Публия Красса с одним легионом в западную Галлию принять там формальную покорность мелких народов, живших между Сенной и Луарой. Он отправил Сервия Сульпиция Гальбу с одним легионом в верхний Валлис к Большому Сен-Готарду, чтобы покорить народы, которые заставляли платить слишком высокие таможенные пошлины, и открыть италийским купцам новый завоеванный им рынок. Оставив другие легионы зимовать в областях карнутов, андов и туронов, сам он возвратился в цизальпинскую Галлию, приказав всюду возвещать великую новость: сенат может назначить в римскую провинцию десять комиссаров, чтобы подготовить новые завоевания. Он думал, что захваченная таким образом врасплох Галлия останется спокойной по крайней мере до весны, а зимой, когда вся Италия будет радоваться присоединению огромной страны, у него будет время для реорганизации своей партии.

Цезарь как создатель современной Европы

Таким образом, римское завоевание Галлии было, по первоначальному плану Цезаря, частью результатом невольной ошибки, войны против гельветов, принудившей его идти далее, чем он сначала намеревался, частью избирательным маневром, предпринятым с целью в известный момент произвести впечатление на сенат, политиков и избирателей Италии, а частью — роковым и невольным следствием той демократической революции, которую Цезарь совершил во время своего консульства. Однако в этот момент он думал только нанести удар римской консервативной партии. Он был действительно «роковым человеком» европейской истории, бессознательным орудием, которым пользовалась судьба для великого дела. Своим объявлением об аннексии он бессознательно начинал страшную и кровавую борьбу,

окончившуюся падением или истреблением старой галльской аристократии. А с уничтожением этой знати, хранительницы древних кельтских традиций, исчезли и эти традиции. Новые классы, ставшие на место знати, приняли греко-латинскую цивилизацию, через Галлию проникшую внутрь Европейского континента.[\[81\]](#)

Энтузиазм в Италии

Но тогда Цезарь не имел другой мысли, как снова обрести в Риме почву, потерянную по вине его сторонников. И это вполне ему удалось.[\[82\]](#)Завоевание Галлии произвело, как он и предвидел, глубокое впечатление во всей Италии. Народ, средний класс, всадники, ученые, державшаяся обычно в стороне от политической борьбы буржуазия — одним словом, все возгордились таким завоеванием, думая, что оно принесет такие же прекрасные плоды, как и восточные войны, и были охвачены одним из тех кратких, но сильных приступов энтузиазма, которые периодически волнуют массы. Римский народ послал депутацию из сенаторов к Цезарю в цизальпинскую Галлию для поздравления.[\[83\]](#) Многие политики, начавшие в прошлом году сурово осуждать Цезаря и его поведение, сделались его поклонниками и поспешили разыскать его в Провинции.[\[84\]](#) Сенат, уступая общественному мнению, постановил проводить молебны в течение пятнадцати дней, самый длинный из всех молебнов, проводимых до тех пор.[\[85\]](#) Возбуждение, опережающее при всех великих свершениях разум, здравый смысл и мудрость, охватило зимой 57–56 годов легковерную Италию. Очень немногие сомневались, что Галлия действительно завоевана.

Жизнь и характер Цезаря в Галлии

Цезарь сумел сейчас же использовать этот энтузиазм. Во время первых его войн он очень много находился на открытом воздухе, много занимался физическими упражнениями и вынужденно вел умеренную лагерную жизнь. Он заметил, что его нежное сложение противостоит этим грубым условиям лучше, чем он прежде думал,[\[86\]](#) что эти тяжелые труды для него полезнее удовольствий, праздников и тревог политической жизни в Риме. Кажется, что эпилепсия, мучившая его во время управления Испанией, в эти годы немного отпустила.[\[87\]](#) Он открыл в себе качество, даже у выдающихся людей являющееся уделом немногих: укрепление силы духа в работе, божественную живость в мысли и в деле, страсть распространять свою энергию на все более обширное пространство проектов и дел, благодаря которым телесные и душевные силы, ясность и быстрота ума, гибкость и плодovitость воображения увеличиваются, по мере того как совершаемое дело принимает все больший размах. Таким образом, вернувшись после тяжелой кампании из Бельгии в цизальпинскую Галлию, он не отдыхал, а разъезжал по провинции, проводил суды, созывал собрания знати, путешествовал день и ночь, выслушивал комиссии, заботился о жалобах, разбирал процессы, принимал приглашения, получал донесения от своих генералов из Галлии; заказывал итальяским купцам оружие, лошадей и одежды; набирал солдат; всякий день получал из Рима обширную корреспонденцию; диктовал большое число ответов; читал литературные новинки и хронику общественных и частных римских событий; принимал бесконечное множество почитателей, попрошайек и друзей, являвшихся к нему из Рима.[\[88\]](#) Бодрость, рождавшаяся от сознания собственной силы, слава, которую доставила ему блестящая победа над белгами, успех присоединения Галлии возбуждали его пыл и отвагу.

Скандал с египетским посольством

Занимаясь массой дел, Цезарь главное внимание уделял восстановлению того триумvirата, который он основал в 59 году и который в последние месяцы 57 года и в первые месяцы 56 года шел к гибели,

особенно из-за египетского скандала. Кредиторы Птолемея, главным образом богатый банкир Гай Рабирий Постум, снова дали царю денег [89] и с помощью интриг добились того, что консулу Лентулу было поручено восстановить его на престоле при помощи киликийской армии. [90] Но консервативная партия, всегда противившаяся египетскому предприятию, заставила, конечно, благодаря долгим интригам найти в Сивиллиных книгах указание, согласно которому, если египетский царь попросит о помощи, ему следует помочь, но без посылки армии. Так как большинство сенаторов не смело открыто противиться такому популярному суеверию, как Сивиллины оракулы, то декрет, поручавший Лентулу восстановить Птолемея, был снова подвергнут обсуждению. Со всеми этими противоречиями дело принимало комический оборот. Но скоро оно стало и трагическим. С некоторого времени узнали, что из Александрии в Рим отправляется посольство из ста знатных лиц с целью предоставить обвинения против Птолемея и объяснить сенату истинное положение дел. Но напрасно неделю за неделей ожидали послов. Это замедление сперва объясняли разными причинами, но скоро в Риме распространился поразительный слух. Говорили, что Птолемей приказал убить послов одного за другим на дорогах Италии и что сикарии получали свою плату в доме Помпея. Консервативная партия энергично протестовала. Фавоний требовал расследования, обещал привести главу посольства, некоего Диона, избегнувшего опасности и жившего в Риме в доме Лукция. Но раньше, чем он это сделал, Дион в свою очередь исчез, и стали говорить, что и он убит. [91] Во время этого скандала народную партию постигли и другие неудачи. Общественная казна была пуста. [92]

Новая ссора Красса и Помпея

Катон возвращался с сокровищами и рабами кипрского царя, и старая ссора между Крассом и Помпеем начиналась снова. Красс, все еще желавший быть посланным в Египет, тайно работал против Помпея, а Помпей, скучающий и утомленный, не показывался более в сенате и обвинял Красса, что тот нанимает Клодия убить его. [93] Наконец после долгих обсуждений сенат в начале января 56 года решил, что Птолемей будет восстановлен на царстве римским магистратом без армии. Красс хотел получить это поручение, Лентул — также, что касается Помпея, то он ничего не делал и не говорил явно, но за него работали его друзья.

Процесс Милона

Борьба возобновилась. Без всякого решения прошло время до 15 января, и заседания сената были прерваны, чтобы провести отложенные до этого времени выборы эдилов. На этот раз Клодий с помощью консерваторов одержал победу и над Ватинием и сразу после выборов имел наглость обвинить Милона, протеже Помпея, в насилии. Этот процесс превзошел все, что видели в Риме в этом роде. Помпей выступил на защиту Милона, но, как только он поднялся, банда Клодия начала свистать и кричать, и в течение всей речи были слышны только крики, вопли и оскорбления. Никто ничего не слышал. Когда он закончил, начал говорить Клодий, но тогда сторонники Помпея устроили ему подобный же прием, и в продолжение двух часов на него лился целый дождь самых страшных обвинений в стихах и в прозе. Смятение было ужасным, но внезапно в момент затишья Клодий встал и закричал в сторону своих сторонников: «Кто морит вас голодом?» И его банда хором отвечала: «Помпей, Помпей!» Клодий продолжал: «Кто хотел бы отправиться в Египет?» Опять получил ответ: «Помпей, Помпей!» — «Кого следует послать?» — «Красса!» [94] Заседание пришлось прервать, и Помпей возвратился домой взбешенный. Милон был оправдан, но Секст Клодий, клиент Клодия, которого Милон обвинял в насилии, также был оправдан, потому что все сенаторы, заседавшие в суде, голосовали за него. [95]

Аграрный закон Цезаря в сенате

С этих пор консерваторы открыто стали покровительствовать Клодию — лишь бы ниспровергнуть триумвират. Они так осмелели, что, когда некоторое время спустя в сенате обсуждался вопрос о сорока миллионах сестерциев, необходимых для покупки хлеба, многие сенаторы жаловались в резких выражениях («Можно было подумать, — говорит Цицерон, — что находишься на народной сходке»), что аграрный закон Цезаря угрожает отнять у государства доход с Кампанской области. К счастью, закон еще не был приведен в исполнение, и они спрашивали, нельзя ли его отменить.^[96] Цицерон предложил обсудить этот вопрос 15 мая.^[97] Триумвирам поэтому нельзя было терять времени. Красс поехал к Цезарю в Равенну, а Помпей отправился в Сардинию и Африку за хлебом.^[98] Цезарь назначил им обоим свидание в Луке. Он уже думал о новой смелой политике, которая должна была спасти от угрожающего распада триумвират и демократическую партию, и торопился предложить ее на обсуждение своих коллег.

III

Демократический империализм Цезаря

Перемены в жизни Италии

Завоевание Галлии произвело огромное впечатление в Италии, потому что было совершено в критический момент ее истории. Цезарь действительно был счастлив в своем предприятии. Мы видели, что в развитии древней Италии империализм сыграл роль, подобную индустриальному движению в современном мире; и было неизбежным, что положение, занятое обществом по отношению к политике расширения владений, должно было внести некоторое изменение в конфликт между старым и новым социальным строем. Присоединение Галлии совпало с возобновлением великой борьбы между старыми итальянскими традициями и сладострастной, художественной, ученой и испорченной восточной цивилизацией.

Старый латинский дух

Древний латинский дух не умирал, он еще встречался во многих фамилиях, несмотря на свое богатство или зажиточность остававшихся верными тому, что было прекрасного и полезного в древней простоте.^[99] Он еще с силой боролся против новых нравов, стараясь опереться не только на священные воспоминания прошлого, но и на некоторые восточные философские системы. Много читали Аристотеля, боровшегося, как с самыми губительными бичами республик,^[100] с роскошью, возрастанием потребностей, торговой жадностью.

«Antiquitates rerum divinarum humanarumque» Варрона

Варрон написал свой прекрасный трактат о гражданских и религиозных древностях, чтобы, используя свою эрудицию, восстановить самую почтенную часть прошлого.

Неопифагорейцы

В этот же самый момент мистико-моральная секта, возникшая в начале столетия в Александрии и получившая имя неопифагорейцев, работала над распространением в итальянском обществе книг о нравственности, приписывавшихся самому Пифагору, в которых прославлялись все добродетели, исчезавшие в высших классах Италии: благочестие, почтение к предкам, благородство, умеренность, правосудие, тщательное рассмотрение всякий вечер всего совершенного за день.^[101]

Капиталистическая деморализация

Однако, несмотря на столько усилий, влияние Востока с его пороками и роскошью наводняло Италию, подобно весеннему потоку, увеличивающемуся от таяния снегов. Завоевания Помпея, увеличение государственных доходов, изобилие капиталов и благосостояние, бывшее после кризиса 66–63 годов результатом этих завоеваний, снова опьянили демократию, госпожу Империи. Италия была более не амазонкой или Минервой мира, но вакханкой: Афродита и Дионис с толпой менад захватили Рим, проходя

по нему днем и ночью в бешеных и необузданных процессиях, приглашая на праздники и разврат мужчин и женщин, патрициев и вольноотпущенников, рабов и граждан, богатых и бедных. Банкеты рабочих обществ и избирательных коллегий были так часты, так многолюдны и так великолепны, что с каждым мгновением поднимали цену в Риме на съестные припасы.[\[102\]](#) Хотя республика покупала хлеб повсюду, в Риме постоянно чувствовался в нем недостаток. Владельцы пригородных садов, скотоводы, бесчисленные городские трактирщики и виноторговцы богатели. Еврисак, самый крупный булочник Рима, темный вольноотпущенник, владевший огромной пекарней и большим количеством рабов, составил себе, скупив поставки для государства и, может быть, на все крупные народные и политические банкеты, такое большое состояние, что оно позволило в один прекрасный день поставить в качестве памятника ему то странное надгробие в виде печи, которое еще почти целое поднимается возле Porta Maggiore.

Первый каменный театр

Везде в Италии строили дворцы, виллы и фермы и покупали рабов; частная и общественная роскошь продолжала увеличиваться. После Галлии, тех выгод, предприятий и празднеств, которые должно было принести новое завоевание, жадную до новшеств публику всего более интересовал театр Помпея, первый большой каменный театр, который строили греческие архитекторы на том месте, где теперь находится Campo dei Fiori и прилежащие улицы. Гражданин кончил тем, что осмелился возмутиться против бессмысленного запрета, наложенного в течение веков строгим пуританизмом старых времен и запрещавшего в Риме строить каменные театры. Постройка этого театра была, таким образом, делом революционным. Помпей, правда, даже в этом случае хотел щадить поклонников традиций. Он предполагал остаться в согласии с законом, приказав построить на вершине амфитеатра храм Венеры, так что скамьи зрителей могли рассматриваться как огромная лестница, ведущая к маленькому храму. Но Помпей был человеком, который всегда страшился своих успехов. Он не сомневался, что для большинства римлян постройка этого театра дороже завоевания Сирии.

Зрелища, устраиваемые политическими деятелями

Однако в ожидании этого большого каменного театра честолюбцы тратили бешеные суммы, давая народу во временных деревянных театрах зрелища, продолжавшиеся по несколько недель, нанимая гладиаторов, музыкантов, танцоров и мимов; покупая повсюду львов, пантер, тигров, слонов, обезьян, крокодилов, носорогов, которых показывали и заставляли сражаться.[\[103\]](#) Все правители Азии и Африки принуждены были сделаться поставщиками диких зверей для своих римских друзей.[\[104\]](#) Сквавр, давая в 58 году эдильские игры, истратил почти все доходы от своих восточных имений, чтобы украсить тремя тысячами статуй, чудными картинами из Сициона и тремястами прекрасных мраморных колонн деревянный театр, вмещавший 80 000 зрителей и существовавший всего один месяц.

Жизнь высших классов

Высшие классы, знать и богачи жили в необузданном разврате, банкетах, оргиях, ночных праздниках или в столице или в своих поместьях и на дачах.[\[105\]](#) Смешение старой аристократии и богатой буржуазии всаднического сословия наконец произошло, но оно произошло в пороках и наслаждениях. Во главе Империи находились уже не военная аристократия и могущественный класс капиталистов, а маленькая, циничная и скептическая клика, друзья удовольствий и наук, праздников и остроумия.

Римские женщины

Жены разоряли своих мужей и искали любовников, достаточно богатых, чтобы дарить им драгоценные ткани, пышные носилки, красивых, хорошо причесанных и одетых рабов, а особенно жемчуга и драгоценные камни, столь же великолепные, как камни Митридата, на которые они бегали смотреть в храм Юпитера Капитолийского, где Помпей выставил их.[\[106\]](#)Что касается их мужей, то лучшим считался тот, у кого были лучший погреб греческих вин, самые искусные повара, самые пышные виллы, самая большая библиотека, самая модная любовница и самые редкие и ценные произведения скульптуры и золотые вещи.

Молодое поколение

Хуже всего было молодое поколение, циничное, сладострастное, легкомысленное, не уважающее никакого авторитета, ни богов, ни родителей, нетерпеливое в достижении удачи и богатства без всяких трудов.[\[107\]](#)Об этой молодежи можно судить по пяти молодым людям, заставлявшим тогда говорить о себе. Это были: Марк Антоний, внук великого оратора и сын претора, так неудачно воевавшего в 74 году с пиратами; Гай Скрибоний Курион, сын знаменитого консерватора, бывшего в 79 году консулом и совершившего экспедицию во Фракию; Гай Саллюстий Крисп, сын богатого собственника из Амитерна; Марк Целий, сын крупного банкира из Путеол, и, наконец, Катулл.

Антоний и Курион, которых злые языки называли мужем и женой, наделали вместе столько долгов и столько глупостей, что Курион был принужден своим отцом покинуть Антония, а Антоний, преследуемый своими кредиторами, бежал в Грецию и сделал вид, что занялся науками, но скоро соскучился и отправился к Габинию, принявшему его в число своих кавалерийских офицеров.[\[108\]](#)Саллюстий, очень умный, получивший хорошее образование и значительное состояние, разорился на женщин; друзья называли его «счастливец» за его постоянные любовные успехи. Еще очень молодой, Целий был горячим поклонником Катилины; избегнув преследований, он в числе прочих сделался любовником Клодии, окончательно разорившей его и обвинившей затем в соучастии в убийстве александрийских послов, ехавших в Рим для обвинения перед сенатом Птолемея Авлета.[\[109\]](#)

Катулл и его корабль

Катулл, преследуемый своими кредиторами, поссорившийся из-за своей расточительности со своим отцом, глубоко опечаленный изменами Клодии и смертью одного из своих братьев, погибшего в Азии, отправился в Вифинию в свите претора Гая Меммия в надежде забыть свою скорбь и немного пополнить свой кошелек. Он, однако, не замедлил почувствовать тоску по Риму[\[110\]](#)и скоро задумал вернуться туда, но не как все, на простом торговом судне, а как восточный царь на элегантном маленьком увеселительном корабле,[\[111\]](#)который купил с экипажем в одном из портов Черного моря, вероятно, в Амастриде. Скоро, когда нежные весенние зефиры начали волновать своими сладострастными ласками лазурные волны Средиземного моря,[\[112\]](#)он сел на него в Никее,[\[113\]](#)оплакав в Троаде покидаемый прах своего брата.[\[114\]](#)Затем он спокойно проплыл вдоль берегов Малой Азии, пересек Киклады, поплыл вдоль берегов Греции и, наконец, по Адриатическому морю прибыл к устью По, поднялся по реке и по суше перетащил свой корабль в Гардское озеро.[\[115\]](#)

Истощение восточных провинций

Ободренная благосостоянием, которое все считали вечным, Италия теряла чувство справедливого и несправедливого, истинного и ложного, мудрости и безумия и смело устремлялась в будущее, не имея другой цели, как идти все далее, какой бы то ни было ценой. Но это благосостояние было только

кажущимся. Издержки повсюду возрастали, а доходы не увеличивались в такой же пропорции. Финансовая эксплуатация провинций, самый изобильный источник богатства со времен Гракхов, была готова иссякнуть. По мере его истощения Италии приходилось жить только на политическую и военную эксплуатацию провинций. Это — один из существенных фактов десятилетия, следовавшего за консульством Цезаря, и он объясняет нам как популярность, какой пользовалась в данный момент цезарская политика демократического империализма, так и ужасный кризис, каковой со временем она должна была породить. В последние двадцать пять лет Азия и Греция, приносившие италийским финансистам после завоеваний Суллы гораздо меньше доходов, чем раньше, совершенно истощились. С этих пор стало невозможным за несколько лет сколотить на Востоке крупное состояние, потому что все богатства, которые можно было с большей выгодой перевезти в Италию или эксплуатировать на месте, уже были во власти италийских финансистов. Новые завоевания, Понт и Сирия, уже ранее истощенные долгими войнами, не приносили капиталистам особенно больших доходов.

Исчезновение крупных капиталистов

Крупные капиталы улетучивались из этих предприятий. Сыновья, племянники, внуки всадников, собравших миллионы за полустолетие, последовавшее за смертью Гая Гракха, подобно Аттику, мирно пользовались в Италии унаследованными ими богатствами, занимались политикой, делами, наукой, удовольствиями. Последние остатки древнего азиатского богатства были захвачены теперь толпой мелких ростовщиков, оперировавших скромными капиталами. Таким образом, почти исчез тот класс крупных, очень богатых, образованных и влиятельных финансистов, который образовывал главную политическую силу в период от Гракхов до Суллы. Сперва он был ослаблен убийствами и конфискациями Мария и Суллы, затем в последние двадцать пять лет обессилел от недостатка крупных дел и от желания наслаждаться богатством, всегда появляющегося у сыновей тех, которые его собрали. Наконец, он отчасти смешался с политической знатью и уступил свое место той темной толпе невежественных финансистов, которая могла пользоваться лишь очень умеренным влиянием.

Антикапиталистическое настроение

Политическое могущество крупных финансистов, так сильно волновавших республику во времена Мария и Суллы, было почти историческим воспоминанием. Последним усилием его были преследования после заговора Катилины. Теперь дух Катилины торжествовал повсюду. Победоносная народная партия внесла в управление и в общество антиплутократическую ненависть и предрассудки масс. В этом ей помогала знать, которая тогда, как и всегда, ненавидела крупных финансистов. Хотя три вождя народной партии не были врагами капиталистов, исполнительная власть высказывалась все более и более против них. В Македонии Пизон легко добился понижения процентов на городские займы.^[116] В Сирии Габиний постоянно обвинял италийских капиталистов и чинил им всевозможные притеснения, чтобы убедить, что Италия является страной, более благоприятной для употребления их капиталов, чем Сирия.^[117] В Риме старые законы, запрещавшие сенаторам заниматься торговлей и долгое время пренебрегаемые, были восстановлены в силе, по мере того как в италийской политике приобретало влияние антиплутократическое течение. С этих пор в высших классах, а особенно в политическом мире, опасались помещать капиталы в предприятия, риск и трудности которых увеличивались; и если кто-нибудь позволял увлечь себя в них, то тщательно скрывал это. Так поступил Марк Брут, сын Сервилии, когда, сопровождая Катона на Кипр, познакомился с двумя италийскими дельцами, опустошавшими Восток, и при их посредстве дал деньги царю Ариобарзану и кипрскому городу Саламину под 48 процентов. Так как закон Габиния запрещал подобные дела, то он тайно интриговал, чтобы добиться утверждения этого займа

особым постановлением сената.[\[118\]](#)

Война как выгодное предприятие

Когда исчезли спекуляции и крупные предприятия, для высших классов, а особенно для политической олигархии, не осталось другой поддержки, как прибыль от военных операций, богатой добычи, налогов, выкупов и подарков, следовавших за войнами. После крупных состояний, приобретенных Лукуллом и Помпеем, после крупных сумм, собранных сопровождавшими их скромными лицами, римские политики, их друзья и родственники мечтали следовать этим примерам в той части мира, где еще не проходили римские армии.

Империализм граждан

Без труда можно представить, как эти надежды должны были содействовать развитию империализма во всем римском обществе. Военный грабеж был с этих пор самым выгодным промыслом для Италии, особенно для мирных классов, ничем не рисковавших, для купцов, предпринимателей, ремесленников, которым доставляли работу разбогатевшее от добычи государство и возвращавшиеся с деньгами генералы, офицеры, даже солдаты. Гражданское население, занятое торговлей и земледелием, было поэтому не меньшим энтузиастом завоеваний, чем политический мир. Оно, может быть, требовало даже с большим жаром увеличения империи, ибо его, как все мирные классы, ослепляла прелесть военной славы, рассказы о битвах и войнах. Эта литературная и платоническая любовь к войне гражданского элемента, свойственная всем передовым цивилизациям, распространилась тогда по Италии и сделалась силой, которой пользовались партии, чтобы навязать республике политику империалистических авантур. Если современный империализм принимает за образец империализм римский, то последний брал за образец империализм Александра Великого. Ни одна историческая личность не была так популярна в Италии, как македонский завоеватель, и все думали, что Рим должен совершать те же самые подвиги.

Рост долгов

Но, ожидая, пока римская империя станет столь же обширной, как империя Александра, все делали долги; и это было самым непосредственным и самым наглядным проявлением всеобщего энтузиазма. Все были одновременно должниками и кредиторам. Давали в долг другому деньги, когда они были, и занимали, когда в них нуждались. Итальянское общество становилось запутаннейшим лабиринтом долгов и займов; *syngarhae*, как назывались тогда векселя, всего чаще переписывались при наступлении срока уплаты и учитывались, подобно современным векселям, ибо нужда в капиталах и частые колебания курса сделали бы разорительной своевременную их оплату. Нуждавшиеся в деньгах старались продать финансисту долговые претензии к другим лицам, и финансист учитывал их, делая большую или меньшую скидку, смотря по солидности векселя, нужде кредитора и условиям денежного рынка.[\[119\]](#)

Золото и война

Новая политика, предложенная Цезарем на обсуждение своим друзьям,[\[120\]](#) вполне соответствовала состоянию общественного мнения в Италии. Она старалась возбудить и удовлетворить господствующие страсти меркантильной и демократической эпохи: ее военную и империалистическую гордость, стремление к быстрым обогащениям, безумную жажду удовольствий, роскоши, величия как в частной, так и в общественной жизни. Расширение границ и расточительность внутри государства, золото и железо, были двумя существенными факторами этой политики, связанными друг с другом. Завоевания должны

были принести деньги, необходимые для крупных трат; материальная база, созданная деньгами, должна была возбуждать завоевательные устремления. Уже в эту зиму Цезарь раздавал деньги, приобретенные в войне с белгами, давая займы или даря крупные суммы политическим деятелям, приехавшим из Рима, чтобы угодить ему.[\[121\]](#)

Парфянский проект

Но самые обширные планы он отложил на следующие годы. Красс должен был помирить Клодия с Помпеем, и оба они должны были выступить кандидатами на консульство 55 года; избранные, они должны были добиться от народа пятилетнего проконсульства, заставить продолжить также на пять лет командование Цезаря в Галлии и вотировать средства, необходимые для уплаты жалованья легионам, которые он набрал в начале войны. Сделавшись таким образом надолго господами республики, они применили бы в еще более крупных масштабах наступательный империализм, изобретенный Лукуллом, и добились бы огромных завоеваний. При помощи полученных денег они должны были провести большие общественные работы в Риме и в Италии, привлечь на свою сторону предпринимателей, купцов, рабочих и солдат, купить политический мир и сенат и заняться с небывалым блеском забавами народа. Между прочим, нужно было основать в Капуе большую гладиаторскую школу.[\[122\]](#)

Что касается задуманных завоеваний, то решились на предприятие, которое поклонникам Александра должно было казаться чудесным и о котором Цезарь, может быть, думал уже давно, — именно завоевать Парфянское государство. Какую славу и какую власть приобрели бы человек и партия, увеличившие просторы римского Востока этой огромной империей, столь отдаленной, столь богатой и почти сказочной. Но Цезарю приходилось уступить эту войну одному из своих друзей — сам он был слишком занят галльскими делами, и недавнее завоевание еще настоятельно требовало его присутствия. Что касается Египта, то Красс и Помпей оставили мысль о нем, а поручили Габинию без утверждения сенатом отправить Птолемея в Египет при условии, что тот заплатит каждому из них значительную сумму. Кажется, Цезарь потребовал себе 17.5 миллионов сестерциев, т. е. более четырех миллионов франков.[\[123\]](#) Человек, старавшийся в качестве консула с помощью прекрасного закона излечить страну от коррупции, этой хронической болезни цивилизованных обществ, готовился подкупить сразу всю Италию.

Красс в Луке

Мы не знаем, каковы были тогда разговоры между Цезарем, Помпеем и Крассом, но Красс, вероятно, одобрил планы Цезаря охотнее, чем Помпей. С эгоистами, которым слишком покровительствует судьба, часто случается, что, пресытившись всеми благами, полученными ими без труда и в изобилии, жадные до новых удач, ревнивые к успехам других, они упорствуют в желании достичь невозможного. Красс обладал могуществом и богатством, но не популярностью Лукулла, Помпея или Цезаря. Всю свою жизнь он старался приобрести ее, успокаиваясь на некоторое время после каждого удара, с тем чтобы снова повторить попытку при первом удобном случае. В момент общего возбуждения его старое желание вспыхнуло еще раз. Великая империалистическая политика, созданная Лукуллом, доставила слишком много славы своему творцу и Помпею и начинала доставлять ее Цезарю. Так как с этих пор самые нелепые мечты о величии казались всем легкими и возможными, то Красс не хотел оставаться с одной славой победителя Спартака в то время, когда все думали, что римский генерал легко может сравниться с Александром Великим. Надежды на завоевание Парфии было для него достаточно, чтобы признать договор.

Помпей в Луке

Помпей единственный из триумвиров немного знал парфян и не хотел повторять попытку 63 года, он охотно предоставил Парфию своему товарищу; может быть, он даже противился всем этим завоевательным проектам и подкупу, которые ему едва ли нравились. Он начал уже чувствовать некоторую боязнь и отвращение к демагогическому обороту, принимаемому политикой народной партии, одним из вождей которой он был. Подобно стольким удовлетворенным богачам, он охотно проповедовал другим мораль простоты, суровости и благоразумия. Но мог ли он отделиться от Цезаря и Красса? Он любил свою жену; он чувствовал, что с каждым днем падает все ниже в общественном мнении; он имел в сенате многочисленных врагов. Клодий, и без того уже дерзкий, позволил бы себе что угодно против него в тот момент, когда узнал бы, что Цезарь и Красс уже не поддерживают его. Он мог утвердить свое влияние, только сделавшись консулом, хорошо выполнив свою продовольственную миссию и заставив облачить себя каким-нибудь новым чрезвычайным командованием. Он не мог один добиться всего этого и кончил тем, что принял предложения Цезаря.

IV

Второе консульство Красса и Помпея

Восстание новой провинции

Вскоре после лукского свидания Цезарь должен был отказаться от мысли пробыть долго в Цизальпинской Галлии и поспешил перейти Альпы. В провинции, которую он объявлял «умиротворенной», уже разразилось восстание. Гальба, атакованный горцами, едва не был уничтожен. Многие народы Арморики, изъявившие прошлой осенью покорность, восстали. Венеты, бывшие во главе движения, заковали в цепи офицеров, посланных к ним для сбора съестных припасов. Аннексия вызвала всеобщее недовольство среди галлов, особенно среди белгов и треверов. Еще не покоренные народы Аквитании готовились прийти на помощь венетам, боясь, что Цезарь намерен и их включить в число им присоединенных.[\[124\]](#)

Умиротворение Галлии

В то время как его друзья в Риме с таким восторгом восхваляли завоевание Галлии, Цезарь не хотел дать кому-нибудь повод предполагать, что он не решается обращаться с этой страной, как с уже завоеванной провинцией. Он тотчас же наложил на Галлию ежегодную подать в сорок миллионов сестерциев,[\[125\]](#) и не только намеревался сурово подавить восстание венетов, но решил также без замедления покорить независимые еще народы. Он послал Лабиена в область треверов, чтобы держать в покорности их, а также ремов и белгов. Квинта Титурия Сабина приблизительно с 10 000 человек он отправил опустошать территорию союзников венетов, винеллов, куриосолитов и лексовиев. Публию Крассу он поручил с конницей и приблизительно с 4000 солдат покорить Аквитанию, а сам занялся умиротворением венетов.[\[126\]](#) Так как у этого народа был многочисленный флот, то он приказал построить на Лигере (Луаре) суда и набирал отовсюду кормчих и гребцов. Он приказал пиктонам и сантонам, которые не присоединились к восставшим, но и не были еще покорены, доставить суда, объявив их, таким образом, римскими подданными.[\[127\]](#) Во главе флота он поставил молодого Децима Брута, сына консула 77 года и той Семпронии, которая принимала участие в заговоре Катилины. Ожидая, когда будет готов флот, он вторгся со всей армией в страну венетов.

Осада венетов

Но если Титурий и Публий Красс быстро и удачно выполнили свои ответственные поручения, то нельзя того же сказать о Цезаре. Венеты бежали в свои укрепления, построенные на выдающихся в море узких полосах земли, где большие приливы защищали их лучше всяких крепостных сооружений. Возвращаясь и удаляясь дважды в день с ритмом маятника, прилив прогонял армию, осаждавшую их с суши, а отлив оставлял на сухом месте флот, желавший напасть с моря. Большую часть лета Цезарь делал тщетные попытки преодолеть эти неприступные укрепления, которые нельзя было осадить ни с суши, ни с моря.

Деморализация консерваторов

В эти месяцы Помпей, заключив мир с Клодием, снова вступил в соглашение с Крассом, и оба они сделались господами Рима, Италии и Империи. Восстановление триумvirата свело консервативную оппозицию к небольшой кучке сенаторов, слишком гордых, слишком упрямых или слишком скомпрометированных, не имевших никакого влияния на сенатское большинство, каковыми были Катон, Фавоний и Домиций Агенобарб. Сам Цицерон пошел на уступки. Цезарь обещал его брату Квинту командование в Галлии, а Помпей, отправившийся из Луки в Сардинию за хлебом, просил Квинта передать брату, что его речь в сенате по поводу аграрного закона Цезаря произвела на него очень неприятное впечатление.^[128] Цицерон решил поэтому 15 мая, вместо того чтобы выступить с речью в сенате по поводу закона, уехать к себе в деревню.^[129]

Возвращение Цицерона к занятиям литературой

Скоро он сделал больше: оставил политику. Когда в начале июня^[130] в сенате должно было обсуждаться предложение о посылке десяти легатов для организации галльского управления и вотироваться суммы, необходимые для четырех легионов, набранных Цезарем в 58 и 57 годах, он обязался поддержать Цезаря. Хотя Цицерон возвратился в Италию как триумфатор, сильные удары, нанесенные Клодием, глубоко поразили его нервный и впечатлительный характер. Мечты о славе, опьянившие его после заговора Катилины, рассеялись. Цицерон не стремился более быть великим политическим деятелем. Довольный тем, что он выпутался из такого опасного положения, он особенно желал избежать всякой другой опасности. Он хотел держаться в тени и довольствоваться второстепенной ролью, лишь бы она не была опасна. Он мечтал о первом увлечении своей молодости — литературе, которой он пренебрегал, с тех пор как сделался одним из видных римских адвокатов.

«De Oratore»

Он начал не спеша писать книгу, диалог «De Oratore», прекрасный, живой и драматический. Мирное удовольствие, испытываемое им в этой работе, казалось ему приятнее сильных эмоций честолюбия и опьянения могуществом. Частные занятия, дурное состояние своего имени, еще до его изгнания обремененного крупными долгами для уплаты за дом, также отвращали его от политики. Несмотря на* вотированное сенатом вознаграждение, которого, впрочем, было недостаточно, и на помощь Аттика, он был в большом затруднении, чтобы удовлетворить своих кредиторов и снова отстроить свой дом и свои виллы.^[131] Это было тем более неприятно, что, увлекаемый общим течением, он все более и более привыкал к широкой и пышной жизни.^[132]

Благодарность Цезаря Помпею

Была и еще причина, заставившая его отказаться от оппозиции триумvirату. Будучи честным человеком, он чувствовал по отношению к Помпею за свое возвращение из изгнания признательность, которая иногда становилась политическим обязательством. Мог ли он доставить неприятность Помпею, чтобы понравиться маленькой кoterии упрямых аристократов, покинувших его в дни опасности и бывших нисколько не лучше своих противников? Что касается Цезаря, то хотя и многое можно было бы поставить ему в вину, но разве не совершил он великих предприятий?^[133] К чему без всякого повода создавать для себя затруднения? Не лучше ли подражать Варрону, который, будучи богатым, ученым и знатным, занимал многочисленные магистратуры, был легатом в войне с пиратами, за свои труды получил в награду крупную сумму, но сумел сохранить свою независимость от партий и фракций?

Варрон как помещик

Варрон действительно, осуждая политику своего друга Помпея, спокойно держался в тени, занимался улучшением своих земель, покровительствовал изящным искусствам, доставляя заказы Архелаю, одному из самых знаменитых римских скульпторов,[\[134\]](#)и писал свою большую энциклопедию в девяти книгах под названием «Disciplinae», где собрал все, что только было лучшего в античной традиции и в той части греческой культуры, которая соответствовала этому поколению людей действия. Цицерон, бывший его другом, хотел следовать его примеру и желал только двух вещей: доказать свою благодарность Помпею и отомстить Клодию.[\[135\]](#)

«De provinciis consularibus»

Таким образом, хотя он не одобрял лукский договор, он все же произнес в сенате речь «De provinciis consularibus», в которой прославлял, как было тогда в моде, окончательное завоевание Галлии, а критикам, спрашивавшим, на что еще нужны деньги и солдаты, если завоевание завершено, отвечал, что, действительно, крупные военные операции закончены, но остались еще некоторые мелкие военные экспедиции.[\[136\]](#)Оппозиция консерваторов была легко побеждена.

Галлия объявлена римской провинцией

Решили послать десять легатов для организации управления завоеванной страной и весной 56 года Галлия была окончательно объявлена сенатом римской провинцией. Решили также, что Пизон будет отозван к концу года, что Габиний покинет Сирию в конце 55 года и что она будет отдана в качестве провинции одному из консулов этого года.

Отсрочки выборов

Однако приближался июль, месяц выборов. Луций Домиций Агенобарб уже выставил свою кандидатуру в консулы. Все ожидали, что Красс и Помпей поступят так же. Но дни проходили, а Красс и Помпей ничего не предпринимали. Неужели слух, распространявшийся об их кандидатурах, был ложный? Или они изменили свои намерения? Скоро, однако, увидели, что два народных трибуна методически налагают свое veto всякий раз, как назначался день выборов,[\[137\]](#)и все не замедлили понять цель такого приема. Так как общественное мнение не поддерживало их кандидатуры,[\[138\]](#)ни Красс, ни Помпей не хотели, чтобы выборы проходили под председательством консулов Гнея Корнелия Лентула или Луция Марция Филиппа, которые были консерваторами. Один из них должен был председательствовать на избирательном собрании, т. е. представить народу список кандидатов, имея право не вносить туда не удобные ему имена. А разве председатель, побуждаемый общественным мнением, осмелился бы не вычеркнуть имена Красса и Помпея?[\[139\]](#)Страшась подобной выходки со стороны консерваторов, Красс и Помпей решили при помощи трибунов заставить отложить выборы до следующего года. Тогда с первого января сенат каждые пять дней обязан был бы назначать интеррекса, который и занимал бы в комициях место консула, а они стали бы ожидать, когда настанет черед какого-нибудь преданного им сенатора.

Равнодушие общества

Консервативная котерия старалась возмутить общество, против которого были направлены эти интриги, и принудить Помпея и Красса отказаться от такой обструкции или по крайней мере признать себя

ее творцами. Лентул различными способами пытался заставить их объявить сенату, намерены ли они выставять свои кандидатуры. Он даже собрал большой народный митинг, где в присутствии сенаторов консервативной партии, одетых в траурную одежду, обвинял Помпея в тирании.[\[140\]](#) Все было напрасно. Общество порицало Красса и Помпея, но, несмотря на это, оставалось равнодушным и думало только о забавах и богатстве. В политическом мире все так боялись триумvirата, что многие не смели показываться в курии.[\[141\]](#) Месяцы проходили, выборов не было, а Красс и Помпей продолжали делать вид, что не ответственны за obstruction трибунов. Консерваторы старались отомстить, начав процесс против Луция Корнелия Бальба, ловкого агента Цезаря и Помпея, обвиняя его в противозаконном присвоении звания гражданина.

«Pro Balbo»

Но Помпей просил Цицерона взять на себя защиту Бальба; Цицерон произнес дошедшую до нас защитительную речь, и Бальб был оправдан.

Покорение венетов

Восстание венетов было усмирено, когда в их водах появился наконец с флотом Децим Брут. Считали ли они бессильным этот флот, составленный из кораблей, набранных со всех берегов, или утомленные долгой осадой надеялись разом окончить войну, но они тотчас погрузились на свои корабли и изготовились к битве. Децим Брут нанес им такое поражение, что они предпочли сдаться. Цезарь, чтобы снова показать, что с этих пор Галлия будет римской провинцией, осудил на казнь всех их вождей.

Экспедиция против моринов и менапиев

К концу лета он предпринял экспедицию против еще не покорившихся моринов и менапиев, но она не удалась. Эти воинственные варвары не противостояли единой массой ударам легионов. Они рассеялись маленькими бандами по лесам и болотам, унося с собой самое ценное из своих сокровищ, и начали партизанскую войну, неожиданно нападая на небольшие римские отряды. Приближалась зима. Цезарь понимал, что было бы неблагоприятно углубляться в такую дикую страну, и, опустошив их земли, возвратился назад, уводя свою армию на зимние квартиры в области, которые усмирал в этом году.

Третий год войны

Таким образом, третий год войны завершился замечательными успехами и большой выгодой. Репрессии Цезаря были не более чем предложениями для опустошений и грабежей, с помощью которых он, его высшие начальники, особенно Мамурра и Лабиев, и вся армия вознаграждали себя за свои труды.[\[142\]](#)

Проблема управления Галлией

Но предприятием более трудным, чем подавление этих уже слабых сопротивлений, была для Цезаря организация в Галлии нового правительства. Было невозможно разрушить все политические и юридические органы древнего кельтского общества и заменить их совершенно новым управлением. Не легче было и заставить функционировать эти древние учреждения под римским контролем, господствовать над ними до такой степени, чтобы быть в состоянии пользоваться для себя этой системой традиций, интересов, социальных сил, которую Цезарь нашел в действии и большая часть которой продолжала существовать даже под римским владычеством. Особенно затрудняло Цезаря существование

партий: одной — национальной и народной, другой — аристократической и консервативной. Ограничив их деятельность, присоединение Галлии не заставило их исчезнуть: каждая из них сохраняла свои позиции, скрывала свою злобу, старалась использовать для себя новое положение. По мере того как Цезарь лучше знакомился с Галлией, он замечал, что национальная партия, опиравшаяся на массы, была гораздо сильнее консервативной, аристократической, призвавшей его в Галлию. Почти все сеймы, или собрания знати, были в упадке и имели только номинальный авторитет в сравнении с возрастающим могуществом того, кого Цезарь называет царем, т. е. вождя, почти повсюду назначаемого собраниями на неопределенное время, особенно когда этот царь был одним из богатых демагогов, стоявших во главе национальной партии.

Цезарь принимает сторону националистов

А эта партия, на мгновение, казалось, подчинившаяся римскому игу, продолжала не доверять Цезарю и ненавидеть Рим. Это означало, что большая часть нации неискренне приняла новый порядок и не сделает ничего, чтобы приспособить к нему древние галльские учреждения. Затруднение было велико. Но со своей изворотливостью, со своей смелостью, со своим безрассудным оппортунизмом Цезарь намеревался в этот момент перенести опору своей галльской политики с одной партии на другую. Он хотел покинуть аристократическую и консервативную партию, поддерживавшую его до сих пор, и опереться на национальную партию, которая его ненавидела. Он пошел навстречу тем богатым плутократам, чье честолюбие состояло в приобретении монархической власти в древних республиках. У многих племен он назначал их царей — или благодаря своему личному влиянию, или узурпируя права собраний. В надежде иметь во главе племен преданных ему вождей и через них приобрести расположение масс он не колебался жертвовать своими прежними друзьями и собирал сеймы, ускоряя уже давно назревавшую в Галлии революцию в интересах плутократической олигархии. Он принял в число своих новых друзей Верцингеторига, молодого вождя арвернов из могущественной и знатной фамилии.^[143] Он сделал Тасгета царем карнутов,^[144] Каверина — царем сенонов,^[145] Коммия — царем атребатов.^[146] Кажется, что он имел намерение сделать Думнорига царем эдуев.^[147] Он собирался даже, применяя принцип «разделяй и властвуй», помочь эдуям и ремам получить такое же верховенство, какое потеряли их соперники — сеноны, секваны и арверны.^[148] Этим путем он надеялся укрепить римское владычество в Галлии.^[149]

Кандидатура Домиция

Каковы бы ни были отдаленные результаты этой политики, в данный момент дела в Галлии и в метрополии шли хорошо. Крассу и Помпею удалось добиться отсрочки выборов до 55 года и заставить назначить интеррексом преданное им лицо. Однако Луций Домиций Агенобарб, поддерживаемый Катонем, не отказался от выдвижения своей кандидатуры. На заре в день выборов он вышел из дома в сопровождении рабов и клиентов, чтобы обойти Рим, собирая в свою пользу голоса. Но внезапно на повороте одной улицы на него напала вооруженная банда. Раб, шедший перед ним с факелом, был убит; много других из его свиты было ранено. Испуганный Домиций укрылся в тайном убежище.^[150] Цезарь отрядил на выборы массу солдат под видом эскорта Публия Красса; и Красс и Помпей были избраны без затруднения.

Красс и Помпей — консулы

Их первой заботой было приведение в исполнение принятых в Луке условий. Народный трибун Гай Требоний,^[151] сын богатого дельца, незадолго до того присоединившийся к партии Цезаря, несмотря на вызванные консерваторами волнения, добился закона, назначавшего в ранге провинции одному из

консулов этого года Сирию, другому — обе Испании, причем на пять лет и с правом объявлять войну. После утверждения этого закона консулы предложили дать Цезарю на другие пять лет управление тремя Галлиями, и предложение было принято без скандала и смятения, хотя Цицерон в дружеской беседе пытался отговорить Помпея от его поддержки.[\[152\]](#) После короткого отдыха в деревне Помпей и Красс, вернувшись в апреле в Рим,[\[153\]](#) предложили разные меры для обуздания социальных беспорядков. Красс предложил закон против подкупов, Помпей — более строгий закон об убийствах и судебную реформу, улучшавшую выбор судей. Он хотел также предложить закон против роскоши, что показывает уже изменение его настроения в сторону, противоположную честолюбивой империалистической политике Цезаря. Но Гортензий убедил его не предлагать этот закон, произнеся в большой речи похвалу роскоши, являющейся якобы естественным украшением могущества.[\[154\]](#)

Габиний и Антоний в Египте

Реформы, впрочем, ни к чему не привели. Беспорядки возрастали с каждым днем. В Путеолах среди посещавших порт многочисленных египетских купцов в начале весны распространился удивительный слух: говорили, что Птолемей вернулся в Александрию с помощью римской армии.[\[155\]](#) Как это могло быть, если сенат не принимал никакого решения? Известие, однако, было правдой. Птолемей, устав платить и ничего не добившись в Риме, приехал в Эфес. Туда после лукского свидания прибыл к нему Рабирий, и они с письмами от Помпея отправились к Габинию в Сирию. Последний, повинувшись приказаниям Помпея, получив за это богатое вознаграждение, согласился вести в Египет Птолемея без утверждения сената, а Рабирий был назначен египетским министром финансов для соблюдения интересов италийских кредиторов царя.[\[156\]](#) Таким образом, в конце 56 года Габиний вторгся в Египет и восстановил Птолемея на троне с помощью армии, в которой служил также Марк Антоний.[\[157\]](#) Легко представить, каковы были протесты консерваторов.

Парфянский проект и консервативная оппозиция

Впечатление от этого скандала было еще живо, когда узнали еще более важную новость: Красс намерен был завоевать Парфию. В этом невозможно было сомневаться, ибо он открыто готовился к этой экспедиции: набирал солдат, назначал офицеров, приводил в порядок свои дела и составлял подробную опись своего имущества. Он мог констатировать, что вместо 300 талантов, оставленных ему отцом, он владел теперь 7000 талантов, которые приблизительно соответствовали тридцати одному миллиону франков.[\[158\]](#) Однако он не был удовлетворен: мания величия, которой страдали тогда все, гордость, безрассудство, ненасытное честолюбие сделали из этого старика, бывшего до тех пор, несмотря на свои недостатки, серьезным человеком, хвастуна, бросавшегося в самые безумные предприятия. Он хотел превзойти Лукулла, угасшего в прошлом году в старческом слабоумии. Он намеревался дойти до Инда по дороге, по которой проходил Александр, и завоевать весь мир.[\[159\]](#) Волнение, вызванное этим известием, этими намерениями, этими приготовлениями, было огромно, и постепенно общество стало с энтузиазмом относиться к этому проекту. Много молодых людей предлагали себя в качестве офицеров; в их числе был Гай Кассий Лонгин, женившийся на дочери Сервилиии и сделавшийся таким образом свояком Брута. Одна только маленькая консервативная партия предсказывала, что война кончится поражением, ибо страна была далека и неизвестна, а враг опасен. Говорили даже, что война несправедлива, так как парфяне не дали никакого повода для ее объявления. Но уже давно подобные аргументы не имели в Риме никакого значения. В действительности ни та, ни другая партия не давала себе отчета в трудностях предприятия.

Цезарь и германцы

Цезарь отдыхал еще меньше, чем Красс и Помпей. Весной 55 года он перешел из цизальпинской Галлии в трансальпийскую, решившись в этом году совершить короткий набег на Британию и посмотреть, нельзя ли приобрести новой славы в этой стране. Но от этого замысла его отвлекло вторжение германских племен узипетов и тенктеров, которых, может быть, побудили перейти Рейн вожди народной партии для борьбы с римлянами. Цезарь, обеспокоенный их численностью, пошел на вероломную хитрость: он неожиданно напал на них во время переговоров с ними о мире.^[160] Нанеся им таким образом поражение, он решил провести экспедицию по ту сторону Рейна, чтобы устроить германские народности и воспрепятствовать их переходу через реку. Он поднялся по долине Рейна до того места, где теперь находится Бонн; здесь за десять дней навел мост и совершил быстрый набег на территорию свевов и сугамбров. По окончании этих операций у него были развязаны руки для нападения на Британию, но в позднее время года он смог сделать только кратковременную высадку с двумя легионами, откладывая более обширное предприятие до следующего года.

Театр Помпея

Хотя все эти завоевания не имели большого значения, однако известия о них вызвали в Риме большой энтузиазм. Говорили, что Цезарь победил 300 000 германцев. Особенно чудесной казалась высадка в Британии. Если сам Цезарь мало знал Британию, то в Риме решительно никто ничего не знал о ней; однако все утверждали, что на этом отдаленном острове находятся несметные богатства и что там можно составить колоссальные состояния.^[161] Рим не раздумывал более: римское общество уже перестало рассуждать здраво, и его стремление к удовольствиям, сенсациям и празднествам открывало дорогу невероятному легковерию. В конце лета были наконец сняты леса вокруг театра Помпея, и Рим был ослеплен этой огромной массой сверкающего мрамора^[162] и величественным квадратным портиком, построенным позади сцены и украшенным картинами Полигнота и статуями, изображавшими побежденные Помпеем нации; под этим портиком народ мог укрываться в дождливые дни. Там, согласно традиции, находилась та статуя работы Аполлония, сына Нестора, чудный обломок которой дошел до нас под названием Бельведерского торса.^[163] В одной части портика колоннада, обнесенная стенами, образовывала великолепную залу, курию Помпея, где мог собираться весь сенат.^[164] При открытии этого первого монумента, действительно достойного Рима и его величия, были даны великолепные празднества. Между другими чудесами была охота на диких зверей, во время которой раненые слоны, начав испускать жалобные крики, до слез тронули ту самую публику, которая вступала в резню в схватках на форуме и испытывала удовольствие при виде проливаемой крови гладиаторов.^[165]

Катон и международное право

Естественно, что эти военные успехи, эта царская щедрость, народный энтузиазм повергли в глубокое уныние консервативную партию. С каждым днем ее ряды все более редели; она превратилась в небольшую кучку лиц, но последние восполняли свою малочисленность дерзостью, и по мере того как партия теряла свои силы, они все бешеннее устремлялись в борьбу. Им удалось добиться выбора Домиция Агенобарба консулом на 54 год вместе с Аппием Клавдием, старшим братом Клодия и другом Помпея. Они заставили выбрать преторами Катона и Публия Сервилия, сына победителя исаврийцев, вместе с Гаем Альфием Флавием и Сервием Сульпицием Гальбой, из которых один был другом, а другой — генералом Цезаря. Они отвечали теперь на народные демонстрации в честь Цезаря, предлагая устами Катона, чтобы Цезарь, нарушивший международное право, был выдан узипетам и тенктерам согласно обычаю сурового и религиозного Рима древних времен.

Красс применяет насильственный набор

Эта столь слабая партия имела еще большую смелость. Красс набирал солдат в Италии, чтобы, присоединив их к легионам Габиния, образовать армию, нужную, по его мнению, для его экспедиции. Не находя достаточного числа добровольцев, он пошел на принудительный набор с поспешностью, слишком грубой для страны, уже давно потерявшей вкус к военной жизни. Воспользовавшись вызванным этими наборами недовольством, консервативная партия при помощи двух трибунов, Гая Атея Капитона и Публия Аквиллия Галла, попыталась запретить их.[\[166\]](#) Но ее интриги только заставили Красса спешить и уехать из Италии уже в ноябре. Не добившись ничего другого, Атей, когда Красс покидал Рим со своей свитой и сыном Публием (его Цезарь прислал к нему вместе с отрядом галльской кавалерии), сопровождал его до городской черты, осыпая бранью и проклятиями. Старик слушал их спокойно, но на молодых солдат, которых он уводил силой и уже недовольных и испуганных отдаленной экспедицией, эти проклятия, вероятно, произвели сильное впечатление. Такое предположение позволяют сделать, по крайней мере, последствия этой войны и военный упадок Италии, любившей скорее спокойно пользоваться завоеваниями, чем совершать их.

V

Завоевание Британии

Поход Красса

Побуждаемый слишком долго неудовлетворенной жаждой военной славы, ослепленной безрассудной верой в успех, более или менее опьянявшей всех в Риме, Красс обольщался, что может в шестьдесят лет без серьезных приготовлений завоевать Парфию. Прибыв в Брундизий, он хотел тотчас же отплыть, несмотря на неблагоприятное время года, и потерял много кораблей и людей.^[167] Высадившись в Диррахии, он, несмотря на зиму, немедленно направился по Эгнатиевой дороге (via Egnatia) через Эпир, Македонию и Фракию к Босфору, не боясь, что эти неудачи и этот поход совершенно лишат мужества его уже недовольных рекрутов.

Галлы и непривычный для них мир

Между тем Цезарь на следующий год решился предпринять экспедицию в Британию. Мы не знаем, какова была ее цель, но маловероятно, чтобы Цезарь считал возможным завоевание большого острова. Он имел, может быть, намерение совершить обширный набег, чтобы собрать добычу, дать римлянам новый повод для удивления и гордости и уменьшить в Галлии недовольство, причиненное миром, который он неожиданно навязал стране, где в течение столетий войны обратились в привычку. Подобные резкие социальные перемены не могли не вызвать тяжелых для нового строя последствий. Слишком много людей жило в Галлии этими войнами, черпая из них свое могущество и почести. Лишенные внезапно миром того, что было основанием их социального влияния и даже самого их существования, они становились все более недовольными. Цезарь знал это очень хорошо; с целью занять многочисленных безработных солдат он набрал из них огромное количество вспомогательных войск. Он думал также польстить военной гордости галлов, образовав ставший знаменитым легион Жаворонка^[168] и принимая, таким образом, в армию новых подданных на одинаковых правах с завоевателями мира. Возможно, что он рассматривал Британию как новое поле действий, открытое под контролем Рима для воинственных замыслов крупных галльских кланов, вождей которых он намеревался вести на следующий год в Британию.

Постройки Цезаря в Риме

В данный момент, в конце 55 года, изобретя новый тип корабля и отдав приказание построить известное число этих кораблей в течение зимы,^[169] он перешел через Альпы, побывал в Иллирии, а оттуда вернулся в цизальпинскую Галлию, чтобы созвать там местные собрания, принять бесчисленных попрошайек, приехавших из Рима, и применить в крупных размерах политику подкупа. Имея теперь большие средства, он мог послать крупные суммы двум своим римским агентам — Бальбу и Оппию, для того чтобы давать взаймы всем нищим сенаторам, строить роскошные виллы, покупать в Италии земли, картины, статуи, древние произведения искусства;^[170] наконец, чтобы, подобно Помпею, начать крупные общественные работы в Риме, давая большой заработок предпринимателям и рабочим, а также удовлетворяя охвативший весь народ вкус к роскоши. Его проекты были грандиозны. Он поручил Оппию и Цицерону расширить слишком узкие границы форума и истратил огромную сумму в шестьдесят миллионов сестерциев на покупку старых лачуг, окружавших место народного собрания у подошвы Капитолия.^[171] Так

как народ для трибунных комиций все еще собирался на Марсовом поле, где строили временные ограждения, окруженные палисадами и разделенные веревками на столько частей, сколько было триб, то Цезарь хотел построить для комиций огромный мраморный дворец, достойный народа-царя — *saeptra Julia*. Здание должно было иметь форму громадного прямоугольника, фасад которого соответствовал бы существующей теперь линии дворцов на правой стороне Корсо, когдаходишь с площади Народа, от Palazzo Sciarra до Piazza Venezia.^[172] Он должен был быть окружен великолепным портиком в тысячу футов и украшен обширным общественным садом.^[173]

Рабская бюрократия Цезаря

Наконец, Цезарь употребил галльские деньги на создание многочисленных личных секретарей, курьеров, архивистов, архитекторов, слуг, в которых он нуждался. Он за дорогую цену покупал рабов на всех рынках и заботливо выбирал среди пленников тех, которые могли быть ему полезны.^[174] Он сделался таким образом самым крупным рабовладельцем Италии, что было великой силой и громадным богатством, но и большой опасностью, ибо многочисленные рабы, если не держали их в строгой дисциплине, легко разоряли своего господина. Но Цезарь был одним из самых ловких рабовладельцев своего времени и постепенно улучшал свою фамилию, надзирая за ней всей до самых последних рабов и устанавливая систему наградений, которые от пищи и одежды шли до денежного жалованья, свободы и подарков в виде домов, земельной собственности и капиталов. Он поддерживал эту дисциплину жестокими наказаниями.^[175] В числе самых низких своих слуг он имел молодого человека, взятого в плен в одной экспедиции в Германии; узнав случайно, что этот юноша дает взаймы своим товарищам остатки своей пищи, он тотчас перевел его в бюро своего управления.^[176] Он, без сомнения, думал, что этот скороспелый ростовщик пойдет далеко, если не окончит жизнь на кресте, и не ошибся.

Красс вступает в свою провинцию

Весной 54 года Цезарь возвратился в Галлию; к нему в надежде составить себе состояние присоединился в качестве офицера брат Цицерона Квинт. Красс, перешедший через Босфор и вступивший с севера в Сирию, в первых месяцах 54 года заместил Габиния в его командовании.

Консервативное учение о национальности

Помпей, напротив, отправил в Испанию своих легатов, а сам остался в соседстве с Римом под предлогом заботы о снабжении продовольствием метрополии. В действительности же он не считал удобным, чтобы все три вождя были далеко от Рима. В самом деле, хотя консервативная партия понесла тяжкие потери в своей численности и влиянии, она все же не складывала оружия. Чтобы создать затруднения империалистической политике триумвиров, она притворно выступила на защиту народов, угнетенных Римом. В сенате, в народных собраниях, в частных разговорах, в стихах и в прозе эта партия протестовала против грубой алчности Цезаря, против скандальных богатств его офицеров, особенно Мамурры и Лабиена.^[177] Она пыталась разбудить уснувшую совесть нации. Но нация, охваченная заразительным энтузиазмом, требовала только денег, завоеваний и празднеств. Она смотрела на Британию и Парфию как на уже покоренные страны. Она уже давала в рост или тратила тамошние сокровища. Она пела дифирамбы Цезарю, Крассу и Помпею, особенно Цезарю, самому популярному в данный момент человеку, к которому устремлялись все взгляды, «единственному полководцу»,^[178] как называли его поклонники.

Во все эпохи, слишком жадные до удовольствий и денег, характер людей портится; они не умеют

долго оставаться в меньшинстве, легко меняют свое мнение.

Цицерон и его политические друзья

Таким образом, все тогда следовали за Цицероном, вполне перешедшим на сторону триумвиров. Красс захотел примириться с ним перед отъездом.[\[179\]](#) Помпей не упускал случая выказать ему свою любезность.[\[180\]](#) Цезарь особенно внимательно относился к его брату, хваля его сочинения, искусно льстил его литературному тщеславию и с распростертыми объятиями принимал всех лиц, им рекомендованных.[\[181\]](#) Как было сопротивляться стольким любезностям? Время от времени, правда, какой-нибудь скандал смущал его и раздражал. В такую минуту, например, он думал выступить перед сенатом с обвинением против Габиния.[\[182\]](#) Потом робость, лень, общий скептицизм, чувство бесполезности всякого противодействия побуждали его оставить все и заниматься более не публичными делами, а своими судебными речами[\[183\]](#) и литературными творениями. Он был готов сделаться настоящим ученым. В данный момент он работал над приведением в порядок рукописи Лукреция, покончившего в прошедшем году в припадке меланхолии жизнь самоубийством, вызванной, по видимому, злоупотреблением афродизиастическими напитками.[\[184\]](#)

«De Republica»

Он предполагал также написать поэму о подвигах Цезаря в Британии. Наконец, и это обычное утешение всех бывших государственных людей, он составил большой политический трактат «De Republica».[\[185\]](#) Демократия в Риме находилась при последних содроганиях; аристократии более не существовало; монархия была ненавистна до такой степени, что никто не мог серьезно рассматривать ее как лекарство от настоящих зол. Какая же реформа могла спасти республику? Так был поставлен вопрос Цицероном в его книге. Он думал решить его аристотелевским примирением монархии, аристократии и демократии, предлагая в качестве высшей должности республики выбор выдающегося гражданина, поставленного на определенный срок во главе государства с обширными полномочиями и который заставил бы уважать все сенатские постановления и народные законы.

Цицерон становится должником Цезаря

К несчастью, в то время как Цицерон предавался этим глубоким политическим размышлениям, он, охваченный манией роскоши, продолжал делать долги. Хотя он не расплатился еще за дом, разрушенный у него Клодием, хотя вознаграждения, назначенного ему сенатом, было недостаточно для восстановления его дворца и вилл, он все же продолжал тратить деньги на свою виллу в Помпеях, приобрел еще одну виллу в Путеолах и делал постройки в Риме, увеличивая число своих рабов.[\[186\]](#) Цезарь ловко выбрал момент, когда Цицерон оказался в стесненном положении, и заставил его принять в долг значительную сумму.[\[187\]](#)

Политическая лирика Катулла

Катулл, сделавшийся горячим аристократом, направлял на сторонников народной партии свои дерзкие стихи.

Возвратившись в Рим, он окончательно порвал с Клодией и, написав последнее прощальное стихотворение, горькое и печальное,[\[188\]](#) переменял сюжет, размеры и стиль. Он встал теперь на защиту консервативной политики и разрабатывал ученую, мифологическую и утонченную поэзию александрийцев.

Он написал диким галлиямбическим размером странное (LXIII) стихотворение, трактующее об оргиастическом культе Кибелы. Он составил эпиталаму в честь Фетиды и Пелея^[189] и в коротких и сильных стихотворениях нападал на Цезаря, Помпея и их главных сторонников.^[190] Он, молодой провинциал, выражал ультрааристократические чувства, ужас к этой вульгарной демократии, смешивающей теперь все классы даже на самых высоких должностях:

Катулл! Катулл! Что умирать ты медлишь?
Ведь уж сидит в курульном кресле Нонний,
Ведь уж Ватиний к консульству стремится!
Катулл! Катулл! Что медлишь умирать ты?^[191]

Здоровье его было совершенно разрушено. Предчувствуя свой близкий конец, он поспешил собрать свои лучшие поэмы, составил из них маленький том и выразил в прекрасных стихах глубокую скорбь, которая его угнетала:

О друг мой! плохо твоему Катуллу.
Нет сил терпеть, клянуся Геркулесом!
И с каждым днем и часом все мне хуже...^[192]

Выборы на 53 год

Наступило лето. Красс без объявления войны вторгся в Месопотамию и занял многие ее города. Цезарь, напротив, медлил со своей высадкой в Британии. В Риме начиналась предвыборная борьба. Кандидаты были многочисленны на все должности; не менее пяти лиц домогались консульства: Гай Меммий Гемелл — прежний враг, а теперь официальный кандидат Цезаря; Марк Валерий Мессалла — знатной древней фамилии, хорошо принятый среди консерваторов; Марк Эмилий Скавр; Гай Клавдий, другой брат Клодия, и, наконец, Гней Домиций Кальвин.^[193]

Сразу разразившаяся дикая борьба честолюбий вызвала ряд скандалов. Рим никогда не видал ничего подобного. Все должностные лица требовали от конкурентов денег за свое содействие.^[194] Оба консула заключили правильный договор с Меммием и Кальвином, обязуясь помочь им при условии, что, если те будут избраны, они с помощью искусного подлога дадут им желаемые провинции, а в случае неудачи — заплатят им 400 000 сестерциев.^[195] Подкуп скоро превзошел все виденное до сих пор. Один кандидат обвинял в подкупе своего соперника, другие следовали его примеру. Скоро все одновременно стали обвинителями и обвиняемыми.^[196] Остолбеневшая, испуганная публика спрашивала себя, что же произойдет в день выборов. По мере приближения дня комиций обвинения, нападки, угрозы делались все сильнее, а подкупы наглее; в день выборов кровь неизбежно должна была потечь рекой по Марсову полю. Но никто не предпринимал ничего, кроме жалоб. Катон, бывший претором, кончил тем, что приказал всем кандидатам в трибуны дать ему на руки миллион сестерциев, угрожая конфисковать его в случае подкупа избирателей.^[197] Помпей, раздраженный и негодующий, предоставил вещам идти своим порядком; сенаторы не хотели брать на себя опасной инициативы, и хотя долго и усердно заседали, не могли прийти к соглашению.^[198] Наступила сильная летняя жара; все говорили, что никогда не было так жарко^[199] и что нужно бежать в деревню. Сенат отложил консульские выборы до сентября, надеясь, что избирательная лихорадка пройдет, пока будут разбирать процессы.^[200]

Цицерон и экспедиция в Британию

Цицерон также отправился в Арпин, чтобы найти там прохладу и наблюдать за постройкой красивой

виллы и другими важными работами, организованными его братом Квинтом, который употребил на это деньги, приобретенные в Галлии.[\[201\]](#)Для Цицерона, нежно любившего своего брата, британская экспедиция была причиной более сильного беспокойства, чем положение в Риме.[\[202\]](#)Но произойдет ли она в самом деле? В начале июля Квинт писал ему, что Цезарь уже готов отказаться от своей мысли. Узнали, передавал он, что британцы приготовились к очень сильной защите и что завоевание не принесет ни драгоценных металлов, ни ценных рабов.[\[203\]](#)Но и другая причина, которую Квинт не знал или не осмелился доверить брату, заставляла Цезаря колебаться: внутреннее положение Галлии.[\[204\]](#)Примирение с национальной партией не удалось. Национальные учреждения очень плохо функционировали под римским контролем и вместо того, чтобы утверждать мир и порядок, вызывали всякого рода неожиданные затруднения. Мероприятия, внушенные лучшими намерениями, давали результаты совершенно противоположные тем, которых ожидали.

Цезарь назначает царя треверам

Таким образом, немедленно после возвращения в Галлию Цезарь вынужден был сделать короткую экспедицию в область треверов, которые, как часто случалось в эпоху независимости, были готовы вести междоусобную войну из-за выборов главного должностного лица. Цезарь остановил войну, назначив царем Цингеторига, одного из двух конкурентов. Не приобретя этим вмешательством признательности народа, он оттолкнул от себя всю партию другого конкурента, Индутиомара, который, не будучи разбитым, не мог примириться с отказом от борьбы. Британская война, это явное отвлечение галльской знати, не привела к ожидаемому результату. Многие знатные не одобряли ее, а Думнориг уговаривал их не идти, утверждая, что Цезарь хочет погубить всех во время путешествия.[\[205\]](#)

Высадка Цезаря в Британии

Обеспокоенный этим глухим недовольством, Цезарь одно время спрашивал себя, не благоразумнее ли отказаться от предприятия, и, быть может, окончательно оставил бы свой проект, если бы ожидания экспедиции не были так живы в Италии и приготовления не зашли бы уже так далеко.[\[206\]](#)Он тем не менее свел все предприятие к самым скромным размерам, назначив для него только пять легионов и две тысячи всадников, сам для личных услуг беря всего трех рабов,[\[207\]](#)и оставляя три легиона в Галлии под начальством Лабиена, — одним словом, принимая все меры для быстрого возвращения и надзора за Галлией в свое отсутствие. Приняв все эти предосторожности, Цезарь направил свои легионы и сопровождавших его галльских вождей в гавань, которую трудно найти на современных картах, и, как только стали дуть попутные ветры, начал сажать легионы на корабли. Но еще ранее произошло очень важное событие: Думнориг исчез вместе со своей конницей из эдучев. Опасаясь общего мятежа, Цезарь послал всю свою кавалерию преследовать беглеца и приказал убить его, прежде чем тот успел сдаться. Прочие вожди галлов, устрешенные, согласились следовать за Цезарем, и в последних числах августа[\[208\]](#)Цицерон из письма своего брата узнал, что армия без всякого серьезного приключения ступила на британскую почву. Это было, следовательно, в конце июля,[\[209\]](#)потому что письмам надо было быть в пути около двадцати восьми дней, чтобы из Британии попасть в Рим. Цицерон успокоился: раз Цезарь мог высадиться, победа казалась ему обеспеченной.[\[210\]](#)

Смерть Юлии и Катутла

В это время, около конца августа или начала сентября, умерла Юлия, жена Помпея, вскоре после смерти своей бабушки, уважаемой всеми матери Цезаря.[\[211\]](#)Молодое поколение было так хрупко, и

ранние смерти так часты, что никого более не удивляли. В этом же году умер и Катулл, едва достигнув тридцатитрехлетнего возраста. Но смерть Юлии вызвала в Риме очень живое волнение, ибо молодая женщина в течение четырех лет соединяла двух самых знаменитых людей той эпохи. Все задавали вопрос, не отразится ли эта смерть на политическом положении.

Уличные беспорядки в Риме

Новые скандалы скоро заняли публику. Тщетно надеялись, что отсрочка выборов успокоит умы. Вновь начались свалки, беспорядки, подкуп вместе с продажностью и насилием. Меммий, поссорившийся с Кальвином, публично в сенате прочитал договор, заключенный с двумя консулами.[\[212\]](#) Банды кандидатов стали вести правильные битвы, и каждый день бывали смертные случаи. Испуганное общество желало только одного: немедленных выборов для прекращения этих беспорядков. Но когда наступил назначенный день, народные трибуны снова отложили выборы. Меммий, боясь, что после скандала его ждет неудача, хотел ожидать возвращения Цезаря из Галлии для того, чтобы иметь его поддержку, и подражал тому, что в прошлом году сделали Красс и Помпей.[\[213\]](#)

Цезарь в Британии

К несчастью, у Цезаря были тогда другие заботы. Цицерон получил письма от своего брата и Цезаря в конце сентября (письмо Цезаря датировано 1 сентября), и известия не внушали беспокойства.[\[214\]](#) Цезарь, построив лагерь на берегу моря, двинулся внутрь страны, но через несколько дней должен был оставить Квинта и экспедиционный отряд, чтобы вернуться к берегу для осмотра флота, которому сильная буря нанесла значительные повреждения.[\[215\]](#) После этого Цицерон не получал писем ни от брата, ни от Цезаря; никто в Риме также не имел их. Не получая известий уже 50 дней,[\[216\]](#) начали беспокоиться и спрашивать себя, что такое произошло на великом сказочном острове. К счастью, через несколько дней письма пришли, успокаивая Цицерона, 24 октября отвечавшего на них.[\[217\]](#) Цезарь снова двинулся в глубь страны; но царь Кассивелавн, притворно отступая перед ним, завлек его далеко от моря через леса и болота; потом он отдал приказ царям областей, которые Цезарь оставил позади себя, взяться за оружие. Так как сообщения с морем были прерваны, легионы вынуждены были тратить силы в схватках с мелкими кавалерийскими отрядами Кассивелавна без всяких решительных результатов. Для того чтобы уничтожить эти отряды, нужна была сильная кавалерия, а у Цезаря она была очень слаба и почти вся состояла из галлов. Очень скоро он заметил, что предприятие становится опасным и что съестные припасы скоро подойдут к концу. Наконец, атребат Коммий, бывший другом Кассивелавна, вмешался, и мир был заключен.[\[218\]](#) Цезарь говорит, что он наложил на Британию подать,[\[219\]](#) но, конечно, даже если Кассивелавн обещал что-нибудь, то он ничего не заплатил, когда римская армия вернулась назад через море. В Галлию Цезарь возвратился в первой половине октября,[\[220\]](#) имея в качестве добычи только многочисленных рабов. Завоевание Британии окончилось полной неудачей.[\[221\]](#)

Цезарь узнает о смерти Юлии

Высадившись в Галлии, Цезарь узнал о смерти Юлии.[\[222\]](#) Это было несчастьем для отца, потому что он сильно любил молодую женщину, напоминавшую ему о первой и, может быть, единственной любви его жизни, о прекрасных далеких годах молодости и о Корнелии, дочери Цинны, этом другом цветке, сорванном смертью во всей его свежести. Это было также несчастьем для вождя демократической партии, которому Юлия умела сохранять дружбу Помпея. Но у него не было времени предаваться скорби. Весьма важные дела занимали его.

Анархия в Риме

В Риме политическое положение становилось все опаснее. Меммий продолжал свою обструкцию, комиции не собирались, акты насилия повторялись; общество, соскучившееся и испуганное, требовало энергичных мер, каковы бы они ни были, лишь бы порядок был восстановлен, выборы состоялись и не было бы в этом году междуцарствия.

Мысль о диктатуре Помпея

Пользуясь этой тревогой, друзья и льстецы Помпея пустили мысль о назначении его диктатором.^[223] Но после этого началась новая борьба. Консерваторы выступили с ожесточенным противодействием, не желая диктатуры Помпея. Они старались ловко воспользоваться народной ненавистью, существовавшей со времен Суллы к этой магистратуре, и заявляли, что они выступают не против диктатуры Помпея, а против диктатуры вообще.^[224] В то время как Цезарь и Красс столько заставляли говорить о себе, Помпей, желавший восстановить порядок в Риме и чувствовавший необходимость несколько поднять престиж своего имени, в сущности, желал быть назначенным диктатором, но колебался, страшаясь непопулярности этой должности и возможной неудачи. По обыкновению он предоставил своим друзьям работать для него, не объявляя своих намерений и не компрометируя себя ни в том, ни в другом смысле. «Хочет он этого или не хочет, трудно сказать», — писал Цицерон своему брату.^[225] Таким образом, призрак этой диктатуры стал веять над Римом, то приближаясь, то удаляясь так, что почти исчезал, но всегда для того, чтобы снова появляться.

Дело Габиния и Рабирия

Посреди этой борьбы тайно возвратился в сентябре Габиний,^[226] а за ним скоро последовал египетский министр финансов Рабирий, которого после отъезда Габиния принудило бежать народное восстание. Но скандал был слишком велик, и маленькая консервативная котерия, будучи бессильна против Цезаря, Красса и Помпея, хотела воспользоваться им, чтобы в лице Габиния и Рабирия атаковать эту слишком мятежную демократию. Габиний был обвинен в государственном преступлении и в грабительстве, Рабирий — только в грабительстве. Эти преследования дали лишь повод к новым интригам.^[227] Несмотря на неудачу Помпея, просившего Цицерона выступить в защиту Габиния,^[228] тот все же был оправдан незначительным большинством по первому обвинению^[229] и приготовился отвечать по второму. Тогда Помпей предпринял новые попытки по отношению к Цицерону и на этот раз успел его убедить. Сам он также произнес речь перед народом в защиту Габиния и прочитал благоприятные для последнего письма Цезаря; однако на этот раз Габиний был осужден.^[230] Цицерону, как кажется, удалось некоторое время спустя добиться оправдания Рабирия, произнеся речь, которая дошла до нас.

Восстание эбуронов

Но Меммий тщетно ждал возвращения Цезаря. Едва тот вернулся из Британии, как в Галлии произошло очень важное событие. Тасгетий, назначенный Цезарем царем карнутов, был убит. Не начинала ли этим убийством национальная партия свои репрессии против знати, согласившейся признать римское господство? Этот факт более симптоматичный, чем важный сам по себе, взволновал Цезаря до такой степени, что для устрашения Галлии он послал легион в область карнутов. Потом он приготовился к возвращению в Италию. Едва отправившись в путь, он получил в Самаробриве (современный Amiens) еще более важное известие. После его возвращения из Британии угроза голода принудила его распределить

свои легионы на зимние квартиры по разным местностям. Пользуясь этой разбросанностью войска, небольшое бельгийское племя эбуронов восстало под предводительством двух знатных — Амбиорига и Катуволка. Они хитростью захватили врасплох и заставили выйти из лагеря (вероятно, с целью присоединиться к другому легиону) легион и пять когорт, незадолго до того набранных в циспаданской Галлии [\[231\]](#) и зимовавших в их стране под начальством Титурия и Аврункулея, и перебили их. Потом, возмущив другие народы, они двинулись против Квинта Цицерона, зимовавшего в области нервиев, и осадили его в его же лагере. Так ответила Галлия на убийство Думнорига, вождя национальной партии. Цезарь должен был приостановить свое путешествие и тотчас же идти на помощь к Квинту. Таким образом, Цезарь был поглощен этой войной; Помпей был занят интригами, необходимыми для спасения его друзей в процессах; консулы не имели влияния после скандала с Меммием, а сенат был бессилен для того, чтобы не допустить государство идти наудачу. Наступил конец года, и ни одни выборы не были проведены. В начале 53 года все должности были свободны и царил полная анархия.

VI

Вторжение в Парфию

Предосторожности Цезаря

К внутреннему беспорядку в Риме скоро присоединились крупные внешние опасности. В Галлии за убийством Тасгета последовало возмущение против Каверина — царя, данного Цезарем сенонам. Когда часть его подданных во главе с Акконом угрожала потребовать его на суд, римский ставленник нашел более безопасным бежать. Восстание эбуронов дало сигнал другим мелким вспышкам в разных частях страны. Цезарь не только отказался от поездки этой зимой в цизальпинскую Галлию, но решил увеличить свою армию, заместив пятнадцать уничтоженных Амбиоригом когорт тридцатью новыми когортами, набранными частью им самим в цизальпинской Галлии, частью уступленными ему Помпеем, который набрал их в этой же области.^[232]Предосторожность оказалась нелишней.

Деятельность Цезаря в Галлии

В Галлии готовилось нечто более опасное, чем все то, что Цезарь мог вообразить себе в самых мрачных предчувствиях: готов был разразиться страшный взрыв революционных сил, скапливавшихся уже столетия в галльском обществе. Вся многолетняя деятельность Цезаря, даже его усилия для утверждения в Галлии порядка и мира, только ускорили этот взрыв.

Галлия во времена Цезаря

События привели Цезаря в Галлию в тот момент, когда кельтская нация переживала тяжелый и решительный кризис, аналогичный кризису, испытанному Италией после Гракхов и имевшему те же причины: пренебрежение древними кельтскими нравами, усвоение иностранных идей и обычаев, увеличение стоимости жизни и падение старых классов. Уже более столетия греко-латинская цивилизация проникала к галльским народам, исключая только самых варварских — белгов и гельветов. Она вносила много нового, от алфавита до вина и артистической чеканки монеты.^[233]В то же время старая землевладельческая аристократия входила в долги и исчезала, а та плутократия, обогатившаяся ростовщичеством, войной и откупам общественные податей, которую Цезарь старался сделать поддержкой римского правительства, возрастала в силе и значении. Национальная религия — друидизм — падала и теряла свое влияние на массы. Концентрация собственности и войны разорили многих галлов, и большинство из них превратились в тех разбойников — *perditi homines et latrones*, о которых так часто говорит Цезарь. Иные занялись торговлей с разными народами Галлии или с германцами, британцами и римлянами;^[234] другие поселились в городах и образовали ядро класса ремесленников. Среди мелких сельских поселков, покрывавших всю Галлию, возник ряд городов, как то: Аварик (совр. Bourges), Герговия (совр. Clermont-Ferrand), Бибракте (совр. Autun), начавших привлекать население и богатство. Торговля рабами с Италией процветала. Некоторые ремесла, например керамика, изготовление изделий из золота, серебра и железа, прядение, производство ветчины, имели успех.^[235]Рабочий класс становился в городах и деревнях многочисленнее, но нуждался в покровительстве и капиталах;^[236] он входил в долги у могущественных плутократов и поступал в их политическую клиентелу.

Галльские капиталисты

Галлия в общем была добычей затруднительного положения и беспорядка, возникающих во всех обществах при изменении состояний, идей и нравов. Все классы были разделены и недовольны. Общественное мнение, капризное и легко возбудимое, не имело более ни руководителя, ни правил. Традиции выходили из употребления, и если знать, древний правящий класс, находилась в упадке, то новая мятежная плутократия не могла, несмотря на свои деньги и интриги, ни заставить функционировать древние учреждения, ни создать новые.

Таким образом, военный и политический упадок Галлии усиливался. Почти повсюду правительство состояло из собрания аристократов, т. е. богатых собственников, отличившихся на войне, а армия образовывалась из тех же самых знатных, каждый из которых командовал небольшим отрядом сограждан и клиентов. По мере исчезновения знати и перехода земельной собственности в руки небольшой плутократии, последняя своими клиентами смущала старое равновесие республиканской свободы и наводняла ими галльскую армию, с этих пор состоящую уже из их слуг — людей, за пищу и кое-какие подачки обрабатывающих их земли и обслуживающих их просторные жилища, разбросанные почти всегда по берегам рек или среди леса. Отряды кавалерии они содержали за свой счет, увеличивая этим свое могущество как в военное, так и в мирное время.

Галльская армия

Цезарь уже давно отдавал себе отчет в том, что галльское войско уже не было более тем, чем ранее. [237] Армия, прошедшая через тот же кризис, что и общество, из которого она набиралась, и составленная из слуг нескольких честолюбивых богачей, завидовавших друг другу, не могла быть хорошей. Однако военное превосходство несколько не давало римлянам серьезной гарантии мира. Несмотря на постоянные войны, язык, традиция, религия были общими у всех галльских народов; национальное чувство было очень живо, и иностранное вторжение, естественно, только раздражало их.

Цезарь и две партии

Эта опасность была велика и сама по себе, но она еще увеличивалась благодаря общему недовольству всех классов против Рима и необходимости, вынуждавшей Цезаря неоднократно затрагивать интересы партий или классов. Разоренная постоянными войнами и домогательствами низших классов, аристократия, может быть, приняла бы римский протекторат, надеясь с помощью Цезаря установить порядок и положить конец этому периоду волнений и недовольства. Но этот протекторат никогда не мог искренне быть принят маленькой олигархией крупных собственников и капиталистов, которых их богатство, бесчисленная толпа их клиентов и расположение народа делали гордыми и честолюбивыми врагами порядка. Своей политикой, благосклонной к честолюбию последних, Цезарь отдал от себя республиканскую аристократию, не расположив к себе плутократическую олигархию.

Потери Галлии

Недовольство еще увеличивалось благодаря потерям, причиненным иностранным владычеством. Галлия была принуждена платить денежную контрибуцию, доставлять большую часть необходимых для римской армии вещей, давать военные контингента! для войн, задуманных Цезарем и часто непопулярных. Она должна была также переносить разорения, причиненные грубой солдатчиной, и

расходы, необходимые, чтобы давать гостеприимство высшим офицерам при их объездах. Уже много галльских городов видели в большом числе тех италийских *negociatores*, которые следовали за римской армией и, как можно себе представить, не довольствовались покупкой добычи, а, подобно хищным птицам, бросались на страну и соперничали с несколькими крупными туземными капиталистами.

Собрание в Самаробриве

С приближением весны отовсюду стали приходить тревожные известия. Нервии, адватуки, менапии взялись за оружие. Сеноны отказались доставить военные контингента! и были готовы вступить в соглашение с карнутами. Амбиориг пытался снова разжечь войну, и, по-видимому, были сделаны попытки вступить в переговоры с Ариовистом, чтобы получить его помощь против общего врага. Обеспокоенный и раздраженный Цезарь не дождался даже весны и, чтобы устроить всех мятежников, с четырьмя легионами внезапно вторгся в область нервиев. Оттуда он увел огромное количество скота и много пленных, которых распределил среди своих солдат.^[238] Затем в марте он созвал в Самаробриве (совр. Amiens) собрание галльских народов. Но там он не нашел представителей ни тревиров, ни сенонов, ни карнутов. Раздраженный, желая терроризировать страну, он немедленно распустил собрание, приказав собраться в новый срок в Лутеции в области паризиев, граничившей с областью сенонов, и в тот же самый день ускоренным маршем направился в мятежные области. Испуганные внезапным нападением сеноны просили прощения и получили его при условии дать заложников. Карнuty не замедлили последовать их примеру.

Преследование Амбиорига

Желая наконец покончить с Амбиоригом, Цезарь отослал к Лабиену, зимовавшему на территории тревиров, весь багаж армии и два легиона. Потом с пятью легионами он вторгся на территорию менапиев, у которых, как он подозревал, скрывался мятежник. Но при его приближении менапии покинули свои деревни и небольшими бандами рассеялись по лесам и болотам. Цезарь разделил свою армию на три колонны: одну взял с собой, другую поручил Гаю Фабию, а третью — Марку Крассу, сыну миллионера. Потом он начал охоту на людей и животных и разрушать деревни. Скоро устрешенные менапии запросили мира. Но Амбиориг и на этот раз не был захвачен.

Продолжение анархии в Риме

В течение всего этого времени беспорядки в Риме продолжались и даже усилились. Месяцы проходили, а выборов все не было. Помпей все надеялся, что беспорядки сделают наконец его диктатуру необходимой, но не смел открыто объявить о своих стремлениях. Положение оставалось неопределенным, и раздраженные консерваторы доходили до обвинений Помпея в тайном покровительстве мятежникам с целью отнять власть у сената. Но если положение было малоблагоприятно в Галлии и очень дурно в Риме, то на Востоке назревало гораздо большее бедствие.

Красс вторгается в Месопотамию

Весной 53 года Красс наконец приступил к завоеванию Парфии. Судьба выбрала его первой жертвой мании величия, волновавшей Италию. Присоединив приведенные из Италии войска к тем, которые он нашел в Сирии, Красс получил армию из 5000 всадников, 4000 вспомогательных войск и девяти легионов, состоявших каждый приблизительно из 3500 человек. Это составляло приблизительно 40 000 человек,^[239] с которыми он немедленно по приезде в Сирию в 54 году стал приводить в исполнение план

войны, казавшийся ему превосходным. Он укрепил мост на Евфрате в Зевгме, перешел реку, занял греческие города Месопотамии — Апамею, Карры, Ихны, Никефорий — и легко разбил парфянского генерала, находившегося в стране с недостаточными силами. Потом, оставив в этих городах 7000 человек (вероятно, два легиона) и 1000 всадников, он возвратился на зимние квартиры в Сирию.^[240] Древние сурово критиковали это возвращение и смотрели на него как на крупную ошибку,^[241] потому что враги имели таким образом время для приготовлений.

Но цель Красса, вероятно, была путем захвата греческих городов Месопотамии привлечь врага из глубины Парфии к Евфрату, чтобы дать ему бой как можно ближе к провинции, в то время как, углубляясь в Парфию, он совершил бы ошибку, подобную ошибке Наполеона, двинувшегося на Москву. Красс, следовательно, поступил разумно, удалившись осенью 54 года в Сирию, где, ожидая весны и своего вызова, занялся сбором денег. Между прочим, он опустошил иерусалимскую сокровищницу и сделал попытку вступить в соглашение с царем Армении и другими независимыми или полунезависимыми князьями Месопотамии, каким был и Абгар Эдесский, большой друг Помпея.

Красс переходит Евфрат

Его план сначала казался удавшимся; весной 53 года гарнизоны, оставленные Крассом в Месопотамии, были атакованы парфянами. Парфянский царь действительно решил разделить свои силы, вторгнуться с лучшей частью своей пехоты в Армению и послать в Месопотамию почти всю свою кавалерию под начальством Сурены, или главнокомандующего,^[242] с поручением стараться в свою очередь увлечь римлян как можно далее от их базы.

Оба противника поставили себе одну и ту же цель, употребили одну и ту же военную хитрость. К несчастью, Красс возгордился, что ему удалось слишком легко обмануть неприятеля. Как только он узнал, что парфяне приближаются, у него была только одна мысль: немедленно броситься на них, и он лишь боялся, что не успеет вовремя. Беглецы, спасавшиеся из осажденных парфянами городов, приносили удивительные сведения: всадники были очень многочисленны, очень быстры, очень смелы и очень ловки в пускании с чудесной силой стрел из своих больших луков. Некоторые генералы возмущенные этими известиями, предложили пересмотреть весь план экспедиции.^[243] Как раз в это время прибыл с 6000 всадников армянский царь Артавазд и объявил, что готов доставить еще 10 000 всадников и 30 000 пехотинцев, если Красс пожелает вторгнуться в неприятельскую страну через Армению, где из-за гор парфяне не могли бы воспользоваться своей кавалерией.^[244]

Но упрямый старый банкир, нетерпение которого с каждым днем возрастало, отказался покинуть осажденных римлян. Он перешел в Зевгме через Евфрат с семьей легионами, 4000 всадников и вспомогательными войсками и направился через Месопотамию по направлению к Каррам навстречу парфянской армии.^[245] Семь легионов, кавалерия, вспомогательные войска, 500 вьючных животных, следовавших с провиантом и палатками за каждым легионом, должны были растянуться в длину более чем на 21 километр.^[246]

Парфяне очищают Месопотамию

Но едва армия тронулась в путь, как разведчики принесли еще более странные известия. Парфяне повсюду снимали осаду и удалялись; страна была покинута; на земле были видны следы многочисленных лошадей, по-видимому, указывающие на отступление армии. Эти известия вызвали сильное беспокойство в главной квартире. Какова была цель парфян? Кассий, зять Сервилии, следовавший за Крассом в качестве квестора и бывший осмотрительным молодым человеком, советовал генералу остановиться в уже

завоеванных городах, чтобы собрать там более точные сведения о неприятеле, или, так как этим городам ничто более не угрожало, идти на Селевкию вдоль Евфрата по той дороге, по которой проходили 10 000 Ксенофонта. Правый фланг армии был бы тогда защищен рекой, и снабжение ее продовольствием было бы легким. Красс, казалось, позволил себя убедить и созвал военный совет.[\[247\]](#)

Красс преследует парфян

И на этот раз были правы те, которые колебались. Сурена хотел увлечь римскую армию возможно далее и заставить ее перейти реку Хабор, за которой уже начиналась пустыня.[\[248\]](#)К несчастью, Абгар Эдесский, прежний друг Помпея, которому Красс доверял полностью, был в соглашении с парфянами и сумел ловко возбудить нетерпение и жадность Красса. Парфяне, по его словам, намеревались перенести свои сокровища в горы; Красс должен был без замедления преследовать Сурену, настигнуть его и разбить прежде, чем он соединит свои силы с силами царя.[\[249\]](#)Таким образом, он заставил Красса совершить ошибку, за несовершенство которой в прошлом году его упрекают историки. Нетерпение, алчность, доверие к своей судьбе, отвращение к перемене плана увлекли на этот раз Красса за пределы благоразумия. Он двинул свою армию по следам парфян и, надеясь быстро настигнуть врага, вел своих солдат очень длинными переходами во время страшной майской жары. Но дни проходили, утомительные переходы продолжались, а враг не был настигнут. Армия уставала и теряла мужество в этом нервном преследовании невидимого врага. Красс приходил в бешенство. Он не хотел возвращаться назад и в то же время боялся слишком уйти вперед. Начинали циркулировать слухи об измене. Однажды пришли послы армянского царя, чтобы предупредить Красса, что царь не может прислать ему войско, так как в его царство вторгся парфянский царь. Он снова советовал взять Армению за операционную базу и убеждал римлян, если они отвергнут этот план, избегать пустыни или равнин, где могла бы действовать парфянская кавалерия.

Парфяне начинают нападать

Кассий тотчас понял мудрость этого совета, но Красс, которого годы, усталость, беспокойство сделали раздражительным и которого судьба выбрала первым для искупления мании величия своей эпохи, рассердился на царя, давшего хороший совет. Он отпустил послов, пригрозив, что по окончании войны по заслугам накажет армянского царя,[\[250\]](#)и продолжал идти вперед, все еще не видя врага и не имея никаких известий. Наконец, после долгих дней утомительного перехода[\[251\]](#)в конце мая или в первых числах июня, когда армия только что прошла Карры и подходила к берегу Велика, несколько разведчиков возвратились, с трудом переводя дыхание. Они говорили, что недалеко встретили огромную неприятельскую армию, быстро двигавшуюся вперед в надежде захватить врасплох римлян и убившую почти всех разведчиков. Что побудило парфян таким образом напасть на него? Возможно, что они тайно были уведомлены Абгаром Эдесским, что римская армия пала духом и измучилась. Смущенные этим известием солдаты и многие офицеры желали расположиться лагерем на берегу реки, чтобы ожидать здесь неприятеля и изучить его способ сражаться раньше, чем вступить в битву. Но Красс после минутного колебания решил тотчас начать сражение, опасаясь, что враг снова ускользнет от него.

Тактика Красса

Он начал с приказа семидесяти когортам расположиться по фронту, глубиной в десять рядов. Этот маневр римские специалисты по тактике советовали делать, когда армия была атакована большими массами кавалерии. Но построиться на расстоянии двенадцати километров по фронту (такое пространство занимали бы семьдесят когорт, поставленных друг около друга)[\[252\]](#)армии, растянутой при походе

приблизительно на 21 километр, нельзя было в одно мгновение. Красс в самой середине маневра потерял терпение и, переменив намерение, хотел построить в каре четыре головных легиона, поставив по фронту 12 когорт, подкрепленных конницей, а на флангах — по 8 когорт.[\[253\]](#)

Командование одним крылом он поручил сыну, другим — Кассию, а сам поместился в центре, приказав солдатам наскоро подкрепиться. Потом он приказал когортам каре, сопровождаемому тремя легионами, переправиться через речку и броситься на неприятеля.[\[254\]](#)

Тактика парфян

Скоро увидели, что неприятельская армия, по виду немногочисленная, разворачивается; на горизонте появляются группы всадников и медленно двигаются вперед. Мало-помалу их число увеличивалось; равнина начала оглашаться криками, воздух засверкал от блеска кирас; наконец, появилась и образовала авангард тяжелая кавалерия, которую Сурена скрывал за холмом, и огромная масса всадников, покрытых железом, бросилась на римское каре. Римские когорты выдержали удар и встретили следовавшие друг за другом нападения дротиками. Потом нападения приостановились. Всадники стягивались, как будто бы уже утомленные. Красс, думая, что битва скоро будет окончена, направил стрелков, пращников и легкую пехоту преследовать беглецов. Но они немедленно были осыпаны градом стрел, с удивительной силой пускаемых легкой парфянской кавалерией, составленной из лучников, которая двигалась теперь вперед, разворачивалась по обеим сторонам тяжелой конницы наподобие огромного полукруга. Посланные вперед Крассом солдаты были вынуждены в беспорядке возвратиться к легионам. Легкая парфянская кавалерия приближалась, и стрелы летели через тяжелую конницу по параболической кривой,[\[255\]](#) сперва поражая первые ряды, а затем и центр римского каре. Красс и офицеры старались поддержать мужество солдат, говоря им, что враг скоро истратит все свои стрелы. Римский полководец пытался также бросить когорты на неприятеля. Но как только римляне двигались вперед, парфяне бежали и, обернувшись на своих лошадях, все продолжали пускать стрелы. Когорты вынуждены были снова спасаться в каре, которое опять находилось под безжалостным дождем стрел. Колчаны парфян казались неистощимыми. Офицеры наконец заметили на горизонте длинную цепь верблюдов, к которым время от времени приближалась группа всадников: это был огромный запас стрел, следовавший за армией.[\[256\]](#) Легионы, утомленные бездействием в качестве мишени для этого ужасного града, теряли мужество.

Смерть Публия Красса

Красс наконец решил сделать последнее усилие, чтобы разорвать это кольцо людей и железа, окружившее его армию. Он приказал своему сыну Публию взять 1300 всадников, в том числе 1000 галлов, 500 стрелков и восемь когорт, и напасть на врага. Последний, по-видимому, отступил. Он скоро исчез на горизонте в тучах пыли; страшный дождь стрел прекратился. Красс воспользовался этим моментом, чтобы занять холм, и, считая битву оконченной, более спокойно ожидал возвращения Публия. Но скоро поспешно прибыли разведчики: Публий просил помощи; парфяне бегством завлекли его слишком далеко, потом сразу развернулись и напали на маленький отряд. Началась ужасная схватка, и Публий должен был быть раздавлен, если не получит быстрой помощи. Красс готовился уже выступить со всей армией, но едва тронулись в путь, как увидели, что снова появилась густая туча пыли, сквозь которую сверкали кирасы и раздавались дикие крики. Парфяне в бешенстве возвращались во всю прыть; всадник, ехавший впереди, держал на конце копья черный предмет. Римляне остановились в ожидании, и, когда парфяне приблизились, острые глаза рассмотрели, что этот черный предмет, несомый на конце копья, был головой Публия Красса. Маленький отряд был уничтожен. Армия содрогнулась, но Красс, бодро сносивший до сих пор удары такой ужасной бури, и теперь не пал духом. Он проезжал по рядам солдат, говоря им, что

смерть Публия касается его одного, а что до них, то они должны исполнить свой долг и отразить новый приступ. Действительно, враг снова развернул вокруг всей армии огромный полукруг стрелков, в то время как из центра массы кавалерии одна за другой устремлялись на каре. Но и на этот раз когорты держались стойко. Наконец, парфянская кавалерия, утомленная столькими яростными нападениями, опустошив свои колчаны и притупив сабли, отступила, когда солнце склонилось к горизонту.[\[257\]](#)

Деморализация римлян

Вечером парфяне, вероятно, думали, что потеряли весь день. Они надеялись захватить римскую армию врасплох и наголову разбить ее, а между тем, несмотря на значительные потери, нанесенные римлянам, битва не получила окончательного результата. Урон действительно не имел бы никакого влияния на исход кампании, если бы армия Красса была одной из тех старых и крепких армий, которые Рим умел когда-то выставлять.[\[258\]](#) Но тогда в империи была одна только сильная армия — армия Цезаря. В рядах Красса молодые рекруты были гораздо многочисленнее старых солдат. Офицеры почти все принадлежали к той мало серьезной золотой римской молодежи, которая не имела глубоких знаний о военном искусстве. Вождь был человек умный, но был стар и избалован слишком легким успехом в войне со Спартаксом. Таким образом, значительные потери, необычный способ сражаться, отдаленность Сирии, смерть Публия Красса — всего этого было достаточно, чтобы до такой степени привести в уныние армию, что вечером все, солдаты и начальники, считали себя побежденными. Сам Красс, в течение дня командовавший с удивительной энергией, потерял мужество. Он боялся, что парфяне, ободренные своей победой, на следующий день нападут на его истощенную армию, и, как кажется, по совету Кассия, дал в ту же ночь приказ быстро отступить к Каррам.[\[259\]](#) Пришлось покинуть на поле битвы 4000 раненых, перебитых на следующий день парфянами, а ночью в темноте и беспорядке четыре когорты заблудились и также были перебиты врагом.[\[260\]](#)

Решение остаться в Каррах

Однако, достигнув Карр, римская армия могла отдохнуть, спокойно реорганизоваться и без большой опасности возвратиться по уже пройденной дороге, где парфяне не могли бы их долго преследовать из-за недостатка воды и фуража. В этот момент парфянский главнокомандующий действительно сильно испугался, что враг ускользнет от него по прежней дороге.[\[261\]](#) К несчастью, совершенно деморализованные поспешным отступлением, оставлением раненых и уничтожением заблудившихся ночью когорт солдаты и офицеры не понимали, что главная опасность миновала. Ими овладел такой страх перед парфянами, что они не решались более выходить из города на равнину. Военный совет решил просить помощи у армянского царя и ждать в Каррах прибытия этой помощи, а затем отступить, вероятно, через Армению.[\[262\]](#)

Решение оставить Карры

Парфянский главнокомандующий, подошедший под самые стены Карр, узнав, что армия так деморализована, постарался хитростью одержать окончательный успех, которого не одержал силой. Он дал знать римским солдатам, что позволит им свободно уйти, если они согласятся выдать ему Кассия и Красса. Ловушка была очень хитрой: если бы солдаты возмутились и захватили в свои руки двух наиболее способных вождей, Сурене легко было бы уничтожить всю армию. Но римская дисциплина была слишком прочной. Вероломный совет не был выслушан, и уловки Сурены не послужили бы ни к чему, если бы вожди римской армии сохранили более спокойствия и более доверия к своим солдатам. Узнав, что эмиссары

Сурены стараются возмутить армию, они потеряли голову и не хотели ни минуты оставаться в Каррах, боясь, что измученное столькими испытаниями войско, наконец, позволит себя увлечь. Поколебленный просьбами офицеров, Красс изменил свое решение и дал приказ отступать, не дожидаясь помощи армянского царя, в получении которой, впрочем, он не был уверен.

Кассий отделяется от Красса

Но по какой дороге идти? Кассий советовал отправиться по той, по которой пришли, но Красс, или обманутый знатным каррцем Андромахом, или не желая рисковать на равнине своими солдатами, решил идти по горной дороге через Армению. Римская армия направилась к горам, идя почти всегда ночью, выбирая самые трудные дороги и самые болотистые места, куда парфянский вождь не мог двинуть свою кавалерию. Еще одно последнее усилие — и римская армия была бы спасена. Но вместе с утомлением возрастала нервозность солдат и раздражительность офицеров. Между вождями более не было согласия. Красс потерял свою твердость в решениях и свое влияние на офицеров. Однажды произошло бурное объяснение с Кассием, который не переставал все критиковать, и в гневе Красс сказал ему, что если он не хочет следовать за ним, то может взять эскорт и удалиться, куда ему угодно. Кассий тотчас же принял это предложение. С 500 всадников он возвратился в Карры, откуда по прежней дороге направился к Евфрату.[\[263\]](#)

Смерть Красса

Так раскололась армия. Несмотря ни на что, Красс продолжал свой путь. Вождь парфян видел, что он готов ускользнуть от него, потому что горы были близки. Тогда, не желая возвращаться ко двору без окончательного успеха,[\[264\]](#) он прибегнул к последнему вероломству. Утром он отправил послов в римский лагерь сказать, что желает вступить в переговоры с Крассом относительно заключения мира. Опасаясь засады, Красс, видевший, что теперь отступление обеспечено, ответил отказом; но когда утомленная армия узнала, что она может надеяться на спокойное отступление, она не захотела ничего слушать и угрожала возмутиться, если Красс откажется вступить в переговоры. В этот ужасный час ни его имя, ни его возраст, ни его почти священное звание «император», ни огромные оставленные им в Италии сокровища не послужили ничему. Красс, несмотря на свои недостатки, был человеком энергичным: его не поколебала угроза возможной смерти перед горами Армении, далеко от своего семейства, своего дома и Рима; он вел себя подобно приговоренному к смерти преступнику, которому остается всего несколько минут на приготовление к казни. Он созвал офицеров, сказал им, что идет на свидание, что знает об угрожающей ему засаде, но предпочитает быть убитым парфянами, чем своими солдатами. Он отправился с конвоем и был убит 9 июня.[\[265\]](#)

Распад армии

Красс был очень одаренным человеком, очень умным, очень деятельным, хотя маловеликодушным и слишком эгоистом. Он вел эту войну с большой ловкостью, но поспешность, слишком большая вера в себя, некоторая небрежность в приготовлениях, военный беспорядок, наконец, стечение несчастных случайностей уготовили ему участь, которой Цезарь только чудом избежал в войне против геллетов. Умирая таким образом, он искупал свои многочисленные ошибки и тщеславие всей Италии. Его голова была отрезана и послана ко двору парфянского царя; его тело осталось непогребенным; армия, оставшаяся без вождя, рассеялась; много солдат было убито; лишь остатки великой армии, перешедшей через Евфрат, добрались до Сирии.[\[266\]](#)

Получение известия в Риме

Известие об этом поражении пришло в Рим в июле, [\[267\]](#) когда после семимесячной анархии готовились провести выборы на государственные должности этого года. Беспорядок увеличивался самим обсуждением вопроса о его прекращении. Одни хотели восстановить должность *tribuni militum consulari potestate* древнего Рима, другие предлагали назначить диктатором Помпея. Это предложение казалось наилучшим, но в последний момент Помпей отказался, страшась общественного мнения, ненавидевшего это имя со времен Суллы. Он согласился только ввести в Рим солдат своей армии. При помощи этих солдат *interrex* мог провести комиции. Выбраны в консулы были Марк Валерий Мессалла и Гней Домиций Кальвин. [\[268\]](#) Легко представить, какое волнение в Италии вызвало известие о смерти Красса, пришедшее сейчас же по окончании бесконечного предвыборного скандала. Значит, правы были консерваторы, противившиеся всеобщему стремлению к экспедиции.

Жестокости в Галлии

В Галлии в это время война продолжалась с лучшими результатами, но все с более и более варварскими приемами. Лабиен победил треверов. Цезарь вторично перешел Рейн и сделал набег на страну свевов, чтобы утратить Ариовиста и воспрепятствовать ему отомстить за себя при помощи галлов. Возвратившись в Галлию, он вынужден был снова сражаться с эбурунами, которые маленькими отрядами старались захватывать врасплох и убивать отдельных солдат или мелкие части войска. Цезарь хотел на этот раз окончательно уничтожить их и приказал опубликовать во всех галльских городах эдикт, позволяющий всякому желающему грабить и убивать на территории эбурунов. Со всех концов Галлии сбежались кучки разбойников, образовавшиеся из тех отчаянных лиц и разбойников — *perditi homines atque latrones*, которыми была так богата Галлия. Со своей стороны Цезарь, оставив в Адуатуке (совр. Tongres, к северу от Льежа) багаж армии под охраной одного легиона, бросил на страну девять легионов, разделив их на три колонны, одной из которых командовал он сам, другой — Требоний, а третьей — Лабиен. Несколько месяцев жгли деревни, отбирали скот, охотились за людьми. Но насилие, подобно огню, часто заходит так далеко, как не хотел бы тот, кто его зажег. Банда в две тысячи сугамбрских грабителей по приглашению Цезаря пришла для грабежа страны эбурунов. Узнав, что в Адуатуке находился римский лагерь с богатым обозом десяти легионов и со складами следовавших за армией купцов, эта банда попыталась захватить его и едва не имела успеха. Однако Амбиориг, травимый подобно дикому зверю и преследуемый от убежища к убежищу, все еще не был пойман. С приближением зимы Цезарь удалился. Он созвал собрание галлов, обвинил в мятеже сенонов и карнутов, осудил на смерть Аккона, а на изгнание и конфискацию их имуществ — многих знатных, скомпрометированных в мятеже и бежавших за Рейн. Их имущество было разделено между знатными, оставшимися верными, и между высшими чинами войска. [\[269\]](#) Потом Цезарь сделал приготовления для возвращения в Италию.

Кредит Цезаря в Риме колеблется

Умиротворение Галлии, таким образом, быстро выродилось в истребительную войну. Кровавый военный режим последовал за примирительной дипломатией первых лет. Такова история всех завоеваний, но на этот раз раздражение завоевателя было так сильно, что постоянные мятежи подвергали сомнению все его дело шести лет и сильно компрометировали его кредит в Риме. Потомство рассматривало завоевание Галлии как великую славу Цезаря, но современники к концу 53-го года видели в нем иное. Поражение армии Красса уничтожило энтузиазм масс к политике крупных захватов и

поколебало доверие к людям, являвшимся ее представителями. Красс, который после своей смерти не внушал более никому страха, естественно, обвинялся более, чем Цезарь, живой и могущественный. Его обвиняли в том, что он вел экспедицию, как невежда, совершил самые грубые ошибки и все погубил своим упрямством и жадной денег. Но и против Цезаря выдвигались обвинения. Когда Лукулл и Помпей присоединили Понт и Сирию, все было кончено в короткое время. В Галлии, напротив, каждый год надо было начинать все сначала. Не было ли это, по крайней мере отчасти, виной Цезаря?

Галльские богатства в Риме

Кроме того, скандальная выставка богатств, награбленных в Галлии некоторыми генералами, начинала раздражать публику. Цицерон продолжал заниматься постройками, порученными ему братом. Мамурра, бывший незнатным формийским всадником, приказал построить себе на Целийском холме роскошный дворец, все стены которого были покрыты по александрийской моде прекрасными мраморными плитами, что было еще неведомой в Риме роскошью.[\[270\]](#)Лабиен, купивший обширные имения в Пицене, построил там в Цингуле (совр. Cingoli) настоящую маленькую крепость.[\[271\]](#)Волна сентиментализма, неизбежная в цивилизованном обществе и усиленная влиянием греческой философии, понемногу отрезвляла нацию подкупа и тщеславия и приобрела большую силу, когда после короткого промежутка выборы на 52 год снова вызвали взрыв анархии. Кандидатами на консульство были: Милон, Публий Плавтий Гипсей и Квинт Цецилий Метелл Сципион, приемный сын Метелла Пия. На претуру кандидатом являлся Клодий, а на квестуру — Марк Антоний, который после возвращения Габиния в Италию был вызван Цезарем в Галлию. Цезарь, быстро оценивший его военные способности, согласился дать ему отпуск, чтобы он домогался этой магистратуры.[\[272\]](#)

Отсрочка выборов

Борьба скоро приняла такой ожесточенный характер, что все кандидаты стали добиваться магистратур с оружием в руках. Постоянно происходили кровавые схватки между на вербованными шайками кандидатов. Однажды сам Цицерон едва не был убит на Священной дороге;[\[273\]](#) в другой день Марк Антоний едва не убил Клодия.[\[274\]](#)Оцепенелое общество спрашивало себя: что за безумное бешенство овладело умами и ценой каких убийств можно восстановить порядок? Взгляды общества напрасно обращались к Помпею. Из-за нерешительности и слабости или из желания сделать свою диктатуру необходимой ввиду беспорядка Помпей ничего не делал. Консулы тщетно много раз пытались провести выборы. Сенат, не будучи в состоянии ничего сделать, кончил тем, что запретил египетский культ Сераписа и Изиды, странности которого присоединялись к моральному беспорядку, господствовавшему в Риме.[\[275\]](#)Было также решено предложить народу закон, по которому магистрат мог бы получить провинцию только через пять лет после отправления должности.[\[276\]](#)Таким образом надеялись несколько успокоить бешеную конкуренцию, которая бывала при соискании должностей. В третий уже раз в течение четырех лет год оканчивался без выборов консулов на следующий срок. На этот раз сенат не мог даже назначить временного правителя (interrex), потому что этому воспротивился народный трибун Тит Мунаций Планк. В этой оппозиции многие видели руку Помпея, который хотел помочь событиям и заставить сенат назначить его диктатором.[\[277\]](#)

Смерть и похороны Клодия

Но среди стольких насилий одно убийство довело беспорядок до последней степени. 18 января Милон, отправившийся с вооруженной охраной в Ланувий, встретил на Аппиевой дороге возле Бовилл

Клодия, возвращавшегося с небольшой свитой в Рим из своей деревни. Два небольших отряда вступили в схватку, и Клодий был убит.[\[278\]](#) «Наконец-то!» — сказали многие в Риме со вздохом облегчения. Но и после смерти этой ужасной личности суждено было взволновать Рим. Народ легко был возбужден его сторонниками, его сикариями, трибунами народной партии и его женой Фульвией. Толпы пришли посмотреть на труп, выставленный в его доме. Со всех сторон кричали о мщении, и его похороны были отпразднованы с грандиозной и почти дикой помпой. Народ сопровождал тело в курию Гостил и я и, чтобы выразить свою ненависть к богатым и знатным, зажег костер из скамей, столов и пюпитров сенаторов. Огонь распространился на курию и охватил также базилику Порция, так что тело демагога исчезло в пепле двух самых древних и самых уважаемых памятников Рима, между тем как народ, охваченный безумием, провозгласил Помпея и Цезаря диктаторами. Испуганный Планк перестал противиться назначению *interrex*'а, и сенат выбрал Марка Эмилия Лепида — сына консула, умершего во время революции 78 года. Это был очень богатый молодой человек, женатый на дочери Сервилия; он был другом Цезаря и Помпея, но так как не имел большого влияния, то его назначение только увеличило возбуждение. Народ, вместо того чтобы успокоиться, волновался все более и более, и, когда в честь демагога устроили большой поминальный обед, произошли крупные беспорядки. Толпа пыталась поджечь дома Милона и подозреваемого в расположении к нему Лепида. Народная демонстрация отправилась предложить консульские фации Гипсею и Сципиону; другая толпа провозгласила Помпея консулом и диктатором. Везде в Риме были драки, демонстрации, волнения. Бандиты и воры пользовались этими беспорядками и под предлогом розыска соучастников Милона врвались для краж в частные дома.[\[279\]](#)

VII

Великий кризис демократического империализма.

Возмущение Галлии

Вероломство Цезаря по отношению к Коммию

В то время как в Риме происходили эти волнения, Цезарь перешел Альпы, чтобы возвратиться в Цизальпинскую Галлию. Торопливость, гаев, серьезное положение его партии, его характер, по временам безрассудный и вспыльчивый, невероятное величие его предприятия — все это роковым образом побуждало его нагромождать одну ошибку на другую. Ради возможности побывать в Италии и познакомиться с тамошними событиями он подверг Галлию жестоким репрессиям, которые неизбежно должны были вызвать к нему ненависть.[\[280\]](#) Действительно, едва он уехал, а, вероятно, еще находясь в дороге, он узнал от Лабиена, что его прежний друг и союзник Коммий подготавливает восстание. В гневе он приказал Лабиену пригласить атребата в лагерь и убить его.[\[281\]](#) Лабиен повиновался, но Коммию, раненному, удалось спастись, и это вероломство имело только тот результат, что Коммий стал смертельным врагом Цезаря, истощавшего свои силы в этой сизифовой работе, делавшей его раздражительным и жестоким. Впрочем, в данное время Коммий, спасшийся в лесах северной Галлии, мало занимал его: у него были другие тревоги в Италии, гораздо более важные.

Цезарь как козел отпущения для римлян

Демократическая партия, не сдержав своих безумных обещаний, снова падала в глазах общественного мнения, как в 57 году. Аграрный закон 59 года, подобно своим предшественникам, не был приведен в исполнение. Надежды на Британию рушились. Римская армия в Парфии потерпела позорное поражение. Все думали, что Галлия за два года покорена «единственным императором», а она была теперь в состоянии открытого восстания. Красс умер, и могущественный триумвират превратился в правление двух лиц, неспособных подавить даже мятежи римской черни. Уже давно масса людей устала от потока ужасного подкупа и насилия, угрожавшего унести все в своем бешеном течении. После же смерти Клодия положение стало особенно угрожающим. Сначала общество, повинувшись одновременно чувству страха и справедливости, сурово осуждало Милона, приказавшего своим рабам докончить раненого Клодия;[\[282\]](#) но когда чернь погрязла в насилиях, произошел поворот в общественном мнении. В консервативном лагере даже партия самых крайних оправдывала убийцу Клодия. Вечером в день похорон сенат объявил военное положение и поручил Помпею, народным трибунам и самому Милону привести в исполнение этот декрет.[\[283\]](#) Ободренный благоприятной для него переменой, Милон тотчас явился в Рим и в обстановке общей трусости набрался смелости домогаться консульства.[\[284\]](#) Эта наглость довела до отчаяния чернь, грозившую возмутиться. Смятение действительно достигло высшей степени: общество было охвачено страхом, и враги Цезаря ободрились. Так как он был творцом этой политики, то его следовало сделать ответственным за все настоящие несчастья: за поражение Красса, которого он направил в Парфию; за всеобщую коррупцию, которую он поддерживал своей щедростью; за беспорядки в Риме, которые он не пресекал; за бесконечную войну с галлами, вызванную его грабежами.[\[285\]](#)

Соперничество между Помпеем и Цезарем

Цезарю, следовательно, приходилось в третий раз восстанавливать демократическую партию. Но теперь, после смерти Юлии, Красса и Клодия, это было не легко. С исчезновением несравненного народного агитатора распались и выборные коллегии, составлявшие силу его партии, а смерть Красса, последовавшая за смертью Юлии, делала непрочным соглашение с Помпеем, уже поколебленное событиями последних лет. Историки ошибочно рассматривали несогласие, начавшее назревать тогда между Цезарем и Помпеем, как результат соперничества честолюбий, которое долго скрывалось и наконец разразилось вследствие смерти Красса. Несогласие коренилось не в честолюбиях, а в темпераментах обоих лиц, и сила событий, а не желание того или другого, заставили его обнаружиться. Начиналась борьба не между двумя честолюбиями, а роковое столкновение консервативной политики и политики демократической. После многолетней борьбы обе они олицетворились в двух старых друзьях. Злоба и интриги консерваторов, трудность борьбы одновременно и с ними, и с Цезарем, Крассом и Клодием принуждали Помпея, бывшего в сущности консерватором, до сих пор держаться Цезаря.

Идеи образованных классов

Поражение Красса, опасное положение республики и мятежи в Риме утрашили его, пробудили его властные инстинкты и толкнули к идеям, разделяемым лучшими гражданами, к той программе, одновременно гениальной и химерической, которая требовала примирения аристократии и демократии, подавления общественного и частного подкупа, возвращения к более простой и более нравственной жизни. Необходим был переворот: республика нуждалась в мире, порядке и правосудии. Если обычных магистратур было недостаточно, то нужно было создать нового магистрата, который мог бы, наконец, контролировать положение. Эти идеи распространялись в высших классах, новые настроения которых Цицерон, не давая себе в том отчета, отразил в «De Republica».

Предложение Цезаря

Цезарь понимал опасность и старался прежде всего иметь Помпея на своей стороне. Из Равенны, куда он отправился провести зиму,[\[286\]](#) он помог своему зятю провести порученный тому сенатом набор[\[287\]](#) и предложил ему новый двойной брак. Цезарь предлагал жениться на дочери Помпея, обрученной тогда с сыном Суллы, а Помпей должен был жениться на второй дочери одной из племянниц Цезаря, Атии, вдове Гая Октавия, умершего в начале своего консульства; у Атии кроме сына Гая, рожденного в 63 году и которому было тогда одиннадцать лет, были две старшие дочери.[\[288\]](#) Но Помпей, начавший тяготиться своим союзом с Цезарем, отказался.

Вопрос о втором консульстве Цезаря

Для Цезаря это был большой удар. Помпей был ему необходим, чтобы вовремя отразить опасность, какую он предвидел в будущем. Его проконсульские полномочия оканчивались 1 марта 49 года, и по закону Суллы, позволявшему повторное избрание только через десять лет, он мог снова быть избран консулом лишь в 48 году. Оставалось, следовательно, около десяти месяцев, в течение которых он не был бы защищен неприкосновенностью должностного лица, но, подобно первому встречному гражданину, служил бы предметом обвинений и судебных преследований, с помощью которых в Риме партии боролись между собой. Он знал, что у него много врагов и что если бы его партия лишилась влияния, а Помпей покинул бы его, то опасность преследования была бы велика. Суд легко мог осудить его на изгнание,

которое разом положило бы конец его политической карьере. Нужно было эти десять месяцев сохранять управление провинцией. Но как добиться этого? Заставить отложить назначение своего преемника до 1 января 48 года и остаться в провинции в качестве временного магистрата в ожидании своего заместителя было легко, но по устранении одного затруднения возникало другое, более важное. Чтобы домогаться консульства на 48 год, необходимо было присутствовать в Риме. Но, если он вступал в Рим, он терял *Imperium* и становился простым гражданином, доступным преследованиям своих врагов. Оставаясь же в провинции, он не мог выставить своей кандидатуры на консульство. Нелегко было выйти из этого сплетения юридических и конституционных затруднений, но Цезарь, никогда не стеснявшийся в средствах, сумел это сделать. Многие желали, чтобы он вопреки конституции был избран в консулы вместе с Помпеем чисто революционным путем; но он требовал от своих друзей оставить эту мысль, а вместо этого просил провести с помощью десяти трибунов закон, позволявший ему заочно домогаться консульства.^[289] Таким путем он мог бы быть избран консулом, оставаясь в Галлии до 1 января 48 года и препятствуя назначению своего преемника. Он тотчас начал делать в Риме все необходимые приготовления для проведения этого закона.

Новое восстание всей Галлии

Но плохие известия из Галлии спутали все его тонкие расчеты. Еще раз он ошибся, думая, что жестокие репрессии дадут ему небольшую передышку. Едва он покинул Галлию, как наиболее влиятельные лица многих народов, раздраженные опустошениями и казнями предшествовавшего года, стали, собираясь в лесах, обсуждать положение страны и образовали союз с целью агитировать не только среди своих приверженцев, но и среди низших классов по всей Галлии. Карнеты, снова восставшие под начальством Гутуатра и Конконнетодумна, уже перерезали в Кенабе (совр. Орлеан) италийских купцов, а среди них — всадника Гая Фуфия Кита, бывшего управляющим провиантской частью римской армии. В Оверни «друг» Цезаря, молодой Верцингеториг, подготовил революцию, захватил власть и поднял знамя восстания; к нему присоединились сеноны, паризии, пиктоны, кадурки, туроны, авлерки, лемовики, анды и все народы, жившие вдоль берега океана. Молодой арвернский вождь уже послал под начальством кадурка Луктерия армию к границам Нарбонской Галлии, в то время как сам вторгся на территорию битуригов, данников эдуев.^[290] Уцелевшие силы аристократии и плутократии соединились против общего врага; оппортунистическая политика Цезаря, сеявшего вражду между соперниками, восстановила против него все партии, и мятеж, обширнее и опаснее предшествующих, угрожал римским армиям, рассеянным по их зимним квартирам, в то время как Цезарь был далеко и не мог даже начать дело политической реставрации, ради которого он так поспешно покинул Галлию.

Затруднительное положение Цезаря

Положение Цезаря было ужасным. Неужели все его дело в Италии и Галлии рухнет и погребет его под своими развалинами? Но величина опасности возбудила всю энергию его духа. Не будучи в состоянии одновременно преодолеть и галльский кризис, и италийский, вынужденный выбирать между тем и другим, он, как и в 57 году, без колебания покинул Италию и тотчас же, т. е., вероятно, в середине февраля, вернулся в Нарбонскую Галлию.^[291] По дороге известия становились все более и более тревожными: оставшиеся верными в центре Галлии эдуи, ремы, лингоны были окружены мятежными племенами, как огненным кольцом. На востоке еще колебались одни только секваны. Вся римская армия находилась в северной части этого круга. Если бы Цезарь вызвал свои легионы в нарбонскую Галлию, им пришлось бы пройти через всю восставшую страну; если же он сам отправится к ним, то ему придется с незначительными силами пройти через центр мятежа.

Решительность Цезаря

Выбор был затруднителен. Но, не теряя ни мгновения, с той быстротой, которая, по словам одного древнего писателя, напоминала быстроту пламени, Цезарь задумал и выполнил необычайно смелый план. В несколько дней при помощи гранизона и солдат, только что набранных в Италии, он организовал, насколько мог, защиту Нарбонской Галлии; потом послал небольшой отряд кавалерии в Виенну; наконец, с оставшимся отрядом в самый разгар зимы, приказывая солдатам прорывать дорогу в снегу, перешел Северны и неожиданно атаковал Овернь. Арверны, считавшие себя в безопасности от какого бы то ни было нападения, потому что горы были покрыты снегом, были так напуганы этим неожиданным появлением римлян, что тотчас же призвали Верцингеторига на помощь родине, в которую, по их словам, вторглась огромная армия. Именно этого и ждал Цезарь. Он передал командование Дециму Бруту, приказав ему грабить страну, а сам с небольшой свитой вновь перешел Северны и за несколько дней прошел сто миль, отделявших его от Виенны. Там он взял небольшой отряд кавалерии, посланный туда ранее, и, скача день и ночь галопом, промчался через всю Галлию, не будучи узнанным, а следовательно, и обеспокоенным. Все считали, что он еще в Оверни. Таким образом он присоединился к двум легионам, зимовавшим в стране лингонов, и послал другим легионам приказ собраться в окрестностях Агединка (совр. Sens). Сам он, отправившись около середины марта [292] в Агединк с двумя легионами, оказался во главе всей своей армии, составленной из одиннадцати легионов, включая легион Жаворонка. Это составляло около 35 000 человек, не считая галльских вспомогательных войск, число которых трудно определить, и весьма немногочисленной кавалерии. [293] Из Виенны в Агединк частью верхом, частью во главе двух легионов Цезарь сделал еще 300 миль.

Верцингеториг осаждает Горгобину

Тем временем Верцингеториг, узнав, что Цезарь обманул его, вернулся на территорию битуригов и со своей маленькой армией, состоявшей из арвернов и небольших контингентов, присланных другими народами, осадил Горгобину. Его армия состояла, вероятно, из семи или восьми тысяч всадников и приблизительно такого же числа пехотинцев, [294] большинство которых должно было быть его слугами или клиентами и слугами его друзей.

Битва под Новиодуном

На что следовало решиться Цезарю? С политической точки зрения лучшим решением было двинуться немедленно против Верцингеторига, чтобы спасти эдуев и укрепить таким образом их верность, устрашить мятежников, окончить как можно скорее войну и возвратиться в Италию. С чисто военной точки зрения, напротив, было благоразумнее дождаться хорошего времени года, [295] когда армия могла бы находить по дороге в изобилии провиант. Но на этот раз политические соображения взяли верх над военными. Цезарь решил, что восстание эдуев будет для него опаснее зимней кампании, и хотел поднять репутацию своего оружия молниеносной быстротой своих наступлений и побед. Он просил эдуев приложить все усилия к тому, чтобы доставить ему хлеб. Он оставил два легиона и весь обоз в Агединке, за несколько дней атаковал и взял Веллавнодун (совр. Chateau-Landon), сжег Кенаб (совр. Орлеан), переправился через Луару и, проникнув на территорию битуригов, осадил Новиодун (совр. Суассон). Город готов был сдаться, когда явился Верцингеториг, прибывший из-под Горгобины. Хотел ли он напасть на римскую армию и всерьез попытаться освободить город? Это мне кажется невероятным, потому что его силы были слишком недостаточны. Он, вероятно, старался лишь показать, что идет на помощь осажденному городу, чтобы

несколько ободрить Галлию, уstraшенную походом Цезаря. Но уже в этот момент он собирался применить против римлян систему партизанской войны. Как бы то ни было, под стенами Новиодуна произошло сражение, значение которого Цезарь преувеличивал. В результате Верцингеториг отступил, город сдался, а Цезарь пошел на Аварик (совр. Bourges), столицу битуригов, один из самых богатых городов, возникших в это время.

Стратегия Верцингеторига

Верцингеториг начал теперь методически приводить в исполнение свой план, задуманный, по моему мнению, уже давно, хотя Цезарь, напротив, считал его внушенным недавним поражением. Этот план состоял в том, чтобы образовать вокруг Цезаря пустыню, сжигая по мере его движения вперед города, не исключая Аварику, перерезая ему дороги, захватывая его прикрытия и уничтожая его фуражиров. Эта тактика была превосходна, так как конница галлов была гораздо сильнее римской, но следование этой тактике требовало от народа очень большой храбрости. У битуригов вначале не было в ней недостатка. Цезарь двигался вперед по опустошенной стране, постоянно видя на горизонте столбы дыма от сожженных деревень, постоянно тревожимый Верцингеторигом. Последний следовал за ним, стараясь захватить обозы с зерном и отказываясь от всякого открытого нападения; он располагал свою маленькую армию лагерями по лесам и болотам, хорошо защищавшим ее от атак Цезаря.

Осада Аварики

Если бы Аварик был также разрушен, римская армия блуждала бы без цели по стране, залитой огнем и кровью. Но битуригам не хватало мужества сжечь прекрасный город, и Верцингеториг наконец уступил их просьбам и пощадил его. Цезарь тотчас направился туда и с обычной своей энергией предпринял гигантские осадные работы, заставляя своих солдат производить их в холодное и дождливое время года и не обращая внимания на партизанские набеги Верцингеторига, часто заставлявшего его целыми днями чувствовать недостаток хлеба. Ни одна римская армия, начиная с армии Лукулла, не была закалена таким тяжелым трудом. Но Цезарь лучше Лукулла знал солдат своей эпохи и в эти критические моменты, вместо того чтобы сурово обращаться с ними, оказывал им внимание, составлявшее контраст с жестокостью этой ужасной войны. Однажды он даже дошел до предложения снять осаду, если испытания сделались слишком тягостны для них. Все, естественно, отказались и возвратились к работе с большим жаром, чем когда-либо. [296] Таким образом, несмотря на холод, голод и вылазки неприятеля, траншеи были окончены, башни для нападения поставлены, приступ состоялся, и город был взят во второй половине апреля. [297] Цезарь дал еще один ужасный пример уstraшения: город был отдан солдатам, все население перебито, причем Верцингеториг не осмелился прийти к нему на помощь.

Цезарь дает отдых своим войскам

Менее чем за месяц Цезарь подавил четыре очага восстания, усеяв свою дорогу ужасными опустошениями, подобными сожжению Кенаба и взятию Аварики. Он наполнил свои сундуки золотом и серебром, разграбив сокровища городов, храмов и частных лиц, и обрел наконец в легионах то доверие, которое так необходимо маленькой армии, воюющей в обширной стране, охваченной мятежом. Его бурная и гениальная энергия одержала победу над всем — над пространством, над временем года, над голодом, над укрепленными стенами и над возможностями людей. Теперь, как бы переводя дыхание, он дал им небольшой отдых в Аварики. Полагая, что со взятием этого города выполнена самая тяжелая часть его дела и что мятеж если и не подавлен, то по крайней мере укрощен, Цезарь намеревался дать отдых

своей армии и прокормить ее до приближающейся весны припасами, найденными в Аварики. Потом с наступлением весны он вторгся бы в страну арвернов, разрушил бы их столицу Герговию, и война была бы окончена.

Выборы у эдуев

Но вдруг произошло одно из тех опасных события в галльской политике, которые уже семь лет так заботили Цезаря. У эдуев избрание первого должностного лица угрожало повлечь за собой гражданскую войну, потому что образовались две партии; одна из них выбрала на эту высокую должность Кота, другая — Конвиктолитана, и последний утверждал, что выборы Кота незаконны. Цезарь был вынужден приостановить свои военные операции, отправиться со своей армией в Декетию (совр. Decize) и разрешить спор, признав правильность выборов Конвиктолитана. Таким образом, прошло несколько недель, в течение которых силы восставших должны были бы рассеяться в страхе от последних карательных операций против них.

Цезарь разделяет свои силы

Еще раз ожидания Цезаря были обмануты. Известия, приходившие к нему, ясно указывали, что восставшие не до такой степени потеряли мужество от его побед, как он предполагал. На севере Галлии сеноны и паризии находились в боевой готовности и надеялись на победу. Коммий набирал армию. Верцингеториг, получив помощь из Аквитании, набирал стрелков, учил своих солдат строить лагерь по римскому образцу, подстрекал к мятежу народы, оставшиеся верными римлянам, например эдуев и секванов, посылая их вождям большое количество золота, богатые россыпи которого находились в Оверни.

Однако Цезарь до такой степени был убежден в близости окончания войны и верил в свои силы, что решился разделить свою армию.^[298] Он нигде более не упоминает о галльском легионе Жаворонка, и, по-видимому, у него было только десять легионов, ибо четыре из них он отдал Лабиену, послав его в середине мая на север против паризиев и секванов. Сам же с шестью легионами направился к югу, чтобы вторгнуться в Овернь по долине реки Элавера (совр. Allier), принудить Верцингеторига вступить в битву и положить конец войне.

Осада Герговии

Верцингеториг действительно пришел к берегу Элавера, приказал разрушить все мосты и стал следить с левого берега за движениями Цезаря на противоположной стороне реки, стараясь воспрепятствовать ему переправиться в Овернь. Цезарь должен был прибегнуть к военной хитрости. Ему удалось однажды утром спрятать в лесу возле одного разрушенного моста двадцать когорт (по две от каждого легиона), и, когда остальная армия двинулась вдоль реки, эти двадцать когорт вышли из засады, восстановили мост и заняли его. Легионы, получив об этом известие, возвратились и перешли Элавер. Верцингеториг позволил им это сделать, не решаясь дать бой, и, верный своей тактике, снова начал отступать. Через пять дней Цезарь прибыл к крутой возвышенности, на которой была построена Герговия, и, не теряя ни минуты, приступил к осадным работам. Но шести легионов было недостаточно для взятия города, так хорошо укрепленного природой и руками людей, и положение римской армии скоро стало критическим. Верцингеториг расположился лагерем на небольшом расстоянии в лесах и болотах, постоянно нападая, но оставаясь недоступным. Подкупленные золотом Верцингеторига знатные эдуи стали колебаться, Герговия стойко держалась. Однажды отряд солдат, посланный эдуями к Цезарю, едва не перешел на сторону врага.

Цезарь попытался тогда утратить Галлию, взяв штурмом Герговию, и двинул свои шесть легионов на общий приступ. Но этот отчаянно храбрый маневр не удался, наступавшие были отброшены с крупным уроном.^[299] Осознав тогда свою ошибку и опасность, которой он подвергался, оставаясь под городом, Цезарь решил снять осаду и отправился, вероятно, во второй половине июня, на север, чтобы соединиться с Лабиеном.

Верцингеториг — национальный герой

Решение было мудрым, но оно представляло и большую опасность. При общем возбуждении умов эта первая очевидная неудача Цезаря могла быть началом его конца. Верцингеториг стал национальным героем; все думали, что звезда Цезаря идет к закату, и это решило участь племен, еще не решавшихся восстать против него. В дороге он узнал, что эдуи наконец восстали. Они перебили римских купцов, захватили в Новиодуне его казну, галльских заложников, обоз и лошадей; разрушили на Луаре мост, разграбили, сожгли или высыпали в реку армейские запасы хлеба и готовились отбросить его назад, в Нарбонскую Галлию, преградив ему переход через Луару. Это был момент, когда Цезарь действительно испугался за свою судьбу.^[300] Измена эдуев, самого богатого и могущественного народа Галлии, лишала его лучшей базы провианта, перерезала пути сообщения с Лабиеном, уничтожала все результаты его предыдущих побед, поднимала мятеж по всей стране, увлекая за собой до сих пор колебавшиеся племена.

Древние галльские учреждения, которые он старался заставить функционировать под своим контролем, стали теперь органами восстания, орудием, направленным против Рима. С одного конца Галлии до другого уже шли переговоры о созыве Великого национального собрания в Бибракте.

Цезарь соединяет свои силы

Еще раз Цезарь увидел себя на краю пропасти, но и на этот раз он не колебался. Он понимал, что если он отступит в нарбонскую Галлию, оставив Лабиена на севере, то галлы легко могут уничтожить их обоих. Поэтому он решил во что бы то ни стало и как можно скорее соединиться с Лабиеном. Не желая терять времени на постройку моста через Луару, вздувшуюся от таяния снегов, он нашел брод, где солдаты могли пройти по грудь в воде, неся оружие над своей головой; выше по течению он пустил кавалерию, чтобы сдерживать, подобно живому молу, течение, и таким образом переправил через реку всю армию. Потом, захватив весь хлеб и скот, какой только мог найти, нагрузив его на рабов, мулов и самих солдат, он двинулся ускоренным маршем и присоединился к Лабиему на территории сенонов, вероятно, по соседству с Агединком. От Герговии до Агединка Цезарь прошел около 200 миль (300 километров); предполагая, что на этот переход он употребит пятнадцать дней, в начале июля он должен был уже находиться во главе все своей армии. К его счастью, в то время как он потерпел неудачу под Герговией, Лабием одержал значительные победы над сенонами и паризиями.

Собрание галлов в Бибракте

Затем в военных действиях наступил перерыв. Комментарии Цезаря не говорят нам, как долго он продолжался, но он не мог быть менее месяца, в течение которого велись энергичные и лихорадочные приготовления с обеих сторон. Поражение при Герговии, по-видимому, должно было изменить вероятный исход войны. Эдуи своим примером привлекли к мятежу почти все галльские народности, за исключением ремов, лингонов, треверов и некоторых бельгийских племен. Молодой арвернский герой явился в Бибракте, сделавшееся центром восстания, там собрались и депутаты всех стран Галлии, чтобы созвать сейм, на котором можно было бы принять решение об образовании единой национальной армии.

Большой энтузиазм охватывал всю Галлию.

Аналогия с парфянами

Цезарь, напротив, видя, что опасность может грозить ему со всех сторон, считал Галлию потерянной и имел только одну мысль — вывести своих солдат из опасного положения. Но полководцу, думавшему два месяца тому назад, что он навсегда завоевал Галлию, отступление казалось теперь очень трудным. Солдаты сильно пали духом; [301]бывшее всегда трудным снабжение продовольствием стало еще труднее в стране, охваченной мятежом; недостаток конницы еще более осложнял его положение. В этот роковой момент воспоминание о Крассе должно было тревожить Цезаря: ведя назад через всю Галлию с такой слабой конницей свои упавшие духом легионы, не рисковал ли он пасть, подобно Крассу, под атаками столь многочисленной галльской кавалерии.

Цезарь набирает германскую кавалерию

Без сомнения, этот страх принудил его двинуть свою армию в сторону Германии, в местность, где теперь, по мнению одних, находится Vitry-sur-Marne, [302]а по мнению других, — Bar-sur-Aube, [303]чтобы набрать значительное число германских всадников. Полководец, семь лет тому назд пришедший в Галлию как разрушитель германского могущества, теперь набирал германцев против галлов, платя им награбленным в Галлии золотом. Там Цезарь провел весь июль и, может быть, часть августа, набирая германцев, формируя из них крупный кавалерийский корпус и готовясь к отступлению. Но его солдаты очень упали духом, в то время как галлы, напротив, были полны взаимного доверия и мужества.

Перемена в тактике галлов

Унынию одних и радости других суждено было, однако, продолжаться недолго. Цезарь ошибался, считая опасность очень большой, как ранее он ошибался, думая, что война окончена. Верцингеториг был обязан всеми своими успехами партизанской войне; и, конечно, если бы по всей Галлии можно было организовать такую войну под начальством подобных ему вождей, Цезарь был бы наконец вынужден из-за голода отступить. Но поражение, испытанное проконсулом под Герговией, спасло римское владычество в Галлии. Ободренная своим успехом часть галлов желала, прекратив партизанские набеги, перейти к правильной войне, а в ней разъединенная Галлия, терзаемая глубоким социальным кризисом, не могла одержать победу над римскими армиями.

Верцингеториг занимает Алезию

Первые затруднения для галлов начались, когда на собрании в Бибракте стали выбирать главнокомандующего и разрабатывать план войны. Эдуи хотели выбрать одного из своих сограждан, другая партия предлагала утвердить в верховной власти Верцингеторига; одна партия хотела полномасштабной войны, другая была за продолжение войны партизанской. Верцингеториг одержал верх, но, чтобы не слишком сильно проявлять свою власть над эдуями и примирить противоположные партии, он предложил смешанную войну, т. е. один из столь опасных и все же столь частых в истории компромиссов, которые роковым образом навязываются даже самым решительным и умным людям слабостью и глупостью других. Эдуи и сегузиавы послали десять тысяч пехотинцев и 800 всадников под начальством одного знатного лица вторгнуться на территорию ал-лоброгов в римской провинции. Габалы и арверны разграбили территорию гельвиев, рутены и кадурки — территорию вольков-арекомиков, вклиниваясь таким образом в нескольких пунктах в пределы римской провинции и заставляя Цезаря

двинуться с севера на ее защиту. Верцингеториг перенес свою главную квартиру в Алезию (современный Alise-Sainte-Reine), маленький укрепленный город мандубиев,[\[304\]](#) бывший превосходным сторожевым пунктом, чтобы задержать неприятеля, так как здесь сходились все дороги, по которым Цезарь мог продвигаться с севера в Нарбонскую Галлию.

Из Алезии, снабдив ее провиантом и укрепив, Верцингеториг с отрядом из 15 000 всадников и уже бывшей у него пехотой старался замедлить поход врага, лишая его съестных припасов и тревожа, когда он выступил на помощь Нарбонской Галлии.

Отступление Цезаря к Провинции

Цезарь, сформировав большой кавалерийский корпус из германцев, начал, вероятно, в первой половине августа отступать к Провинции во главе своих усталых и унылых одиннадцати легионов.[\[305\]](#) Безотрадный конец предприятия, имевшего такое блестящее начало! Война, в которой он поставил на карту свою политическую карьеру, оканчивалась поспешным отступлением. Дело, над которым он трудился семь лет и которое должно было сделать его равным Лукуллу и Помпею, было разрушено. Тридцать тысяч человек, павших духом, шли печальные, таща за собой в длинной процессии на мулах военные машины, багаж, легионных рабов, остатки добычи, спасшихся от резни италийских купцов, короче, все, что только оставалось италийского из людей и вещей в стране, которую они считали уже завоеванной, — эти люди символизировали конец римского владычества по ту сторону Альп и последнюю развалину той завоевательной политики, в которой Цезарь думал подражать своему великому предшественнику Лукуллу или даже превзойти его.

Верцингеториг прерывает его отступление

Трудно точно узнать, какими путями он проходил. Одни историки заставляют его идти из области, где теперь находится Troyes, и направляться через Gray и Дижон на Безансон;[\[306\]](#) другие полагают, что, идя из Vitry-sur-Marne, он спустился в долину реки Tille, прошел через Дижон и, переправившись через Сону возле Saint-Jean-de-Losne, направился к Нарбонской Галлии вдоль правого берега Соны.[\[307\]](#) Иные, наконец, заставляют его идти из Bar-sur-Aube в направлении к Pontailier-sur-Saône.[\[308\]](#) Достоверно одно, что на четвертый день пути[\[309\]](#) утром, когда Цезарь прибыл в Beneuvre, между Brevon и Ource — по фон Гёлеру, на берега Винжанны (Vingeanne) — по Наполеону III; по соседству с Монтиньи (Montigny) — по герцогу Омальскому или вблизи Allefroy — по анонимному автору в Spectateur militaire, он был неожиданно атакован Верцингеторигом и должен был выдержать крупномасштабную битву.[\[310\]](#)

Армия Верцингеторига

Что же такое произошло? Почему Верцингеториг оставил свою партизанскую тактику и начал регулярную войну? Так как галльский генерал является нам даже в рассказе Цезаря полным ума и энергии, то при отсутствии точных документов можно предположить, что искать этого столь желанного для Цезаря столкновения принудило того состояние его армии. Можно вести партизанскую войну небольшой армией, небольшими средствами и не имея крупных вождей, но для этого нужны храбрые, решительные и терпеливые солдаты. Пока Верцингеториг стоял во главе маленького отряда кавалерии и инфантерии, составленного почти исключительно из арвернов, бывших его клиентами, слугами или друзьями, он имел достаточно влияния, чтобы заставить их переносить тяготы партизанской войны. Но теперь, когда он был во главе разнородной армии, у него сразу оказалось слишком много солдат и слишком мало влияния. Вероятно, между многочисленными вождями разных отрядов начались раздоры. В армии,

образовавшейся за несколько месяцев, в момент душевного подъема, не ведавшей строгой дисциплины; состоящей из солдат, по большей части бывших клиентами крупных сеньоров и привыкших к кратковременным мелким галльским войнам; или сформированной из молодых людей, поспешно набранных во всех классах и лишенных достаточной военной подготовки, в такой армии, конечно, национальное соперничество возрастало день ото дня.

Верцингеторигу приходилось бояться, что патриотический энтузиазм скоро угаснет, если он не поддержит его успехом, аналогичным успеху при Гергови. Он говорил себе также, что римская армия должна быть утомлена и уныла; что если в прошлом году парфяне уничтожили легионы Красса, двинув на них крупные отряды кавалерии, то тот же самый прием удастся и ему. Поэтому он неожиданно двинул свою кавалерию на армию Цезаря во время ее похода, а разделенную на три корпуса пехоту оставил в арьергарде.

Победа Цезаря

Но Верцингеториг, может быть, не зная, что Цезарь набрал по ту сторону Рейна новую кавалерию, вместо малочисленных и слабых римских эскадронов оказался лицом к лицу с храбрыми германскими всадниками. Столкновение между двумя конницами было сильным, но непродолжительным: германцы Цезаря с помощью легионов не замедлили обратить в бегство галлов с громадным для них уроном.

Цезарь осаждает Алезию

Эта скоротечная битва имела важные последствия, которые нельзя объяснить, не допустив, что галльская армия была лишена необходимых организации и настойчивости и что Цезарь считал ее опаснее, чем она была в действительности. В самом деле, тотчас после битвы Верцингеториг укрылся со своими войсками в Алезии, и Цезарь, прекрасно понимая, что это отступление в крепость означает полное уныние армии, изменил свой план. Вместо того чтобы продолжать свое отступление к Провинции, он решил перейти в наступление и попытаться нанести решающий удар. Если он останется победителем, то с окончанием войны снова поднимется его престиж в Риме; если же окажется побежденным, то погибнет вместе со своей армией в Галлии, обманув свою судьбу, конечно, ожидавшую его в Провинции с побежденными легионами. На другой же день он пустился преследовать галльскую армию и, когда, придя к Алезии, увидел скалу, на которой возвышалась крепость, без колебаний, хоть и пребывая в неприятельской стране и без обеспеченного продовольствия, осадил с 30 000 человек врага, силы которого были равны или даже превосходили его силы.^[311] Там он ожидал нападения галльских армий, отправившихся в Нарбонскую Галлию, готовый, если бы они пришли на помощь осажденным, дать под стенами Алезии битву всей восставшей Галлии. Этот план был внушен безумием отчаяния. Но человек, сосредоточивавший в себе судьбы Европы, великий артист стратегии, то крайне осмотрительный, то смелый до безумия, решился на крайний риск. Легионарии сняли с вьючных животных свои лопаты и кирки и сразу принялись рыть траншеи и насыпать валы вокруг города.

Призыв галлов к оружию

Верцингеториг сперва пытался мешать римским работам, делая кавалерийские атаки, но скоро заметил, что смог только замедлить эти работы, но не воспрепятствовать их выполнению. Что же ему оставалось делать? Предпринять вылазку и рискнуть всем в битве было очень опасно, но позволить себя запереть было бы прямым самоубийством. Военный совет после жарких прений решил: раньше чем будут окончены римские осадные сооружения, выслать конницу с поручением отправиться за помощью к

различным кельтским народам и провести в Галлии массовый набор. Двести пятьдесят тысяч должны были соединиться и броситься на римские траншеи. Действительно, однажды ночью, обманув бдительность римских часовых, вся галльская кавалерия вышла без шума, прошла через еще неоконченные траншеи и, разбившись на многочисленные отряды, исчезла в разных сторонах горизонта. Первая часть плана удалась. Что-то теперь произойдет в Галлии? Отзовется ли вся страна на призыв осажденных в Алезии последних защитников ее свободы? По всем дорогам, через громадные друидические леса и пустынные болота, от деревни к деревне запыхают ли огни, возвещающие об опасности и умоляющие о помощи? Достигнут ли вестники восстания самых дальних горных деревушек, чтобы дать знать, что галльская родина требует последнего кровавого жертвоприношения? И придет ли эта страшная волна вооруженных людей, чтобы разбиться о скалу Алезии?

Двойная осада Алезии

Цезарь не мог ответить на эти тревожные вопросы. Но жребий был уже брошен: уже нельзя было отступить. Он не мог, как сделал это Лукулл под стенами Тигранокерты, оставить часть своих тридцати тысяч солдат продолжать осаду, а с остальными идти против вспомогательной армии, ибо его войско было слишком мало и при разделении каждая часть легко могла быть уничтожена. Он не мог также допустить, чтобы многочисленная армия захватила его под стенами Алезии. Снова он оказался в весьма критическом положении. Этот человек, чей дух уже семь месяцев кипел, подобно источнику, пролагающему себе путь через теснину, создал и немедленно с неслыханной скоростью претворил в жизнь один из самых необычайных и грандиозных планов античной войны: он заключил свою армию в большую импровизированную крепость. Он возвел со стороны равнины вторую линию укреплений с башнями и бастионами, оставив между этой траншеей и той, которая уже была проведена со стороны города, большое пространство. Между этими двумя траншеями его армия была как бы в длинной крепости. Перебегая от одной траншеи к другой и двигаясь в узком межтраншейном пространстве, она могла сопротивляться двойным приступам, если бы их совершали и осажденные в Алезии, и те двести пятьдесят тысяч человек, которые должны были прийти из Галлии. Но успеют ли солдаты завершить гигантскую работу, для чего, по вычислениям, нужно было снять два миллиона кубических метров земли?^[312] Не рискует ли Цезарь в свою очередь быть осажденным вспомогательной армией, подобно Митридату под стенами Кизика, и принужденным умереть с голоду? Положение было ужасно. Хотя враги были еще далеко и ремы и лингоны оставались союзниками,^[313] снабжение армии продовольствием было уже затруднено. Что произойдет, когда огромная масса вооруженных людей займет всю страну и все дороги? Как бы то ни было, с утра до вечера Цезарь с помощью Мамурры, Антония, Лабиена, Децима Брута, Гая Требония, Гая Каниния Ребила и Гая Антистия Регина руководил гигантской работой и сообщал свой пыл всей армии. Он изучал сочинения по осаде городов, совещался с Мамуррой и восточными рабами, наиболее опытными в военном деле, заставлял их делать чертежи, раздавал их центурионам, которые должны были воплощать их, посылал повсюду раздобывать дерево и железо, в то время как девять тысяч солдат работали без отдыха, насыпали землю, рыли далеко на равнине ямы, клали туда рваные куски железа и острые камни, которые прикрывали фашиником и травой, чтобы сравнять с землей эти ужасные ловушки.

Голод среди жителей Алезии

Так проходили недели. Повсюду в галльских деревнях набирали на войну молодежь, формировали контингенты, чистили оружие, выводили из стойл вьючных животных и нагружали их хлебом. На всех дорогах встречались молодые люди и отряды, направлявшиеся в места, назначенные для сбора, откуда все они должны были направляться в Бибракте, где уже собралась знать главных государств для переговоров

по поводу командования армией и плана войны. Но вокруг Алезии расстилалась молчаливая и зловещая пустыня. К Цезарю доходили только скудные и неясные известия о создаваемой армии, а с высоты стен Алезии караулы Верцингеторига тщетно обзоредали горизонт. Скоро в Алезии начали страдать от голода, и наступил день, когда Верцингеториг с общего согласия вынужден был избавиться от бесполезных ртов, выслав всех, не принадлежащих армии, за пределы города, в промежуток между стенами и внутренней римской траншеей. Он надеялся, что Цезарь возьмет их, чтобы продать, и что таким образом они спасутся от смерти. Но у Цезаря не было хлеба и для своих солдат.[\[314\]](#)Напрасно эта обезумевшая толпа стариков, женщин и детей, страдавшая от непогоды и холода, протягивала свои руки, прося римлян дать ей хлеба. Каждый день осажденные в Алезии и римляне могли видеть женщин, стариков и детей, евших траву, плачущих, жалующихся и падающих от истощения. Пространство между траншеями и холмом превращалось в поле агонии, в кладбище, где умирающие были уже скелетами. Но раздирающие крики этих несчастных, умирающих от голода, не трогали ни римских, ни галльских сердец. Те и другие загрубели от опасности, от голода, от этого страшного и бешеного напряжения борьбы человека против человека. Если между стенами Алезии и траншеями умирали от истощения, то и в Алезии сам гарнизон тратил последние запасы, а в римских траншеях солдаты работали с пустыми желудками. Если бы в этот ужасный момент, вместо того чтобы набирать большую вспомогательную армию, многочисленные отряды воинов опустошили окрестности и захватили отряды лингонов и ремов, то армия Верцингеторига и мандубии, может быть, и умерли бы с голоду, но они сошли бы в небытие, увлекая за собой тридцать тысяч римских солдат, которые также умерли бы от истощения и страданий возле алезийской скалы.

Попытка помочь Алезии и ее капитуляция

Вместо этого регулярная война еще раз спасла Цезаря. Многочисленная галльская армия, даже если считать, что в ней было менее 250 000 человек, пришла на помощь Алезии.[\[315\]](#)Но это было только большое беспорядочное сборище, поспешно набранное во всех классах галльского общества и бывшее под командой четырех военачальников: Коммия, Веркасивелавна, Эпоредорига и Вирдумара, которые не были согласны друг с другом. Справедливо замечали, что двое из этих генералов были эдуи и что эдуи, присоединившиеся к революционному движению только в последний момент, по-видимому, участвовали в этой решительной борьбе с медлительностью, которая делала бы возможным скорое примирение их с Римом. Во всяком случае, если бы эта армия была регулярным войском, находившимся под командой способных военачальников, то она могла бы уничтожить Цезаря, принеся в жертву Верцингеторига. Нужно было осадить лагерь Цезаря, как Лукулл осадил Митридата под стенами Кизика, и принудить его либо открыть дорогу к городу, либо умереть с голоду. Вместо этого недостаток согласия между вождями, раздоры в армии наряду с нетерпением спасти Верцингеторига побуждали вождей неоднократно атаковать римские траншеи, в то время как Верцингеториг нападал на них с внутренней стороны. Эти атаки продолжались семь дней,[\[316\]](#)но галлам не удалось разбить большой вал из земли и людей, воздвигнутый гением Цезаря за один месяц. Антоний, Лабиев, Требоний, Антистий и Каниний под руководством Цезаря энергично отражали приступы на всех атакованных участках. Эти безрезультатные и стоившие многих жизней попытки утомили и привели в уныние вспомогательную армию, которая, если иметь в виду ее состав, должна была или быстро победить или распаться. Она кончила тем, что, не будучи в состоянии прорвать железное кольцо, окружавшее Алезию, разбежалась, оставив во власти римлян много пленных. Верцингеториг вынужден был сдаться; его армия, остатки мандубиев и большая часть пленных стали добычей солдат Цезаря. Ко всеобщему великому изумлению, война неожиданно окончилась к концу сентября.

Галлия и войны Цезаря

Галлия, варварская страна, стремившаяся к цивилизации и вследствие этого полная противоречий, не умела вести ни страшную и упорную партизанскую войну варваров, ни методическую войну цивилизованных народов. Она попеременно вела то ту, то другую. В этой войне сказалась непоследовательность тогдашнего галльского общества, и только этим можно объяснить, каким образом Галлия была побеждена маленькой армией из 30 000 человек. Верцингеториг был героем и жертвой этого противоречия, которое могло разрешиться только великим крушением. Римская армия и ее генерал, осаждая Алезию, испытали великий искуc, который мог бы окончиться катастрофой не только в том случае, если бы полководец был менее отважен, менее умен, менее силен духом и телом, но и если бы его солдаты были менее упорны. Эти тридцать тысяч человек были бы, конечно, охвачены паникой, когда оказались одни в обширной вражеской стране, окруженные со всех сторон, лишены операционной базы и путей сообщения с Италией, если бы они были так же робки, как солдаты Красса. Для поражения упавшей духом армии было бы достаточно даже той смеси регулярной войны и партизанских набегов, которую вели галлы; Цезарь мог бы погибнуть и по дороге в нарбонскую Галлию, как Красс погиб по дороге в Армению, и вся история Европы приняла бы другой оборот.

Дело Цезаря в Галлии

Что случилось бы, если бы Рим потерпел в Галлии поражение, аналогичное прошлогоднему поражению при Каррах? Момент был очень критический, и после гибели Красса моральный удар, нанесенный душе нации второй катастрофой, постигшей бы на этот раз Цезаря, мог быть ужасен. Италия была бы навсегда лишена мужества и отказалась бы от всякого движения вперед в пределах Европейского континента. Во время кошмарных дней осады Алезии решалась судьба европейской цивилизации. Если Цезарь не завоевал Галлии с быстротой молнии, в чем его упрекали враги, то он сделал более скромное, но не менее важное дело: за семь лет он создал маленькую, но стойкую армию, какой Рим не имел уже давно и которая в решительный момент европейской истории сумела придать событиям определенное направление, которое не смогли изменить последующие века.

VIII

Беспорядки в Италии и ее прогресс

Помпей становится диктатором

В то время как демократический империализм переносил в Галлии такие испытания, в Риме произошла важная перемена — сближение Помпея с консерваторами. Вскоре после отъезда Цезаря мятежи настолько усилились, и жестокие репрессии стали обществу настолько необходимы, что диктатура Помпея была наконец принята всеми, даже самыми ожесточенными его противниками. Катон предложил только назвать Помпея не диктатором, а единоличным консулом, для того чтобы он был ответствен до конца своей магистратуры.^[317] Но это была конституционная тонкость, факт был налицо: Помпей занял высшее положение в государстве с поручением восстановить порядок какой бы то ни было ценой.

Законы Помпея

И Помпей принялся за дело с энергией, на которую никто не считал способным этого человека, обычно неохотно пользовавшегося своими прерогативами. Употребив все свое влияние, он, правда, заставил признать закон, позволявший Цезарю выступить кандидатом на консульство, не приезжая в Рим;^[318] но, сделав эту последнюю уступку демократической партии, он сурово пересмотрел списки граждан, из которых по жребию выбирали сто судей для политических процессов, и сократил их до 950 человек — сенаторов, всадников, плебеев, выбрав только тех, на которых он имел сильное влияние.^[319] Кроме того, он предложил *lex Pompeia de ambitu* и *lex Pompeia de vi*, которые, упрощая процесс, устрожали наказания за все преступления по политическому подкупу, совершенные с 70 года, а также за преступления, связанные с насилием.^[320] Равным образом он предложил *lex Pompeia de provinciis*, обращавший в закон сенатское постановление прошлого года, по которому можно было быть правителем провинции только через пять лет после консульства и претуры.^[321] Наконец, он предложил *lex Pompeia de jure magistratuuum*, в котором среди многочисленных постановлений, нам неизвестных, находилась статья, просто и ясно подтверждавшая запрет на заочное избрание консулов.

Отношение обеих партий к Помпею

Всех этих законов консерваторы безуспешно добивались много лет. Радость их была велика, и самые ожесточенные враги Помпея изменили свое мнение о нем. Сторонники Цезаря, напротив, были недовольны всеми этими нововведениями. Но так как Цезарь и Помпей были еще друзьями, то они не осмеливались противиться его предложениям и только жаловались на *lex de jure magistratuuum*, который, по-видимому, уничтожал привилегии, незадолго до того предоставленные галльскому проконсулу. Таким образом, благодаря своему влиянию, поддержке консерваторов, высших классов и уstraшенного общественного мнения Помпею удалось без борьбы и в короткое время добиться утверждения своих законов, сделав друзьям Цезаря только одну уступку — оговорку в его пользу, включенную в *lex de jure magistratuuum*, точных выражений которой мы не знаем, но которую противники Цезаря могли впоследствии объявить не имеющей значения.

Пробуждение Помпея

Но если эти законы были хороши, то другие, столь же превосходные, имели силу уже давно, однако не работали, так как в условиях партийной борьбы, интриг клиентел и общей распущенности ни один магистрат не имел возможности применять их. Не могло ли случиться то же самое и с этими законами? Но с тех пор как Помпей был выбран единственным консулом, он стал совсем другим человеком: к всеобщему изумлению этот вельможа, скептический, непостоянный и ленивый, нашел в себе энергию, чтобы обеспечить применение своих законов. Подобно маленькому воскресшему Сулле, он ввел в Риме своего рода судебный террор, заставляя вести процессы наспех, запрещая все отсрочки, зажимая рот адвокатам, обыкновенно столь болтливым, и пользуясь своим влиянием диктатора, чтобы способствовать обвинительным приговорам. За несколько недель многие друзья Клодия и Цезаря, скомпрометированные в последние годы, а также некоторые наиболее мятежные консерваторы, вроде Милона, после быстрых процессов были осуждены на изгнание; удивление общества Помпеем еще более возросло.

Прихоти власти

Раздражение против беспорядков располагало всех людей, желавших восстановления порядка, одобрять строгость даже в тех случаях, когда она не вполне была необходимой. Нужно было карать сурово, без стеснения, лишь бы очистить Рим. Такова была очередная задача. Однако, как случается всегда, когда общество богатеет, делается снисходительным и раскалывается на враждебные и самодовлеющие клики, эта строгость начинает ограничиваться в своем применении. Когда дело касалось друзей и родственников Помпея, этот самый неумолимый из цензоров проявлял неожиданную мягкость. Закаляя свое сердце в борьбе с уличными мятежниками, он мог временами проявлять жестокость и по отношению к отдельным лицам из высших классов. Так, однажды он сказал Меммию, пришедшему просить его помощи в суде и нашедшему его выходящим из ванны и идущим обедать: «Если ты удержишь меня, то мой обед простынет, а это самое высшее». Но, поражая людей, он старался, однако, спасти своих обвиненных друзей, как, например, Сципиона, на дочери которого, молодой и прекрасной Корнелии, вдове Публия Красса, он женился. Он не только заставил оправдать его, но и сделал своим товарищем по консульству. Во всяком случае, эта строгость, хотя и политически тенденциозная, принесла успокоение. Выборы прошли без эксцессов, и если не достиг консульства Катон, ибо не хотел истратить ни сестерция, то другие избранные консулы все же принадлежали к консерваторам. Один из них, Марк Клавдий Марцелл, был откровенным врагом Цезаря; другой, Сервий Сульпиций Руф, был тем юристом, который десять лет тому назад выступил кандидатом против Катилины.

Преклонение Цицерона перед Помпеем

Реакция против сумасбродств и подкупов цезарианской политики продолжала усиливаться. Сам Цицерон, только что окончивший свою книгу «De Republica», в которой он в звучных латинских периодах резюмировал высшую мудрость политических мыслителей Греции, стряхнул с себя ленивый скептицизм последних лет. Он искренне удивлялся Помпею, надежда на лучшее окрыляла его, и с характерной для него совестью он мечтал уплатить долг, взятый у Цезаря, поведение которого он теперь сурово осуждал.

Вывоз оливкового масла

В этот столь беспокойный год одно явление ускользнуло от современных наблюдателей: купцы

впервые вывезли в провинции оливковое масло, изготовленное в Италии.^[322] До тех пор Греция и Азия снабжали маслом рынки Средиземного моря и даже Италию. Теперь Италия могла конкурировать с ними усовершенствованными и обширными оливковыми плантациями. Этот факт не казался важным его современникам, и мы не знали бы о нем, если бы один из самых трудолюбивых ученых античного мира не сохранил память о нем. Но этот мелкий факт показывает, что даже в периоды ужасной политической распущенности, описания которых в истории загромождают имена нескольких полководцев и политиков, множество безымянных тружеников продолжали без усталости работать над развитием италийского земледелия и промышленности. Вольноотпущенники, мелкие и средние собственники, эмигранты, старые легионарии и отставные центурионы приобретали на свои сбережения куски земли у задолжавших аристократических фамилий, покупали рабов и усовершенствовали земледелие или заводили торговлю, создавали ремесла и искусства.

Новые землевладельцы среднего класса

Прогресс культуры оливкового дерева, вскрываемый нами на основании сообщаемого Плинием факта, и прогресс в эту же эпоху культуры винограда не были бы возможны, если бы между классами крупных и, напротив, мелких собственников, самих обрабатывающих свою землю, не образовался средний класс собственников. Последние, задействуя многочисленные, хоть и небольшие капиталы и обученных рабов, стали выращивать интенсивные культуры Востока. Мелкие собственники не сумели бы так улучшить земледелие, немногие же крупные собственники не обладали необходимым огромным капиталом, чтобы засадить обширные области оливковыми и плодовыми деревьями, виноградными лозами; к тому же они редко занимались сами своими доменами, что так необходимо для достижения успеха. Спекулянты, богатые ростовщики, знатные люди, люди науки, политики и славные полководцы из каприза или следуя моде пробовали иногда сажать на своих земельных участках эти новые культуры;^[323] но обычно, за исключением тех случаев, когда их земли граничили с городом, крупные собственники занимались скотоводством.

Действительно, в сохранившихся обширных лесах и лугах долины По и в Южной Италии, которые после прохода Ганнибала более не заселялись, рабы римских вельмож пасли многочисленные стада.^[324] Крупные собственники пастбищ, например Домиций Агенобарб, были еще богатой частью римской знати и составляли все наиболее сильное в консервативной партии. Напротив, все успехи, которых, особенно в северной и центральной Италии, достигли интенсивное земледелие, культура оливкового дерева и виноградной лозы, были обязаны скромным собственникам среднего класса, уже не бедствовавшим, как некогда, и не обрабатывавшим силами своих многочисленных домочадцев свои участки. Новый класс средних землевладельцев проводил большую часть года в соседнем городе, имея возможность надзирать за своими рабами или колонами. Последние были обычно холостяками или малосемейными и старались извлечь из арендуемых земель возможно больше прибыли.

Развитие промышленности

Этот переворот в сельском хозяйстве повлек за собой очень заметный промышленный прогресс. В более отдаленную эпоху италийский собственник почти все делал сам — одежду, обстановку, сельскохозяйственные инструменты — и старался, чтобы его фамилия сама удовлетворяла свои нужды. Теперь во всей социальной жизни произошло разделение труда. Собственник, сделавшийся более требовательным, хотел иметь более тонкие одежды и более совершенные инструменты; он понимал, что его рабы не способны изготавливать все сами, что многие предметы, некогда фабриковавшиеся дома, лучше покупать на рынке. Таким образом прогрессировали торговля и промышленность. Владельцу

восточных рабов, опытных в каком-нибудь одном ремесле, выгодно было заставлять их работать на публику не только в Риме, но даже в мелких италийских городах. Вольноотпущенники, эмигранты, бродяги, проходившие по Италии в поисках средств к жизни, часто находили работу в латинской колонии, в муниципии или в одном из тех союзных городов, которые с высоты своих циклопических стен, казалось, еще угрожали смертью чужестранцу, осмелившемуся приблизиться к ним и не обладавшему неприкосновенностью гостя.

Новая италийская промышленность

Вероятно, с этой эпохи начинается промышленный прогресс, который, как мы увидим, длился пятьдесят лет. Во всей северной Италии, от Верцелл до Медиолана, Мутины, Аримина, начинают открываться фабрики керамических изделий, ламп и амфор, так прославившиеся впоследствии.[\[325\]](#) В Падуе и Вероне ремесленники и купцы принимаются за выделку и вывоз тех знаменитых ковров и одеял, которыми скоро стала пользоваться вся Италия.[\[326\]](#) В Парме и Мутине мелкий люд пытается добыть себе средства к жизни выделкой на дому великолепной шерсти, благо в окрестностях паслись многочисленные стада овец, принадлежавшие крупным собственникам, жившим далеко. Торговля шерстью начинает распространяться по Италии;[\[327\]](#) вокруг Фавенции (совр. Faenza) сеют лен, и в городе начинают его прясть и ткать.[\[328\]](#) Генуя у подошвы диких гор становится многолюдным рынком дерева, кож, меда и скота, доставляемых полудикими еще лигурами из их уединенных долин.[\[329\]](#) В Арреции владельцы старых гончарных мастерских, восходящих еще к этрусской эпохе, восстанавливают их, пользуясь изобилием рабов, покупают умеющих рисовать греческих рабов и начинают выделывать прославившиеся позднее красные патеры, лампы и вазы.[\[330\]](#) Железные рудники острова Ильва (совр. Эльба) эксплуатируются в крупных масштабах. Центром торговли этим железом становятся Путеолы, где богатые купцы заставляют кузнецов обрабатывать его, изготовляя мечи, шлемы, гвозди, бруски, развозившиеся по всей Италии.[\[331\]](#) Неаполь становится городом благовоний и парфюмеров. В Анконе возникают процветающие пурпуровые красильни.[\[332\]](#) Повсюду формируется также класс мелких ремесленников, удовлетворяющих местные нужды, — красильщиков, валяльщиков, мастеров по изготовлению плащей и тог, башмачников, а также рабочих нарождающейся сферы услуг: носильщиков и извозчиков.[\[333\]](#)

Новая местная аристократия

Италийские города, чахнувшие в течение пятидесяти лет великого кризиса, начинают возрождаться. Новая буржуазия заняла место прежнего среднего класса, разорвавшегося со времени Гракхов, и получила в наследство старые вековые политические учреждения союзных городов, которые теперь превращаются в муниципальные учреждения. В каждом городе лучшая и наиболее зажиточная часть этой буржуазии образует сословие декурионов, из среды которых выбирают при помощи разного рода выборных систем небольшой сенат и должностных лиц, управляющих городом.[\[334\]](#)

Отвращение к политике новой аристократии

Всюду — в земледелии, как и в государстве, в правах, как и в умственной жизни, конец старой Италии проявляется все более отчетливо. Различие классов сглаживается. Цезарь набирает в свои легионы молодежь со всей Италии: потомков римских знатных фамилий и зажиточных семей из небольших городов типа Плацентии, Путеол или Капуи.[\[335\]](#) В частности это коснулось и Марка Антония и Вентидия Басса, который во время междоусобной войны ребенком был взят в плен, будучи освобожденным, сперва занялся поставкой путешествующим правителям вьючных животных и рабов, а потом, утомившись от этого,

отправился в Галлию к Цезарю.^[336] Место начальника инженерной части в армии (praefectus fabrum) могло быть для опытных предпринимателей легким переходом из мира делового в мир политический.^[337]

Роль школы

Воспитание было не менее могущественным фактором в демократическом нивелировании общества, чем война и промышленность. В школах, которые обычно содержались вольноотпущенниками и были очень многочисленны даже в провинциальных городах, сын бедного вольноотпущенника сидел рядом с сыном богатого центуриона, всадника или даже сенатора.^[338] Рим стал местом собрания молодых людей самого разного звания и состояния из всех областей Италии. Вероятно, тогда из Этрурии приехал в столицу Гай Цильний Меценат, молодой двадцатилетний человек, происходивший из древней фамилии этрусских царей, дед или отец которого был очень богатым откупщиком. Из цизальпинской Галлии прибыл Корнелий Галл, всего восемнадцати лет от роду, происходивший из скромной фамилии. Из области Аbruццы был доставлен двадцатитрехлетний Азиний Поллион, потомок знатной марсийской фамилии, ставший генералом во время гражданской войны. Квинтилий Вар приехал из Кремоны, Эмилий Макр — из Вероны, а Публий Вергилий Марон — из Мантуи. Последнему было тогда восемнадцать лет; его отец, кажется, был горшечником в одной маленькой деревне возле Мантуи. Разводя пчел и торгуя лесом, он скопил небольшое состояние, достаточное для того, чтобы послать своего сына учиться сперва в Кремону, потом в Милан и, наконец, в 53-м году — в Рим.^[339]

Новая литературная школа

Все эти молодые люди были νεώτεροι, как выражается не любивший их Цицерон. Они с энтузиазмом примкнули к новому интеллектуальному движению, которое, подобно потоку, угрожало снести старые памятники латинской мысли, старую и тяжелую эпическую поэзию Энния и Пакувия, утомительные драмы классического периода, комедии Плавта, грубые насмешки Луцилия и напыщенные дидактические поэмы, написанные старым стихотворным размером. Эллинизм торжествовал по всей линии. Валерий Катон, учитель поэзии всей образованной италийской молодежи,^[340] и некоторые греки (например, Парфений, уроженец Востока, взятый в плен Лукуллом в Никее, проданный в Италию и бывший другом италийских литераторов) привили вкус к элегантно, нежной и остроумной поэзии александрийцев. Сам Катулл был учителем нового хора. Его дух пережил его самого в памяти друзей и страстных поклонников новой поэзии — Гая Гельвия Цинны, происходившего, по-видимому, из Цизальпинской Галлии, Гая Лициния Кальва, Гая Меммия, Квинта Корнифиция, принадлежавших к знатным римским фамилиям. Все они желали теперь бросить в огонь забвения казавшуюся им чепухой национальную традицию, желали вздохнуть в жалобных элегиях, сочинять утонченные эротические стихотворения, упражняться в трудной и деликатной психологии, превосходить редкой мифологической эрудицией александрийских поэтов.^[341]

Виргилий изучает философию

Другие предали философиям. Сам Виргилий, прибывший из своей миланской школы с устарелыми идеями и наивным намерением сочинить по образцу Энния большую национальную поэму о царях Альбы,^[342] принялся изучать красноречие у славного Элфидия, профессора всех молодых аристократов. Но скоро он испытал к нему отвращение; из-за своей робости и недостатка голоса лишившись храбрости, он оставил красноречие для философии и, посещая школу эпикурейца Сирона, связанного узами дружбы с Цицероном, всецело отдался изысканию тайн Вселенной. Горячее желание

читать, изучать, украшать свой ум великими общими идеями, исследовать сущность вещей, так же как и большая забота о форме, погоня за остроумием, тонкостью, совершенством в подробностях, неизвестные стареющему поколению, стали характерными чертами этого нового поколения.

Нападки людей старого поколения

Зрелые люди консервативного склада, подобные Цицерону, сурово осуждали это презрение молодежи ко всему почтенному римскому прошлому.^[343] Не являлось ли оно иным аспектом того революционного духа, который волновал Италию? Эти молодые люди, смотревшие на Энния и Плавта как на грубых болтунов, не были ли воодушевлены тем же самым стремлением, какое побуждало Цезаря и его партию попирать древнюю конституцию? И что же могло остаться от древнего Рима? Республиканская конституция изменилась вследствие революционных диктатур. Молодое поколение презирало то, что еще уцелело от древних нравов. Подражание грекам имело шумный успех, и революционный дух угрожал разрушить Италию и Империю, как костер Клодия разрушил Курию, обратив ее в пепел.

Долги

Консерваторы, всегда робкие и пессимистичные, спрашивали себя даже, не началось ли уже искупление. Что осталось от воинственных демократических домогательств прошлых лет? Большая война на Востоке, большая война в Галлии и долги, легкомысленно накопленные за годы, когда массы людей, уже считавших себя обладателями сказочных сокровищ Персии и Британии, принялись тратить деньги, не считая их. Нация, госпожа мира, казалось, никогда не сможет рассчитаться с этими долгами. Облегчение, которое принесли капиталы от завоеваний Помпея, скоро кончилось, а капиталы, которые Цезарь посылал из разграбленной Галлии, были недостаточны для удовлетворения новых нужд. Крупные улучшения в земледелии и промышленности были получены на деньги, занятые под слишком высокие проценты, и на прежние долги, которые еще не были уплачены, когда к ним присоединились новые, еще более обременительные. Все италийское общество, казалось, покоилось на хрупкой основе кредита.

Денежные обязательства высших классов

Сами высшие классы, за исключением небольшого числа богатых капиталистов, были в долгах. Многие выдающиеся личности, поглощенные политикой, не имели даже времени управлять своими имениями. Они позволяли воровать своим арендаторам, вольноотпущенникам, экономам, рабам, особенно последним, содержание которых для господ, не умевших дисциплинировать свою челядь подобно Цезарю, было разорительным в таком городе, как Рим, где хлеб был очень дорог.^[344] Большинство могущественных людей Рима, которым была вверена судьба этой огромной империи, не знали, как ответить на вопрос: больше ли у них долгов или долговых претензий, богатели ли они или, напротив, становились беднее? Катон, Цицерон, его брат Квинт, Гортензий, Авл Торкват и многие другие находили, что проще избавляться от забот о своих интересах, поручая обязательному Аттику очень запутанное управление своим имуществом и видя в нем в трудные моменты не только своего банкира и кассира, но и доверенного советчика во всех личных и общественных затруднениях.^[345] Эта всеобщая нужда в деньгах заставляла испытывать еще большее отвращение к ростовщикам и капиталистам. Даже в высших классах Каталина имел своих последователей, и нередко можно было слышать, как вельможа вроде Домиция Агенобарба обрушивался в сенате на публиканов и финансистов с большей силой, чем представители народной партии.^[346]

IX

«De Bello Gallico» и «De Republica»

Цезарь и италийская политика

Цезарь вышел из войны против Верцингеторига с победой, но дискредитированный. Его слава завоевателя галлов и его репутация «единственного полководца» были скомпрометированы. За семь долгих и богатых событиями месяцев, пока продолжалась война с Верцингеторигом, Италия наконец поняла, что завоевание Галлии, возвещенное Цезарем в 57 году и утвержденное сенатом в 56 году, еще надлежит выполнить; и от прежнего полного доверия она перешла к столь же сильному скепсису, боясь, что Цезарь не сумеет довести до конца начатое предприятие.^[347] Общество при демократах всегда судит о политике по ее успехам; и вследствие этого его суждение на этот раз не могло быть очень благоприятным для Цезаря. Никто не считался с тем, что в отличие от Помпея и Лукулла Цезарь сражался не против армий цивилизованных государств, находившихся в состоянии разложения, а против полуварварского народа, в котором еще живы были расовое чувство, любовь к независимости и военные традиции; что войны против больших армий являются детской игрушкой в сравнении с войнами против маленького воинственного племени, решившего не давать отдыха завоевателю. И старые обвинения консерваторов находили теперь больше доверия: считали, что Цезарь действовал в Галлии безрассудно, грабительски и вероломно.

Заискивание консерваторов перед Помпеем

В то же самое время положение дел в Риме изменилось еще более опасным для Цезаря образом. Помпей теперь более не нуждался в Цезаре. В то время как кредит доверия у последнего падал, Помпей благодаря успеху своих репрессий сделался господином положения и привлек всех на свою сторону. Демократическая партия продолжала видеть в нем одного из своих вождей; консерваторы льстили ему и требовали только одного — чтобы он продолжал решительно идти по новому пути, на который ступил. В качестве проконсула после своего нового консульства он получил от народа без борьбы, по особому закону управление Испанией еще на пять лет с двумя новыми легионами, а сенат беспрекословно назначил 1000 талантов для содержания его легионов в течение ближайшего года.^[348] В общем, Помпей с этих пор был так могуществен, что Цезарь не мог более рассчитывать иметь на него большое влияние. Консервативная партия снова воспряла духом, предвидя возможность разрыва между двумя друзьями и полный поворот в политике Помпея.

«De Bello Gallico»

Такое состояние общественного мнения сильно беспокоило Цезаря, чувствовавшего необходимость оспорить обвинения консерваторов против его галльской политики. В последние месяцы 52 года,^[349] несмотря на свою занятость, он нашел время написать комментарии «De Bello Gallico» — популярную книгу, очень ловко составленную и предназначенную доказать широкой италийской публике, что Цезарь был храбрым генералом и что его галльская политика не была ни агрессивной, ни хищнической. С притворной скромностью он повсюду затушевывал описание своей личности и своей роли. Он представил себя немного наивным носителем цивилизации, принужденным вопреки своему желанию начать войну вследствие вызова со стороны галлов и бывшим всегдашней жертвой их неблагодарности. Он набрасывает

ть на самые важные обстоятельства своего завоевания, скрывает неудачи и преувеличивает успехи; но эти небольшие отклонения от истины делает очень ловко и нигде не позволяет уличить себя во лжи. Таким путем он старается внушить, что он победил и уничтожил множество врагов, но тщательно уклоняется от ответственности за самые невероятные данные: то он прочитал о них в таблицах, найденных в неприятельском лагере,^[350]то они были переданы ему знающими людьми,^[351]то он вкладывает их в уста произносящего речь врага.^[352]Относительно добычи он говорит только о продаже рабов, хорошо зная, что ее не поставят ему в упрек. Он не упускает случая рассказать о стратегических маневрах, за которыми читателю, не знакомому с географией Галлии, следить было очень трудно. Он приводит много подробностей о сражениях и осадах, рассказы о которых могли нравиться мирным италийским буржуа, любившим воображать опасности и битвы, как любят их все, не бывавшие на войне.

Восстание 52 года

Сочинение было написано с быстротой, изумившей друзей Цезаря.^[353]Оно потребовало, вероятно, не более двух месяцев для своего завершения и должно было подготовить почву для письма, которое в начале года Цезарь намеревался послать сенату с просьбой о продолжении своего управления до 48 года, по крайней мере в трансальпийской Галлии. Но рассказ, довольно спокойный в первых книгах, становится торопливым и возбужденным по мере приближения к концу. Цезарь должен был спешить рассказать о войне с Верцингеторигом, потому что готова была начаться новая война. Знать Галлии, уцелевшая в прошлом году, старалась поднять восстание, и взрыв его уже произошел на севере и на западе страны. Войне, казалось, не будет конца. Цезарь в бешенстве не хотел на этот раз даже дожидаться весны и в середине зимы послал свои легионы в страну восставших битуригов с приказанием грабить, резать и жечь. Потом он вступил в страну корнутов, также вновь восставших под начальством Гутуатра, и здесь произвел такие же дикие опустошения.

Кассий и парфяне

В Риме, напротив, год начался довольно мирно. Репрессии Помпея успокоили безумие насилия, охватившее Рим в прошлом году. Сторонники Клодия держались так же спокойно, как простые люди и члены политических фракций. Самые дерзкие агитаторы исчезли, и вместе с этим, как обычно бывает, утих и тот приступ недовольства, которым было охвачено в прошлом году все общество. Многие начали заступаться за изгнанников, и Цицерон вел переговоры с друзьями Милона, чтобы постараться спасти по крайней мере его наследственное имение, назначенное к продаже с аукциона. Устроили так, что имение фиктивно было куплено за минимальную сумму вольноотпущенником жены Цицерона Филотимом за счет Милона.^[354]В общем, времена наступили более спокойные, и в марте сенат собрался, чтобы заняться провинциями, особенно Киликией и Сирией, куда парфяне уже в 52 году совершили набег с целью отомстить за вторжение Красса. Кассий, бывший только квестором, но командуя как проконсул, довольно легко отразил нападение. Но в 51 году ожидалось новое вторжение, и нужно было послать туда высшего магистрата. Так как по закону, утвержденному в прошлом году, быть проконсулом или пропретором можно было только лицам, бывшим консулами и преторами пять лет тому назад, то следовало внести в бюллетени имена всех бывших магистратов, которые не управляли еще провинцией после своего консульства или претуры, опустить эти бюллетени в урну и определить по жребию кандидатов. Каприз судьбы назначил Сирию Бибулу, товарищу Цезаря по консульству, а Киликию — Цицерону.^[355]

Цицерон принимает проконсульство

Цицерону это было очень неприятно.^[356] Он только что окончил «De Republica» и мечтал о других работах, почти всецело отказавшись от политики, чтобы посвятить себя наукам. Его честолюбие влекло теперь сделаться не великим государственным деятелем, а великим писателем. И вот его, человека пера, а не меча, созданного, скорее, для библиотек, чем для полей битв, слепая судьба посылала в глушь империи вести войну против врага, уничтожившего одну из самых больших римских армий! Но человек, сурово порицавший в «De Republica» гражданский эгоизм и стремление отказываться от общественных должностей, мог ли дать пример этого эгоизма, отказываясь от первой предложенной ему должности и при таких тяжелых обстоятельствах? Это было бы сильнейшим противоречием. С другой стороны, принять провинцию побуждали его и мотивы менее возвышенного свойства. Положение с его состоянием из-за многочисленных долгов, с которыми ему не удавалось расплатиться, было тяжелым. Хотя в этот и предшествующий годы он получил два наследства, так как два друга вспомнили о нем в своих завещаниях,^[357] финансовое его положение было еще далеко не блестящим. Если бессовестный человек, управляя провинцией, мог накопить огромное богатство, то человек честный мог сколотить там лишь небольшое состояние. И Цицерон решил принять проконсульство.

Цицерон отправляется в Киликию

Он просил сопровождать себя брата Квинта, вернувшегося из Галлии, и своего друга Гая Промптина, более его опытных в военном деле. Потом он выбрал среди своих рабов и вольноотпущенников тех, которые могли помочь ему в управлении провинцией: секретарей, в том числе одного из вольноотпущенников, своего тезку Марка Туллия,^[358] и молодого раба Тирона; курьеров, которые должны были отвозить его письма в Рим и привозить на них ответы; носильщиков для путешествия; слуг, которые должны были, опережая его на один переход, снимать для него и для его свиты квартиры в городах, где он мог бы останавливаться. Он вступил в переговоры с одним из предпринимателей, дававших внаем губернаторам вьючных животных, необходимых для перевозки их багажа.^[359] Он приказал погрузить на них свой багаж, багаж своей свиты, амфоры, наполненные золотой монетой, составлявшей ту сумму, которую эрарий отпустил ему для управления провинцией.^[360] Он нанял рабов, необходимых для охраны этого сокровища во время путешествия, поручил Целию доставлять ему подробные известия обо всем, что будет происходить в Риме, и отправился в путь, увозя с собой Квинта с его молодым сыном^[361] и оставляя его жену в Италии. Квинт без огорчения покидал свою жену Помпонию, сестру Аттика, женщину истеричную и вздорную, которая постоянно устраивала ему сцены.^[362]

Жестокости Цезаря в Галлии

Перед своим отъездом Цицерон увидел, что небольшая группа непримиримых консерваторов возобновила свои враждебные выходки против галльского проконсула. Хотя отношения между Помпеем и консерваторами с каждым днем становились все сердечнее, Помпей, после своего консульства снова удалившийся от политики, нисколько не был ответствен за эти враждебные действия против своего прежнего тестя. Он был тогда в Южной Италии, и никто не знал его мыслей о политическом положении. Цицерону, который по пути должен был видеться с ним, поручили разузнать их.^[363] Но враги Цезаря даже без помощи Помпея стали смелее, ибо войне в Галлии, несмотря на ужасные опустошения, не видно было конца. Амбиориг, Коммий, Луктерий снова взяли за оружие; восстали белловаки, атребаты, кадурки, велиокасы, авлерки и сеноны. Цезарь напрасно поражал Галлию жестокими ударами; он напрасно засек до смерти в присутствии легионов Гутуатра, вождя корнутов; напрасно приказал отрубить руки всем пленным в Укселлодуне.

Щедрость Цезаря в Италии

Эти ужасные войны истощали Галлию, но нисколько не успокаивали Рим, и нация не питала к Цезарю прежнего доверия. Порочащие его слухи, усердно распускаемые его врагами, ежеминутно распространялись по Риму. Однажды, например, говорили, что Цезарь потерял один легион и всю свою кавалерию; в другой раз, что, окруженный белловаками, он находится в отчаянном положении.[\[364\]](#) К тому же в этот момент Цезарь совершил очень важную ошибку, щедро рассыпая по Италии и Империи добычу, которую он захватил в Галлии в этом году и во время войны с Верцингеторигом.[\[365\]](#) Чувствуя, что падает в глазах общественного мнения, он старался укрепить свое влияние безумной расточительностью. Он щедро давал в долг всем задолжавшим сенаторам. Он удвоил жалованье солдатам и дошел даже до того, что делал подарки рабам и вольноотпущенникам римских знатных лиц, чтобы иметь в их домах друзей или шпионов. В память своей дочери Юлии он устроил народу колоссальный банкет, который доставил много денег мясникам и всем торговцам съестными припасами. Он делал подарки греческим городам. Он послал в качестве подарка восточным царям тысячи галльских пленных. Он пользовался и злоупотреблял прерогативами legis Vatiniae, чтобы предоставлять права гражданства вольноотпущенникам всех стран и увеличивать число расположенных к нему избирателей.[\[366\]](#) Но теперь, при падении его престижа, эта крайняя дерзость, с которой он подкупал людей, лишь увеличивала недовольство против него.[\[367\]](#)

Марцелл и жители Кома

Особенно негодовали на то, что он предоставляет стольким людям звание римского гражданина. Поэтому, когда в апреле в сенате рассматривали его просьбу о продлении ему срока командования в трансальпийской Галлии до 1 января 48 года, один из двух консулов, Марк Клавдий Марцелл, без колебаний открыто выступил против этого, хотя другой консул, Сервий, человек более благоразумный, старался удержать его. Знатный человек, любивший пышность, имевший состояние, ум, образование и не имевший нужды, подобно разорившейся знати, зарабатывать деньги политикой, Марцелл мог в течение нескольких лет позволять себе роскошь действовать в качестве аристократа древнего образца: подчеркивал свои вышедшие из моды претензии непримиримого консерватора на манер Катона и всегда выказывал презрение к Цезарю, ложному идолу народного поклонения. Подобный человек не мог упустить удобного случая скомпрометировать народную партию, обличая ее вождя. Он действительно предложил не только отвергнуть просьбу Цезаря, но даже аннулировать права гражданства, данные Цезарем жителям Кома (совр. Сото).[\[368\]](#)

Марцелл наказывает розгами одного из жителей Кома

Вмешались трибуны, и предложение не было утверждено. Оно было только внесено в протоколы сената.[\[369\]](#) Однако враги Цезаря могли быть довольны, ибо они наконец спокойно могли вносить предложения против Цезаря, которые несколько лет тому назад вызвали бы революцию. Поэтому Марцелл был превознесен до небес консервативной котерией. Скоро распространился важный слух: говорили, что Цезарь, чтобы отомстить за себя, хочет предоставить права гражданства всем цизальпинцам. Но слух этот не подтвердился,[\[370\]](#) а воодушевленный своим успехом Марцелл ответил на veto трибунов решительным образом. В конце мая он приказал высечь (наказание, которое не могло быть наложено на римского гражданина) одного жителя Кома, которому Цезарь дал права гражданства. Если нельзя было уничтожить звание, данное Цезарем, то Марцелл хотел, по крайней мере, показать, как мало он уважает его. Благоразумные люди порицали это насилие,[\[371\]](#) но их мнение игнорировали при всех крупных

политических кризисах, и смелость одной партии росла по мере того, как уменьшалась смелость ее противников. После случая с командиром Марцелл, опьяненный своим успехом и побуждаемый друзьями, вознамерился пойти дальше и на заседании 1 июня предложил отозвать Цезаря и назначить ему преемника. Момент был очень удобен. Устрашенная репрессиями Помпея чернь не смела тронуться с места. Демократическая партия была дискредитирована и дезорганизована. Помпей если и не намеревался поддержать предложение, то своим отсутствием доказывал, по крайней мере, что не интересуется этим делом.

Помпей обманывает ожидания консерваторов

Но внезапно положение осложнилось. Консерваторы ошибались, предполагая, что прошлогодняя политика Помпея являет признаки его поворота в их сторону; что прежний друг Суллы готов возвратиться в ряды той партии, с которой были связаны его первые военные подвиги. Действительно, с Цицероном, остановившимся во время своего пути в Таренте для свидания с ним и остававшимся там в течение трех дней для беседы о политике, Помпей говорил откровенно, открыто, без околичностей, почти как Катон.^[372] Несмотря на это, он был слишком благоразумен, чтобы желать бросить вызов своему прежнему тестю с грубостью Марцелла. На заседании сената, проходившем 1 июня или в один из следующих дней, Помпей, мы не знаем, прямо или косвенно, воспротивился предложению Марцелла. Тот произнес длинную речь, в которой заявлял, что ввиду свидетельства самого Цезаря об умиротворении Галлии следовало распустить армию и отозвать проконсула. Он прибавил, что привилегия заочно домогаться консульства, предоставленная народом Цезарю, не имеет силы, так как уничтожена законом Помпея. Но Помпей (или какой-то сенатор, уполномоченный говорить от его имени) указал, что lex Licinia Pompeia 53 года запрещает касаться вопроса о преемнике Цезаря до 1 марта 50 года.^[373] Аргумент, с конституционной точки зрения, был трудно опровержим, и Марцелл, равно как и его друзья не были столь ослеплены, чтобы легкомысленно ссориться с Помпеем.

Выборы на 50 год

Марцелл благоразумно уступил, и общественное внимание обратилось к выборам на 50 год, происходившим в июне или июле. Цезарь послал в Италию большое число своих солдат для голосования, но его кандидат на консульство Марк Калидий потерпел неудачу. Консулами были избраны Гай Клавдий Марцелл, двоюродный брат Марка, бывший также ожесточенным врагом Цезаря, хотя и родственник ему через свою жену Октавию, и Л. Эмилий Павел; он выдавал себя за консерватора, но на него им нельзя было положиться, потому что Цезарь дал ему прибыльное поручение возвести за его счет большие постройки в Риме. Другие выборы были, однако, более благоприятны для Цезаря, и среди трибунов только один, Гай Фурний, был расположен к консервативной партии. Консерваторы немедленно начали процесс о подкупе в интересах Сервия Побы, одного из выбранных трибунов; им удалось добиться его осуждения, и они принудили выбрать на его место Куриона, ожесточенного врага Цезаря.^[374] Что касается выборов в преторы, то они были отложены.

Двусмысленное поведение Помпея

Едва окончилась выборная агитация, как враги Цезаря возобновили свои нападки и прежде всего постарались принудить Помпея ясно определить свою позицию. Что думал он о Цезаре и его политике, о его просьбах и домогательствах? 22 июля, когда в сенате рассуждали по поводу жалованья легионам Помпея, желавшего отправиться в Испанию,^[375] у него потребовали отчет о легионе, одолженном Цезарю.

Помпей объявил, что готов отозвать его, но не тотчас, чтобы не показать врагам его друга, что они правы. Спросили его мнения и об отозвании Цезаря, и он неопределенно отвечал, что все граждане должны повиноваться сенату. Дальнейшее обсуждение вопроса он отложил до своего возвращения из Аримина (совр. Rimini), куда должен был отправиться для надзора за набором, производимым по его приказу в долине По.[\[376\]](#)

Сенат и вопрос о долгах

Все думали, что он будет говорить об этом деле на заседании 13 августа. Но заседание было отложено ввиду разбирательства в вопросе о подкупе, начатого против одного из выбранных консулов, а когда в следующий раз сенат собрался 1 сентября, то не оказалось кворума.[\[377\]](#) Клуб политических дельцов и дилетантов начинал беспокоиться. Что было достигнуто всеми их происками? Помпей, несмотря на свои прошлогодние репрессии, продолжал выказывать себя другом Цезаря. Тем не менее, несмотря на отсутствие кворума, враг Цезаря сделал шаг вперед на этом заседании: Помпей дал понять, что он не одобряет заочной кандидатуры Цезаря. Сципион же предложил, чтобы единственным вопросом на заседании 1 марта был вопрос о галльской провинции в связи с жалобой агента Цезаря Корнелия Бальба.[\[378\]](#) На отложенных выборах консервативный кандидат в преторы Фавоний потерпел неудачу, но зато были избраны курульными эдилами Марк Целий Руф и Марк Октавий, а Курион — народным трибуном. Все они были врагами Цезаря.[\[379\]](#) Наконец, приблизительно в это же время сенат принял важное постановление; обеспокоенный большим числом должников и денежным голодом — роковым последствием безумного увлечения 55 и 54 годов, он постановил, чтобы наивысшим законным процентом были 12 из ста и чтобы неуплаченные проценты были приписаны к капиталу, но без начисления на них процентов.[\[380\]](#)

«De Republica»

Это, по-видимому, было странное решение: спустя десять лет сенат возвращался к политике Катилины, правда, с некоторым смягчением. Капиталисты завопили: если сенат подаст этот пример и готов нарушить священный характер контрактов, не будет ли вправе народная партия снова потребовать сожжения всех «*syngraphae*»? [\[381\]](#) Есть вещи, которые трудно делать наполовину: тронуть их значит — уступить. Однако эта уступчивость сената была такой же приметой времени, как и большой успех новой политической работы Цицерона «*De Republica*». Обнародованная в тот момент, когда Цицерон готовился к отъезду, эта книга была с большим интересом встречена и прочитана всеми образованными людьми.[\[382\]](#) Ее переписывали и копировали сразу в большом количестве экземпляров при помощи рабов и вольноотпущенников, занимавшихся ремеслом переписчиков, и книгопродавцов; подобно рабам Аттика, который торговал книгами в довольно большом количестве. Все были теперь склонны больше к тому, чтобы смягчить политический и экономический антагонизм плавными переходами и примирениями, чем разрешить его в открытой борьбе; ни у одного класса, ни у одной партии не было более энергии, храбрости и твердости, необходимых для риска в смертельной борьбе со своими противниками. Так далеко ушли они от эпохи Мария и Суллы! Никого не разоряя и мирно регулируя вопрос, хотели положить конец затруднениям между кредиторами и должниками, хотели реорганизовать государство, но без революции, с помощью правительства, которое было бы гармоничным сочетанием демократии, аристократии и монархии, как предлагал в своем сочинении Цицерон.

Дальнейшие предложения противников Цезаря

Несмотря на этот дух примирения, никто не мог, к несчастью, приглушить ненависть небольшой группы лиц к одному человеку: враги Цезаря не складывали оружия. 30 сентября Марцелл в присутствии Помпея предложил сенату постановить, чтобы 1 марта следующего года консулы поставили на обсуждение вопрос о галльском командировании; чтобы сенат собирался каждый день до тех пор, пока не будет принято решение, и чтобы даже сенаторы, исполняющие обязанности судей, обязательно присутствовали на заседаниях. Это предложение было утверждено. Но, когда Марцелл предложил рассматривать как недействительные все veto, которыми трибуны могли бы воспользоваться в тот день, а противодействующих этой мере трибунов считать общественными врагами и вместе с тем принять к рассмотрению просьбы об отпуске, поданные солдатами Цезаря, как бы приглашая этим их подавать, несколько трибунов, в том числе Гай Целий и Гай Вибий Панса воспользовались своим правом veto.

Выступление Помпея против Цезаря

Но еще важнее этого голосования были декларации Помпея. Он не только объявил, что если нельзя до ближайшего марта обсуждать вопрос касательно провинций, занятых Цезарем, то, напротив, можно и должно сделать это после 1 марта; и что если Цезарь заставит трибунов воспользоваться своим veto, то его следует рассматривать как бунтовщика. Один из сенаторов, ободренный этим заявлением, спросил у него, что он сделает, если Цезарь захочет сохранить командование армией. И получил ответ: «Что я стал бы делать, если бы мой сын дал мне пощечину?»^[383] Он впервые так ясно заявил, что порывает с Цезарем. Поворот Помпея к консервативным идеям произошел быстро, и большой успех «De Republica», бывший литературным событием года, может быть, способствовал этому. Так как все зачитывались этой книгой, то было очевидно, что Италия ждет знаменитого, умного и аристократического спасителя. Кто другой, кроме него, Помпея, спасшего в прошлом году республику, мог быть человеком, возведенным Цицероном и желаемым всеми?

Парфянская опасность

Цезарь оканчивал тогда свою последнюю кампанию в Галлии, но Рим вскоре был обеспокоен дурными известиями с Востока, принесенными письмами Кассия и Дейотара. Оба они извещали, что парфяне со значительными силами перешли Евфрат. Скептики не хотели верить этому и говорили, что Кассий выдумал это нашествие, чтобы свалить на парфян совершенные им самим грабежи. Но письмо Дейотара не могло оставить никакого сомнения.^[384] Общество, как обычно, взволновалось и потребовало тотчас принятия энергичных мер. Одни предлагали послать на Восток Помпея, другие — Цезаря; оба консула боялись, как бы сенат, чтобы не посылать ни Цезаря, ни Помпея, не поручил одному из них эту войну, руководить которой не хотел ни Марцелл, ни старый сутяга Сервий: со времен смерти Красса парфяне внушали большой ужас властителям мира. Консулы начали откладывать заседания сената, препятствуя таким образом всякому обсуждению, тогда как все в Риме думали, что угрожает ужасная война.^[385] Особенно были обеспокоены друзья Цицерона: что случится с великим писателем, который с небольшим числом солдат был назначен правителем провинции, захваченной такими страшными врагами?

Путешествие Цицерона

И действительно, начало управления было малопривно для Цицерона. Во время своего путешествия, когда он проезжал через Самос, депутация италийских откупщиков, живших в провинции, явилась к нему с приветствиями и просила сохранить в своем эдикте некоторые распоряжения его

предшественника.[\[386\]](#)Высадившись в провинции, он остановился на некоторое время в Лаодикее для наблюдения за правильным обменом на местную монету сумм, привезенных им из Италии.[\[387\]](#)Среди этих забот он скоро пришел в ужас от царившего в войсках беспорядка. Армия, которая должна была служить для защиты провинции от парфян, была раздроблена на мелкие отряды для службы у италийских ростовщиков, опустошавших провинцию и пользовавшихся солдатами, чтобы силой собирать деньги со своих упрямых должников. При этом рассеянии армии пропали три когорты, и никто не знал, что с ними случилось.[\[388\]](#)Можно себе представить, какое действие произвело на Цицерона известие, что в августе враги перешли Евфрат со значительными силами. Он думал сперва, что его сирийский товарищ сумеет отразить парфян, но узнав, что Бибул еще не прибыл в Сирию, написал сенату слезливое письмо с просьбой о помощи: провинции и их доходы находятся в опасности; нужно послать ему италийских солдат, потому что азиатские рекруты ничего не стоят и неблагоразумно было бы доверяться союзникам, тяготившимся дурным римским управлением.[\[389\]](#)

Цицерон — «император»

Однако (и это было доказательством его гражданского усердия, так же как и его ловкости) он сделал со своей стороны все, что мог: собрал немного бывших у него солдат и двинулся с ними на защиту дороги из Каппадокии на случай, если парфяне решатся вторгнуться в провинцию — Азию. Границу Киликии со стороны Сирии действительно было легко защитить с небольшим войском. Узнав вскоре, что парфяне вторглись в Сирию и двинулись к Антиохии, он быстро перешел на эту границу, 5 октября прибыл в Таре, откуда направился к горной цепи Амана. Но, получив около 10 октября известие, что Кассий разбил парфян под Антиохией и что враг отступил, Цицерон, подумав немного о своем кошельке и о кошельках своих солдат, предпринял экспедицию против варварских племен, живших разбоем в горах Амана. По совету своего брата и Промптина, он дал небольшое сражение, осадил город Пинденисс и получил от своих солдат титул императора. Он захватил рабов и лошадей, продал захваченных рабов и разделил вырученные деньги между солдатами. Потом удовлетворенный тем, что и он за два месяца стал генералом, возвратился в свою провинцию.[\[390\]](#)

Письмо Цицерона с просьбой о помощи и письмо Кассия с известием о победе прибыли в Рим одновременно и были прочитаны в сенате на одном и том же заседании в конце ноября.[\[391\]](#)Одно письмо сгладило впечатление, произведенное другим. Решили, что страшный враг побежден, и никто в Риме не думал о нем более.

Х

Кампания Куриона и заботы римского правителя

Опасное положение Цезаря

Для Цезаря наступили тревожные дни. После смерти Юлии ничто ему более не удавалось: поражение Красса, смерть Клодия, восстание Верцингеторига, неопределенное поведение Помпея, новая война, разразившаяся в 51 году в Галлии, сильно осложнили его положение. В то время как несколько лет тому назад ему приписывали заслугу всех счастливых событий, случившихся в республике, теперь большинство людей были склонны делать его ответственным за все несчастья: за опасности, повидимому, угрожавшие на Востоке, за бесконечную войну в Галлии, безграничное взяточничество и полное разложение государства. Последние заявления Помпея в заседании 30 сентября еще сильнее поколебали его кредит, показывая вероятность разрыва между двумя друзьями. Говорить дурно о Цезаре и презирать его было теперь почти обязательно для всех порядочных людей, аристократов, элегантно и модной молодежи. Катон громко говорил, что намерен начать против него процесс и добиться его осуждения на изгнание тотчас же по окончании срока его командования.^[392] Много лиц, бывших его поклонниками в прошлые годы, теперь возмущались им, и сам благоразумный Атик требовал у него возвращения 50 талантов, которые дал ему до его консульства.^[393] За все эти неприятности Цезарь мог найти очень слабое утешение в признательности мелких предпринимателей,^[394] которым он дал и продолжал давать много работы, простого люда, ремесленников и вольноотпущенников, у которых смерть Клодия оживила ненависть против знатных.

Простота и умеренность характера Цезаря

Момент был тяжелый, и Цезарь вполне отдавал себе в этом отчет. Имея опыт приспособления к различным политическим положениям — примирительной демократии 70–65 годов, усилению народной ненависти 65–60 годов, честолюбивому, хищному, продажному и расточительному империализму 58–55 годов, этот человек с пылкой инициативой, всегда готовый на риск, чьи быстрые, непредсказуемые и бесконечно разнообразные комбинации постоянно сбивали с толку его противников, готовился с удивительной ловкостью принять совершенно новое положение — примерного, умеренного гражданина, расположенного ко всяким уступкам и не имеющего другой цели, кроме общего блага. Он понимал, что момент показаться требовательным был для него неудобен; а впрочем, эта умеренность, может быть, лучше подходила к его истинной природе, чем масса крайностей, в которые увлекали его события, ибо по темпераменту и по необходимости он был более консерватором, чем казался после заговора Каталины.

Цезарь и образованное общество

Как все люди с большим умом из высших классов, он не только не хотел лишиться навсегда их уважения, но и слишком хорошо понимал, что если во главе римских ремесленников он мог неожиданно занять важное место в государстве, то не сможет долго удерживаться там, не пользуясь, подобно Лукуллу, Помпею и Цицерону, большой популярностью у аристократии, которая, несмотря на свой политический скептицизм, обладала двумя могущественными орудиями управления: богатством и знанием. С другой стороны, если он тогда совершенно не думал о захвате абсолютной власти,^[395] то все же желал нечто

противное букве и духу конституции: быть избранным консулом на 48 год, не покидая своего командования. Прийти в Рим для выставления своей кандидатуры значило бы отдаться в руки Помпея, который после реформы 52 года имел под своим контролем всех римских судей и которому Цезарь не доверял.^[396]Наконец, истощенная и источенная червями старая конституция все же была еще достаточно крепкой для того, чтобы сопротивляться открытым нападениям, а это нам объясняет, почему все происходившие тогда узурпации употребляли какую-нибудь конституционную фикцию, т. е., уклоняясь от духа закона, все же соблюдали его букву и форму.

Конституционное положение Цезаря

Цезарь, столь дискредитированный и ослабленный, мог ли отважиться прибегнуть к насилию? Такая смелость могла быть только у безумца. Напротив, он тогда дал самое чудесное доказательство гибкости своего ума, ведя одновременно в Галлии дикую опустошительную войну, требовавшую почти бешеной энергии, и постепенно плетя в Италии интригу, чтобы при помощи ловких изворотов, ничего не порвав, избавиться от конституционных затруднений, в которые он мало-помалу позволил себя втянуть. Несомненно, что его положение нельзя было защищать с чисто конституционной и юридической точек зрения. Можно было утверждать, что народ, предоставляя ему привилегию заочного избрания, тем самым продлевал ему командование до 48 года, потому что в противном случае привилегия не имела бы никакого смысла; но софизм был очевиден, и противники могли отвечать, что привилегия была ему предоставлена на тот случай, если его присутствие в Галлии потребуется в течение всего 49 года. Теперь для успокоения общественного мнения, озабоченного продолжающейся войной, он был вынужден утверждать, что завоевание Галлии окончено. А консерваторы выводили из этого утверждения строго логическое следствие, что, значит, нет более необходимости в продолжении командования Цезаря и что, следовательно, привилегия не имеет более своего основания. Цезарь понимал, что лучше всего было бы выиграть время, заставить отложить назначение своего преемника, которое должно было происходить 1 марта 50 года, не употребляя при том ни насилия, ни скандальных средств, которые могли бы вызвать негодование публики, и даже не обращаясь к старому средству, которым столько злоупотребляли, — вмешательству трибунов. После последних заявлений Помпея это средство было небезопасно. Еще раз нужно было сбить с толку своих врагов неожиданной, гениальной и отважной комбинацией. И его неистощимый мозг должен был найти эту столь трудную комбинацию, самую неожиданную и самую отважную из всех тех, которые он изобретал до сих пор. Он сделал своим орудием своего ожесточенного врага Куриона, умного и образованного молодого человека, великого оратора и писателя, но обремененного долгами, развратного, жаждущего заставить говорить о себе, циничного, бессовестного, этого поистине «беспутного гения»,^[397] как определил его один древний писатель, хорошо изобразивший гениальную испорченность старой римской знати.

Сделка с Курионом

Предложив заплатить его долги и дать ему крупные денежные суммы, Оппий привлек его к партии Цезаря, и они тайно согласились, что Курион, все еще оставаясь для вида врагом Цезаря, запутает положение вещей так, что 1 марта не будет голосования по вопросу о командовании в Галлии.^[398]Как в 59 году Цезарь старался скрыть свой союз с Крассом и Помпеем, точно так же он хотел и теперь скрыть свою игру, чтобы не раздражать общество новым подкупом, более смелым, чем все предшествовавшие, и чтобы лучше захватить врасплох своих противников. Курион вначале должен был один, как сделал это Цезарь для Красса в 65 году, подвергнуться опасности интриг, необходимых для достижения цели. Притворяться, впрочем, было легко, потому что общество не могло даже предполагать примирения двух людей, чья

вражда была так стара.

Необычайная хитрость

Едва вступив в должность, Курион изумил всех, предложив различные законы, из которых одни должны были не понравиться консерваторам, а другие — народной партии. Естественно, были найдены многочисленные предлоги, чтобы откладывать их обсуждение в продолжение двух первых месяцев года, т. е. до начала марта.^[399] Курион не возражал, но с приближением марта в качестве понтифика предложил вставить между 23 и 24 февраля месяц меркедоний, который, по древнему обычаю, следовало прибавлять каждый третий год, чтобы согласовать календарь с движением солнца. Таким образом, говорил он, будет достаточно времени для обсуждения его предложений ранее марта, назначенного для обсуждения вопроса о провинциях. Но это предложение о добавочном месяце не «мело успеха». Он притворился тогда негодующим на консервативную партию и предложил два очень популярных закона о дорогах и о цене на хлеб.^[400] Необходимость обсудить эти законы была хорошим предлогом для консула Луция Эмилия Павла, председательствовавшего в это время в сенате и бывшего другом Цезаря, отложить обсуждение вопроса о провинциях.^[401] Цезарь, таким образом, достиг своей цели благодаря непонятному вмешательству одного из своих врагов; следовательно, никто не мог упрекать его в этом.

Первый слух о гражданской войне

Помпей согласился на отсрочку, несмотря на сделанные в прошлом году заявления. Ничего не говоря публично, он дал знать, что, по его мнению, можно примирить требования Цезаря и точное соблюдение конституции, оставив Цезарю его командование до 15 ноября, когда выборы уже будут проведены.^[402] Помпей не более Цезаря хотел ускорить события. Ему было тогда 56 лет, и он постоянно болел,^[403] начиная чувствовать усталость от последствий войн, перенесенных им в юности, и нервного напряжения от стольких политических интриг. Он был тогда уважаем народной партией, остававшейся ему верной, так же как и возвратившимися к нему консерваторами. Короче он был самым знаменитым и могущественным человеком в империи. Зачем рисковать и привлекать внимание к такому привилегированному положению, слишком раздражая друзей Цезаря? Пессимисты, правда, уже говорили, что гражданская война между Цезарем и Помпеем неизбежна,^[404] ибо и тот и другой слишком честолюбивы, чтобы быть в состоянии вместе оставаться во главе республики; и ужасное выражение „гражданская война“, будившее столько диких воспоминаний, снова начало циркулировать. Но эти слухи и эти страхи действовали, скорее, как узда, чем как возбуждение, на партии и их вождей.

Общественное мнение и гражданская война

Все были запуганы общественным мнением, которому одни только разговоры об этой войне внушали невыразимый ужас. Неужели снова увидят в Риме Суллу? Гражданская война сожжет дома и фермы, разграбит в храмах, служивших тогда банками, сокровища частных лиц. Она подорвет кредит, в котором столько лиц всех классов нуждались тогда, как в воздухе и хлебе. Она, наконец, поколеблет верность рабов. Как все общества, в которых есть рабы, Италия, столь гордая своим мировым могуществом и столь полагавшаяся на свою судьбу, постоянно была в страхе от все увеличивавшегося количества рабов. Держать их в повиновении в такую смутную эпоху было нелегким делом даже в обычное время; но что произошло бы с этой массой рабов среди междоусобной войны? Запутавшаяся в долгах, не доверяющая всем партиям, устрешенная подкупом, истощенная великими усилиями, затраченными за десять предшествующих лет, Италия желала мира. Ни один человек, ни одна партия не смели хладнокровно идти

против этого всеобщего настроения. Никто не думал тогда о войне.

Курион преследует Помпея

Но в великих политических кризисах ни партии, ни люди никогда не могут властвовать над событиями; они часто бывают увлечены тем, что вначале казалось невозможным. Конфликт должен был мало-помалу разрастись сам собой, несмотря ни на Цезаря, ни на Помпея. Едва достигнув своей первой цели — заставив отложить назначение себе преемника, — Цезарь сделал еще более смелую попытку. С этих пор стало очевидно, что исход борьбы между непримиримыми консерваторами и Цезарем зависит в значительной мере от Помпея. С большой армией, которой он командовал, со своими родственниками и клиентами, влиянием которых он располагал, Помпей обладал авторитетом, достаточным для того, чтобы склонить весы в удобную для него сторону. Консерваторы, хорошо понимая это, теснились вокруг него и не скупались на хвалу и лесть. Цезарь, естественно, старался разрушить эти интриги, которые плели консерваторы вокруг Помпея. Но к каким средствам мог он прибегнуть? Нужно ли было льстить ему или угрожать? Увидав отвергнутыми свои предложения о браке и после последних заявлений Помпея, Цезарь не мог сильно рассчитывать на лесть. Он мог слишком мало предложить Помпею, несколько не нуждавшемуся в нем с высоты своего величия. Что касается угроз, по крайней мере сделанных открыто, то они могли бы раздражить Помпея, окончательно склонить его на сторону консерваторов и поставить Цезаря в положение провокатора. Еще раз Цезарь решил воспользоваться Курионом. Зная впечатлительный характер Помпея, он поручил Куриону создавать ему затруднения и неопределенность в надежде заставить его прекратить скрытую оппозицию своим просьбам. Курион, бывший очень ловким человеком, сумел с необычайным искусством выполнить свою столь трудную миссию. В пространных речах он напал на Помпея, человека, уважаемого всеми, и напал не в качестве сторонника Цезаря, а в качестве беспристрастного критика, полного благоразумия и чувства справедливости. Почему Помпей заботится соблюдать с такой строгостью конституцию, когда он сам законами 55 года создал настоящее положение?[\[405\]](#) Может ли являться стражем конституции тот, кто нарушал все законы и даже был одновременно консулом и проконсулом? Нападки Куриона произвели очень сильное впечатление.[\[406\]](#) Эти упреки были столь справедливы, что оставалось одинаково удивительным, почему никто не осмелился формулировать их до сих пор и как, наконец, один человек набрался мужества направить их против могущественного Помпея.

Курион предлагает отозвать одновременно Цезаря и Помпея

Последний был сам так смущен, что принялся за упражнения в красноречии, чтобы ответить на речи Куриона.[\[407\]](#) Но скоро все эти заботы утомили его, и, чувствуя себя уже разбитым, он захотел отправиться в Неаполь, где сразу же по приезде тяжело заболел.[\[408\]](#) Таким образом, он отсутствовал в Риме, когда в апреле[\[409\]](#) консул Марцелл, председательствовавший в сенате, предложил собранию рассмотреть вопрос о провинциях, а следовательно, и вопрос об ассигнованиях, необходимых в новом году для армии Помпея, а также вопрос о галльском командовании.[\[410\]](#) Курион, ободренный отсутствием Помпея, объявил, что предложение Марцелла-справедливо, но что нет оснований для того, чтобы Цезарь сложил с себя начальствование, раз Помпей сохраняет его за собой. Поставленный таким образом вопрос превратился в жалкую ссору личных честолюбий, которая могла породить очень серьезные затруднения. Единственным средством для разрешения этого вопроса с выгодой для республики было перенесение его на почву великих конституционных принципов, т. е. нужно было покончить со всеми стихийными властями и

вернуться к конституции. Курион предложил отозвать того и другого, а вслед за этим наложил свое veto на все предложения Марцелла.[\[411\]](#)

Курион становится популярным

Средство было выбрано удачно. Если консерваторы упрекали Цезаря в незаконности его положения, то почему допускали они для Помпея ту же незаконность и еще большие привилегии? Даже более: не хотели ли они их увеличить? Таким образом, беспристрастная публика, страшившаяся междоусобной войны, нашла предложение Куриона превосходным и объявила, что принятие его окончательно разрешило бы этот запутанный вопрос. Покончить со всеми существующими властями и вернуться к конституции, которую они исключали, сделалось лозунгом всех добрых граждан. Действительно, сенат не утвердил предложения, внесенного Марцеллом: применить прошлогоднее постановление, по которому вмешательство трибунов не имело значения,[\[412\]](#) и Курион в одно мгновение сделался одним из самых знаменитых и популярных людей Рима.[\[413\]](#) Только небольшое число предусмотрительных людей подозревало, что за спиной Куриона действует Цезарь.

Популярность Помпея в Италии

Хотя непосредственный успех Куриона был велик, все же он не достиг своей главной цели — склонить Помпея к примирению с Цезарем. Предложения Куриона слишком прямо затрагивали интересы Помпея и его престиж и, вместо того чтобы привести его к Цезарю, окончательно толкнули к партии непримиримых консерваторов.[\[414\]](#) Перемена не обнаружилась сейчас же. Помпей даже написал из Неаполя сенату, изъявляя готовность отказаться от командования.[\[415\]](#) Но он был неискренен. Закон давал ему испанскую армию на пять лет, и он не хотел отказаться от своих прав для удовлетворения Куриона. Если Цезарь, который, как предполагал Помпей, скрывается за Курионом, хотел унижить его, то он не потерпел бы этого ни за какую цену. Впрочем, разве эта, не знавшая исключительных положений конституция не сделалась чистой фикцией, лишенной всякого значения? Если народ бросал цветы под ноги Куриону при выходе его из сената, то компанские города устраивали тогда большие празднества по случаю выздоровления Помпея, как будто благосостояние Империи зависело исключительно от спасения этого человека, которого Курион хотел возвратить к частной жизни в конце года как какого-нибудь магистрата.[\[416\]](#)

Помпей отзывает назад свои легионы

Возвратившись в Рим, Помпей еще раз объявил, что готов пойти на компромисс, предложенный Курионом; но эти заявления были сделаны с таким скептицизмом, что Курион тотчас возобновил свои нападки. В многочисленных речах он объявил, что не считает серьезными слова Помпея, и прибавил, что слов недостаточно, нужны дела. Чтобы испытать его, к своему первому предложению он добавил, что объявит общественным врагом того из двоих, кто не будет повиняться, и подготовит армию для войны с ним.[\[417\]](#) Сильно раздраженный[\[418\]](#) Помпей все более и более склонялся к непримиримым консерваторам; и когда в мае или июне[\[419\]](#) сенат вынес решение, чтобы Помпей и Цезарь отделили по легиону от своих армий и послали их в Сирию против парфян, он ухватился за удобный случай — потребовать у Цезаря легионы, данные ему в 53 году.[\[420\]](#) Он начинал взвешивать свои силы и силы Цезаря. У него было в Испании семь легионов, у Цезаря — одиннадцать. После возврата его легионов Цезарь остался бы с девятью легионами. Если бы действительно разразилась война, для Помпея это было бы выгодно. С приближением выборов всякие переговоры были приостановлены, и все партии с беспокойством ожидали результатов.

Намерения Цицерона

В течение всего этого времени Цезарь старался несколько исправить в Галлии последствия грабежей последних войн и утвердить римское владычество, а Цицерон в своей провинции с искренним усердием, но с малым успехом заботился о проведении некоторых реформ. Во время своего путешествия он убедился в своей известности по всей империи, даже в эллинистических странах. Это обстоятельство, а еще более — крупный успех „De Republica“, о котором извещал его Целий, возродили в нем иллюзию быть великим государственным человеком, которая почти угасла в течение десяти лет, следовавших за его консульством. Он хотел казаться в провинции достойным своей книги, дать современникам пример совершенного управления.^[421] Но предприятие было труднее, чем можно было бы предполагать. Правители провинций сделали агентами политической и торговой римской олигархии. Каким образом человек, долженствующий быть орудием притеснителей, мог сделаться защитником притесненных? Все же бедность провинции была велика, нужда в помощи очень настоятельна. Если при своем прибытии туда Цицерон был особенно утрачен беспорядком в армии, то как только он смог после отступления парфян проникнуть в положение провинции, он увидел на всем ее протяжении от одного края до другого полное разорение страны, опустошенной ростовщиками и политиками, явившимися из Италии.

Муниципальные олигархии

Население Киликии состояло частью из греков, а частью из туземцев. Первые почти все были купцы, рабочие, художники, ученые, собственники и жили в городах, а последние были по большей части крестьяне, мелкие ремесленники или разбойники. Провинция делилась на определенное число округов, имевших в качестве столицы какой-нибудь значительный город, где находился сенат или совет, избираемый населением из людей богатых, т. е. почти исключительно из греков. Совету поручено было управлять городом на основании местных законов, но под контролем правителя и римского сената.^[422] Эта муниципальная организация была превосходна, и римляне, утомленные разнообразием древних учреждений, еще действовавших в итальянских городах, тщательно с некоторого времени изучали ее. Но в результате нищеты, долгих войн, анархии и социальных беспорядков, продолжавшихся уже столетие, эти учреждения превратились в чудовищное орудие тирании и грабежа. Везде члены советов вступали в соглашение, чтобы пользоваться городскими доходами, состоявшими почти всегда из налогов и недвижимости. Они заставляли декретировать общественные работы, праздники, посольства, всевозможные бесполезные расходы для того, чтобы извлекать для себя предпринимательскую выгоду. Они вступали в соглашение с итальянскими откупщиками и финансистами, чтобы заставлять города делать разорительные займы, и вместе с ними пользовались плодами преступной растраты муниципальных доменов и ужасающего роста налогов.^[423] По прибытии Цицерон нашел муниципальные котерии занятыми отправлением в Рим посольств для прославления перед сенатом добродетелей Аппия Клавдия и декретированием создания в его честь памятников и храмов по раболепным обычаям, которые восточные жители перенесли со своих древних государей на римских правителей.^[424]

Финансовый империализм на деле

Но грабежи и воровство этих местных котерий были наименьшим злом, терзавшим несчастную провинцию. Гораздо более ужасными были чрезвычайные вымогательства итальянской плутократии, набрасывавшейся на нее, как на легкую добычу. Прежний обвинитель Верреса мог теперь собственными глазами увидеть, во что за последние двадцать лет по мере обеднения провинций вылилась их финансовая

эксплуатация. Эта эксплуатация кончилась тем, что, опираясь на военную силу, повсюду старались при помощи солдат вырвать у несчастных должников деньги до полного истощения их средств. Жестокости и страшные насилия совершались ежеминутно. Наконец, каждый год римские политики, правитель и его друзья являлись для того, чтобы переполнить меру несчастья, притесняя тысячью способов города и частных лиц,[\[425\]](#) доводя до последней нищеты ремесленников и мелких городских торговцев, мелких деревенских собственников и свободных крестьян, принуждая их продавать свои поля, дома и даже детей.[\[426\]](#)

Цицерон и его итальянские друзья

Эти грабежи привели в ужас Цицерона, как ранее Публия Рутилия Руфа и Лукулла. Но он не хотел объявлять смертельную войну итальянским финансистам, как сделали это Лукулл и Руф. Он предпочел даже в этой борьбе против ростовщичества быть представителем примирительного и согласительного духа своей эпохи. Он был, насколько мог в границах честности, услужливым правителем. Он вел переговоры с охотниками на пантер, чтобы удовлетворить своего друга Целия, нуждавшегося в диких зверях для своих эдильских игр.[\[427\]](#) Он выполнял в Эфесе поручения Аттика[\[428\]](#) и покупал ему художественные вазы.[\[429\]](#) Он любезно принимал друзей и их родственников, являвшихся к нему с рекомендательными письмами. Иногда к обеду он приглашал сына Гортензия, который вместо занятий науками вел веселую жизнь и тратил деньги.[\[430\]](#) Он принимал столь же любезно элегантного молодого человека Марка Феридия, члена зажиточной итальянской фамилии, прибывшего в Киликию в качестве агента общества, взявшего на откуп имения одного города.[\[431\]](#) Он делал, наконец, всю обычную работу правителя: ликвидацию наследств, выкуп итальянских пленных, взыскание процентов по суммам, одолженным в Азии итальянцами.

Цицерон отказывается собирать долги

Однако он старался также доставить некоторое облегчение несчастным жителям. Он отказывался от празднеств и подарков со стороны городов. Он вел сам и заставлял всю свою свиту вести простой образ жизни, чтобы не вынуждать провинцию к слишком крупным расходам. Он проявлял внимательность к знатым гражданам. Он хотел, чтобы все, даже самые простые люди, имели к нему доступ[\[432\]](#) и чтобы судебные процессы велись очень быстро. Особенно решительно он отказывался, несмотря на самые настойчивые просьбы, давать солдат в распоряжение ростовщиков для сбора денег с их должников.[\[433\]](#) Требовать, просить, писать письма — все это Цицерон делал очень охотно; но что касается до участия армии в сборе долгов своих друзей, то он никогда не мог решиться на это. Таким образом, он имел крупные неприятности, особенно из-за займа, сделанного у Брута Ариобарзаном, царем Каппадокии. Терзаемый уже много лет итальянскими ростовщиками, старый царь тратил немногие остающиеся у него деньги на уплату процентов по долгу Помпею, которые, вероятно, вследствие накапливавшихся недоимок доходили теперь до 33 талантов каждый месяц.[\[434\]](#) Почти ежемесячно агенты Помпея в Азии вывозили на мулах, сопровождаемых вооруженными рабами, эту сумму, которая теперь составляла бы приблизительно 120 000 франков. Они везли деньги к морю, где погружали их на корабли для отправки в Италию. Для других кредиторов не оставалось почти ничего. Цицерон напрасно писал царю письмо за письмом:[\[435\]](#) по всей Азии говорили, что Помпей скоро будет послан на Восток с большой армией для войны с парфянами; и Ариобарзан думал только об окончании с ним счетов.[\[436\]](#) Другие могли подождать, так же как и Брут, хотя он был очень рекомендован Цицероном.

Цицерон понижает процент

Но Цицерон не довольствовался тем, что защищал должников от насилия центурионов; он сделал лучше: объявил в эдикте, что, каковы бы ни были частные условия, он не будет признавать годовых процентов выше 10 на 100 и не допустит, чтобы требовали взноса лишних процентов. Он уменьшил таким образом все проценты, как сделал это в Риме сенат.^[437] В то же самое время он произвел тщательную ревизию всех городских бюджетов за десять последних лет и неумолимо уничтожил все лишние расходы, разорительные контракты и неправильные обложения. Он принудил многочисленных лихоимцев возвратить городам захваченное у них имущество и наблюдал за выплатой уменьшенных процентов по займам, сделанным городами.^[438] Он надеялся таким образом удовлетворить всех киликийских подданных и италийских публиканов сделками, совершенными за счет местных олигархий.^[439]

Дела Брута на Кипре

Но делать добро в ту эпоху было нелегко. Отмена всех декретов, вотивованных в честь Аппия Клавдия, стоила Цицерону получения дерзких от него писем; а понижение процента до 10 от 100 было причиной серьезных разногласий с Брутом. Два дельца, Скаптий и Матиний, фигурировавшие как кредиторы саламинцев, явились к нему требовать уплаты 48 процентов со ста, как было условлено, и, не получив их, объявили ему, наконец, что настоящим кредитором был Брут. Это открытие неприятно поразило Цицерона, но он не хотел уступать. Он упорствовал даже тогда, когда Брут написал ему оскорбительное письмо. Ободренные благосклонностью Цицерона бедные должники просили у него утверждения для них правила процентов по 10 за сто (которых Скаптий и Матиний не хотели брать) и объявить их, таким образом, свободными от первоначального обязательства. Но в этот момент у Цицерона не достало храбрости. Он не посмел так открыто выступить против Брута и отложил дело. А этого только и желали Скаптий и Матиний, не усматривая возможности надеяться на большее. Они знали, что преемник Цицерона не будет таким упрямым и заставит саламинцев уплатить по договору.^[440]

Скандал с поручителями

Впрочем, как один правитель мог восстановить полную справедливость, когда все были заинтересованы в этих грабежах? Цицерон не хотел взять ни сестерция из сумм, полученных от военной добычи, или из тех, которые были назначены ему сенатом для управления провинцией: первые он поручил префектам, а последние — квестору.^[441] Но вокруг него все спекулировали и торговали. Квестор был братом крупного коммерсанта, жившего в Элиде,^[442] и взял его себе в качестве советника;^[443] один из легатов Цицерона и Лепта, начальник инженерной части, были так скомпрометированы в одном деле, что для их избавления Цицерону пришлось на этот раз умерить свою административную суровость. Основным правилом римской администрации было — никогда не заключать договоров без представления известного числа поручителей, которые при несостоятельности заключившего договор обязывались уплатить штрафы, назначенные на тот случай, если договор не будет полностью выполнен. Таким образом, когда дела увеличились в числе и по важности, повсюду стали искать поручителей, которые были бы состоятельны или имели политическое положение, подобно тому, как теперь ищут поручителей по векселям, пользующихся хорошим кредитом в банках. Чтобы найти их, употребляли всевозможные средства: дружбу, политическую солидарность, обещание крупной прибыли. Вероятно, много политических людей Рима вступало в сделки, чтобы заработать деньги своими поручительствами. Они доставляли поручительство за вознаграждение, обещанное заключавшим контракт; если же случалось, что последний не сдерживал своих обязательств по отношению к государству, которое тогда предъявляло к ним иск, они пускали в ход все свое влияние, чтобы не платить по нему. Таким образом за некоего Валерия, заключившего договор, поручились начальник инженерной части Цицерона Лепта и один из его генералов. Но этот Валерий не сдержал своих

обязательств и уступил, вероятно, за очень маленькую сумму, свой договор одному ростовщику по имени Во-лузий; последний в свою очередь, может быть, в соглашении с квестором Руфом, взялся выполнить договор, но не платить штрафа, который обязан был уплатить Валерий, а взвалить этот штраф на его поручителей. Последние в отчаянии обратились к Цицерону, сжалившемуся над ними и нашедшему юридическую тонкость, чтобы объявить недействительной передачу Валерием договора Волузию. Цицерон расторг договор, внес в казначейство сумму, которую оставалось еще выплатить подрядчику, и освободил поручителей от их обязательств, к большому неудовольствию Волузия, потерявшего разом и свои деньги, и прибыль с подряда.^[444] Впрочем, обман и лихоимство были довольно обычными вещами в этом обществе, где деньги были единственной моральной связью между людьми; в то время как Цицерон прилагал все усилия для честного управления своей провинцией, он часто получал письма от своих друзей, которые просили о займе, говоря, что после военной добычи у него не должно быть недостатка в деньгах. И Цицерон был вынужден учтиво отвечать им, что добыча принадлежит не ему, а государству, и что поэтому он не может предоставить никакого займа ни для кого.^[445]

Значение проконсульства Цицерона

Способ управления Цицерона Киликией был большой честью для него, и тщетно современные историки старались унизить его заслугу, насмехаясь над ним и неосновательно критикуя его.^[446] Последующие годы, правда, прошли над его реформами, как проходят морские волны, смывая рисунки, начертанные ребенком на песке. Но власть Цицерона была властью человека, а не бога. Он не мог один вылечить ужасное зло, поразившее мир. Его дело можно судить не по результатам, а по намерениям. Первый из всех, Цицерон внес в жизнь дух справедливости, солидарности, милосердия; он старался, выйдя из философского созерцания, реализоваться в действии. Как альпийское утро, возвещая наступление нового дня, золотит своим розовым светом отдельные скалы на самых высоких вершинах, в то время как горная цепь остается темной и долина спит еще во мраке, точно так же совесть этого робкого ученого человека возвещала уже зарю новых времен в мире, который еще находился во мраке бесконечного морального развращения.

Падение провинциальной системы управления

Но Цицерон не давал себе в этом отчета. Столь разнообразные занятия, свойственные его должности, почти все неприятные, сильно докучали ему. Усталость, которую почувствовал к концу года этот единственный человек, старавшийся управлять хорошо, убедительнее, чем небрежное управление в других провинциях, доказывает что Империя не могла долго существовать в том виде, как тогда. Проконсульство Цицерона показывает, что энциклопедическая разносторонность функций, когда один и тот же человек попеременно становился полководцем, оратором, судьей, администратором, архитектором, была следом уходящей эпохи и не могла сохраняться в более передовой цивилизации, когда началось разделение труда, когда каждый стал лучше исполнять свою работу. Встречался изредка честный, усердный и неподкупный правитель, но он спешил уйти со своего поста и даже просить своих друзей воспротивиться продолжению его командования.^[447] Цицерон желал только одного — выйти поскорее из леса цифр *syngraphae* (долговых обязательств), поручительств, контрактов и возвратиться в Италию, куда его призывало много частных и общественных дел.

Третий брак Туллии

Его дочь, его дорогая Туллия, бывшая уже два раза замужем и два раза разводившаяся, получила

много предложений от знатных лиц теперь, когда узнали, что ее отец возвратится из Киликии с полным кошельком и будет в состоянии дать ей большое приданое. Ее мать, ловкая Теренция, отдала предпочтение Гнею Корнелию Долабелле, распутному молодому человеку, но из очень знатной фамилии. Цицерон знал, чем был его будущий зять, и знал о всех его долгах,^[448]но честолюбивое стремление породниться с древней и настоящей знатью было сильнее всего прочего и преодолело даже его отцовскую нежность. Не мечтал ли он, как о высшей награде за свои труды, о близости к знати? Брак его дочери с Долабеллой был грамотой на благородство для выходца из Арпина. Общественные дела, в которых Цицерон запутывался все более и более, также побуждали его поскорее возвратиться в Рим. Он просил Целия присылать ему почаще известия о новостях, и Целий платил некоему Кресту, профессиональному журналисту, чтобы тот посылал в провинцию политическую и светскую хронику, всю наполненную римскими сплетнями.^[449]Постоянно путешествовавшие между провинцией и Римом гонцы Цицерона также приносили ему известия. Он имел их и от курьеров обществ откупщиков, часто привозивших письма знатных лиц. Но, несмотря на все, из-за больших расстояний новости приходили поздно, порядок их часто бывал нарушен, и Цицерон терял терпение.

XI

Initium tumultus

Выборы на 49 год

Приближались выборы, и борьба за консульство обещала, как и раньше, быть очень горячей. Вопрос о командовании в Галлии должен был наконец быть разрешен в этом году. Обе партии более чем обыкновенно старались достигнуть высшей магистратуры. Всегда склонный к умеренности, Цезарь был бы доволен, если бы к нему был расположен один из двух консулов. Он отправил солдат в Рим в отпуск,[\[450\]](#) чтобы обеспечить успех своему прежнему генералу Сервию Сульпицию Гальбе. Но консерваторы выставили против него двух кандидатов: Луция Корнелия Лентула и Гая Клавдия Марцелла, двоюродного брата настоящего консула, брата консула предшествовавшего года и так же дурно, как оба предшествующих Марцелла, расположенного к Цезарю. Обе партии с ожесточением оспаривали друг друга победу, и Цезарь потерпел поражение. Если ему удалось заставить избрать Марка Антония народным трибуном, то он не мог добиться избрания Сервия Сульпиция Гальбы в консулы. Должность, наиболее оспариваемая и наиболее важная, попала в руки консерваторов.

Цезарь и Антоний

Победа чрезвычайно обрадовала врагов Цезаря.[\[451\]](#) Они думали, что этим покончено со всем влиянием и могуществом Цезаря. И удар для Цезаря был действительно тяжел не столько сам по себе, сколько по впечатлению, произведенному на нерешительных и робких людей. Неужели судьба изменила ему, как утверждали его враги? Действительно, Цезарь, готовивший тогда в Галлии зимние квартиры для своих легионов,[\[452\]](#) чтобы дать им небольшой отдых, был так взволнован результатами выборов и интригами своих врагов, что решил на выборах авгура, которые должны были проходить в сентябре,[\[453\]](#) лично явиться в цизальпинскую Галлию на помощь Антонию, бывшему кандидатом против Луция Домиция Агенобарба.

Демонстрации в Цизальпинской Галлии

Он хотел сделать все для избежания нового удара, подготавливаемого ему ободренными своим недавним успехом консерваторами. Во время путешествия он узнал, что Антоний был избран,[\[454\]](#) но так как он был уже на полпути, то хотел исполнить проект, о котором он размышлял, может быть, уже давно. Он был популярен в цизальпинской Галлии, ибо там знали о его готовности предоставить ей права гражданства. Многие из его солдат родились в здешних деревнях, и, наконец, население долины По понимало, что завоевание трансальпийской Галлии обогатит Галлию цизальпинскую, которая из пограничной страны, какой она была до сих пор, делается транзитной страной для того, чтобы теперь мы назвали ее обширной и очень интернациональной страной. Посланным вперед ловким агентам легко удалось побудить цизальпинскую знать приготовить пышные демонстрации в честь завоевателя Галлии, и Цезарь мог совершить триумфальное путешествие по провинции. Из каждой деревни выходили ему навстречу депутации. Муниципалитеты и колонии приглашали его на празднества. Сельское население, давшее ему столько солдат и знавшее из их рассказов о его подвигах, толпами по пути являлось приветствовать его.[\[455\]](#)

Цезарь предлагает Помпею мир

Эти демонстрации были предназначены не для удовлетворения солдатского тщеславия, но чтобы показать изданию Италии, недовольной завоевателем Галлии, какой энтузиазм вызывало это завоевание среди населения, особенно страшившегося галлов и лучше их знавшего. Но Цезарь постоянно был так склонен к примирению, что, послав в Италию легион, который требовали у него для войны против парфян, возвратил другой легион Помпею, одолжившему ему его,[\[456\]](#)и приказал Куриону прекратить оппозицию Помпею и снять veto, наложенное на суммы для испанских легионов.[\[457\]](#)В общем, Цезарь предлагал теперь Помпею мир и считал момент удобным для соглашения. Впрочем, он был столь уверен, что его враги не вызовут междоусобной войны под таким ничтожным предлогом, что в конце сентября двинулся в обратный путь и снова перешел через Альпы, чтобы сделать последние распоряжения относительно расположения войск на зимних квартирах в Трансальпийской Галлии.

Обратное путешествие Цицерона

Цицерон между тем окончил год своего управления, или, скорее, изгнания, и тотчас уехал, даже не составив отчетов о своем управлении. Он просил своего квестора немедленно приехать в Лаодикею для выполнения этой операции,[\[458\]](#)но не нашел его там. Его нетерпение было так сильно, что он приказал своему писцу составить вместе с квестором отчеты и положил их, как требовал lex Julia 59 года, в общественных зданиях в Лаодикее и Апамее, чтобы публика могла их контролировать. Потом он уехал,[\[459\]](#)ничего не взяв из доходов провинции. Часть их он оставил своему квестору, которому поручил управление, чтобы тому не было предлога грабить Киликию, а остальное, около миллиона сестерциев, внес в провинциальное казначейство к большому негодованию своих друзей и офицеров, не понимавших, как может великий оратор больше заботиться о кошельках фригийцев и киликийцев, чем об их собственных.[\[460\]](#)Этот факт действительно не имел прецедента. Как бы то ни было, даже за вычетом всего этого Цицерон мог legibus sal vis, как он говорил, привезти в Италию сумму, необходимую на торжественное чествование его победы, и передать в руки эфесских откупщиков два миллиона двести тысяч сестерциев,[\[461\]](#)(теперь — более миллиона франков). Это, вероятно, была его личная часть военной добычи. Даже честные проконсулы обширной империи, как видим, довольно хорошо получали за труды в год своего правления. По дороге он получил письмо от квестора, жаловавшегося, что его секретарь внес в казначейство 100 000 сестерциев, которые должен был бы возвратить ему.[\[462\]](#)Он отвечал квестору, утешая его, что готов вознаградить его сам. Он путешествовал достаточно медленно, чтобы показать своему сыну и племяннику памятники Азии и Греции,[\[463\]](#)и остановился на некоторое время в Афинах, где узнал о смерти своего друга Претия, сделавшего его своим наследником.[\[464\]](#)К несчастью, в Патрах заболел Тирон — молодой раб, которого он любил, как сына,[\[465\]](#)и путешествие еще более замедлилось. Болезнь затягивалась, и Цицерон, к своему великому сожалению, должен был оставить Тирона, но уехал только после того, как отдал все необходимые распоряжения — заботиться о нем, не считаясь с издержками. Богатый италийский купец в Патрах, Маний Курий, которого Цицерон знал и который был очень привязан к Аттику, должен был предоставить в распоряжение Тирона за счет Цицерона любые суммы, в которых тот мог бы нуждаться.[\[466\]](#)Наконец, 24 ноября Цицерон высадился в Брундизии.[\[467\]](#)

Цензорство Аппия

В Италии умы немного успокоились после выборов, но политический мир и высшие классы были изумлены, увидев, что в Риме появился цензор с античной суровостью, настоящий соперник старого

Катона. Событие было странным само по себе, но еще более странной была личность, в которую внезапно воплотился дух суровости и дисциплины древних поколений. Это был Аппий Клавдий, брат Клодия, прежний правитель Киликии, замещенный Цицероном, который с таким трудом исправил зло, допущенное тем в провинции. Публий Корнелий Долабелла, жених Туллии, даже обвинял его в лихоимстве, но Аппий был тестем Брута и сыном Помпея; Брут и Помпей заставили не только оправдать, но и избрать его цензором.^[468] Будучи избран, Аппий сделался суровым цензором. Он изгнал из сената многих сенаторов, начал процессы, беспокоил собственников слишком обширных доменов и должников; он посягал также на роскошь картин и статуй.^[469] В числе его жертв был Саллюстий, потерявший свое место в сенате. Преследованию подверглись также Целий и Курион. Аппий вообще хотел подражать репрессиям Помпея, но его цензура была только пародией, оставившей после себя недовольство и насмешки. Все скоро изменялось в Риме, и эта строгость, за которую так держались консерваторы и которую двумя годами ранее Помпей, по-видимому, установил как правило управления, сделалась скоро только предметом насмешек. Беда, впрочем, не была велика, потому что в Италии было довольно спокойно.

Расположение легионов Цезаря

Помпей уехал в Неаполь,^[470] а Цезарь, окончив все свои дела в трансальпийской Галлии, возвратился в цизальпийскую Галлию с единственным намерением провести там зиму и подготовить свою кандидатуру на следующий год. Он был так далек от мысли о возможности междоусобной войны, что привел в Италию всего один легион. Им Цезарь заместил стоявший гарнизоном в цизальпийской Галлии легион, который отправил для войны с парфянами, а остальные восемь оставил в Галлии: четыре под командой Гая Фабия у эдуев и четыре под командой Требония у белгов, т. е. так далеко от Италии, как только было можно.^[471] Помпей не был более его другом, как некогда, но это был умный и предусмотрительный человек; другие его враги, за исключением Катона, почти все были из знатных фамилий, но без всякого влияния. Они не могли осмелиться насиловать общественное мнение и Италию, которая вся желала мира. С Помпеем и сенатом, без сомнения, можно было прийти к соглашению.

Марцелл ускоряет ход событий

Цезарь рассуждал здраво и именно поэтому ошибался. В период большого социального кризиса моральное равновесие партий и классов так непостоянно, что легкомыслие, вражда, злоба нескольких человек или маленькой кoterии делаются очень важными историческими силами, которые могут заставить сразу вызвать скрытый антагонизм и ускорить значительные события. Марцелл не хотел покинуть консульство, не отомстив Куриону, который до тех пор всегда нападал на него; другие враги Цезаря также не отказывались от своих планов, особенно теперь, когда их поддерживала новая надежда. Если события должны были скоро показать, что верность солдат Цезаря непоколебима, то среди его офицеров, в особенности среди лиц, принадлежавших к знатным фамилиям, царило известное недовольство, может быть, потому, что именно они выражали возрастающую непопулярность Цезаря в высших классах. В числе этих недовольных был сам Лабиен. В Риме между тем легко принимали недовольство нескольких офицеров за недовольство всей армии. Охотно доверяли слуху, что армия Цезаря, утомленная войной, требовала отпуска. Противники Цезаря надеялись таким образом найти помощь в самой армии! Марцелл на заседании 1 декабря решил сделать последнее усилие, добиться постановления о том, что полномочия Цезаря истекают 1 марта, и заставить отвергнуть аналогичное предложение, направленное против Помпея. Если бы это ему удалось, то он достиг бы двойной цели: унизил Куриона и, оказав большую услугу Помпею, принудил бы последнего открыто присоединиться к консерваторам и сделаться их вождем.

Заседание 1 декабря

Действительно, 1 декабря сенат собрался. На заседании присутствовали почти все сенаторы, приблизительно четыреста членов,^[472] но их нерешительность была велика. Почти все они, колеблющиеся и нерешительные, боялись неугодить Цезарю и оскорбить Помпея, боялись последствия своих решений и желали только двух вещей: не скомпрометировать себя и не вызвать гражданской войны. Марцелл и Курион одни пришли с твердыми намерениями: один хотел добиться отозвания Помпея, другой — отозвания Цезаря. В начале заседания Марцелл попросил слова и ясно поставил вопрос: должен ли Цезарь вернуться 1 марта в Рим в качестве частного лица? Все думали, что Курион наложит свое veto и что не придется входить в столь важное и опасное разбирательство. Но, ко всеобщему изумлению, Курион остался молча сидеть на своей скамье. Предложение Марцелла могло быть, следовательно, поставлено на голосование и было одобрено большинством. Тотчас же, чтобы Курион не мог вмешаться, Марцелл снова поднялся и предложил на рассмотрение сената другой вопрос: должен ли Помпей сложить с себя командование. Таким образом, сформулированное предложение было направлено прямо против Помпея и казалось нарушением закона, утвержденного народом. Марцелл знал это, и именно поэтому сам внес такое предложение, упреждая Куриона. Сенат, боявшийся оскорбить Помпея, отклонил предложение. Хитрость удалась; Курион и Цезарь получили новый удар, и Марцелл, очень довольный, был уже готов закрыть заседание. Но Курион с полным присутствием духа тотчас попросил слова и поставил сенату другой вопрос: не должны ли и Цезарь и Помпей одновременно оставить свое командование? Так сформулированное предложение теряло характер личной враждебности к Помпею. Оно казалось верхом справедливости и согласия и могло быть отклонено только дурными гражданами. Марцелл, однако, поставил его на голосование, уверенный, что сенат, побуждаемый предшествующим голосованием, отвергает его и что, таким образом, поражение Куриона станет полным и окончательным. Но часто случается, что собрания не руководствуются в своих постановлениях строгой логикой. Предложение Куриона соответствовало общему желанию, и по окончании голосования выяснилось, что 370 голосов было подано за и 22 против.^[473] Курион еще раз одержал победу; и удар был тем больнее для врагов Цезаря, что выяснилось: они располагают в сенате всего двадцатью двумя голосами. Марцелл в бешенстве распустил сенат, вскричав, что он вотировал в пользу тирании Цезаря.

Расчеты Марцелла

Если сенат вотировал и не в пользу тирании, то все же вопреки своему стремлению к миру он, не желая междоусобной войны, вызвал ее. Голосование сената было хотя и случайной, но прямой ее причиной. Взбешенные этим голосованием, Марцелл и враги Цезаря решились на крайнее средство, чтобы поправить свои дела, а именно: предложили Помпею, оскорбленному подобно им или даже еще более сенатским голосованием, совершить государственный переворот с помощью Марцелла. Последний должен был предложить сенату объявить Цезаря государственным преступником, а в случае вмешательства трибунов или отказа сената — заявить, что собственной властью введет военное положение и поручить Помпею заботу о государственных делах, дав ему начальствование над двумя легионами Цезаря, которые должны были отправиться в Персию, но находились еще в Луцерии.^[474] Успех такого переворота казался им несомненным. С двумя легионами, данными ему консулом, армия Помпея насчитывала бы 9 легионов, т. е. достигала бы наличных сил Цезаря. При таком равновесии сил разве решились бы Цезарь и его друзья сопротивляться Помпею, рискуя вызвать войну, которая сулила бы им поражение? Большинство сената сделалось бы тогда уступчивее и, повинувшись большому страху, вотировало бы все предложения врагов Цезаря. Беспристрастный наблюдатель, правда, мог возразить, что

расположение военных сил было не очень выгодным для Помпея, ибо его девять легионов были разделены: два находились в Италии, а семь в Испании, тогда как Цезарь имел у себя под рукой в Галлии все девять легионов. Но все верили в авторитет и ловкость Помпея и были склонны думать, что Цезарь не осмелится вызвать войну из страха перед новым галльским восстанием, которое могло вспыхнуть, в случае если он выведет из страны свою армию.[\[475\]](#)

Помпей соглашается на переворот

С величайшей поспешностью и в большой тайне к Помпею были отправлены вестники с письмами. Марцелл и его друзья рассчитали правильно. Помпей, никогда не имевший серьезного намерения отказаться от проконсульского командования, после сенатского голосования твердо решил не уступать Куриону, действовавшему, очевидно, в пользу Цезаря. Помпей не хотел отказываться от предоставленного ему законом права и признать неожиданное голосование, вырванное у сената мятежным трибуном и находившееся в противоречии с только что принятым решением. Он, может быть, и отказался бы от всех своих прав, если бы это было полезно для мира, желаемого всей Италией, но он не мог уступить угрозам такого трибуна, как Курион. Он не мог забыть, что был избран консулом и оказал столько услуг Риму: уничтожил пиратов, победил Митридата, завоевал Сирию, удвоил государственные доходы и восстановил порядок в Риме. Если Цезарь, не имея денег и не способный выполнить свои обманчивые обещания, хочет вызвать беспорядки и междоусобную войну, то он, Помпей, будет ожидать его.[\[476\]](#) Он твердо рассчитывал на свой престиж, и некоторые недовольные офицеры Цезаря, с которыми он общался, по-видимому, разделяли его опасные иллюзии. Он уже сносился с Лабиемом, и офицер, которому было поручено отвести два легиона, назначенные для парфянской войны, говорил, что армия Цезаря никогда не станет сражаться против Помпея.[\[477\]](#) В общем, Помпей считал себя господином положения: Италия готова подняться по его первому знаку и дать ему все легионы, какие только он пожелает; враг не осмелится открыто противостоять ему, и гражданская война станет невозможной. Цезарь должен будет уступить, когда увидит, что ему угрожает.

Беспокойство Бальба

Итак, Помпей принял предложение Марцелла. Общество, не понимая причины, скоро почувствовало, что положение становится угрожающим. Цицерон, направлявшийся в Рим по Аппиевой дороге, остановился в Неаполе и 10 декабря посетил Помпея. Цицерон был изумлен и опечален, найдя Помпея очень раздраженным и услышав его заявление, что война неизбежна и что соглашение с Цезарем более невозможно.[\[478\]](#) Цицерон, не знавший об интригах между Римом и Неаполем, недоумевал по поводу неизбежности войны и не мог объяснить себе новую позицию Помпея. В Риме друзья Цезаря, особенно Корнелий Бальб, были очень обеспокоены: они чувствовали опасность, шпионили за побежденными 1 декабря и за их тайными происками и с нетерпением ожидали приезда Цезаря; он же тем временем спокойно направлялся в Цизальпинскую Галлию, ни о чем не думая и даже предполагая, что к его приезду соглашение с сенатом будет заключено. 6 декабря приехал в Рим офицер Цезаря, Гирций, привезший письмо к Помпею и остановившийся у Бальба. Последний, очень встревоженный, не позволил ему продолжать путь к Неаполю. Он убедил его передать свое поручение Сципиону, тестю Помпея, и в тот же вечер отправил Гирция обратно, чтобы тот как можно скорее вернулся к Цезарю и разъяснил ему на словах, сколь резко изменилось положение и сколь велики опасности, которые ему угрожают.

Государственный переворот

Но это неопределенное и тревожное положение сохранялось недолго. Как только было получено согласие Помпея, т. е., вероятно, 9 декабря,[\[479\]](#) Марцелл созвал сенат, произнес яркую речь, в которой трактовал Цезаря как разбойника, и предложил объявить его врагом государства, предоставив Помпею принять начальствование над легионами, находившимися в Луцерии, где они должны были грузиться на корабли для отправки в Сирию. Но Курион объявил, что это предложение нельзя считать серьезным и наложил на него veto. Тогда Марцелл прибегнул к последнему средству. Он объявил, что поскольку мятежники препятствуют ему защищать республику, то он готов обратиться к другим средствам, кроме допускаемых законом. Он покинул сенат и в тот же день выехал из Рима с толпой неистовых аристократов в Неаполь к Помпею, куда и прибыл 13 декабря.[\[480\]](#)

Помпей отправляется в Луцерию

Этот отъезд должен был изумить и обеспокоить общество, не знавшее тайных интриг. Неужели Помпей примет сделанное ему безрассудное предложение? Курион, став 10 декабря простым гражданином, рассудил, что ему во всяком случае благоразумнее удалиться из Рима, и выехал к Цезарю, который, расположив свой легион эшелонами вдоль Эмилиевой дороги,[\[481\]](#) отправился из Плацентии в Равенну, чтобы провести там зиму.[\[482\]](#) Он все еще думал сохранить мир. Но 18 или 19 декабря ужасная новость прибыла в Рим,[\[483\]](#) а тремя или четырьмя днями позднее и в Равенну.

В притворно миролюбивой речи Помпей принял предложение Марцелла и уже отправился в Луцерию, где скоро примет начальствование над легионами. Всех охватило негодование и изумление. Беспристрастные люди, в том числе Цицерон, порицали поведение Помпея, вызвавшего войну.[\[484\]](#) Антоний на народной сходке произнес против него очень сильную речь, напомнив, в частности, о большом числе граждан, отправленных в изгнание согласно его законам и судебным процессам.[\[485\]](#) Одни только непримиримые консерваторы были восхищены.

Затруднительное положение Цезаря

Но в наиболее трудном положении оказался сам Цезарь, получивший это известие в Равенне 24-го или 25 декабря, сейчас же после своего приезда в этот город.[\[486\]](#) Он увидел, что все его надежды на мир рухнули. Невозможно было более обманываться. Решение Помпея уничтожало последние следы того расположения, каким Цезарь еще пользовался в высших классах. Все порядочные люди будут с этих пор с Помпеем, в то время как слова «сторонник Цезаря» сделаются синонимом негодяя.[\[487\]](#) Очень немногие осмелились бы пренебречь гневом Помпея; и если бы последний продолжал требовать, чтобы Цезарь сложил с себя командование, сенат не посмел бы противиться этому. Цезарю не оставалось ничего более, как открыто восстать либо покориться.

Последние усилия Цезаря сохранить мир

Цезарь собрал своих друзей на военный совет, на котором Курион предложил вызвать из Галлии армию и тотчас же идти на Рим. Так как война неизбежна, то нужно ее ускорить. Но Цезарь, знавший, что общественное мнение расположено к миру,[\[488\]](#) еще надеялся его сохранить, призвав всю Италию стать судьей между ним и его врагами. Дикие времена Суллы миновали. Не было уже того ужасного антагонизма между отдельными классами, который вызвал последнюю междоусобную войну; если бы отвратительные ссоры нескольких политиканов вызвали ее снова, то это было бы чудовищно. Цезарь, однако, не мог оставаться в бездействии; он тотчас вызвал в Италию два легиона (двенадцатый и восьмой) и приказал Гаю Фабию идти с тремя легионами из Бибракте в Нарбон, чтобы воспрепятствовать

возможному движению легионов Помпея из Испании.^[489]Но прежде он хотел еще раз предложить примирение. Было 25 или 26 декабря; сенат должен был собраться 1 января; если бы курьер смог прибыть в Рим до этого дня, то еще сохранялась бы надежда предотвратить удар, который враги замыслили нанести, конечно, в этот день. Курион заявил, что готов выполнить это. Цезарь написал одно письмо к сенату, другое к народу, и Курион на рассвете 27-го числа уехал.^[490]В своем письме к сенату Цезарь объявлял, что готов отказаться от командования, если Помпей сделает то же самое; в противном случае он позаботится защитить свои права. В письме к народу он говорил, что готов возвратиться к частной жизни и отчитаться в своих поступках, приглашал Помпея сделать то же самое.^[491]

Положение Помпея и Цицерона

Последние дни года были для всех очень тревожными. Декларации Помпея действительно обратили во врагов Цезаря (хотя и против их желания) многих сенаторов и представителей высших классов, не смевших открыто противиться столь могущественному человеку. Этот поворот в общественном мнении ободрил Помпея, который в раздражении от дерзких речей Антония заявил 25 декабря Цицерону в окрестностях Формий, что он решительно против того, чтобы Цезарь стал консулом в 48 году и вообще когда бы то ни было. Второе консульство Цезаря было бы роковым для республики. Если он достаточно глуп, чтобы начать войну, то пусть попробует: он, Помпей, не боится этого.^[492]В сущности, только простой народ, поддерживавший Катилину, был теперь на стороне Цезаря. Но все как в том, так и в другом лагере были в постоянной тревоге. Что должно было произойти на заседании 1 января? Цицерон почти сожалел, что покинул свою провинцию. Он чувствовал себя более обязанным Помпею, чем Цезарю, и теперь, когда угрожал их разрыв, сожалел, что не уплатил сполна своего долга галльскому проконсулу; но всего более он желал мира и рассчитывал на примирение, чтобы избежать самой нелепой и гибельной из междоусобных войн. Подобно многим из своих современников, он испытывал иллюзии относительно сил Цезаря.^[493]Кроме того, как добьется он триумфа, если разразится война?

Цезарь в Равенне

Но всего более мучений эти ужасные дни должны были принести находившемуся в маленькой Равенне Цезарю. Несмотря на скептицизм, приобретенный в борьбе, в атмосфере подкупов и лжи, он не мог не чувствовать ужасного раздражения против людей, мира и судьбы. Что будет с ним в будущем? До сих пор он не имел особенной удачи. Все, что так хорошо удавалось Помпею, не обращалось ли во зло для него самого? Они оба, чтобы приобрести славу, могущество и богатство, заискивали перед толпой, подыгрывали демократическим страстям, подкупали народ, противились сенату, старались разрушить старые учреждения. Но Помпей был три раза консулом, праздновал много триумфов, приобрел огромное имение и наслаждался им в Риме на глазах у народа и знати; ему удивлялись как первому полководцу своего времени, и он сделался представителем высших классов, не лишаясь уважения толпы. Вся его жизнь была цепью успехов. А ему, Цезарю, напротив, что принесли такие долгие труды? Он должен был медленно шаг за шагом подниматься по лестнице магистратур; он мог достигнуть их, только вмешиваясь в свалку, интригуя, борясь и создавая себе врагов. Когда в сорокалетнем возрасте он получил наконец провинцию, чтобы приобрести там славу и богатство, судьба опять обманула его. Ему досталась страна очень бедная, по сравнению с Востоком, и завоевание было очень трудным; там ему пришлось в течение девяти лет подавлять восстания. А в конечном счете что принесло ему все это? Славу? Нет. Он был человеком самым презираемым и ненавидимым высшими классами, и всякий италиец, читавший Ксенофонта, считал себя вправе давать ему советы, как успешно окончить галльскую войну. Богатство? Нет. Он вышел из этой гигантской борьбы почти столь же бедным, каким начинал ее, употребив на подкуп

политического мира почти все, что принес ему грабеж Галлии, и даже не получил благодарности, которую заслужил такой большой щедростью. Вся Италия упрекала его за эти грабежи, из которых она извлекла столько выгоды, и за эту политику, всеми плодами которой она пользовалась. И если Цезарь обращал свои взоры на прошлое, чтобы отыскать причину столь различной участи, он не мог не заметить, что Помпею благоприятствовало его участие в проскрипциях Суллы. Это отдаленное начало оказало такое большое влияние на их судьбы, что они еще теперь чувствовали его действие. Помпей во время этого ужасного кризиса приобрел большое влияние в высших классах, оказавшееся ему полезным, чтобы сделаться популярным при переходе на сторону демократов, не слишком компрометируя себя; потом, поскольку его популярность утвердилась, он получил все, чего хотел: почести, провинции, командования, триумфы, но взамен этого дал народной партии очень мало. Таким образом, все, наконец, признали его человеком, необходимым во всех отношениях. Цезарь, напротив, навлек на себя ненависть котирии, управлявшей во время реакции. И из этой ненависти проистекали все несчастья его жизни: трудное начало, огромные долги, сделанные с целью добиться известности; его первая борьба с консерваторами; необходимые революционные изменения в консульстве; крайне империалистическая политика, которой он следовал, стараясь поддержать демократическую революцию; и этот союз с демагогией, от которого он никогда не мог избавиться и который угрожал теперь привести его к гибели.

Все эти несчастья были роковым последствием его родства с победителем кимбров и первых, истинно благородных поступков, им совершенных: сохраненной посреди террора верности дочери и памяти Цинны; благородной позиции, занятой им по отношению к Сулле; его отвращения к братоубийственной борьбе. Если бы он пожелал тогда изменить побежденным, то он сделал бы гораздо скорее свою карьеру и стал бы столь же счастливым и могущественным, как Помпей. Несчастья Цезаря были по большей части выражением глубокой несправедливости — несправедливости вещей, людей и событий. То обстоятельство, что эта несправедливость в таком ужасном кризисе не довела его до отчаяния и не толкнула его к ненависти, жестокости и насилию, является одновременно доказательством могущества его духа и одной из его величайших и славных заслуг. Междоусобная война вплоть до Фарсалы была, может быть, самой лучшей частью его жизни, потому что он проявил в ней умеренность, ум и предусмотрительность, искупавшие безрассудства и жестокость галльской войны. Даже в тот момент, когда Курион, не переводя дух, скакал по Фламиниевой дороге, Цезарь, все еще веря в мир, надеялся, что его письмо, составленное в энергичных, но умеренных выражениях, придет вовремя и приведет к раскаянию непримиримые умы. Все, казалось, зависит от быстроты Куриона и действия письма. И Куриону удалось выполнить свою задачу.

Письмо Цезаря к сенату

Когда сенат собрался 1 января, письмо уже было в руках Антония. Но консулы так сильно страшились действия, какое оно могло произвести, что старались воспрепятствовать его чтению. Естественно, что Антоний и друзья Цезаря тем более настаивали на его прочтении, надеясь произвести еще раз одну из тех быстрых перемен, которые были так часты в последнее время. Таким образом, только после очень долгих и бурных прений было дано позволение прочесть его.^[494] Но результат был неутешителен для сторонников Цезаря. Было ли это действительное раздражение, страх ли перед Помпеем, являвшимся, как знали теперь сенаторы, решительным противником Цезаря, или лишь повод для дурного расположения духа, господствовавшего в собрании, но письмо Цезаря было принято с негодующими восклицаниями как угрожающий и дерзкий вызов.^[495] В мгновение ока дело Цезаря было проиграно в сенате. Сбитый с позиции, Антоний должен был умолкнуть. Консервативная партия, забывая, что старалась помешать чтению этого письма, быстро ухватилась за удобный случай уничтожить противника. Лентул и Сципион произнесли энергичные речи; защитники Цезаря могли говорить только во время шума. Сам Марцелл,

консул 51 года, был освистан и принужден замолчать, потому что осмелился спросить, не следовало ли ранее, чем вызвать войну, удостовериться в своей достаточной подготовке.[\[496\]](#) Разве Помпей не объявил, что все готово? Среди общего возбуждения и полного смятения было внесено предложение объявить Цезаря врагом отечества, если он не сложит с себя командования до 1 июля.[\[497\]](#) Благодаря вмешательству Антония и Квинта Кассия голосование не было проведено,[\[498\]](#) но для консерваторов это было безразлично. Они были уверены теперь, что заставят, когда захотят, вотировать военное положение, уничтожавшее власть трибунов.

Первые десять дней января 49 года

Тогда сразу со всех сторон появились ревностные примирители, злонамеренные подстрекатели, неуместные советчики, мрачные прорицатели, неутешные плакальщики, всегда являющиеся накануне великих социальных кризисов. Вечером 1 января Помпей призвал к себе многих сенаторов, обратился к ним с похвалами и одобрением и пригласил явиться завтра в сенат. В то же время начались выборы, и в Рим призвали ветеранов.[\[499\]](#) Однако ночью, по-видимому, произошла известная смена настроения сенаторов. Когда на следующий день трибуны наложили свое veto, консулы не посмели идти против них. Тесть Цезаря и претор Росций потребовали шестидневной отсрочки, чтобы испробовать примирение. Другие требовали прибегнуть к посольству.[\[500\]](#) Случай захотел, чтобы сенат не собрался ни 3-го, ни 4 января и чтобы Цицерон прибыл в окрестности Рима, с радостью принятый более благоразумной частью сената, желавшей мира и надеявшейся на его вмешательство.[\[501\]](#) Цицерон действительно тотчас принялся за дело, вступил в переговоры с вождями партий и внес предложение позволить Цезарю заочно домогаться консульства, а Помпею во время его консульства удалиться в Испанию.[\[502\]](#) В то же самое время Курион получил от Цезаря новые, еще более умеренные предложения: он был готов удовольствоваться Цизальпинской Галлией и Иллирией с двумя легионами.[\[503\]](#) На мгновение можно было думать, что эти два предложения приведут дела в порядок. Помпей, по-видимому, раскаявшийся, тайно поручил Луцию Цезарю, молодому человеку, отец которого был генералом в армии Цезаря, вести переговоры о мире. Луций Росций, которому Помпей объявил, что расположен принять последние условия, предложенные Курионом, со своей стороны выехал к Цезарю.[\[504\]](#) Но вмешались Лентул, Катон и Сципион; они окружили Помпея и оглушили его своими вопросами: неужели он так неопытен, что попадет в расставленную Цезарем ловушку?[\[505\]](#) Однако сенат 5-го и 6 января колебался, подобно Помпею, и обсуждал положение дел, не принимая никакого решения. Но вечером 6 января Помпей был снова атакован непримиримыми консерваторами, и 7 января было объявлено военное положение;[\[506\]](#) Антоний и Квинт Кассий бежали из Рима. К концу полуторагодичной борьбы, интриг и хитростей ненавистный враг был наконец побежден: он не будет консулом иначе как ценой гражданской войны; а отважится ли он на нее? Враги Цезаря являлись с этих пор при помощи Помпея господами в государстве: они располагали казначейством, провинциями, союзниками, армиями; они имели у себя самого знаменитого из полководцев, самого славного из граждан. Цезарь, напротив, имел только девять истомленных долгой войной легионов, маленькую провинцию и недавно покоренную и еще враждебную Галлию. Таким образом, общим мнением было, что он никогда не осмелится вторгнуться в Италию, оставив за собой едва побежденных галлов, и скорее будет вести оборонительную войну в долине По.[\[507\]](#) В последующие дни сенат много заседал под председательством Помпея, который давал успокоительные уверения по поводу военного положения; без труда одобряли разные меры, направленные против Цезаря; передали в распоряжение Помпея государственное казначейство, муниципальные и частные — кассы; разрешили ему проводить принудительные займы;[\[508\]](#) распределили лучшие провинции любимцам консервативной партии. Сципион получил Сирию, Домиций — Трансальпийскую Галлию, Консидий Нониан — Цизальпинскую Галлию.[\[509\]](#) Наконец, решили провести общий набор и с этой целью разделили Италию на

округа, в каждом из которых выбрали влиятельного сенатора, владевшего там поместьями, для главного начальствования. Цицерону досталась Капуя,[\[510\]](#) Домицию — территория марсов, Скрибонию Либону — Этрурия, Лентулу Спинтеру — Пицен. Консервативное правительство, казалось, было вновь восстановлено.

Но вдруг утром 14 января[\[511\]](#) необычайная новость, подобно удару грома, разразилась над Римом: Цезарь перешел Рубикон и со значительными силами занял Аримин; вождь демагогов, искателей приключений и отчаянных людей шел на Рим во главе своих легионов и галльской кавалерии.

XII

Bellum civile

Затруднение Цезаря

Истина была гораздо менее ужасной, чем заставляли думать эти известия, преувеличенные ужасом. Если Цезарь и не стал держаться оборонительного плана войны в долине По, как наивно пророчили многие, то он и не имел намерения идти прямо на Рим. 4 января Цезарь, может быть, уже знал, какой прием оказал сенат его примирительным предложениям, и должен был приготовиться стать лицом к лицу с ужасными случайностями положения. На что следовало ему решиться? Ничего не предпринимая или отправляя бесполезные письма, ожидать назначенного сенатом июльского срока было опасно, потому что его враги имели бы время собраться с силами и посеять раздор среди его солдат. С некоторого времени ему уже доносили, что Лабиен тайно ведет переговоры с его врагами.^[512] Нужно было немедленно подкрепить действиями свой протест и свои слова и прибегнуть к угрозам как к самому действенному средству; но как сделать это, не возбуждая сейчас же междоусобной войны? Какое впечатление мог произвести на солдат его революционные действия? Их поведение в приближающемся кризисе сильно беспокоило как его самого, так и его друзей и врагов. Утомленная столь долгой войной, пойдет ли эта армия за ним на гражданскую войну?

Отношение Цезаря к его солдатам

В предшествующие десять лет Цезарь очень заботился привязать к себе солдат. Без сомнения, он требовал от них на службе строгой дисциплины и большого усердия; он часто неожиданно являлся, чтобы удостовериться, все ли в порядке; он никогда не упускал случая строго наказать упущения по службе. Но, с другой стороны, он щедро вознаграждал солдат за их труды, раздавая им золото и подарки; он тщательно заботился об их материальном благосостоянии; он увеличивал число своих легионов, уменьшая в каждом из них число людей, чтобы умножить посты центурионов; он возбуждал у своих солдат любовь к роскоши, вкус к золоченому оружию, шлемам, панцирям; он, наконец, употреблял все средства лести, которые могли иметь успех у простых необразованных людей, старался помнить их всех по именам, знать их историю, говорить о них и хвалить их храбрость в публичных документах и в своих Комментариях. Солдаты, почти все бедные крестьяне долины По, слышали даже, как этот римский патриций, обращая к ним с речью, называл их не «солдаты», а «товарищи».^[513] И он, конечно, был очень любим ими. Однако римское правительство внушало им все еще очень большое уважение, хотя было не чем иным, как фикцией. Сенат, магистратуры, все монументальное здание старой республики были предметом, глубокого почтения, особенно для италийской черни. Прояви он хоть один признак колебания, неверия, страха при начале войны, и привязанность, какую имели к нему солдаты, могла исчезнуть перед этим вековым почтением, и вся галльская армия рассеялась бы в несколько недель.

Взятие Аримина

Никогда Цезарь не колебался сильнее, чем в следующие пять или шесть дней.^[514] Известие о введении в Риме 7 января военного положения и о бегстве трибунов положило конец его колебаниям. Он разом, вероятно, утром 10 января, решился на крайнюю меру: захватить неожиданно Аримин, первый

италийский город по ту сторону Рубикона; двинуться из Аримина на захват других важных городов; показать этим смелым ударом сенату и Помпею, что он не испугался междоусобной войны и что, если придется вести смертельную борьбу, он будет отчаянно защищаться. Затем он снова готов был вступить в переговоры со своими врагами, которых страх (если не благоразумие) сделал бы, быть может, более миролюбивыми. Тотчас же он принялся действовать со своей обычной быстротой. Он посвятил в свой замысел нескольких друзей и офицеров, которые были с ним и должны были его сопровождать (в их числе был Азиний Поллион), и принял все нужные предосторожности, чтобы слух о его замысле не дошел до Аримина. Каждый из них при наступлении ночи вышел из города по разным дорогам. Они должны были сойтись ночью возле шести когорт, которым Цезарь заранее приказал выступить под начальством Гортензия. С ними на заре надо было захватить Аримин; накануне же Цезарь должен был вести себя так, чтобы отвлечь внимание публики. Действительно, весь день его видели в Равенне; он ходил в бани, присутствовал на публичном спектакле, рассматривал планы гладиаторской школы. Вечером он даже дал большой обед, на котором держался с полным спокойствием. И все-таки его попытка была очень опасна. Если бы его намерения стали известны и если бы Аримин запер свои ворота, то он не мог бы взять его с 1500 человек; нарушение же границы Италии без всякого результата было бы окончательным шагом к гражданской войне. Посреди пира он сказал, что внезапно призываемый службой вынужден покинуть на некоторое время своих гостей. Он сел в наемную повозку и выехал из Равенны по дороге, противоположной дороге в Аримин; отъехав на небольшое расстояние, он переменял путь, присоединился к своим когортам и друзьям, приказал разбудить солдат и отдал распоряжение двинуться в путь с одними мечами. Когда утром 11 января жители Аримина проснулись, Цезарь с 1500 легионеров уже был в городе.[\[515\]](#)

Новые усилия сохранить мир

Найдя в Аримине Антония, сбежавшего из Рима, он показал своим солдатам их прежнего генерала, который, будучи трибуном, лицом неприкосновенным, вынужден был для бегства переодеться в одежду раба. Он произнес убедительную речь, обещая им щедрую награду и утверждая, что хочет защитить народную свободу и уничтожить тиранию партий. Эта речь имела большой успех. Возбужденные легионарии с энтузиазмом поклялись ему в верности.[\[516\]](#) Тогда Цезарь послал Антония за пятью другими когортами, находившимися на Эмилиевой дороге, вероятно, возле Форума Попилия (совр. Forlimpopoli),[\[517\]](#) и приказал ему перейти через Апеннины и взять Арреций. Потом со своими пятью когортами он в следующие дни занял важнейшие приморские города: Пизавр (совр. Pesaro), Фан (совр. Fano) и Анкону.[\[518\]](#) Так как он имел с собой только три тысячи солдат, то, действуя таким образом, не мог иметь намерения начинать войну.[\[519\]](#) Он хотел лишь взять залог, позволявший ему вести переговоры о мире в лучшем положении, и доказать своим врагам, что ответит насилием на насилие, если его вызывают на то. И действительно, когда Росций и Луций Цезарь около 19 января[\[520\]](#) нашли его в одном из захваченных им приморских городов Адриатики, он предложил им следующие условия. Помпей должен отправиться в Испанию; все войска, набранные в Италии, должны быть распущены; комиции в Риме пусть произойдут в отсутствие армии, а что касается его самого, то он откажется от своей провинции и явится в Рим лично домогаться консульства.[\[521\]](#)

Паника в Риме

Но с Цезарем произошло то, что так часто происходит, когда два врага стараются взаимно запугать друг друга: он не достиг своей цели не потому, что ему не удалось утратить противника, но потому, что внушил ему слишком большой страх. Когда 14-го, 15-го и 16 января в Рим прибыли известия о

последовательных захватах местностей вдоль берега Адриатического моря, когда узнали, что после Аримина были взяты Пизавр и Фан, что испуганный Либон покинул Этрурию и поспешно отступил к Риму;[\[522\]](#) политический мир Рима охватила такая паника, что Помпей не мог остановить ее. Цезарь, конечно, не думал с такими малыми силами свергнуть в столь сильный страх своих врагов. Все были убеждены, что Цезарь готовит нападение на Рим, что он уже в дороге со своей галльской конницей и жаждущими добычи легионами, что он не замедлит прийти,[\[523\]](#) что Рим, так же как и Италия, находится в его власти, ибо Помпей с двумя ненадежными легионами Цезаря не в состоянии будет противиться такому бешеному движению. С утра до вечера испуганные сенаторы и магистраты сбегались к жилищу Помпея узнавать новости, жаловаться, просить советов или давать их. Смятение было так велико, что вольноотпущенники и рабы не могли более охранять двери; все входило и изливали перед Помпеем свое беспокойство, свой страх, свое раздражение. В его присутствии происходили ужасные сцены. Большинство сенаторов, принявших войну против их воли, выступали теперь против консервативного меньшинства и особенно против Помпея. Они обвиняли его в непредусмотрительности и поспешности. Они сожалели, что не приняли предложений Цезаря.[\[524\]](#) Иные обращались к Помпею с оскорбительными словами.[\[525\]](#)

Уныние и раздражение Помпея

Этот всеобщий испуг расстроил согласие консулов, вождей консервативной партии и всех тех, кто был ответствен за разрыв. Приготовления, которые наспех начали делать 12 января,[\[526\]](#) были прерваны. Сенат не созывался ни 14-го, ни 15-го, ни 16 января, так как консулы боялись, что испуганные сенаторы предложат безусловную сдачу. Вожди консервативной партии вступали в соглашения, но не могли прийти ни к какому заключению.[\[527\]](#) Захваченный врасплох столькими неожиданными событиями, ослабевший от болезни и не обладавший быстротой реакции Цезаря, Помпей не мог ориентироваться посреди стольких противоречивых известий и желаний. Он не знал даже, какими военными силами располагал Цезарь,[\[528\]](#) и потерял три дня в переговорах с консулами и знатными людьми Рима, не принимая никакого решения. Он сознавал, что должен скорее выйти из Рима, принять командование над уже собранными войсками, ускорить набор, организовать защиту, и, как и все, думал, что Цезарь сейчас же перейдет в наступление. Но как оставить в Риме государственные дела в руках такого пугливого сената, который Цезарю так легко было утратить? Достаточно было бы одного проявления паники в его отсутствие, чтобы сенат отверг его, и тогда его положение становилось в высшей степени затруднительным. Ему нужно было увести с собой из Рима сенат и магистратов, увлечь за собой также все правительство, чтобы избавить его от влияния Цезаря и его угроз. Это было очень трудным и сложным делом; и в эти три дня Помпей не осмелился предложить его и добиться его утверждения.

Decretum tumultus

Но 17 января[\[529\]](#) узнали, что занята не только Анкона, но и Арреций. Следовательно, Цезарь шел на Рим с ужасающей быстротой! Паника, немалая уже и ранее, еще более усилилась. Помпей вышел наконец из состояния растерянности:[\[530\]](#) ему удалось вступить в соглашение с Катонем, консулами и самыми влиятельными лицами, которые понимали, что нужно на что-нибудь решиться, и в согласии с ними он созвал сенат. Заседание было бурным, беспорядочным, очень продолжительным и полным противоречий. Многие сенаторы упрекали Помпея за его непредусмотрительность.[\[531\]](#) Волкатий Тулл и Цицерон предложили отправить к Цезарю послов для переговоров о мире.[\[532\]](#) Катон, напротив, предложил дать Помпею полную власть для ведения войны.[\[533\]](#) Последний принимал упреки с презрительным равнодушием, он не хотел ничего скрывать из настоящего положения дел.[\[534\]](#) Он спокойно говорил, что будет заботиться о защите Италии, но протестует против предложения Тулла, которое, по его мнению,

равносильно признанию в трусости.^[535] Решительность Помпея дала, таким образом, перевес партии войны; предложение Катона было утверждено, и военное положение было объявлено.^[536] Тогда Помпей изложил свой план. Консулы и сенат должны покинуть Рим, удалиться в Капую и увезти туда казначейство; Помпей накажет города, открывшие свои ворота Цезарю, и будет смотреть, как на врагов, на всех сенаторов, которые не покинут Рима вместе с ним.^[537] Можно представить себе, каково было общее изумление. Оставить Рим врагу! Этот приказ, отданный Помпеем, был государственным переворотом, на который никогда не отважился бы и сам Сулла.

Трудности эвакуации Рима

Помпей по выходе из сената немедленно отправился в Капую. Уже наступал вечер,^[538] и многие сенаторы, которые не приказали сопровождать себя рабам с факелами и не желали идти по неосвещенным улицам города, провели ночь в курии. Волнение достигло высшей точки: все находили очень трудным такой быстрый отъезд. Помпей, имевший повсюду массу рабов, денег, друзей, людей, связанных с ним делами, думал, что для большинства сенаторов этот отъезд столь же легок, как и для него. Что сделать с многочисленными семьями рабов, которых все они имели? Оставить ли их в Риме без господ в такой момент, когда беспорядок гражданской войны, вероятно, увеличит цену хлеба и возбудит мятежный дух в рабах?^[539] Куда отослать им своих жен и детей?^[540] Многие из сенаторов даже не имели денег, необходимых для путешествия, которое могло оказаться продолжительным, и не знали, как достать их. Друзья их сами были в затруднительном положении; торговля векселями почти прекратилась; займы были очень трудны, так как капиталисты страшились междоусобной войны.^[541]

Помпей снова приобретает влияние

Однако Помпей благодаря своим энергичным действиям и угрозам снова утвердил свое влияние на слабый и изменчивый политический мир. После того как прошло первое недовольство, многие стали размышлять о своей действительной выгоде. Победа Цезаря не будет ли означать политическую революцию, которая лишит богатых их имений? Таким образом, хотя Помпей причинил много тревоги, большинство сенаторов решило отправиться с ним. Сам Гай Кассий, квестор Красса, стал на сторону Помпея, а вместе с ним и его деверь Брут, для которого Цезарь, однако, был вторым отцом и настоящий отец которого был изменнически убит Помпеем в Мутине во время революции Лепида. Брут до сих пор отказывался быть другом Помпея, но в этот роковой момент он не устоял. Сторонники Цезаря были малочисленны, среди них были: Саллюстий и Целий, желавшие отомстить за преследования Аппия Клавдия, Долабелла, этот развратник, сделавшийся зятем Цицерона, и Азиний Поллион.

Возобновление паники в Риме

На следующий день посреди сильного смятения все начали свои приготовления к отъезду, но не слишком поспешно, так как еще надеялись, что какое-нибудь неожиданное событие позволит им остаться. Чтобы достать необходимые для путешествия деньги, многие сенаторы прибегли к помощи Аттика, предоставившего в распоряжение своих друзей крупные суммы, спрятанные в подвалах его дома или хранившиеся в римских храмах.^[542] Однако тронуться в путь было трудно, и многие еще продолжали бы свои приготовления, если бы, к счастью для Помпея, 18 января не распространилось ложное известие, что Цезарь уже идет на Рим во главе галльской кавалерии.^[543] Это вызвало внезапную панику: консулы, бросив казначейства, немедленно уехали; люди, наиболее замешкавшиеся в своих приготовлениях, в одно мгновение окончили их, и еще днем вся Аппиева дорога была покрыта носилками, рабами, повозками и

вьючными животными. Большое число сенаторов, всадников, вольноотпущенников и зажиточных плебеев, все богатое и культурное общество выехали из Рима,[\[544\]](#) оставив своих жен, детей и рабов в городе, на который, как думали, Цезарь готов был нагрянуть со своей галльской кавалерией. Факт странный, но не единственный в революционные эпохи.

Зять Цицерона на стороне Цезаря

Цицерон уехал еще до паники утром 18 января[\[545\]](#) в дурном настроении и очень недовольный Помпеем. Он считал неблагоприятным покидать таким образом Рим[\[546\]](#) и не думал, чтобы Помпей мог быстро, как он хвастался, образовать большую армию в Италии.[\[547\]](#) Его ввиду решительности Цезаря сильно тревожило и то, что Помпей, по его мнению, действовал одновременно и дерзко, и слабо; он сердился на Цезаря, но, в сущности, был более склонен верить в его успех, чем в успех Помпея. События подтвердили зловещие предчувствия, которые были у Цицерона в начале этой войны. Он раскаивался, что принял поручение в Капуе, и теперь, когда Капуя стала передовым постом армии Помпея, хотел отказаться от нее, взяв и обмен надзор за равниной и побережьем Лация.[\[548\]](#) Сильно беспокоясь, он тем не менее был доволен, что его зять Долабелла перешел на сторону Цезаря. Конечно, это было позором для семьи, но выгодно для него; если бы Цезарь одержал победу, Долабелла мог бы заступиться за своего тестя перед победителем.[\[549\]](#)

Цезарь занимает Игувий

Цезарь, однако, совершенно не думал идти на Рим, как все полагали. Заняв Анкону и Арреций, он еще 19 января послал Куриона овладеть Игувием (совр. Gubbio), откуда ушел претор Ферм с пятью когортами.[\[550\]](#) Потом он остановился, ожидая подкреплений. Он не мог идти далее с 3000 людей, но скоро вызванные им самим события увлекли его дальше, чем он думал. Обеспокоенный известием, что Помпей, консулы и часть сената покинули Рим, боясь, чтобы Помпей не лишил его возможности вести с сенатом переговоры о справедливом мире и не принудил его к большой войне во всей Империи, которая страшила его, Цезарь тотчас же написал сам и убеждал друзей написать уехавшим сенаторам, в том числе Цицерону, советуя им остаться в Риме.[\[551\]](#)

Цезарь соединяет свои силы

Но еще большая опасность грозила ему со стороны Авксима, где Акции Вар наскоро вооружал многочисленные когорты и, по слухам, хотел напасть на врага, имевшего всего 3000 человек, рассеянных в большом треугольнике между Аррецием, Анконой и Ариминим. Цезарь, имевший с собой только свою маленькую галльскую армию, понимал, что нужно во что бы то ни стало воспрепятствовать врагу набирать войско, ибо несоразмерность сил сделалась бы скоро опасной для него. Поэтому он собрал свой легион на берегу Адриатического моря, может быть, в Анконе, и приказал Куриону и Антонию очистить Игувий и Арреций,[\[552\]](#) в доказательство того, что Арреций был занят только для внушения страха.

Ответ сената

В конце января пришел ответ на предложенные им условия мира. Посол Помпея, возвращаясь после свидания с Цезарем, встретил консулов и многих сенаторов в Теане, на дороге в Капую.[\[553\]](#) Большинство их было так удручено своим внезапным отъездом из Рима и опасным приключением, конца которого никто ясно не видел, что было расположено в отсутствие Помпея принять предложения Цезаря. Цезарь хотел мира, и сенат хотел мира: как же можно было его не заключить? Но люди не были более господами

событий. Сенаторы, собравшиеся в Теане, действительно прибавили к предложениям Цезаря условие, что он удалится в свою провинцию, чтобы сенат мог совершенно независимо обсудить положение.^[554] Условие вполне естественное с их стороны, так как они хотели иметь по крайней мере этот залог искренности со стороны Цезаря. К несчастью, Цезарь не мог принять его, потому что понимал, как легко его врагам найти предлог для войны, лишь только они почувствуют себя сильнее его. Действительно, Акций Вар продолжал набирать солдат, и Цезарь был вынужден воспрепятствовать этому набору любой ценой. Таким образом, когда он собрал весь свой легион, т. е., вероятно, 1 февраля, он двинулся на Авксим, разбил Вара, взял город после схватки и привлек на свою сторону большое число солдат Вара, обещав им хорошую плату.^[555] Потом он овладел Цингулом (совр. Cingolo) и всем Пиценом,^[556] через несколько дней, может быть, 3 февраля,^[557] подкрепленный двенадцатым легионом^[558] Цезарь двинулся по направлению к Фирму (совр. Fermo)^[559] с намерением идти на Аскул (совр. Ascoli), занятый Лентулом Спинтером с десятью когортами.

Верность солдат Цезарю

Эти военные операции, к которым Цезарь был принужден, чтобы воспрепятствовать набору войск его врагами, уничтожили надежды на мир в тот момент, когда они, казалось, готовы были осуществиться. Судьба увлекала к междоусобной войне тех, кого война наиболее страшила. Силы Цезаря ежедневно возрастали, а силы его врагов уменьшались. Эти первые столь смелые операции, смятение, которое он неожиданно посеял в стане противников, бегство Помпея, занятие части Италии вовлекли армию в гражданскую войну и мало-помалу привели страну к революции. Распространился слух, что Цезарь обещал сделать всадниками всех солдат, следовавших за ним. Надежда на эту награду еще более увеличила прежнее преклонение галльских солдат перед их императором.^[560]

Смушение консерваторов

С другой стороны, если Помпею и удалось, заставив правительство уйти из Рима, оградить его от влияния Цезаря, он, однако, и сам утратил таковое. Как заставить следовать за собой в деревушки и маленькие города, где невозможно найти себе жилище, этот сенат, который был испуган, недоволен им и чьи противоречивые желания его беспокоили? Поэтому через несколько дней он предоставил сенаторов самим себе и решил отправиться в Луцерию, принять там командование над двумя легионами и сосредоточить в этом городе все войска, набранные на Адриатическом побережье.^[561] Сенат тем временем рассеялся по Кампании: консулы были в одном месте, трибуны в другом, отдельные сенаторы всюду понемногу — в уединенных городах, в пустынных и печальных в это время года деревнях. Курьеры не знали, куда и кому относить письма; самые важные известия не доставлялись в одно и то же время Помпею и консулам;^[562] приказы также приходили слишком поздно, и им не повиновались. В общем, в стане консерваторов господствовало крайнее смятение; все жаловались, но мало кто действовал, и эти немногие к тому же не слушались Помпея, бывшего их вождем лишь внешне. Наборы проводились медленно, потому что повсюду их встречали с большим неудовольствием.^[563] Помпей послал трибуна Гая Кассия из Луцерии в Капую, чтобы отдать консулам приказ отправиться в Рим за казначейством, но консулы отказались повиноваться под предлогом, что дороги небезопасны.^[564] Государственное казначейство было, таким образом, оставлено врагу. Приведенные в уныние ходом войны и потерями, причиненными им общей неразберихой, сенаторы делались еще трусливее в уединении деревенских домов и маленьких городов, куда новости приходили поздно в виде слухов из отдаленного мира. Оставление Рима наполнило души почти суеверным страхом. Рим, великий город, метрополия, в первый раз был предоставлен самому себе. Могли ли проявить энергию и энтузиазм в войне люди, столь

угнетенные страхом?

Измена Лабиена

Тем с большим удовольствием узнали, что Лабиен перешел в партию Помпея. Мы не знаем в точности мотивов, побудивших его к этому. Кажется, что уже с некоторого времени существовали несогласия и столкновения между ним и Цезарем; что после войны с Верцингеторигом, во время которой единственными крупными победами были победы, одержанные Лабиеном над сенонами и паризиями, этот плебей, которого дружба Цезаря сделала богатой и видной фигурой, вообразил, что как полководец он стоит выше самого Цезаря. Во всяком случае, его переход немного поднял упавший дух сторонников Помпея; но их недовольство продолжало быть очень большим. Цицерон непрерывно ездил из Формий в Капую и обратно и с нетерпением ожидал известий, обуреваемый постоянно разными чувствами: то он негодовал на дерзость Цезаря, то на бездействие Помпея.

Собрание в Формиях

Потом он вернулся к своему любимому проекту установления мира. 10 февраля в его формийском поместье собрались друзья и влиятельные члены партии Помпея — Г. Кассий, М. Лепид, Л. Торкват. Они долго обсуждали положение и решили, что раз битва неизбежна, нужно, чтобы она была единственной. Все благонамеренные люди должны условиться о том, чтобы заставить побежденного отказаться от своих домогательств и принудить его заключить мир.[\[565\]](#)

Новый план Цезаря

В то время как его противники медленно и вяло организовывали оборону, Цезарь решительно шел вперед. Прибыв в Фирм, он узнал, что Аскул освобожден и что Лентул, утраченный его быстротой и силами, передал начальство Вибулию Руфу[\[566\]](#) и удалился в Корфиний, куда на соединение с ним направлялся со значительными силами Домиций Агенобарб. Луцилий Гирр, покинувший Камерин, также отступил в Корфиний со своими солдатами. Корфиний становился, следовательно, сборным пунктом для противников Цезаря, и он был вынужден идти вперед вследствие того, что его враги бежали перед ним. Понимая, что с этих пор уже невозможно добиться заключения мира, не дав битвы, которая сломила бы упрямство одних и лишила бы колебания других, он составил в Фирме новый план, который и привел тотчас в исполнение. Он решил осуществить в Италии молниеносную войну, уничтожить стянутые к Корфинию войска, принудить Помпея и консулов заключить разумный мир и таким образом восстановить спокойствие в Италии за несколько недель. Он остался в Фирме на один день, пополняя там свои запасы провианта, и послал с многочисленными гонцами в главные города Италии манифест, в котором объявлял о своих мирных намерениях. 8 февраля он обычными ускоренными переходами двинулся в путь вдоль морского берега[\[567\]](#) по направлению к Корфинию.

Помпей и Домиций

В этом городе, а также в Сульмоне и в Альбе собралась тридцать одна когорта, т. е. немногим больше 10000 человек.[\[568\]](#) Но Помпей очень благоразумно хотел стянуть свои войска южнее, в Луцерии, чтобы Цезарь нашел страну марсов уже покинутой. Неопределенность и медлительность продолжали, однако, разрушать лучшие его проекты. Он имел неограниченную власть, но колебался воспользоваться ею по отношению к такому лицу, как Домиций Агенобарб: свое распоряжение о движении к Луцерии он передал ему в форме совета, а не приказа.[\[569\]](#) И был удовлетворен, узнав 10 февраля, что Домиций

рассчитывал выступить 9-го числа.[\[570\]](#)Потом он не получал более известий от Домиция и лишь через несколько дней косвенным путем узнал, что Домиций переменял свое намерение и твердо решил ожидать Цезаря. Помпей, знавший слабости высших италийских классов, пришел к мысли, что в армии Домиция были крупные собственники из окрестностей Корфиния, настоявшие на защите этой области, чтобы помешать ее разграблению солдатами Цезаря.[\[571\]](#)Сам крупный собственник, снисходительный к подобным слабостям и недостаточно энергичный, чтобы внушить к себе почтение, Помпей сделал тогда нечто, недостойное генерала. 12 февраля он просил Домиция прислать ему 19 когорт, сохранив прочие для защиты страны.[\[572\]](#)Но 13-го или 14 февраля,[\[573\]](#)потеряв надежду, что Домиций исполнит его просьбу, и убежденный, что он будет врасплох захвачен Цезарем, Помпей решил удалиться в Грецию. Если нет более возможности защищаться в Италии, то нужно покинуть полуостров, отправиться на Восток, сформировать там армию и возобновить войну позднее с более крупными силами. Но даже после принятия этого решения у Помпея не хватало необходимой энергии: 13 января[\[574\]](#)он послал Децима Лелия к консулам с письмом, в котором просил, «если это окажется удобным», одного из них с войсками, набранными в окрестностях Капуи, и с двенадцатью когортами Домиция отправиться в Сицилию для защиты этой важной житницы, а другого — с остальными силами идти в Брундизии и погрузиться там на корабли.[\[575\]](#)Он звал также Цицерона присоединиться к нему в Брундизии.[\[576\]](#)К несчастью, страх за Домиция был слишком велик: 14 января Домиций позволил захватить себя врасплох и осадить в Корфинии с 18 когортами. Волнение в Италии от этого известия еще более возросло: думали, что Помпей сейчас же двинется на помощь осажденным!

Взятие Корфиния

Но при известии об осаде Корфиния и о грозящем поражении Помпей вышел наконец из своей летаргии: он снова овладел собой, снова обрел энергию и, начиная с этого момента, не переставал проявлять большую твердость. Рискнув повергнуть республику в ужасный хаос и умереть вместе со своими сторонниками в жестокой борьбе, он стремился одержать победу над Цезарем. Считая, что двух легионов, бывших у него в Луцерии, недостаточно, чтобы идти на помощь к Домицию, и что поражение было бы очень опасно для его престижа, он воспротивился просьбам всего аристократического Рима, который, желая оказать помощь Домицию, готов был смело кинуться в очень опасное предприятие. Помпей нашел в себе силы принять наиболее трудное решение — признать на время себя побежденным. Он рассматривал рекрутов, набранных на адриатическом побережье, потерянными. Он предоставил Домиция его участи и окончательно решил отступить в Грецию. Он даже отказался, считая свои силы недостаточными, от мысли сохранить за собой Сицилию и послал консулам очень четкий приказ стянуть к Брундизию всех рекрутов, набранных в Капуе, и все войска, которыми они могли располагать.[\[577\]](#)Домиций действительно капитулировал через 7 дней, в то время как Помпей отступил в Брундизии, где уже готов был флот, способный перевезти его в Грецию. После Корфиния сдался Сульмон. К Цезарю тем временем прибыл еще один из галльских легионов, восьмой, вместе с 22 когортами новобранцев и 300 всадников, посланных царем Норика.[\[578\]](#)

Умеренность Цезаря

Высшие классы Италии были утрачены известием о падении Корфиния. Ужасный демагог захватил в плен пять враждебных ему сенаторов, большое число всадников и знатной молодежи. Но Цезарь отпустил всех их на свободу, возвратил им все богатства, которые они имели с собой, и обращался с ними с большой любезностью. По мере того как события увлекали Цезаря вперед в нежелательной им войне, им все более овладевало искреннее желание поскорее закончить ее и принудить Помпея заключить почетное

соглашение, чтобы удовлетворить общественное мнение, желавшее и требовавшее мира и готовое обожать того, кто мог бы дать ему этот мир. Эта междоусобная война, хотя еще достаточно ограниченная, уже затронула слишком много интересов. Кредит стал столь труден, что должники вынуждены были продавать свое имущество для уплаты процентов: началась новая, очень разорительная кампания по ликвидации долгов, вызвавшая общее падение цен. Работы не было, увеличилась нищета, особенно в Риме, где отсутствовало много знатных лиц, работодателей.

Цезарь хотел любой ценой прийти к соглашению с Помпеем в самой Италии. С обычной своей решительностью он написал Цицерону, что готов вернуться к частной жизни и оставить Помпею первое место в государстве, лишь бы можно было жить в безопасности.^[579] Он послал племянника Бальба к консулу Лентулу с просьбой вернуться в Рим и употребить все усилия для заключения мира.^[580] Он написал в Рим Оппию, что не хочет быть демократическим Суллой, а заботится лишь о примирении с Помпеем и о его великодушном позволении отпраздновать триумф.^[581] Наконец, 21 февраля, в день взятия города, он покинул Корфиний, уводя с собой шесть легионов, из которых три составляли часть галльской армии, а другие три были сформированы на месте из новобранцев и солдат Домиция. Он отпустил на свободу всех офицеров и сторонников Помпея, захваченных по дороге. 9 марта форсированным маршем Цезарь пришел под стены Брундизия.

Помпей и Цезарь в Брундизии

Но Помпей уже решился на войну и сделал соответствующие распоряжения. Вспомнив, наконец, что у него есть армия в Испании, он послал Вибуллия Руфа принять над ней начальствование, а также поручил Домитию отправиться в Массалию, чтобы удержать город в верности консерваторам.^[582] Он уже отправил часть армии с консулами в Эпир и ожидал только возвращения кораблей, чтобы в свою очередь погрузиться на них. Возможен ли был мир при таких условиях? Последняя надежда Цезаря на него рассеялась, когда он узнал о приходе Магия^[583] с предложениями Помпея. Конечно, и в этот роковой момент Цицерон, если бы он находился в Брундизии, мог бы еще раз поспособствовать примирению, идею о котором он лелеял так давно. К несчастью, старый писатель не явился по приглашению Помпея под тем предлогом, что дороги небезопасны, в действительности же потому, что он не хотел вмешиваться в гражданскую войну, столь ненавистную ему, как и всем разумным италийцам. И в тот час, когда нужно было действовать, он остался в своем формийском имении, пребывая в своих мечтах, своей меланхолии, своем беспокойстве и своих надеждах. Милосердие Цезаря, доказательство которого последний дал в Корфинии, глубоко взволновало его; письма Цезаря и Бальба льстили ему, хотя ему нравилось скрывать свое удовольствие под горьким недоверием, чтобы чаще обсуждать ситуацию со своими друзьями и выслушивать их заверения, что Цезарь его не обманет и, конечно, рассчитывает на его помощь в заключении мира.

Отплытие Помпея в Грецию

Однако если мир был еще возможен, то последний удобный случай восстановить его ускользнул от Цезаря. Он тщетно ждал несколько дней возвращения Магия,^[584] напрасно посылал также Тита Каниния Ребила в Брундизии для переговоров с интимным другом Помпея — Скрибонием Либоном. Ответ гласил, что Помпей не может вести переговоры о мире в отсутствие консулов.^[585] Посылка Магия была хитростью, способом выиграть время.^[586] Помпей хотел войны, войны решительной и великой. Если бы он, не отомстив за себя, согласился заключить мир после сдачи Корфиния, то Италия смотрела бы на него, как на побежденного Цезарем. Жестокость этой гражданской войны, бесконечное зло, которое она несла за собой, — все с этих пор перестало беспокоить совесть этого человека, опьяненного своим величием и

руководимого только грубым эгоизмом. Необычайное везение, которое сопутствовало ему до сих пор, теперь влекло его к гибели. Цезарь не мог воспрепятствовать 17 марта отъезду Помпея со всем флотом.[\[587\]](#) Таким образом, маленькая ссора между двумя партиями разрослась до громадных масштабов: начиналась настоящая междоусобная война.

XIII

Испанская война

Шансы Цезаря в гражданской войне

Цезарь оставался в Брундизии только один день и немедленно двинулся в Рим, в страшном раздражении объявив своим друзьям, что так как Помпей и большинство сената желают смертельной войны, то будут иметь ее теперь же, и что он немедленно отправляется напасть на испанскую армию.^[588] Курион и Целий, видевшие его до тех пор столь миролюбивым, не могли прийти в себя от изумления, слыша, что он говорит таким образом.^[589] Но Цезарь имел слишком много поводов быть озабоченным и взбешенным. Важность событий двух последних месяцев была так велика, что вся Италия была потрясена; созданное ими положение было столь неопределенно, необычно и непредвиденно, что Цезарь, несмотря на блестящие успехи своего оружия, не мог оставаться спокойным. Высшим классам, привыкшим уже давно смотреть на республику как на распадающееся государство, события внушали самые мрачные предчувствия. Все видели, что сенат, магистратуры, все монументальное и почтенное здание старой республики за два месяца пало под ударами нескольких легионов. Маленькая и сильная армия Цезаря во мгновение ока разнесла на куски законное правительство, смела его остатки с лица Италии и осталась ее госпожой. Рим еще не видывал такой внезапной и страшной катастрофы, и ее масштабы устрешили Цезаря. Он отдавал себе отчет в том, что находился в опасном положении мятежника, который своими первыми блестящими победами над законным правительством мобилизует последнее на более сильное противодействие; он понимал, что после унижения, позорного бегства, которому он не мог воспрепятствовать, Помпей и сенат никогда не согласятся вернуться в Италию, не раздавив его. Никакая человеческая сила не могла с этих пор остановить рокового течения междоусобной войны, в которой его противники, несмотря на свои первые неудачи, располагали силами, значительно превосходящими силы Цезаря. Они владели почти всей империей, морем, большой испанской армией. Они отправились набирать другую, еще более грозную армию на Восток. А у него было только четырнадцать легионов, немного денег, никакого флота и главная забота — надзор за едва усмиренной Галлией. Если бы он вызвал для междоусобной войны легионы из Галлии, то не привело ли бы это к новому всеобщему восстанию? Его противники сильно рассчитывали на это.

Новый план кампании Цезаря

Цезарь быстро понял, что единственная надежда на спасение заключается для него в молниеносности действий. Более спокойное размышление укрепило в нем мысль, возникшую сразу же после бегства Помпея: следовало напасть на страшные силы своих противников, пока они были еще рассеяны, начав с уничтожения угрожавшей Галлии испанской армии, на которую друзья Помпея возлагали большие надежды. Распространился даже слух, что Помпей сам примет над ней командование, чтобы с ее помощью снова завоевать Италию.^[590] С обычной энергией Цезарь составил очень детальный план действий и начал приводить его в исполнение, рассылая во все стороны послов и приказы и проявляя таким образом свою волю в сотне различных мест. Он поместил гарнизоны в главных центрах Южной Италии.^[591] Приказал всем приморским городам Италии послать определенное число кораблей в Брундизий, строить еще новые и поручил Гортензию и Долабелле заботиться обо всем этом.^[592] Без замедления отдал распоряжение овладеть наиболее близкими к Италии житницами и поручил Кв. Валерию с одним легионом отправиться в

Сардинию, Куриону с двумя легионами занять Сицилию и потом перейти в Африку,^[593] а Долабелле — идти в Иллирию.^[594] Он рассчитывал немедленно по прибытии в Рим созвать нескольких сенаторов и оставшихся в городе магистратов, т. е. реставрировать подобие правительства, которое могло бы называть себя законным. Это было крайне необходимо и для него самого и для Италии. Положение Италии без должностных лиц после бегства Помпея было очень затруднительным;^[595] если Цезарь мог за два месяца сокрушить своей армией республиканское правительство, то он не мог ни заместить его этой же армией, которая была нужна ему для войны, ни предоставить Италию самой себе без всякого правительства. Кроме того, ощущая нехватку силы, он был весьма заинтересован в одобрении законной властью всего, что он сделал или готовился сделать. Особенно ему нужно было добиться утверждения властью переноса войны в Испанию и получения в казначействе денег, в которых он нуждался.

Италия и Цезарь

Этот план, подобно всем творениям Цезаря, был смел и велик; но какие громадные физические и моральные усилия должны были затратить он сам, его друзья и солдаты, чтобы привести его в исполнение! Экономические, военные и политические трудности были неизмеримы. Особенно должно было заботить Цезаря общественное мнение, находившееся еще в оцепенении и крайнем замешательстве. Оно, правда, немного изменилось в его пользу вследствие последних событий. По пути многие города, оказывавшие в прошлом году блестящий прием Помпею, устраивали теперь празднества в честь Цезаря.^[596] Многие сенаторы, которых Помпей заставил уйти из Рима, готовились вернуться туда вместе с завоевателем.^[597] Масса лиц была склонна теперь оправдывать Цезаря и обвинять Помпея, признавая, что Цезарь вовсе не был провокатором, что он дал доказательство своей умеренности и миролюбивых намерений. Часто даже нравилось преувеличивать его заслуги, его счастье и его могущество; говорить, что он мог бы, если бы захотел, привести из Галлии бесчисленную армию и что он владел неизмеримыми сокровищами.^[598] Но, в сущности, Италии не было дела ни до Цезаря, ни до Помпея, ни до всех других вождей в этой борьбе, которая внушала ей столь же глубокую скуку, сколь и недоверие, раздражение и отвращение. Прием, оказываемый Цезарю итальянскими городами, хотя и дружественный, разительно отличался от того приема, который они оказывали сорок лет тому назад его дяде, возвращавшемуся из Африки. Италия слишком изменилась за эти сорок лет. Сыновья и внуки знати, собственников, несчастных крестьян, которые, сами того не зная, полстолетия тому назад приносились в жертву ради будущего Италии, владели теперь фермами, обрабатываемыми землями, рабами и домами в городах. Они сделались деятельными купцами, жадными ростовщиками, политиками, которые, ловко маневрируя среди различных партий, приобретали репутацию и становились зажиточными. Одни были адвокатами и юрисконсультами у своих знатных друзей; другие — мелкими собственниками, чьи хорошо одетые дети отправлялись в сопровождении рабов в школу, посещаемую детьми лучших фамилий. Все эти люди создавали эгоистическое общественное мнение, требовательное и противоречивое. Оно совершенно не считалось с трагичностью положения, созданного событиями, и, испытывая сильный страх перед междоусобной войной, воображало, что мир был очень легким делом, зависевшим исключительно от воли Цезаря и Помпея. Никто не хотел признать, что Цезарь теперь принужден сражаться. Слабый поворот к нему отчасти обуславливался надеждой, что он положит конец враждебным действиям.^[599] В сущности, общественное мнение, и благоприятное и враждебное, создавало ему лишь очень серьезные затруднения своими наивными, глупыми и противоречивыми домогательствами.

Свидание Цезаря с Цицероном

Цезарю помог осознать эти затруднения разговор с Цицероном. Проезжая через Формии и желая в

этот критический момент укрепить дружбу с наиболее влиятельным современным писателем, Цезарь посетил его, вероятно, утром 28 марта.^[600] Но этот разговор, который месяцем ранее мог бы стать событием во всемирной истории, теперь был только заурядным ее фактом. Цезарь выказал свою любезность и учтиво приглашал Цицерона приехать в Рим, чтобы вести там переговоры о мире. Когда Цицерон спросил у него, будет ли он свободен поступить так, как ему покажется лучше, Цезарь дал утвердительный ответ, прибавив, что он никогда не смог бы предъявлять условия человеку, подобному ему. Цицерон сказал тогда, что хочет воспротивиться в сенате экспедициям Цезаря в Испанию и Грецию, которые, по слухам, тот думает предпринять. Цезарь был вынужден ответить, что такие протесты будут бесполезны, потому что он поставлен обстоятельствами перед необходимостью без промедления начать эту войну. «Я знаю это, — возразил Цицерон, — но я не мог бы говорить иначе». Холодная и банальная беседа продолжалась еще некоторое время. После разных вопросов Цезарь наконец выразил надежду, что Цицерон еще подумает. Цицерон, конечно, обещал это, и Цезарь продолжал свой путь в Рим.^[601] Свита Цезаря произвела на раздраженного этим разговором Цицерона самое дурное впечатление. Он видел там только молодых негодяев, несостоятельных должников или преступников, одним словом — банду авантюристов, и после этого свидания окончательно решил уехать. Этот человек и эта банда, конечно, желали гибели Помпея, конфискации имущества богачей и грабежа государства. Нет, он не пойдет на заседание сената; напротив, он последует за своим другом в Грецию.^[602]

Цезарь в Риме

29 марта 48 года^[603] Цезарь прибыл в Рим, откуда он уехал проконсулом девять лет назад. Как было далеко то время! Сколько перемен произошло за эти годы, полные такими событиями! Как изменился и украсился сам город! Но Цезарь не имел времени удивляться всему этому. Он спешил уехать в Испанию и наложить свою руку на оставленное Помпеем казначейство. Антоний и Квинт Кассий созвали вне померия оставшихся в Риме сенаторов. Цезарь притворился, что находится перед законно собранным сенатом, и произнес миролюбивую речь, оправдывая свои действия, утверждая, что он не прибегнет к насилию и позволит всем желающим свободно уйти к Помпею. Он предложил отправить в Грецию послов для переговоров о мире; потом подобную же речь он произнес перед народом, отдал приказание о раздаче хлеба и обещал каждому триста сестерциев.^[604] Но эти заявления лишь вновь разбудили в недовольном и противоречивом общественном мнении прежние подозрения относительно намерений Цезаря. Указывали, то предложение вести переговоры о мире не может считаться серьезным, если Цезарь не приостановит своих военных приготовлений до получения ответа.^[605] Тщетно искали послов, никто не хотел ехать: такое действие возымели угрозы Помпея.^[606]

Цезарь и казначейство

Все же в первых числах апреля Цезарь и сенат, казалось, согласно работали над реорганизацией правительства с помощью оставшихся в Риме магистратов. Оказалось, что в Риме оставался претор этого года Марк Эмилий Лепид, сын консула, умершего во время революции 78 года, зять Сервилиии и друг детства Цезаря. По причине его родства с Сервилиией и своей старой дружбы Цезарь мог доверять ему, и он заставил сенат возложить на Лепида обязанности консула.^[607] Антоний, конечно, также по декрету сената был поставлен во главе войск, остававшихся в Италии. Другой сенатский декрет утверждал назначение Кв. Валерия в Сардинию, Куриона — в Сицилию и Африку, Марка Лициния Красса — в Трансальпийскую Галлию и Долабеллы — в Иллирию.^[608] Но когда Цезарь, побуждаемый необходимостью к действиям, горячо взялся за дело и потребовал согласия сената на то, чтобы воспользоваться фондами казначейства, разгорелась борьба. Даже без его объяснения все понимали, что цель этого — испанская война.

Неизвестно, дал сенат свое согласие или отказал в нем.[\[609\]](#) Но мысль, что общественные средства будут употреблены одним из соперников для продолжения незаконной и бедственной войны, до такой степени возмутила общественное мнение, что народный трибун Луций Цецилий Метелл, надеясь на свою неприкосновенность, решился воспрепятствовать кузнецам и солдатам, посланным Цезарем, чтобы разбить двери в подземелье храма Сатурна, где лежали деньги и ключи от которого увезли с собой консулы. Тогда Цезарь потерял терпение: он лично явился к казначейству во главе своих солдат и пригрозил трибуну смертью, если тот немедленно не удалится.[\[610\]](#)

Цезарь поспешно оставляет Рим

К счастью для Цезаря, трибун не был намерен умереть, защищая закон и свое священное право, и Цезарь смог овладеть 15 000 фунтов золота и 35000 фунтов серебра в слитках, а также 40 миллионами сестерциев в разменной монете,[\[611\]](#) не пролив крови неприкосновенного должностного лица. Но общественное мнение всех классов было глубоко оскорблено этим насилием, совершенным над самым популярным и священным из всех магистратов. Не было ли это первым признаком новой тирании, подобной тирании Суллы? И глава народной партии еще осмеливался утверждать, что он взялся за оружие в защиту прав трибунов? Конфискации и грабежи скоро покажут, чем был он на самом деле! Цезарь до такой степени был смущен этим недовольством, что решил уехать, не получив законного согласия на ведение войны; он даже отказался от мысли произнести большую речь к народу, которую уже подготовил.[\[612\]](#) Чтобы успокоить простой народ и показать ему, что он не желает быть новым Суллой, он заставил Антония предложить комициям упразднить тот чудовищный закон Суллы, который еще формально существовал, хотя и был почти забыт, и лишал прав на государственные должности потомков проскрибированных лиц.[\[613\]](#) Через 6 или 7 дней после своего возвращения в Рим, вероятно 6 апреля,[\[614\]](#) Цезарь покинул его в сопровождении немногих друзей.[\[615\]](#)

Силы Помпея в Испании

Недолгое пребывание в Риме было для Цезаря действительно скорее вредным, чем полезным. За эти несколько дней он потерял в общественном мнении все то, что приобрел за четыре предшествующих месяца. Многие беспристрастные люди, на которых произвело сильное впечатление проявленное им в январе и феврале миролюбие, теперь снова перешли на сторону Помпея. Искренность слов Цезаря о мире стала сомнительной для свидетели его насилия над трибуном и деяний банды сопровождавших его авантюристов.[\[616\]](#) Ему было невозможно поддерживать дальнейшую иллюзию: с такими товарищами он или должен был потерпеть полное поражение, или, если бы ему удалось победить, прежний друг Катилины не преминул бы оправдать надежды самых падших представителей Рима. Цезарю обязательно был необходим в Испании крупный успех. Помпей имел два легиона в Лузитании под начальством легата Марка Петрея; в ближней Испании у него было три легиона под командой легата Луция Афрания и два в дальней Испании, во главе которых был Варрон. Всего там было семь легионов, слишком привыкших, может быть, к партизанской войне в горах против варваров,[\[617\]](#) но все же легионов, уже имевших боевой опыт под командованием верных и опытных генералов. Помпей послал им приказ вести оборонительную войну, чтобы, угрожая перейти Пиренеи, удержать в Галлии часть армии Цезаря или заставить ее совершить рискованное вторжение в Испанию. Три генерала действительно действовали координированно в организации обороны. Варрон должен был остаться в дальней Испании с двумя легионами, чтобы держать там в покорности самые варварские и еще не полностью покоренные племена.[\[618\]](#) Афраний и Петрей, соединив свои пять легионов, должны были двинуться вперед до Илерды (совр. Лерида), укрепленного и выгодно расположенного города у границы Пиренеев, с тем чтобы ожидать

там неприятеля, если он осмелится вторгнуться. Помпей в то же самое время убедил знать Массалии не принимать сторону Цезаря. Без дружбы с Массалией — Помпей понял это еще во время войны с Серторием — было трудно содержать армию в Испании, где население было бы, конечно, враждебно Цезарю,^[619] потому что слишком хорошо помнило победителя Сертория, тогда как Цезарь был ему совершенно неизвестен.^[620] Если испанские легионы не оказали того сопротивления, на которое надеялись наивные стратеги Рима, они тем не менее вместе с Массалией были серьезным препятствием на пути Цезаря.

Цезарь в Массалии

Действительно, Цезарь скоро был остановлен. Прибыв, вероятно, 19 апреля^[621] под стены города, он нашел ворота запертыми, а сенат под предлогом нейтралитета — враждебно настроенным. Так как для ведения энергичной войны в Испании было необходимо овладеть Массалией, то Цезарь тотчас решился взять ее силой и призвал три легиона из Галлии.^[622] Но прежде чем он соединился со своими солдатами, для организации обороны в город морем прибыл Домиций. С ним в качестве противника осады Массалии становилась предпрятием более продолжительным и более трудным. А Цезарю было нужно разбить испанскую армию возможно быстрее. Раздраженный этой неожиданной остановкой и готовый рискнуть всем, чтобы быстро окончить дело, Цезарь принял совершенно безрассудное решение. Он намеревался вывести все свои войска из Галлии, с тем чтобы ускорить в одно и то же время операции под стенами Массалии и в Испании. Немедленно по прибытии трех легионов он начал осаду и одновременно с этим приказал трем легионам, бывшим в Нарбонской Галлии под начальством Гая Фабия, и двум последним легионам, остававшимся в Галлии, вторгнуться в Испанию.^[623] Фабий должен был стараться отвлечь от Помпея население Испании, в то время как сам Цезарь будет осаждать Массалию; когда же город будет взят, он пойдет в уже завоеванную наполовину Испанию, чтобы уничтожить армию Помпея.

Новая политика Цезаря в Галлии

Относительно Галлии этот смелый план вполне удался. Благодаря принятым Цезарем мерам и счастливому стечению обстоятельств, в Галлии не произошло никаких волнений. Цезарь с присущими ему быстротой и хитростью сумел подготовить этот успех, сменив еще раз свою политику террора на политику примирения; он не только принудил себя частично восполнить потери, причиненные последними войнами, но и вместо безжалостного преследования еще уцелевших вождей революции постарался заключить с ними мир. Таким образом ему, по-видимому, удалось установить соглашение даже с Коммием.^[624] Он сделал даже больше. Знатные галлы были по большей части воинами. Многие из этих рыцарей и воинов, бывшие на жалованье у богачей, оставались теперь незанятыми. Много знатных, наполовину разоренных, охотно ухватились бы за удобный случай приобрести славу и богатство. Цезарь с помощью денег казначейства и тех, которые он получил займы от военных трибунов и центурионов, — это была полезная контрибуция и залог верности, — набрал в Галлии всадников и пехотинцев и принял к себе на службу много знатных, обещая им конфискованные имения. Таким образом, кроме пяти легионов он смог послать в Испанию 5000 человек вспомогательного войска и 6000 галльских всадников.^[625] Благодаря своей чудесной ловкости ему удалось найти поддержку в Галлии, которая, по мнению его противников, должна была создать ему наибольшие затруднения. Напротив, его усилия быстро окончить войну вначале потерпели неудачу. В то время как он проводил работы по осаде Массалии и приказывал строить небольшой флот, Фабий перешел Пиренеи и так легко обратил в бегство Афрания и Петрея, что можно было заподозрить, не было ли это с их стороны маневром, привлекающим врага двинуться вперед. Цезарь расположился лагерем на берегах Сикориса (совр. Segre) в нескольких милях от

Илерды, послал крупные суммы денег для раздачи в соседних городах, чтобы отвратить население от дружбы с Помпеем, и, несмотря на прибытие еще двух легионов, держался выжидательной тактики,[\[626\]](#)ожидая падения Массалии.

Слухи в Италии

Но прошел май, а событие, столь нетерпеливо ожидаемое партией Цезаря, не осуществлялось. Это обстоятельство должно было повлечь за собой катастрофу. После отъезда Цезаря в Италии усилилась реакция в пользу Помпея. Если сначала сопротивление Массалии, казалось, вознаграждало партию Помпея за потерю Сицилии, покинутой Катоном и занятой Курионом,[\[627\]](#)то скоро стали думать, что смелый удар, предпринятый Цезарем под Массалией и в Испании, вовсе не удастся.[\[628\]](#)Распространялись самые страшные слухи; рассказывали даже, что Помпей пройдет через Иллирию и Германию, чтобы встретиться с Цезарем в Галлии.[\[629\]](#)Другие факты, особенно скандальное поведение Антония, также раздражали общественное мнение.

Антоний

Этот молодой человек, потомок одной из знатнейших римских фамилий, удивительно сильный телом, чувственный, веселый, любитель поесть, выпить и поразвратничать, дерзкий, храбрый, кровожадный, был воспитан в условиях дикой независимости вне семейных и социальных традиций сперва в притонах Рима, а потом в лагерях. Оставленный Цезарем почти неограниченным правителем Италии, он возмущал даже современников своей необузданной распущенностью, доходившей до содержания в Риме гарема обоого пола, и прогуливался в своих носилках вместе с греческой гетерой Киферидой,[\[630\]](#)как если бы она была его женой. Скандалы бывали и ранее, но особенное возмущение своим поведением Антоний вызывал в этот момент, когда все были так склонны порицать Цезаря и его друзей и когда умы были особенно впечатлительны. Многие сенаторы в негодовании покинули Рим. Повсюду распространился слух, — и он был верен — Цицерон также хочет уехать. Антоний был этим раздражен и не нашел ничего другого, как сперва в довольно учтивом письме,[\[631\]](#)а потом в другом, очень сухом,[\[632\]](#)приказал ему остаться в Италии.

Верность испанцев Помпею

К несчастью для Цезаря, к концу мая война приняла еще более дурной оборот. Массалия стойко держалась; Фабию не удалось побудить испанцев к восстанию; испанские племена оставались верными Помпею благодаря его известности, пяти легионам Афрания и Петрея, а также ловко распускаемым слухам. Говорили, например, что Помпей скоро прибудет в Африку с большой армией.[\[633\]](#)Фабий с такими затруднениями снабжал продовольствием свое войско, что боялся быть принужденным к отступлению голодом. Чтобы привлечь к Цезарю испанские народы и заставить их доставлять и продавать съестные припасы его войскам, а не войскам Помпея, срочно требовалось победоносное сражение.

Опасное положение Цезаря в Испании

Тогда Цезарь решил оставить Децима Брута и Требония продолжать осаду, а сам принял командование над армией, чтобы попытать счастья в битве. В середине июня[\[634\]](#)он отправился из-под Массалии во главе 900 всадников, перешел Пиренеи, присоединился к армии и тотчас двинулся вперед к Илерде, к холму, на котором был лагерь Афрания, чтобы сразиться с ним. Но Афраний, знавший о критическом положении своего противника, уклонился от сражения.[\[635\]](#)Тогда Цезарь стал искать

средство принудить врага вступить в бой. Он усмотрел небольшую возвышенность, расположенную между Илердой и холмом, на котором стоял лагерь Афраний. Эта возвышенность господствовала над путями сообщений Африания с городом и каменным мостом через Сикорис. Цезарь неожиданно повел три легиона для захвата этой позиции, но Афраний и Петрей были настороже: они вывели свои когорты и после долгого и кровопролитного боя отбросили легионариев Цезаря. Удар, вероятно, был достаточно сильным,[\[636\]](#) потому что Цезарь, так нуждавшийся в победе, не старался более перейти в наступление. Последствия этого поражения не замедлили дать себя почувствовать: маленькие испанские города, завоеванные для Цезаря Фабием, перестали посылать съестные припасы — снабжение продовольствием стало еще более трудным. Внезапно прибывшая вода в реках, посреди которых стоял лагерь Цезарь, снесла мосты и крайне осложнила положение: армия скоро оказалась, как когда-то под стенами Алезии, лицом к лицу с ужасным врагом — голодом.[\[637\]](#) Через несколько дней положение стало совершенно отчаянным.

Помпей на Востоке

Известие о большой опасности, в которой оказался Цезарь, с быстротой молнии распространилось по всему римскому миру и пришло в Рим значительно преувеличенным.[\[638\]](#) В то же время из Фессалоники приходили известия о Помпее, деятельно готовившемся к войне. Он собрал большой флот, доставленный союзными восточными государствами, и поставил его под команду Бибула. Он вызвал один легион из Киликии, чтобы присоединить его к пяти легионам, приведенным из Италии. Он приказал набрать еще другой легион из римских солдат, поселившихся в Греции или в Македонии, а два других набрал в Азии с помощью Лентула. Он отдал приказ Сципиону привести к нему два сирийских легиона в качестве всадников, пращников и стрелков, пополнил армию нанятыми галлами, германцами, галатами, каппадокийцами, дарданами, бессами. Он наложил подать или обязательство доставить значительные военные контингенты на азиатские и сирийские города, на восточных царей и властителей и на крупные италийские финансовые общества, которые вели дела на Востоке.[\[639\]](#) Скоро он мог стать господином моря, вождем грозной армии, главой коалиции всех восточных государств, находившихся под покровительством Рима.

Цицерон покидает Италию

Эти известия не замедлили склонить на сторону Помпея столь впечатлительное общественное настроение. Многие сенаторы последовали примеру Цицерона, который после долгих колебаний 7 июня[\[640\]](#) выехал из Формий, чтобы присоединиться к Помпею. Он не считал победу гарантированной, и приключение казалось ему опасным; но оскорбленный грубыми приказами Антония, оттолкнутый поведением Цезаря, который, как ему казалось, хотел вызвать на смертный бой Помпея, его друга и благодетеля, он, мучимый угрызениями совести, не хотел показаться неблагодарным и боязливым: он, автор «De Republica», учитель, которым восторгались как прежние, так и новые поколения. Его жена напрасно умоляла его подождать по крайней мере конца испанской войны.[\[641\]](#)

Капитуляция помпеянцев

Таким образом, Цезарь снова находился в крайней опасности. Но судьба спасла его еще раз. В середине июля Децим Брут одержал на море значительную победу над массалийским флотом, и известие об этой победе, которая, казалось, делала неизбежным падение Массалии, преувеличенное эмиссарами Цезаря, вызвало безумный страх у всех испанских народов, особенно у живших между Пиренеями и Эбро.

Осаждавшие Массалию легионы, думали испанцы, перейдут через Пиренеи, и победа достанется Цезарю. Большинство этих народов предали дело Помпея и стали доставлять в лагерь Цезаря съестные припасы, ранее доставлявшиеся Афранию и Петрею. Голод перешел из одного лагеря в другой, и Цезарь был чудесным образом спасен.^[642] Недостаток припасов скоро принудил Афрания и Петрея снять лагерь и отступить через горную область к Октогезе с целью перейти через Эбро и искать убежища у кельтиберов, наиболее дружелюбного народа. Узнав об этом намерении, Цезарь тотчас отдал распоряжение об их преследовании. Предвидя, что непрочные мосты через полноводную Сикорис сильно замедлят движение его армии, Цезарь решил понизить уровень реки, выкопав на ее берегах бассейны и каналы, и таким образом создать искусственный брод. Солдаты взялись за кирки и лопаты и быстро принялись за работу, но она была сделана лишь наполовину, когда враги, разгадав ее смысл, ускорили свое отступление: армия Афрания и Петрея бежала. Река была еще глубока и бурна; после недолгого колебания Цезарь приказал остановить работы, двинул свою армию вброд и форсировал реку, не потеряв ни одного человека. Покинув опасный островок, он мог бы атаковать Афрания и Петрея на дороге, но, опасаясь, как бы испанские легионы при крайней опасности не выказали мужества отчаяния, он предпочел заставить врага сдаться без боя. Двинув форсированным маршем свои легионы, облегченные отсутствием обоза, по холмам и долинам, без дорог, Цезарь опередил неприятельскую армию, отступавшую по дороге к Октогезе. Он первый достиг ущелья, по которому проходила дорога, и принудил таким образом неприятельскую армию повернуть назад, к Илерде. Но как только она двинулась в путь, он начал преследование, постоянно тревожил ее и заставлял голодать. Афраний и Петрей делали все возможное для спасения армии, но, наконец, она так настоятельно потребовала сдачи, что 2 августа^[643] они вынуждены были капитулировать.

Цезарь назначается диктатором

Цезарь предложил великодушные условия: он оставил всем жизнь и состояние; всякий был волен идти куда хотел — бежать к Помпею, вступить в войско Цезаря или возвратиться к мирной жизни. Некоторое время спустя Варрон, оставившийся с двумя легионами в дальней Испании, также сдался без боя. Оба его легиона перешли под знамена Цезаря,^[644] и вся Испания, таким образом, оказалась во власти галльского проконсула. Собрав в Кордубе подобие сейма, Цезарь сделал многих испанцев римскими гражданами, установил многочисленные денежные подати и отправился в Гадес, которому пожаловал право римского гражданства;^[645] затем морем он направился в Тарракон. Наконец, оставив Кв. Кассия с четырьмя легионами правителем Испании, он сухим путем возвратился в Массалию, куда прибыл к концу сентября. Там Цезарь узнал, что Марк Лепид, воспользовавшись впечатлением, произведенным в стране капитуляцией помпеянцев, в середине августа назначил его диктатором — после того как заставил народ утвердить закон, по которому ему, претору, было позволено, подобно консулам, назначать диктатора.^[646] И этот закон, и это назначение Лепид и Цезарь, вероятно, обсуждали еще в предшествующие месяцы; Цезарь не доверял оставшимся в Риме сенаторам и не хотел, чтобы выборы на 48 год при отсутствии консулов проходили под председательством интеррекса, которого назначали бы эти сенаторы. Он хотел, напротив, сам председательствовать на этих выборах в качестве диктатора.

XIV

Фарсала

Финансовый кризис в Италии

Для Лепида и для остатков сената в Риме диктатура Цезаря была, может быть, единственным способом избавиться от свалившейся на них громадной ответственности. С тех пор как Цезарь покинул Рим, Италия впала в страшную нищету. Приостановка публичных платежей, узаконенная сенатом одновременно с введением военного положения; истощение опустошенного Цезарем казначейства, в которое Помпей не вносил более азиатских налогов; перерыв в общественных работах; внезапный отъезд большого числа лиц, покинувших Италию, мобилизация всех кораблей для перевозки солдат и съестных припасов; заем крупных сумм, которые Помпей собрал в италийских храмах; набор массы молодежи; перерыв в избирательной и политической борьбе — все это вызвало один из самых тяжелых экономических кризисов. Хлеб сделался редкостью, никто не хотел давать займы.^[647] Должники, до сих пор в срок платившие свои долги или проценты (при помощи новых долгов), не находили, у кого бы можно было занять. Отцы не были более в состоянии платить приданое, обещанное дочерям, а разведенные мужья лишены были возможности вернуть его целиком. В Риме и во всей Италии владельцы домов не могли побудить нанимателей к уплате денег за снятые помещения. Кредиторы и должники хватали друг друга за горло, и многие были принуждены продавать все, что имели, если находили покупателя. Было большое предложение и малый спрос, и все падало в цене: золотые и серебряные изделия, драгоценности, ткани, мебель, земли, дома. Декрет сената, понизивший в 51 году проценты, принес очень слабое облегчение, потому что многие люди, находясь в страшной нужде, продолжали делать долги, принимая условия, предъявляемые капиталистами, и не рассчитывая на этот декрет, за соблюдением которого никто, впрочем, и не наблюдал. Таким образом, важный вопрос о долгах становился самым больным местом.^[648] Лепид, не будучи энергичным и влиятельным человеком, быстро и охотно переложил с себя на Цезаря всю ответственность правления.

Иллирия и Африка потеряны Цезарем

К несчастью, Цезарь поспешно возвращавшийся в это время в Италию, находился лицом к лицу с большими затруднениями. Несмотря на его успехи в Испании, конечно, улучшавшие его положение, опасности были еще многочисленны, а столкновение партий — далеким от окончательного разрешения. Судьба его могла еще измениться. Потеряв надежду на помощь из Испании, Массалия сдалась, и ее сдача принесла Цезарю крупные денежные суммы;^[649] но в Африке и в Иллирии партия Цезаря понесла две большие потери. Курион, действовавший в Африке всего с двумя легионами, хотя Цезарь послал ему два других,^[650] дорого заплатил за свое безрассудство. Он без труда разбил Акция Вара, несчастного пиценского генерала, бежавшего в Африку для набора там маленькой армии, но попал в засаду, организованную другом Помпея царем нумидийцев Юбой, был окружен и убит. Только немногие солдаты его маленькой армии смогли вернуться в Италию.^[651] Со своей стороны Долабелла, отправленный с частью флота для завоевания Иллирии, был разбит Октавием и Л. Скрибонием Либоном. Антоний напрасно послал ему на помощь флот под начальством Гортензия и три легиона, бывшие гарнизоном приморских городов под начальством Саллюстия, Базила и своего брата Гая. Эти подкрепления были разбиты, а Гай вместе с 15 когортами даже попал в плен.^[652] Иллирия и Африка остались, таким образом, во власти

неприятеля. Помощь, которую оказали Цезарю два легиона Варрона и рекруты, перешедшие к нему из армий Афрания и Петрея, была сведена на нет более важными потерями, и что было еще тяжелее — часть его флота была уничтожена в тот момент, когда морской путь был единственной дорогой Цезаря для ведения войны на Востоке, так как поражение, нанесенное в Иллирии, закрывало для него сухопутную дорогу в Македонию.

Трудности восточной кампании

Впрочем, трудность переброски войск по суше или по морю была меньше других трудностей, связанных с новой войной. Помпей собрал около 50000 человек, Цезарь же мог противопоставить ему всего двенадцать легионов, которые были так стары, так утомлены, что шесть из них, возвращавшиеся из Испании форсированным маршем, оставляли больных по всему своему пути; [653] общее число его солдат с учетом потерь не превышало 25 000 человек. [654] Кроме того, Эпир, Македония и Греция были бедными странами, где даже малочисленная армия не могла оставаться долго, если ей не подвозили морем хлеб из Египта, Сардинии, Сицилии, Херсонеса. Господствовавший на море враг, конечно, захватывал бы корабли, нагруженные хлебом, и Цезарь попал бы в такое же отчаянное положение, в каком оказался Сулла во время своей войны против Митридата. Хуже всего было то, что у Цезаря не было денег, а война обещала быть очень дорогой. Почти все деньги из казначейства и Галлии были уже израсходованы в Испании на подкуп населения. При таких условиях Цезарю приходилось с беспокойством спрашивать себя, последуют ли за ним в этом последнем и столь опасном предприятии до сих пор верные ему солдаты. Один легион уже возмутился в Плацентии и отказался идти далее, если не получит вознаграждения, обещанного в Брундизии. Это возмущение так обеспокоило Цезаря, что он угрожал казнить каждого десятого человека из мятежного легиона и только по просьбе офицеров приказал казнить лишь двенадцать солдат, выбранных якобы по жребию, в действительности же, как по крайней мере говорили, указанных центурионами в качестве зачинщиков. [655]

Новый план кампании

Когда Цезарь прибыл в Рим в конце ноября, [656] самые влиятельные люди его партии и его тесть старались побудить его отправить к Помпею послов для переговоров о мире. [657] Цезарь очень охотно сделал бы это, если бы питал хоть какую-нибудь надежду на успех. Но так как он прекрасно знал, что это заставит его только потерять время, и, желая поскорее покончить с войной, он принял другой, очень остроумный план, который, не лишенный шанса на мир, как бы мал он ни был, устранял опасность слишком долгой войны. Он двинул к Брундизию двенадцать легионов вместе со всеми кораблями, собранными в портах Италии, и военным снаряжением якобы для того, чтобы начать весной экспедицию. Он заставил избрать себя консулом на 48 год. Потом, в начале года он смог бы вступить в провинцию уже в качестве законного представителя республики, оставить в Италии гарнизон из галльских и испанских всадников, погрузить на корабли всех своих солдат без рабов и с минимальным военным снаряжением (чтобы можно было высадиться в любой бухте) и рискнуть переправиться через море зимой, в тот момент, когда менее всего его ожидали бы. [658] Только тогда, но прежде чем его враг очнется от оцепенения, вызванного его появлением в Эпире, он предложит мир в качестве законного консула, а в случае отказа от соглашения немедленно начнет враждебные действия.

Одиннадцать дней в Риме

Но раньше, чем отправиться на войну, он оставался одиннадцать дней в Риме, где ему нужно было

закончить много дел.[659]Эти дни были, возможно, самыми значимыми в его столь деятельной жизни. Он председательствовал в комициях, результаты которых, естественно, были благоприятны для его партии: он был избран консулом вместе с Публием Сервилием Ватией, сыном Сервилия Исаврийского. Целий, Требоний, Квинт Педий, сын одной из его племянниц, и, может быть, Гай Вибий Панса[660]были избраны преторами. Цезарь председательствовал также на латинских празднествах (feriae latinae). Он предложил народу через различных магистратов возвращение многих обвиненных на основании законов Помпея в 52-м и последующих годах, в том числе Габиния, но не Милона.[661]Он заставил утвердить закон, дававший право гражданства всей Цизальпинской Галлии,[662]и занялся также вопросом о долгах, ставшим слишком острым.

Долговой вопрос

Принятые Цезарем меры очень отличались от тех, которых боялись богатые классы. Последние обвиняли его со времени перехода через Рубикон в желании принести в Италию кассацию долгов;[663]и хотя сами были в долгах, в большинстве противились этой кассации: из страха перед потрясением, которое явится ее результатом; из ненависти к народной партии; из того абстрактного чувства справедливости, которое часто бывает так живо у образованных людей и делает их столь враждебными к революционным нововведениям.[664]Цезарь ограничился подражанием мерам, принимавшимся в подобных обстоятельствах греческими городами[665]и подобным тем, к которым прибегнул в Киликии Цицерон, которого современные поклонники Цезаря обвиняют, однако, при этом в глупости. Это была действительно остроумная и бесполезная сделка: должникам было позволено платить долги своим имуществом, но это имущество должно было цениться не по настоящей стоимости, которая была очень низка, а по стоимости, которую оно имело до междоусобной войны. Когда кредиторы и должники не приходили к соглашению об этой стоимости, для рассмотрения дела назначались посредники. Уже уплаченные проценты вычитались из капитала.[666]Кажется, что Цезарь для избежания дебатов и протестов в комициях издал эти распоряжения собственной властью как диктатор.[667]Чтобы увеличить оборотную силу капитала, он восстановил старый забытый закон, запрещавший иметь у себя более 60000 сестерциев золотом и серебром,[668]и сделал, наконец, последнюю уступку общественному мнению, сложив с себя через одиннадцать дней звание диктатора, которое для него было бесполезным после выборов и одно название которого было слишком ненавистно со времен Суллы. Потом он покинул Рим, приветствуемый народом, ухватившимся за удобный случай, чтобы провести демонстрации в пользу мира,[669]на который все еще надеялся.

Цезарь переплывает через Адриатическое море

Цезарь, однако, решил ускорить события. Хотя собранные корабли могли взять лишь немногим более половины солдат и было очень опасно предпринимать переправу дважды, он все же не хотел больше ждать. В декабре он неожиданно прибыл в Брундизии, собрал солдат, объяснил им свой план и дал новые, еще более заманчивые обещания. Потом он приказал 15000 человек грузиться на корабли без хлеба, без рабов, без вьючных животных и лишь с небольшим багажом, который легионарии носили подвешенным к концу копья. Других солдат он поручил Габинию, Фуфию Калену и Антонию с приказом сажать их на корабли, как только последние возвратятся, и 4 января 48 года[670]двинулся вперед по Адриатическому морю. Он вез с собой молодого Азиния Поллиона и имел в качестве генералов Гнея Домиция Калвина, Публия Ватиния, Публия Суллу, несчастного консула 65 года, Луция Кассия и Гая Кальвизия Сабина. Цезарь не ошибся: его высадки ожидали не ранее весны. Бибул дремал со своим флотом и узнал об отплытии врага из Брундизия только тогда, когда Цезарь и его армия уже высадились в небольшом уединенном

заливе возле Орика.

Новые усилия сохранить мир

Как только Цезарь ступил на землю, он снова отправил посла предложить [\[671\]](#)мир Помпею, который в этот момент вел своих солдат из Македонии в Диррахий (совр. Durazzo) на зимние квартиры. Одновременно Цезарь старался овладеть всем побережьем до Диррахия, самого важного порта этой области. Продолжая вести свою обычную двойную игру — примирения и наступления, он старался не пренебрегать никакой возможностью мира и в то же время занять обширную страну и несколько городов, откуда он мог получать не только хлеб, но и вьючных животных, кожу, дерево, железо и оружие. Он легко взял Орик, потом Аполлонию, где маленькие гарнизоны Помпея пали духом из-за враждебности населения, которое объявило себя лояльным к завоевателю не потому, что это был Цезарь, а потому, что он был законным консулом. [\[672\]](#)Однако в своих планах взять Диррахий Цезарь потерпел неудачу. Помпей, узнав по дороге о его высадке и легко разгадав его намерения, повел свою армию форсированным маршем, чтобы прибыть раньше его к Диррахию. Цезарь остановился тогда и расположился лагерем на берегу Анса, маленькой реки, протекавшей к югу от Диррахия, ожидая там результатов своего маневра и ответа на свое предложение о мире. Помпей со своей армией занимал другой берег реки.

Новые планы Цезаря

Цезарь не ошибся, считая мир маловероятным. Действительно, как только в лагере Помпея оправились от смятения, вызванного поспешным маршем Цезаря, друзья Помпея — Лукцей, Феофан из Митилены и Либон — передали ему предложения, принесенные послом Цезаря. Но Помпей немедленно отклонил их, сделав заявление, не допускавшее возражений: «Я не могу вернуться в Италию по милости Цезаря». [\[673\]](#)Положение Цезаря стало очень опасным. Бибул, который однажды был захвачен врасплох, послал Либона с пятьюдесятью кораблями блокировать гавань Брундизия и, несмотря на холод и бури, тщательно следил за морем. Оставленное Цезарем в Италии войско не могло переправиться; Цезарь оказался изолированным с 15 000 человек против врага, превышавшего его почти втрое. Мог ли Помпей заключить мир, когда Цезарь, безрассудно переправившийся из Италии со столь малыми силами, находился почти в его власти? Эффект его внезапного появления, на который он надеялся, не был достигнут. Цезарю оставалось только разместить своих солдат на зимовку в палатках и ожидать, когда окажутся в состоянии прийти из Брундизия другие его легионы, если только противник вообще позволит им прийти. Он должен был стараться овладеть страной, лежавшей позади него: повсюду проводить разведки в поисках хлеба; надзирать за побережьем, чтобы препятствовать флоту Бибула запасаться пресной водой и принудить его таким образом к долгим и частым маршрутам к Коркире, во время которых кораблям Цезаря легко было бы проскользнуть из Брундизия между крейсирующими эскадрами противника. Пресная вода была для флота в древности тем же, чем для него является в настоящее время уголь, тем, что привязывает его к определенным точкам твердой земли.

Помпей и его лагерь

Неужели Помпей не воспользуется своим численным превосходством, чтобы принудить врага к битве? Таков был вопрос многих лиц в его лагере. Но Помпей не имел неутомимого нервного упорства своего противника. Он довольно быстро ослабевал от усталости и тревог, всегда сопровождающих междоусобные войны, где достаточно одного поражения, чтобы быть покинутым своими сторонниками и солдатами. Приступ энергии, который он испытал в момент отъезда из Италии, продолжался недолго.

Скоро в нем снова проявились недостатки его аристократической природы — нерешительность и медлительность. При отсутствии энергичного руководства страшный беспорядок царствовал в его лагере, наполненном молодыми и старыми знатными италийскими сенаторами и всадниками, восточными царями, начальниками варваров. Римские вельможи, утомленные лишениями и денежными затруднениями, в которых они часто находились после того, как отдали займы Помпею[674] все, что могли собрать, горели нетерпением возвратиться в Италию. Они сопровождали свои жалобы угрозами мести и проектами конфискаций, которые устрашали Цицерона.[675] Они с подозрением смотрели друг на друга, ссорились на почве смешного самолюбия и с утра до вечера обвиняли друг друга в измене.[676] Не было никого, вплоть до Афрания и Цицерона, кого не принимали бы в лагере с недоверием и почти презрением; самому Аттику, оставшемуся в Риме, угрожали преследованиями, как если бы он был перебежчиком.[677] Занимавшиеся подобно Бруту[678] вместо войны наукой в своих палатках были еще не столь опасны. Полководец, так хорошо руководивший войной против Митридата, находился в смятении среди этой суматохи. Его обычная нерешительность увеличилась до такой степени, что, точно охваченный безумием сомнений, он был неспособен принять никакого энергичного решения. Он постоянно предпочитал ожидать, откладывая, терпеть. Таким образом, вместо того чтобы постоянно быть на виду, он держался в стороне от толпы своих сторонников. Он сообщал свои планы и принимал советы только некоторых близких друзей. Он лишь старался воспрепятствовать прибытию подкреплений Цезаря, продолжал приучать к войне свою армию и, поспешно вызвав из Азии Сципиона, вместо немедленного нападения на Цезаря предпочитал ждать того времени, когда голод ослабит неприятельскую армию и ее легче будет уничтожить.

Цезарь и подкрепления

Неделя проходила за неделей, а Помпей все не предпринимал ничего решительного. Съестных припасов в лагере Цезаря становилось все меньше, а из Италии не приходило ни известий, ни подкреплений. Цезарь начинал беспокоиться. Он потерпел неудачу в своем замысле захватить врага врасплох. Мир, с другой стороны, был невозможен, а снабжение продовольствием не было обеспечено. Чтобы выйти из такого положения, нужны были немедленное прибытие десяти тысяч солдат, оставленных в Италии, и победа. Но окажутся ли в состоянии переправиться через море Габиний, Антоний и Кален? И если да, то когда это им удастся? К счастью Цезаря, в это время умер Бибул. Помпей, все еще нерешительный, не назначил никого на его место, и флот разделился на много мелких эскадр, оперировавших каждая отдельно в различных частях Адриатического моря. Бдительность уменьшилась, приближалась весна, часто дули благоприятные ветры; однако три генерала так боялись переправы через Адриатическое море, охраняемое помпеянским флотом, что не осмеливались грузиться на корабли.[679] Цезарь, все более и более беспокоясь, начинал бояться измены и писал суровые письма Калену и Антонию; говорили даже, что однажды он пытался сам отправиться на небольшом судне в Брундизию.[680]

Антоний присоединяется к Цезарю

Побуждаемые этими многократными призывами три генерала наконец разделились. Габиний с пятнадцатью когортами решил попытаться пройти сухим путем через Иллирию[681] и присоединиться к Цезарю в Эпире; Кален и Антоний двинулись морем. И однажды обе враждующие армии, стоявшие лагерем друг против друга на берегу Диррахийского залива, увидели, что появился подгоняемый тихим ветром к северу многочисленный флот. Все тотчас вышли из оцепенения, в котором находились много месяцев, побежали к берегу и скоро узнали, что это был флот Антония. Адмирал Помпея Колоний, который

командовал флотом, стоявшим на якоре в гавани Диррахия, вышел из нее со своими кораблями, и обе эскадры скоро скрылись в северном направлении. В обоих лагерях разъезды отправлялись за известиями; солдаты скоро были под оружием и готовы были выступить. Цезарь несколько часов должен был испытывать очень сильное беспокойство! Его участь в этот день зависела от ветра. Но скоро он узнал, что благодаря счастливому изменению ветра Антоний смог высадить свои четыре легиона почти без потерь в небольшом заливе возле Лисса (совр. Alessio). Помпей и Цезарь тотчас направились разными дорогами к этому месту с частью своих армий: Помпей — чтобы разбить Антония до соединения его с Цезарем, а Цезарь — чтобы соединиться с ним и благополучно возвратиться в лагерь с подкреплениями. Цезарь превзошел Помпея в быстроте, соединился с Антонием; Помпей вынужден был отступить к югу от Диррахия и расположить свои войска лагерем у Аспарагия.

Восстание Целия

Однако Антоний и Кален принесли Цезарю очень дурные известия. Вопрос о долгах, который Цезарь считал решенным своими остроумными распоряжениями, немедленно после его отъезда обострился более чем когда-либо и был готов возбудить в самой его партии междоусобную войну. Целий, друг Цицерона и сын путеоланского банкира, прежний консерватор, соперник Катутла в его любви к Клодии, теснимый долгами и честолюбием, предложил два закона. По одному — съемщики не должны были платить за наем за все прожитое время, а другой закон просто отменял все сделанные до сих пор долги. Консул и Требоний воспротивились этому, в результате последовали беспорядки. Вернувшийся из Массалии Милон по соглашению с Целием набрал в Южной Италии банды гладиаторов и рабов и старался вызвать восстание. Однако и тот, и другой были побеждены и убиты галльскими и испанскими всадниками, оставленными Цезарем для охраны Италии.[\[682\]](#)

Цезарь заставляет Помпея отступить

Цезарь все более желал поскорее окончить войну, как будто назначенную судьбой для того, чтобы преувеличить достоинства обоих соперников до такой степени, чтобы эти достоинства превратились в недостатки. Благоразумный Помпей кончил тем, что был охвачен настоящей манией сомнений, тогда как отважный Цезарь позволил увлечь себя необычайной экзальтации, граничившей почти с бредом. Он послал Л. Кассия со вновь набранным легионом в Фессалию, Гая Кальвизия Сабина с пятью когортами — в Этолию, Гнея Домиция Кальвина с двумя легионами — в Македонию. Все они имели поручение позаботиться о доставке хлеба и идти навстречу Сципиону, который в это время шел через Малую Азию, собирая повсюду деньги и присваивая себе даже значительные вклады, лежавшие в храмах. Затем Цезарь сблизился с Помпеем и несколько раз безуспешно навязывал ему сражение. Насколько Цезарь спешил сразиться, настолько же упорно тянул время постоянно нерешительный Помпей. Цезарь попытался тогда выманить неприятеля из лагеря, ловко и быстро вклинившись между ним и Диррахием, где у Помпея были свои магазины. Но Помпей опять отказался от битвы; он довольствовался тем, что передвинул немного свой лагерь, разместившись в местности, называемой Петра, на холмах Диррахийского залива так, чтобы можно было достичь берега, и сообщался с городом морским путем.

Осада Диррахия

Цезарь не мог более сдерживать нетерпения. Со времени своего успеха под Алезией он имел более доверия к кирке, чем к мечу, и решил запереть неприятеля между огромной насыпью и морем, надеясь заставить его таким образом сделать вылазку. Его войска начали копать и насыпать землю. Солдаты

Помпея противодействовали, строя вал с башнями, подобный валу Цезаря. И скоро вокруг этих насыпей начались постоянные стычки и нападения. Цезарь мучил армию Помпея, лишая ее воды, препятствуя ей посылать лошадей на пастбище, тревожа ее и загнав в тесный угол, где не замедлили разразиться эпидемии. Но, несмотря на это, Помпей, вместо того чтобы выйти из лагеря и дать битву, погрузил на корабли свою кавалерию и отослал ее в Диррахий, стараясь уменьшить этим пассивным сопротивлением преимущество Цезаря. В Эпире и в Македонии не оставалось больше прошлогоднего хлеба; флот Помпея препятствовал подвозу продовольствия морем своими четырьмя эскадрами, состоявшими под начальством Гая Кассия, Гнея Помпея, Марка Октавия и Децима Лелия. Солдаты Цезаря скоро были вынуждены питаться кореньями. Весь римский мир устремил свои беспокойные взоры на этот угол Эпира, где без битвы велась такая ожесточенная и ужасная война упрямства. Который из двух противников окажется в силах сопротивляться дольше? Армия Цезаря скоро оказалась в столь критическом положении, что он снова тайно просил Сципиона вмешаться для заключения мира. Однако одна из обычных стычек около укреплений случайно превратилась в настоящую битву, в которой солдаты Цезаря, истощенные усталостью и голодом, были побеждены. Цезарь оставил на месте тысячу убитых и потерял тридцать два знамени.[\[683\]](#)

Цезарь отступает в Фессалию

Эта первая битва могла бы оказаться для Цезаря окончательным поражением, если бы Помпей тотчас двинул всю свою армию на врага. Но постоянно колебавшийся Помпей не хотел слишком рисковать и, удовлетворившись этой победой, отвел в лагерь свои победоносные когорты. Это все же было очень серьезным ударом для Цезаря, потому что многие говорили себе, что ловкости, которую он выказал в войнах против варваров, недостаточно при таком противнике, как этот старый полководец, собравший столько лавров, начиная от междоусобных войн Суллы до взятия Иерусалима. В довершение несчастья Габиний также потерпел неудачу в своей экспедиции. Потеряв по дороге много солдат в битвах с иллирийскими варварами, ему удалось спасти Салоны, осажденные М. Октавием, но он смертельно заболел, после его кончины остатки его маленькой армии рассеялись.[\[684\]](#) Горе Цезарю, если бы поколебались доверие, которое питали к нему его солдаты, и их надежда на будущее вознаграждение! В действительности это поражение под Диррахием принесло ему большую пользу: оно избавило его от экзальтации, сняло нетерпение, в каком он давно находился, и заставило его прекратить эту странную осаду, чтобы отвести свою армию в менее изолированную область и соединиться там с Домицием Кальвином и Луцием Кассием, сражавшимися в Македонии против Сципиона. Через несколько дней после поражения, ободрив своих солдат новыми обещаниями, он начал отступление. Раненых он оставил в Аполлонии под охраной четырех когорт и в конце июля направился в Фессалию. Если бы Помпей немедленно бросился преследовать врага, он мог бы нагнать его и уничтожить. Но, как всегда, Помпей колебался и выжидал, а вокруг него сталкивались самые различные мнения. Одни хотели немедленно идти на Цезаря, другие — вернуться в Италию, иные, наконец, предлагали держаться тактики, какой следовали до сих пор.[\[685\]](#) Помпей кончил тем, что решился, оставив Катона и Цицерона в Диррахий с пятнадцатью когортами для охраны имущества армии, медленно следовать за неприятелем, надеясь уничтожить его голодом даже после соединения с армией Кальвина.

Битва при Фарсале

Участь Цезаря зависела теперь от терпения его врагов. Но римские вельможи, опьяненные победой при Диррахий и желавшие поскорее возвратиться в Рим, начали протестовать, когда обе армии сблизилась на Фарсальской равнине и Помпей соединился со Сципионом. Они боялись, что снова начинается та же

скучная война, какую они вели шесть месяцев и которая состояла в том, чтобы постоянно избегать сражения. Неужели Помпей до такой степени состарился, что не осмеливается напасть на уже побежденного неприятеля, силы которого были почти вдвое меньше?^[686] Пустили в ход советы, протесты, жалобы, всевозможные средства, чтобы возбудить Помпея; утомленный и чувствовавший отвращение, он наконец позволил втянуть себя 9 августа^[687] в битву на Фарсальской равнине. Он построил свои когорты в три линии, опираясь правым флангом на Энипей (совр. Чанирли-Су), а всю конницу поместил на левом крыле. Его план был таким: опрокинуть своей кавалерией уступавшую по численности кавалерию Цезаря и двинуть затем ее на правый фланг врага. Цезарь тотчас же вывел свои восемьдесят когорт, которые у него оставались (две другие охраняли лагерь), и построил их в три линии. Но когда он увидел, что вся неприятельская конница собрана на левом крыле, он взял шесть когорт из третьей линии и, образовав из них четвертую, поместил ее на правом фланге позади кавалерии, чтобы помочь последней отразить стремительную атаку кавалерии Помпея. Командование над левым крылом он отдал Антонию, над центром — Кальвину, а над правым крылом — Публию Сулле. Сам он поместился справа, против Помпея и тотчас двинул две первые линии против неприятеля. Последний не дрогнул, а его кавалерия попыталась опрокинуть правое крыло Цезаря. Но кавалерия Цезаря, подкреплённая шестью когортами четвертой линии, также не поколебалась. Потом мало-помалу она выиграла пространство, из обороны перешла в нападение и кончила тем, что обратила в бегство неприятельскую конницу. Тогда шесть когорт четвертой линии, найдя дорогу свободной, опрокинули левое крыло армии Помпея и стали угрожать ее тылу. Цезарь немедленно воспользовался благоприятным моментом: он дал сигнал к отступлению двум первым, уже утомленным, линиям и двинул против когорт Помпея третью линию, еще свежую. Армия Помпея не могла более сохранять свои позиции. Военачальник, обладающий хладнокровием, тотчас, сохраняя порядок и не переставая сражаться, начал бы отступать в лагерь, в эту большую крепость, которую римская армия всегда имела за собой. Но то был Помпей, а не Цезарь, и когда он увидел, что крыло, которым он командовал, подвергается нападению с тыла, а вся армия атакована с фронта, он потерял голову, бросил командование и почти один бежал в лагерь, крича солдатам, чтобы они старались хорошо его защищать. Когорты, предоставленные, таким образом, самим себе, не могли отступать в порядке, и началась паника. Цезарь двинулся на штурм лагеря, ворота которого, плохо защищенные, не замедлили уступить его натиску. Помпей, удалившийся в свою палатку, поднялся, услыша крики, возвещавшие о приближении неприятелей. Он вскочил на лошадь и с несколькими друзьями через противоположные ворота галопом ускакал по дороге в Лариссу. Утомленный старик не сумел оказать сопротивления при первом случае, представившемся ему со времени кампании против Митридата. Потеряв лагерь, армия Помпея распалась. Несколько когорт отступили со своими офицерами по дороге в Лариссу, другие бежали куда придется в горы. Потери Цезаря были незначительны, хотя Цезарь, может быть, их преуменьшает.^[688] В числе павших был Луций Домиций Агенобарб. Ужасное столкновение, от которого, по общему мнению, зависела судьба мира, было кратковременной и не столь кровопролитной битвой.

XV

Клеопатра

Бегство Помпея и преследование Цезаря

Цезарь с обычной энергией тотчас воспользовался своей победой. Он отозвал своих солдат, занятых разграблением лагеря Помпея, оставил часть их для охраны этого лагеря, а других послал защищать свой лагерь. Потом с четырьмя легионами он двинулся преследовать беглецов по дороге в Лариссу. К закату дня он настиг наиболее значительный корпус армии Помпея, уже окопавшийся на горе, господствовавшей над дорогой, и расположился лагерем у подошвы этой горы, чтобы дожждаться утра. Но наутро Цезарю не пришлось предпринимать что-либо, чтобы заставить капитулировать эти войска, потому что ночью солдаты обнаружили такую готовность сложить оружие, что непримиримые вожди вроде Афрания и Лабиена бежали с небольшими отрядами в Диррахий, предоставив армии свободу сдаваться. Не теряя времени, Цезарь продолжал свой путь к Лариссе, где несколько офицеров Помпея, в том числе Брут, сдались ему. Там он узнал, что Помпей направился через Темпейскую долину к устью Пенея,^[689] отослав по дороге сопровождавших его рабов для распространения по Греции эдикта, которым он приказывал всем молодым грекам и живущим в Греции римлянам явиться к набору в Амфиполь.^[690] Цезарь поручил тогда Калену покорить Грецию, приказал одному легиону следовать за ним форсированным маршем, и 11 августа во главе эскадрона кавалерии выехал в Амфиполь, надеясь встретиться там с Помпеем. Последний тем временем, отпустив у устья Пенея своих рабов, сел на маленькое судно с Лентулом Спинором, Лентулом Круром, Фавонием, царем Дейотаром и некоторыми другими. Потом, встретив корабль одного торговца хлебом, он пересел на него и приказал, подняв паруса, направиться к Амфиполю. Цезарь, не останавливаясь ни на минуту, в шесть дней прошел со своим эскадром расстояние от Лариссы до Амфиполя, равное 180 римским милям,^[691] и прибыл лишь немного позднее своего соперника. Последний, узнав, что его враг находится уже по соседству, провел в городе всего одну ночь, заставил за это короткое время своих друзей и клиентов дать ему займы денег^[692] и поспешно выехал в Митилену, где находились его жена и младший сын Секст. Этот отъезд заставил Цезаря предположить, что Помпей хочет отправиться в завоеванную им провинцию, Сирию.^[693] Отдав приказ находившемуся позади него легиону следовать за собой, он послал другой легион на Родос, а сам направился к Сесту на Гелеспонте.

Военный совет на Коркире

Приблизительно в это же время в середине августа^[694] Лабием прибыл в Диррахий со своими галлами и германцами и объявил, что великая армия Помпея была уничтожена. Поднялась ужасная паника. Цезаря уже видели у ворот города. Никто не хотел ни одного дня оставаться в Диррахии. Решили тотчас отступить с флотом к Коркире. Солдаты поспешно отворили магазины и в суматохе рассыпали хлеб по всем дорогам, ведущим к гавани. Все корабли, не двинувшиеся в море при первом толчке, были сожжены. Вечером при зловещем зареве пылавших кораблей армия покинула порт, и с нею уехали Цицерон, Варрон и Катон.^[695] Когда известие о фарсальском поражении распространилось по берегам Адриатики, все адмиралы Помпея направились со своими эскадрами к Коркире: бывший в сицилийских водах Г. Кассий, прибывший из Орика Гней Помпей, крейсировавший у берегов Иллирии М. Октавий, стоявший в Брундизии Д. Лелий. На Коркиру прибыли друг за другом также друзья Помпея, не желавшие сдаться, и среди них Сципион.^[696] Таким образом, можно было под председательством Катона устроить

большой военный совет. Мы не знаем, каковы были прения; знаем только, что Гней Помпей едва не убил Цицерона, предложившего заключить мир,[\[697\]](#) и что после этого собрания одни отправились в одну сторону, другие в другую. Кассий со своими кораблями поплыл к Понту, неизвестно точно, с каким намерением. Сципион и Лабиен направились в Африку, надеясь найти там Помпея. М. Октавий вернулся окончить завоевание Иллирии. Катон в сопровождении Цицерона поехал в Патры, чтобы собрать беглецов. Ему действительно удалось принять к себе на борт Петрея и Фавста Суллу, но при приближении Калена он вынужден был отплыть к Африке. Цицерон, не желая бежать, высадился в Патрах.

Помпей у берегов Малой Азии

Тем временем, прибыв в Митилену 12 августа, Помпей взял на борт Корнелию и Секста, получивших еще только счастливое известие о победе при Диррахии.[\[698\]](#) Оставив вернувшегося в Галатию Дейотара, он поплыл вдоль Малой Азии и Памфилии, осмеливаясь приставать к берегу только для того, чтобы взять воду и съестные припасы, и остановился всего на несколько часов лишь в Фазелиде[\[699\]](#) и Атталии,[\[700\]](#) где находились некоторые корабли из его флота и немногие сенаторы. Во время путешествия возникли большие споры между Помпеем и его друзьями относительно места, где можно было бы снова набрать армию и возобновить войну. Одни предлагали Сирию, другие Египет, третьи Африку. Нужно было прийти к определенному решению. Беглецы остановились для этого в Синедре,[\[701\]](#) и было решено укрыться в Сирии.

Цезарь следует за Помпеем в Египет

Цезарь, прибыв в Сеет и ожидая там свои корабли и легионы, принял капитуляцию адмирала Помпея Л. Кассия, имевшего под своей командой десять судов.[\[702\]](#) Здесь, вероятно, он сделал последние распоряжения относительно Италии, куда, однако, не хотел посылать никакого официального известия о победе. Антоний должен был отвести армию в Италию, добиться назначения Цезаря диктатором, а сам занять должность начальника конницы (*magister equitum*), или вице-диктатора. Таким образом, по истечении года своего консульства Цезарь будет еще иметь все необходимые полномочия для продолжения войны. Когда прибыли его корабли и легионы, он, узнав, что вся Греция покорена Каленом, выехал в Сирию с намерением побывать в Эфесе и на Родосе.[\[703\]](#) Он все еще думал, что Помпей постарается укрыться в Сирии. Но Помпей, выехавший 10 сентября на Кипр, как раз в Пафосе узнал, что жители Антиохии решили не открывать своих ворот ни ему самому, ни кому-либо из его сторонников. Он принудил тогда обширное общество италийских финансистов на Кипре дать ему денег, собрал в гаванях острова небольшой флот, набрал около 2000 солдат среди рабов, которых италийские купцы держали там для продажи в Италию, и решил отправиться в Египет.[\[704\]](#) Там царствовали дети того Птолемея, которого Помпей восстановил на троне при помощи Габиния — Птолемея Дионис и Клеопатра, которые, по завещанию отца, должны были вступить в супружество и вместе занять престол. Цезарь, ожидавший в Родосе легион, который по его приказанию должен был прислать ему Кален, из приготовлений Помпея понял, что тот изменил свой план и отправился искать убежища в Египте.[\[705\]](#) И как только прибыли его солдаты, т. е. в конце сентября, он сам немедленно отплыл в царство Птолемея. Критический момент, встреча соперников, приближался.

Убийство Помпея

Но, когда 2 октября Цезарь прибыл[\[706\]](#) в Александрию, его встретила там неожиданная новость, заключительная в истории, столь полной непредвиденными событиями: Помпей погиб. Египетский царь в

тот момент, когда Помпей прибыл просить у него гостеприимства, был в состоянии войны со своей сестрой, изгнанной министрами молодого властелина, потому что она была старше его и умнее. Его советники, не желая начинать войну с Цезарем и боясь, как бы отвергнутый ими Помпей не перешел на сторону Клеопатры, решили погубить его. Когда маленький флот беглеца был в виду Пелусия, где был тогда Птолемей со своей армией, за Помпеем приплыла небольшая барка. Несмотря на недоверие, Помпей пересел на нее со словами, что переступивший порог царского жилища становится рабом. Когда же барка приблизилась к берегу и Помпей поднялся, чтобы высадиться, Корнелия, с беспокойством провожавшая его глазами, с адмиральского корабля увидела, как бывший в барке солдат нанес ему удар в спину.^[707] Это было 29 сентября 48 года.^[708] В этот самый день тринадцать лет тому назад Помпей вступал в Рим в одежде Александра Великого и справлял свой великий триумф как покоритель Азии.

Дело Помпея

Помпей не был «мелким умом», как его с удовольствием называют многие новейшие историки, а крупной, умной личностью, обладавшей всеми недостатками и достоинствами старой знати, на которую ее эпоха и обстоятельства возложили непосильную задачу. Если ему недоставало горячей страсти к действию, неутомимой и победоносной энергии, умственной гибкости своего счастливого противника, то должно признать, что его погубили не только совершенные им ошибки, но также пороки и ошибки высших классов, во главе которых он оказался, скорее, благодаря своему темпераменту и обстоятельствам, чем по желанию. Его роль в истории Рима не может быть забыта. Он присоединил к римской территории родину Христа, значение завоевания которой, может быть, превышало важность завоевания Галлии. Постройкой театра, празднествами, даваемыми им народу, и своей щедростью он был одним из тех людей, которые более других содействовали распространению в Италии восточной культуры, одним из законодателей роскоши в обществе императорского Рима, развалинам которого мы продолжаем удивляться и поныне.

Новые почести Цезарю

Из всех удач Цезаря эта внезапная смерть Помпея была, конечно, самой важной. Соперник, который никогда бы не сложил оружия, вдруг пал жертвой жалкого заговора восточных евнухов, причем Цезарь не мог упрекнуть себя в пролитии его крови. Действительно, когда известие о смерти Помпея было в середине ноября^[709] доставлено в Италию Диохаром, одним из самых быстрых курьеров Цезаря, все посчитали, что Цезарь окончательно победил, и произведенное впечатление было гораздо сильнее, чем мог предполагать сам Цезарь. Статуи Суллы и Помпея были сняты. Общество впало в удивленное восхищение перед Цезарем, которого шесть месяцев тому назад оно презирало как преступника.^[710] По предложению его друзей и без всяких возражений ему воздали необычные почести и дали чрезвычайные полномочия, не ведомые самому Сулле. Его не только признали диктатором на весь 47 год, чего он желал,^[711] но и дали возможность председательствовать на всех выборах магистратов, на которых председательствовал консул, т. е. на выборах всех магистратов, исключая трибунов и народных эдилов; дали возможность самому распределять провинции преторам вместо назначения их по жребию и, наконец, — оставаться в течение всей своей жизни народным трибуном.^[712] Цезарь вообще заместил Помпея в общественном представлении и стал вместо него господином республики с быстротой, характеризующей великий социальный и моральный кризис, жертвой которого была Италия.

Причины популярности Цезаря

Горячее желание мира, нервозность и непостоянство общественного настроения, удивление

умеренностью, которую выказывал до сих пор Цезарь, конечно, содействовали этому взрыву отчасти искреннего, отчасти притворного энтузиазма. Но настоящую причину такого странного поворота надо искать в том изменении италийского общества, благодаря которому в Италии не было уже классов и партий, достаточно сильных политически и экономически, чтобы сопротивляться политической клиентелле, группировавшейся вокруг могущественных личностей. Пока существовало много соперничавших клиентелл, масса людей могла сохранять известную независимость, ловко переходя от одной к другой. Но теперь, когда клиентелла Помпея распалась при Фарсале, а клиентелла Цезаря, казалось, одна господствует над республикой и государственными должностями, выгода заставляла большинство примкнуть к ней. Большая часть политического мира жила магистратурами, и следовательно, продолжать составлять оппозицию победоносной клике значило для нее идти на гибель. Доказательством этого является то, что произошло тогда с Цицероном.

Затруднительное положение Цицерона

После Цезаря и Помпея он был самым знаменитым человеком в римском мире, однако в этом году он находился в очень затруднительном положении: все считали его политически скомпрометированным, никто не хотел более давать ему займы денег, напротив, многие из его кредиторов настаивали на уплате им долгов. Поэтому его домашние дела осложнились. Он вынужден был приостановить уплату приданого Туллии и боялся, как бы Долабелла не потребовал развода. Теренция должна была прибегнуть к интригам. Кредиторы угрожали объявить Цицерона несостоятельным, пустить с молотка его имущество, и, быть может, он действительно был бы объявлен банкротом, если бы Аттик не пришел к нему на помощь и если бы как раз в это время он не получил наследства.^[713] Если даже экономическое положение Цицерона зависело от положения политического, то можно представить, каковы были затруднения большого числа неизвестных сенаторов. При этих условиях невозможна была сильная принципиальная оппозиция победоносной клике. Каждый был так тесно связан с государством, что господствовавшая в республике партия на мгновение привлекла всех на свою сторону.

Цезарь упускает удобный случай

Никогда за всю свою жизнь Цезарь не был в таких благоприятных условиях. Ему следовало бы воспользоваться этим всеобщим и временным энтузиазмом, возвратиться в Италию, попытаться приспособить республиканские учреждения к торговому обществу, примирить империализм и свободу, латинские традиции и новые потребности, привнесенные восточной цивилизацией. Но если Цезарь был гениальным человеком, то он все же не был полубогом: он не мог различить все то, что так ясно для нас в перспективе двадцати веков. В этот решительный момент он легко мог заблуждаться под влиянием преходящих случайностей и непосредственных потребностей положения. Он нуждался в деньгах; Египет был богатой страной, и Птолемей не уплатил ему всей суммы, условленной за оказанную Габинием помощь. Он задумал идти в Александрию — предъявить в качестве консула свое право решить спор брата с сестрой и истолковать завещание Птолемея таким образом, чтобы сразу до возвращения в Рим заставить оплатить долг отца и собственные услуги.^[714] Правда, у него было только несколько тысяч солдат, но после своих великих побед он не сомневался, что предприятие должно было удасться ему очень быстро и без большого затруднения.^[715] Послав Клеопатре и Птолемею приказание распустить свои войска и подчиниться его суду, он поселился в царском дворце и наложил подать на жителей Александрии.

Клеопатра

Но пока Цезарь вел переговоры с министрами царя, желавшими принудить его покинуть Александрию, а сильно негодовавший на поборы и высокомерие римских солдат [716] народ начинал волноваться, Клеопатра тайно вошла в город и проникла во дворец. [717] Сама совершенно холодная и бесстрастная, по природе неспособная к искреннему чувству, молодая царица была одной из женщин, одаренных безошибочным инстинктом для привлечения мужчин. Она могла притвориться и скромной девушкой, слишком стыдливой для того, чтобы проявить свои подсознательные чувства ревности, покорности и самозабвения, и женщиной, увлеченной порывом пылкой и беззаветной страсти. Она могла щекотать эстетическое чувство своих жертв богатыми и пышными празднествами, фантастическими украшениями своего дворца и своего костюма или блестящими разговорами о литературе и искусстве. Она могла возбуждать все самые низменные их инстинкты грубым бесстыдством речи со свободной шутливостью лагерной проститутки. Цезарь как раз миновал тогда один из наиболее бурных периодов своей жизни, его стремление к наслаждению было усилено его недавними успехами, ожиданием еще больших в будущем, долгам периодом воздержания и суровыми лишениями походной жизни. Когда неожиданно вечером Клеопатра оказалась в комнате Цезаря, ночью ей вполне удалось убедить его в своей правоте. Положение дела изменилось в мгновение ока. Птолемей и его министры, узнав, что Клеопатра провела ночь у Цезаря, поняли, что их дело проиграно. Министр финансов Потин, боявшийся, что на смену Цезарю придет новый Рабирий, возбудил народ к мятежу и побудил полководца Птолемея прийти в Александрию. Цезарю была объявлена война. Египетская армия была разновидностью иностранного легиона, составленного из прежних солдат Габиния, негодяев, беглых рабов и дезертиров из всех стран Средиземноморья. [718] Эта маленькая армия скоро принудила Цезаря укрыться со своими солдатами за высокими стенами царского дворца и выдержать там осаду в ожидании подкреплений, потребованных Цезарем у Гнея Домиция Кальвина, оставленного в качестве правителя в Азии.

Ожидания сенаторов

Таким образом, 13 декабря Цезарь продолжал управлять Италией и Империей; он еще имел время назначить Антония начальником конницы и обнародовал закон, запрещающий всем помпеянкам, за исключением Цицерона и Д. Лелия, возвращаться в Италию. [719] Потом зима и война блокировали его в царском дворце в Александрии, отделив от всего мира до такой степени, что первые шесть месяцев 47 года Италия и Империя совершенно не имели о нем известий. [720] Это долгое отсутствие Цицерон не без основания полагал причиной многих несчастий, происшедших впоследствии. [721] Сенаторы, которые, покинув армию Помпея, скрывались в различных городах по берегам Средиземного моря и с целью получить доступ в Италию ожидали там возвращения Цезаря, были осуждены на бездействие, оставлявшее им слишком большой досуг для размышлений о своих моральных и материальных проблемах, осложненных междоусобной войной. Мы можем представить себе неопределенное и скорбное состояние души у большого числа лиц в эти месяцы по тому, что говорит нам о себе Цицерон, проведенный зиму и весну в Брундизии в размышлении о своих умерших на войне друзьях; о своей ссоре с братом Квинтом, обвинявшим его за принуждение покинуть Цезаря; об активах эфесского казначейства, которые он одолжил Помпею и которые пропали; о бедности, в которой он оказался вместе с женой и дочерью; о несчастьях Туллии, о грубом обращении с ней Долабеллы; о дерзком презрении, выказываемом ему наиболее грубой частью партии Цезаря; наконец, об исчезающем расположении публики. [722] Фарсала привела к раздору в его семье и лишила его состояния; она уничтожила его политический авторитет и, наконец, набросила покрывало на славу «De Republica». Можно ли было еще рассматривать его как великого мастера политического искусства?

Новые слухи о войне

Цицерон во всяком случае твердо решил не браться более за оружие. Напротив, другие, менее терпеливые, начали уставать, ловить слухи, циркулировавшие вдоль берегов Средиземного моря и бывшие в состоянии возродить надежды в возбужденных умах. Говорили, что если Иллирия, защищаемая квестором Цезаря Кв. Корнифицием и явившимся к нему на помощь из Брундизия Ватинием, окончательно покинута М. Октавием, то последнему все же удалось укрыться со своим флотом в Африке; что там из остатков армии Помпея формируется новая армия, готовая вторгнуться в Италию; что Цезарь подвергается в Александрии большим опасностям и что война может снова разразиться каждую минуту.

Управление Антония Италией

Сама Италия была добычей еще больших бедствий. Так как по закону, изданному после Фарсалы, Цезарь один должен был председательствовать на всех выборах, на которых обыкновенно председательствовал консул, то в его отсутствие можно было выбрать только народных трибунов и плебейских эдилов. Республика осталась, таким образом, без самых важных должностных лиц, всецело во власти вице-диктатора Антония. Молодой, легкомысленный и развратный, хороший солдат, но человек еще малоопытный в гражданском управлении, он рассматривал свое положение как праздник. Он пьянствовал в компании с товарищами, танцовщицами и Киферидой^[723] и между двумя попойками допустил разразиться социальной революцией.

Два крыла цезарианской партии

В партии Цезаря, как во всех демократических партиях, представляющих более многочисленные и бедные классы, но имеющих в главе лиц, которые принадлежали к высшим классам, скрывалось противоречие, которое должно было вызвать разногласия. В этой партии были лица, принадлежавшие к богатым классам, такие как Гай Требоний, Марк и Децим Бруты, Сульпиций Руф, Сульпиций Гальба, Азиний Поллион, т. е. богатые люди, которые получили хорошее воспитание и вели довольно скромную жизнь, по понятиям той эпохи. Они либо и раньше были на стороне Цезаря, либо примирились с ним после фарсальской битвы и имели чувства, идеи, предрассудки, интересы высших классов. Они если и желали вместе с простым народом демократического и либерального правления, то вовсе не хотели ни демагогии, ни революции, мешавшей им пользоваться богатством, культурой и удовольствиями. Но в партии Цезаря в еще большем числе были также авантюристы, недовольные, осужденные, агитаторы и банкроты, люди из всех классов, самых высших и самых низших, часто умные и энергичные, часто совершенно невежественные, почти всегда без принципов и политических идей, которыми двигало единственное желание — удовлетворить свое честолюбие. Таковы были Долабелла, Ватиний, Фуфий Кален, Вентидий Басе, Оппий, Корнелий Бальб и Фаберий, ловкий, но бессовестный секретарь Цезаря. Общественный порядок, традиции, спокойствие высших классов не имели для них никакой цены. Они хотели только могущества и для получения его были готовы удовлетворить злобу, бешенство и самые нелепые желания бедного населения.

Долабелла и кассация долгов

В общем, в партии было правое и левое крыло, которые были вместе, пока продолжалась борьба за завоевание власти, но которые не замедлили поссориться, как только в начале 47 года власть оказалась обеспеченной. Нищета увеличивалась и стала ужасной; уплата долгов и плата за наемный труд все

уменьшались. Долабелла, бывший наиболее обремененным долгами из всех народных трибунов, не утратил участия Целия. Ободренный дезорганизацией консервативной! партии и полуанархией, в которую ввергло республику отсутствие главных магистратов, он хотел приобрести огромную популярность, снова предложив в январе законы Целия об уничтожении наемной платы и долгов. Тревога домовладельцев вроде Аттика и других богатых капиталистов была велика. Неужели социальная революция, которой боялись в начале гражданской войны и опасность которой в течение некоторого времени, казалось, рассеялась, опять всплывет наружу? Цезарь много раз подтверждал свое намерение уважать собственность, но он был далеко; консервативная партия была разрушена, и в республике не оставалось более никакого авторитета, способного поддержать порядок.

Антоний подавляет мятеж в Риме

Момент для социальной революции казался очень удобным даже тем, кто наиболее ее страшился. Но, к своему великому изумлению, высшие классы скоро заметили, что спасение должно явиться оттуда, откуда они менее всего его ожидали. Влиятельные благодаря своим дружественным связям и личным отношениям, покорные своему моральному и юридическому чувству, занятые своими интересами сторонники Цезаря, принадлежавшие к правому крылу партии, стали действовать в связи с предложениями Долабеллы так, как если бы они были консерваторами. Народные трибуны Требеллий и Азиний Поллион воспротивились закону. Долабелла настаивал. Множество ремесленников, мелких торговцев, вольноотпущенников, для которых в последние два года и выгоды и хлеба становилось все меньше и которым грозила опасность быть выгнанными из своих квартир домовладельцами, не получавшими с них более платы, заволновались. Начались беспорядки.[\[724\]](#) Сенат приостановил тогда действие конституции и поручил Антонию поддержать в Риме порядок, призвал туда солдат.[\[725\]](#) Но возникла новая опасность. Возвращавшиеся из Греции легионы, полные высокомерия после гражданской войны и из-за отсутствия Цезаря, угрожали возмутиться в Кампании, если не получат отставки и обещанных им столько раз вознаграждений.[\[726\]](#) Антоний должен был немедленно отправиться в Кампанию, где с большим трудом усмирил мятеж. К несчастью, мятеж легионов усилил народное волнение, и, возвратившись в Рим, Антоний нашел положение еще более критическим. Долабелла продолжал агитацию, не только произнося речи, но и организуя вооруженные банды, как во время гражданской войны. Тогда Антоний, побуждаемый, как кажется, и личными мотивами (он подозревал, что Долабелла был любовником его жены), решительно встал в ряды сторонников порядка и был намерен сурово подавить мятеж. Нисколько не испугавшись, Долабелла в тот день, когда вынес законы на обсуждение комиций, забаррикадировал форум с помощью своих сторонников, чтобы не встретить противодействия. Раздраженный этими беспорядками, Антоний в гневе двинул солдат на форум, разрушил все препятствия и рассеял банды Долзбеллы. 800 человек было убито.[\[727\]](#) Уже давно не видали такой резни.

Тревога высших классов

Волнение простонародья на некоторое время улеглось, но эти события возбудили большое недоверие ко всей партии Цезаря. Известия из Африки и Азии только увеличили тревогу. Сыновья Помпея, собрав в Африке вместе с Катонем, Сципионом и Лабиемом остатки помпеянской армии, соединились с Юбой, царем Нумидии. Они набирали стрелков, пращников, галльских всадников, запасали оружие, беспокоили своим флотом Сицилию и Сардинию и пытались привлечь к себе испанские народности, недовольные управлением Квинта Кассия. В тот момент, когда новая армия под руководством Сципиона готовилась напасть на Цезаря в Африке, в Азии из своего маленького Херсонского царства неожиданно появился Фарнак, сын Митридата, с армией для завоевания владений своего отца. Он нанес поражение

Домицию Кальвину. Все надежды, которые Италия, утомленная политическими беспорядками и междоусобными войнами, лелеяла осенью 48 года, весной 47 года уступили место тяжелому беспокойству: в Италии грозила разразиться социальная революция, в Африке вновь разгоралась гражданская война, сын Митридата оспаривал у Рима власть над Востоком, и ничего не было известно о Цезаре.

Цезарь оставляет Египет

Только к концу апреля[728]пришли частные известия, что Цезарь, получив подкрепления, 27 марта[729]овладел Александрией. Все думали, что он тотчас вернется в Италию, внутреннее положение в Риме и в Италии улучшилось.[730]Но проходили дни и недели, не принося никакого официального известия ни о его победе,[731]ни о его отъезде из Александрии.[732]Скоро в Риме возобновились волнения.[733]О причинах задержки Цезаря распространялись самые разнообразные слухи. Обеспокоенные друзья писали ему, умоляя поскорее возвратиться. Многие даже отправились к нему, чтобы ускорить его возвращение.[734]Цезарь, завоевав Александрию и посадив на египетский престол Клеопатру (Птолемей умер во время войны), прибавил новую ошибку к прежней, а именно: предпринял вместе с царицей путешествие вверх по Нилу.[735]Еще около двух месяцев в постоянных праздниках и банкетах, играх и удовольствиях он продолжал свое любовное, гибельное для него приключение с царицей, уже ожидавшей ребенка. Положение в Риме сложилось скоро столь опасное, что друзья Цезаря заставили народ утвердить некоторые законы, призванные наказать возросшую дерзость помпеянцев. Цезарю предоставлялось право войны и мира со всеми народами и право обращаться со сторонниками Помпея, как ему угодно.[736]Наконец, в первых числах июня[737]Цезарь выехал в Сирию, потеряв девять драгоценных месяцев[738]в то время, когда дни для него стоили многих лет, а года — столетий.

«Veni, vidi, vici»

Но произошла новая задержка. Хотя по прибытии в Антиохию он нашел там письма и много лиц, побуждавших его немедленно вернуться в Италию, он все же был намерен до возвращения в Рим восстановить порядок на Востоке. Для завершения дел в Сирии ему было достаточно нескольких дней. Покинув в первых числах июля Антиохию, он при устье Кидна встретил помпеянскую эскадру под начальством Гая Кассия, потратившего большую часть времени на изучение красноречия в Родосе вместе с Брутом.[739]Кассий немедленно сдался Цезарю. Последний высадился в Эфесе и с малочисленной армией двинулся навстречу Фарнаку, не упуская по дороге случая собирать налоги и приобретать деньги всевозможными средствами. 2 августа при Зеле он разбил Фарнака.[740]Затем он собрал съезд в Никее, распределил царства и домены, заставив восточных царей взамен этого дать ему богатые подарки, и даже не прибег к репрессиям по отношению к сражавшимся против него при Фарсале. Он простил галатского царя Дейотара, за которого просил Брут. Потом через Грецию и Афины он возвратился в Италию, высадился 24 сентября[741]в Таренте, сердечно принял выехавшего ему навстречу Цицерона и, наконец, вернулся в Рим.

Холодный прием Цезаря в Италии

Но он нашел положение значительно изменившимся не в его пользу. Благоприятный момент прошел безвозвратно. Его репутации повредило не только его долгое отсутствие, но и слухи о любви к Клеопатре. Возмущение легионов, разразившаяся в его партии борьба, новая армия, организованная помпеянами в Африке, — все это снова оживило прежнюю неопределенность относительно исхода войны. Особенно это касалось высших классов, где недоверие и отвращение к Цезарю только дремали, но не угасли. Многие

начинали спрашивать себя, не возникнут ли в будущем какие-нибудь неожиданности. Партия Цезаря, казавшаяся такой единой, была терзаема внутренними раздорами, а в последние годы произошло столько внезапных перемен судьбы! Поэтому Цезарь не был принят с тем восторгом, какой питали к нему в прошлом году. Он тотчас заметил, что холодная почтительность и причинявшая тайную радость стольким римлянам африканская война были единственными наградами за его умеренность по отношению к высшим классам, за заботу о народе, из-за чего он избегал конфискаций и грабежей, рискуя довести легионы до мятежа. Впечатление от блестящей победы при Фарсале в значительной степени ослабело, и положение сделалось очень неопределенным: примирение с высшими классами было неискренним, верность легионов зыбкой, единство партии было нарушено, народные массы охладели, видя возлагавшиеся ими надежды на законы Долабеллы уничтоженными усилиями целой группы цезарианцев.

Цезарь примыкает к левому крылу партии

Цезарь тотчас понял, что лучшим средством уничтожить возрождающиеся надежды консерваторов будет немедленно разбить новую африканскую армию помпеянцев. Но он понял также, что ему нельзя вновь уехать из Италии, не попытавшись несколько изменить внутреннее положение, ставшее таким запутанным и опасным по причине его неопределенной политики. Если он будет продолжать ее, то не рискует ли потерять всю свою популярность в низших классах, не приобретя доверия высших? Занятый этой опасностью, раздраженный новой войной, являвшейся наградой за его умеренность, Цезарь до своего отъезда хотел возвратиться к популярной политике и показать ясно свое намерение помочь бедным классам, которые могли дать ему легионариев, выборщиков и непобедимую силу популярности. В то время как все ждали, что он наградит Антония и накажет Долабеллу, он публично выразил свое расположение к последнему и свое недовольство виновником ужасных преследований, в которых погибло 800 плебеев. Он дошел даже до того, что утвердил часть предложений Долабеллы: не всеобщее уничтожение долгов, но снижение квартирной платы до уровня 2000 сестерциев в Риме и 500 сестерциев в других городах Италии.^[742] Он отказался принять назначение себя консулом на пять лет,^[743] запретил законом отдавать в залог более определенной части земельной собственности, принудил капиталистов помещать часть их капиталов в земельные имущества,^[744] ввел обязательные займы у богатых частных лиц и у городов,^[745] а также произвел несколько конфискаций, пустив в продажу имущество многих граждан, погибших в междоусобную войну, в том числе имущество Помпея.^[746] Это было одновременно мезью непримиримым, предупреждением колеблющимся и финансовой мерой для получения денег. Дело в том, что Антоний приобрел дворец Помпея с намерением не платить за него и тотчас же наложил руку на художественные коллекции, мебель и хорошо устроенные погребки. Наконец, Цезарь председательствовал вместо консула на выборах должностных лиц на 47-й и 46 годы, т. е. приказал назначить угодных ему людей, распределил сам пропретур и щедро наградил верных сторонников. Ватиний и Кален были избраны консулами на 47 год, сам Цезарь и М. Эмилий Лепид — на 46 год; в число преторов был избран Гирций. В трансальпийской Галлии Цезарь оставил Децима Брута, к которому он питал явное расположение; в цизальпийскую Галлию послал М. Брута, которому оказывал покровительство ради Сервилии; в дальнюю Испанию отправил К. Требония, в ближнюю — своего племянника Кв. Педия и Кв. Фабия Максима, в Ахайю — Сервия Сульпиция Руфа, юриста, автора избирательного закона против Каталины, в Иллирию — Публия Сульпиция Руфа, в Вифинию — Пансу. Азия досталась проконсулу П. Сервилию Исаврийскому.^[747] Немного времени спустя, когда Цезарь поручил Саллюстия отвести легионы из Кампании в Сицилию, обещая им крупные суммы денег, солдаты снова возмутились, едва не убили Саллюстия и сомкнутыми рядами пошли на Рим, убив двух сенаторов, разграбляя и опустошая все на своем пути. Цезарь вынужден был впустить их в Рим и с большим трудом их успокоил.^[748] Но он так спешил окончить войну в Африке, что в конце декабря^[749] отправился в Сицилию: 19-го прибыл в Лилибей,^[750] с

шестью легионами 25-го погрузился на корабли, 28-го высадился в Гадрумете [\[751\]](#) и тотчас начал войну.

XVI

Триумфы Цезаря

«Brutus» Цицерона и его политическое положение

Это новое возвращение к популярной политике должно было иметь очень важные последствия. С одной стороны, оно положило конец всякой надежде на примирение между Цезарем и консервативными классами. Последние, в сущности, должны были еще раз удивиться умеренности Цезаря, удовольствовавшегося продажей имений своих павших врагов. Но настроение было таким смутным и раздраженным, что конфискация имущества Помпея была воспринята как акт чудовищной мстительности и тирании и вызвала громкие отклики. Правое крыло цезарианской партии было весьма недовольно неожиданным обращением Цезаря с Антонием и с Долабеллой. Таким образом, месяцы, которые Цезарь провел на войне в Африке, казались высшим италийским классам долгими и беспокойными. Всех очень озаботили намерения Цезаря. Что сделает он, когда узнает о крайнем упорстве помпеянцев? Продажа имущества прежних сторонников Помпея, закон о наемной плате, милость, оказанная Долабелле, были дурными предзнаменованиями. Правда, с начала 46 года Цезарь не был уже диктатором,^[752] но не заставит ли он дать себе новые полномочия после победы, которая казалась вполне обеспеченной? Подобно тому как весной небо сразу меняется и по земле пробегает тень, когда на солнце находит густое облако, затем снова появляется веселый свет, опять сменяемый тенью, точно так же в душе Италии шли друг за другом эти тучи меланхолии; тень от них мы видим еще и теперь, после стольких столетий, в книгах, написанных в эти месяцы; и она, эта тень, является самым утонченным истолкователем идей и чувств высших классов. Цицерон, ободренный Брутом, с которым он был связан тесной дружбой, забыв о случившихся во время киликийского проконсульства неприятностях, снова взялся за перо. В начале 46 года он начал писать в форме платоновского диалога между Брутом, Атиком и собой историю латинского красноречия, известную под названием «Brutus seu de clans oratoribus». Но история литературы не могла отвлечь его ум от занятий политикой; и хотя в начале диалога Атик заявляет, что «говорить о политике не будут»,^[753] намеки и сожаления дают чувствовать себя при каждом удобном случае. С первых страниц чувствуется скорбь, причиненная Цицерону вновь начавшейся гражданской войной, которая заставляет его завидовать участи Гортензия, умершего ранее, чем он увидел форум опустевшим и немым.^[754] Далее Брут воздает горячую хвалу первому консулу республики, который разрушил монархию и от которого по отцовской линии, как доказывает Атик, большой любитель археологии, происходит и сам Брут.^[755] Затем хвалят Марцелла, консула 51 года, врага Цезаря, удалившегося в свое митиленское изгнание подальше от «общих и роковых бедствий».^[756]

Десятилетняя диктатура

Но Цицерон успел написать только половину своей книги, когда из Африки пришло известие, что война окончилась 6 апреля выигранной Цезарем битвой при Тапсе. На этот раз последний не был склонен к милосердию. Фавст Сулла, Л. Афраний и Г. Юлий Цезарь, попавшие в его руки, были казнены. Л. Манлий Торкват, М. Петрей и Сципион кончили самоубийством. Только Лабиену и Гнею Помпею удалось бежать в Испанию, а Катону — в Утику. Итак, печальные предчувствия писателя были подтверждены фактами: убийства начались! Остатки консервативной партии собирались в молчании, чтобы оплакивать своих потерянных друзей и гибель республики. Для наиболее честолюбивых сторонников Цезаря эта победа

явилась поводом заставить декретировать ему, как и опасались благоразумные люди, самые чрезвычайные полномочия: десятилетнюю диктатуру, цензорское достоинство под названием praefectura togum,^[757] право предлагать кандидатов в народные трибуны и эдилы.^[758] Впечатление было ужасное. Никогда самые крайние пессимисты не предполагали такой дерзости. Особенно чудовищной и почти монархической тиранией казалась десятилетняя диктатура людям, которым традиция внушила столь сильную ненависть к абсолютной власти и единоличным продолжительным, безответственным должностям.^[759] Нельзя было больше сомневаться: эта диктатура будет сопровождаться правлением котерии, конфискациями и насилиями. Однако было невозможно противиться ей: левое крыло в партии Цезаря, видимо, с каждым днем приобретало все большее влияние и хотело увеличить власть своего вождя, чтобы вместе с тем увеличить свою собственную. Эта клика вместе с несколькими фанатичными поклонниками и многочисленными льстецами, окружившими человека, который, подобно Сулле, стоял с этих пор во главе всех войск Империи, навязывала свою власть сенату, комициям, а также наиболее умеренным сторонникам Цезаря, внутренне не одобрявшим всего происходившего, но не смевшим открыто противиться этому.

Семейные несчастья Цицерона

Книга Цицерона становилась более и более меланхоличной. Когда Брут упоминает Л. Манлия Торквата, Цицерон замечает ему, что следует умолкнуть: «Печальна память о прошедших несчастьях, но еще печальнее ожидание несчастий грядущих».^[760] И Цицерон снова завидует участи Гортензия. Он сожалеет, что его земное странствование оканчивается в этой «ночи республики», и жалеет Брута, который так молод и увидит еще большие бедствия.^[761] По мере приближения к концу книга делается все мрачнее. Письма, написанные в эти месяцы Цицероном к Варрону, также полны скорби.^[762] Семейные печали угнетали его так же, как общественные бедствия. Его милая Туллия не могла больше жить с Долабеллой; неизвестные мотивы вызвали между Теренцией и им одну из тех странных ссор между старыми супругами, в которых по временам прорывается старческое раздражение, так что Рим едва не увидел одновременно разводов и отца и дочери.^[763] Теперь, когда жаркие споры на форуме и в сенате, высокие порывы честолюбия и удовольствие быть видным лицом не занимали более его мыслей, тоска относительной бедности, в которую он впал, и домашние затруднения нависли над ним и отняли у него энергию, необходимую для борьбы. Он мог найти утешение, только отдаваясь своим любимым занятиям, стараясь разрешить многочисленные вопросы римской истории, которые ему предлагал Аттик, большой любитель археологии, между делом собиравший материалы для написания анналов Рима. Единственным удовлетворением для него в эти столь мрачные дни было уважение, выказываемое ему самыми выдающимися и образованными лицами из партии Цезаря, почти ежедневно приглашавшими его на свои пиры.^[764] Гирций даже просил его давать себе уроки красноречия и давал в его честь прекрасные обеды.^[765] Вместе с Долабеллой, сохранившим дружбу старика, несмотря на его вину перед Туллией. Своим очарованием он сумел заставить старого оратора простить свое поведение, как умел добиться прощения у Цезаря, у всех знакомых мужчин и особенно у всех женщин.^[766] Ослабев от лет и печалей, Цицерон для развлечения принимал приглашения, хотя время от времени чувствовал угрызения совести, когда события напоминали ему о несчастной катастрофе, в которой погибло столько его друзей, в числе которых самым последним был Катон.

Смерть Катона

Старый аристократ окончил свою жизнь с тем же упрямством, с каким жил. Получив поручение защищать Утику, после битвы при Тапсе он понял, что всякое сопротивление бесполезно. Не желая

принимать прощения от Цезаря, он однажды, спокойно приведя в порядок свои дела и простившись со своим сыном, удалился в свою комнату, долго читал Федона, а потом вонзил меч себе в грудь. Его нашли уже в агонии.[\[767\]](#)

Умеренность Цезаря по возвращении

Присоединив к Империи царство Юбы и собрав значительную контрибуцию, Цезарь 13 июня выехал из Утики. 16 июня он высадился в Каралах (совр. Cagliari), где оставался до 27 июня и откуда послал Гая Дидия и солдат в Испанию преследовать последние остатки врага. Дули встречные ветры, и он смог вернуться в Рим только 25 июля.[\[768\]](#) Немедленно по прибытии он произнес одну речь к народу, а другую — к сенату, в которых восхвалял размеры завоеванной в Африке области, ее плодородие, изобилие хлеба, которым она могла снабжать Рим. Он утверждал, что его правление не будет тираническим и что он будет только вождем народа.[\[769\]](#) Он не принял немедленно полномочий диктатора на десятилетний срок,[\[770\]](#) удовольствовавшись званием консула, а также избирательной властью и praefectura morum.

Честолюбие Цезаря

Но если эти речи были и недурны, то многие ожидали фактов с большим беспокойством, слагающимся из зависти, старой ненависти и нового страха, что огромные, только что предоставленные Цезарю полномочия могут быть еще более увеличены. Теперь, когда мир был установлен, некоторые даже надеялись на реставрацию республиканских учреждений; большинство, однако, страшилось открытой насильственной и склонной к грабежу тирании. Скоро и те, и другие заметили свою ошибку. Цезарь не был ни сладострастным скептиком, как Сулла, ни дилетантом, как Помпей. Это был беспокойный и пылкий дух, для которого были необходимы лихорадочная деятельность, сильные эмоции и упорная работа. После стольких лет волнений и усилий для выполнения своего достопамятного дела он мог наконец командовать армией, раздавать государственные должности доверенным лицам и располагать крупными суммами денег. Как тяжело ему было бы возвратиться к частной жизни и отказаться от реализации великих замыслов, которыми был полон его дух!

Цезарь — раб своей удачи

Но даже если бы он хотел отказаться от верховной власти, он не смог бы сделать этого. Цезарь был, так сказать, пленником своей собственной победы. Он, подобно Сулле, одерживая победы, возбуждал в массах самую сильную и самую опасную страсть хвоей эпохи — алчность, обещая солдатам горы и моря, привилегии, территории, деньги, нагромождая обещания в Испании на обещания в Аримине, обещания в Брундизии — на обещания в Испании, а на обещания в Брундизии — новые и еще большие обещания, данные после поражения при Диррахии. Все теперь доверяли ему, уверенные в нем благодаря молве о его чудесной щедрости. Теперь он мог отказаться от всех других своих слов под предлогом, что они были ложью, сказанной, чтобы одурачить веривших ей глупцов; но он должен был какой бы то ни было ценой сдерживать обещания, данные тридцати или сорока тысячам людей, покинувших врага, чтобы перейти к нему, и которые уже три года мечтали лишь о том, чтобы спокойно поселиться на землях, где они могли бы пользоваться обещанными им деньгами. Последние мятежи легионов показали, что пытаться играть с этими массами, крайне возбужденными его обещаниями и гражданской войной, значило бы вызвать военную революцию, в которой Цезарь погиб бы первым. Подобно Сулле, он был лично ответствен за сделанные им обещания и за допущенные им химерические надежды. Подобно Сулле, он не мог раньше, чем вознаградит своих сторонников и солдат, отказаться от верховной власти, которая была единственным

действенным средством, чтобы сдержать свои обещания.

Слабость положения Цезаря

Те, кто надеялся, что Цезарь мог бы сложить тогда свои полномочия, ошибались; равно ошибались и те, кто ожидал насилий новой тирании, подобной тирании Суллы. Цезарь, конечно, имел основание негодовать на остатки помпеянской партии и на высшие классы Рима за их неискренность со времен Фарсальской битвы. Он не стеснялся во время триумфов обнаруживать дурное расположение духа. Триумфов было четыре и продолжались они четыре дня: первым был триумф победы над галлами, вторым — над египтянами, третий — над Фарнаком, четвертый — над Юбой. Во время последнего триумфа Цезарь показал оружие, отнятое у римлян, и карикатуры на своих главных врагов, в том числе на Катона. Если Цезарь не заботился скрывать своего отвращения к римской знати и своего намерения опираться на народные классы и пришел, таким образом, к решению управлять республикой, не считаясь с претензиями и предрассудками консервативных классов, то он очень хорошо знал, что ему не удалось выполнить и десятой части того, что сделал Сулла. Одна из самых крупных ошибок, допускаемых всеми историками Цезаря, состоит в уверенности, что после Фарсалы и Тапса положение Цезаря было очень прочным, что он был всемогущим распорядителем государства и всего римского мира. В действительности он не был ничем подобным. Сулла спас всю Империю от неминуемой гибели и избавил целый класс граждан от политического уничтожения, а Цезарь был просто победителем в междоусобной войне, порожденной в желавшей мира стране соперничеством двух политических котерий. Он не имел ни престижа власти, вызывавшей ужас, ни престижа славы, который мог бы сравниться с престижем Суллы, ни армии, верность которой была бы для него несомненна, ни партии, с которой он был бы в единстве и согласии. Раздор, напротив, закрадывался в его ряды, и блок его партии давал каждый день новые трещины. Сам Антоний, которого он хотел принудить оплатить купленное на аукционе имущество Помпея, наполнял тогда Рим жалобами и угрозами в его адрес; говорили даже, что он искал для Цезаря наемного убийцу. [\[771\]](#)

Программа Цезаря для удержания верховной власти

Завоевания Галлии было мало для того, чтобы дать Цезарю престиж, достаточный для чрезвычайной ответственности, принятой им на себя. Что касается последующих побед, то они были одержаны в междоусобных войнах, и скорее следовало заставить позабыть их, а не прославлять. Цезарь очень хорошо понимал: для того чтобы действительно стать господином республики, нужно приобрести новую, большую и более чистую славу, оказав услуги Италии; он понимал, что все его предыдущие труды были лишь подготовкой к его великой работе, которая только теперь должна была начаться, средством, с помощью которого он был в состоянии приобрести высшее положение в республике, завершив великие дела. Действительно, теперь, когда междоусобная война окончилась, он мечтал основать прочное, благодетельное и славное правительство, программа которого должна была состоять из трех существенных пунктов: большой щедрости по отношению к простому народу; административных реформ для реорганизации общественных должностей и для удовлетворения законных требований нации, так долго находившихся в небрежении; наконец, в крупных военных предприятиях. В общем, это было возвращением к его великой политике 56 года.

Ряд консервативных реформ

Немедленно по возвращении в Рим, Цезарь со своей обычной энергией принялся за дело с помощью нескольких друзей и вольноотпущенников. Из шестисот миллионов сестерциев и большого количества

драгоценных металлов,^[772]привезенных из Африки, он уплатил каждому гражданину по триста сестерций, обещанных в 49 году; каждому солдату — по 80000 сестерциев; вдвое больше, чем было обещано, центурионам; вчетверо больше — трибунам.^[773]Он дал большой публичный банкет и организовал бесплатную раздачу хлеба и масла.^[774] Пользуясь своей цензорской властью или предлагая законы в комициях, он провел серию реформ, полных консервативного духа. Он реформировал суды, сделав их более аристократическими по составу,^[775]изменил уголовные законы, увеличив наказания за преступления.^[776]Он распустил преступные организации, коллегии рабочих, организованные Клодием, которые столько раз служили ему в борьбе с консервативной партией.^[777]Он уменьшил число претендентов (по закону Клодия) на получение хлеба.^[778]Он опубликовал закон против роскоши, ограничивавший употребление жемчугов, носилок, пурпурных одежд.^[779]Он хотел приостановить эмиграцию молодежи, столь затруднявшую набор армии в Италии.^[780]Он сделал распоряжения, улучшавшие исполнение аграрного закона (который едва применялся до сих пор), основав колонии в Кампании, в окрестностях Калатии и Казилина.^[781]Он распорядился о чеканке новой золотой монеты, aureus'a. Он призвал в Рим египетских астрономов для исправления календаря.^[782]Он старался внести порядок в финансы республики, установив таможенные пошлины, сделав собственностью государства и отдав на откуп наждачные копи Крита, которые многими разрабатывались без всякого разрешения.^[783]Он выработал знаменитый Lex Julia municipalis, о котором часто будет идти речь впоследствии и который должен был реорганизовать административную структуру итальянских городов.^[784]

Цезарь и Восток

Цезарь задумывал еще более важные дела; он хотел усвоить идею Гая Гракха — восстановить центры цивилизации, разрушенные или дезорганизованные римским завоеванием. Он намеревался вновь отстроить Карфаген и Коринф, вывести колонии в Нарбонскую Галлию, в Лампсак, Эпир, Синоп, Гераклею и на берега Черного моря, в районы, которые еще не избавились от последствий грубости солдат и генералов Лукулла. Наконец, он возвращался к предприятю, в котором потерпел неудачи Кресе, — хотел завоевать Парфию. Превратности политической судьбы против его воли увлекли его на север Европы и в Галлию, но как только он сам смог выбрать себе дорогу, он обернулся к тому Востоку, который давно уже привлекал его, как привлекал всех его современников: он мечтал повторить сказочные подвиги Александра. Галлия была только бедной варварской страной, тогда как большая дорога в будущее была связана с Азией, с этим богатым и цивилизованным Востоком, где македонский завоеватель и его преемники оставили нетленные следы своих подвигов.

Надежды Цицерона на Цезаря

Многие из этих реформ нравились консерваторам и несколько умеряли скорбь, которую они испытывали, видя во время четвертого триумфа карикатуру на Катона, этого героя высших классов Италии. Цицерон, написавший Цезарю похвальное слово и занявшийся затем составлением диалога «Orator»,^[785]спрашивал иногда себя, восстановит ли он республиканский образ правления; он наблюдал за всеми действиями Цезаря, расспрашивал его близких друзей, в какой-то день надеялся, в другой — отчаивался. Его надежда была очень прочной до середины сентября, когда он, выйдя из своего траура по республике, прервал молчание, которое хранил до сих пор в сенате, чтобы в речи, полной похвал Цезарю, испросить прощение Марцеллу. В этой речи он намекнул даже на восстановление гражданского правительства.^[786]

Храм Венеры, матери Юлиев

Но когда в конце сентября Цезарь освятил храм Венеры Genetrix, Цицерон и общество были очень шокированы, увидев там статую Клеопатры, изваянную Аркезилаем, одним из самых знаменитых римских скульпторов.^[787] Все негодовали, и устроенные по этому случаю народные празднества лишь увеличили возмущение. Они были грандиознее, чем в дни триумфа: были организованы охоты на диких зверей, бои гладиаторов, театральные представления во всех кварталах и на всех языках, чтобы могла развлекаться вся космополитическая чернь; была, наконец, навмахия на искусственном озере! Цезарь хотел, следовательно, задобрить народ так же, как старался унижить сенат, выбирая сенаторов из самых темных людей и даже среди профессиональных гаруспиков.^[788] Эти выборы, так же как необъяснимое промедление Цезаря с созывом комиций, были очень непопулярны. Вскоре за ними последовала целая серия неприятных неожиданностей. Так, однажды Цицерон получил благодарность от некоторых восточных князей за сенатусконсульт, утверждения которого в сенате он добился, даже не зная о самом существовании этих лиц.^[789] Энергия Цезаря вырождалась временами в дикое нетерпение; например, он принудил Архиселая выставить в храме Венеры Genetrix неоконченную статую, лишь бы открыть его.^[790] Он часто наспех проводил совещания, что многим не нравилось. Не были многие удовлетворены также назначением правительственных лиц на 45 год: за редкими исключениями все они были старыми друзьями Цезаря,^[791] ненавистными консерваторам; например, Ватиний или Саллюстий, который после битвы при Тапсе был сделан пропретором Нумидии и оставлен там еще на год, чтобы он мог нажить себе состояние вместо растраченного в Риме с женщинами.

Общее недовольство Цезарем

Положение Цезаря становилось все затруднительнее. Волнения, необычайное нервное напряжение последних лет, увлечение успехом, иллюзия силы, владевшая им даже при его усталости, побуждали Цезаря взять на себя бремя ответственности, которому никто, даже он сам, не был в состоянии противиться. Здесь еще раз ошибаются историки, когда говорят, что Цезарь сумел создать себе такое чудное орудие господства, как его армия, был в состоянии властвовать над Империей и реорганизовать ее. Со своей армией Цезарь мог победить консервативную партию и сместить законное правительство, но заменить это правительство с помощью своей армии он мог только очень несовершенным образом. Вокруг него образовалась пустота; знать, даже присоединившаяся к нему после Фарсалы, сохранила в глубине души всю свою злобу, держалась отстраненно и с большой неохотой принимала магистратуры. В собственной его партии все правое крыло охладело к нему и отдалилось от него. Только небольшая честолюбивая и энергичная котерия его приверженцев из низшего слоя теснилась вокруг диктатора ради того, чтобы монополизировать его милость и удалять опасных конкурентов. Верный Оппий, ловкий Бальб, интриган Фаберий, веселый Долабелла, Ватиний, Кален, Децим Брут, которого он предпочитал всем остальным (он спас его в Испании и уже два года управлял Трансальпийской Галлией, где подавил новое восстание белловаков), были с этих пор самыми близкими его сотрудниками в таком гигантском и требовавшем столь большого числа талантов и энергии- деле, как реорганизация Империи. Даже Антоний впал в немилость и скромно жил с Фульвией, вдовой Клодия и Куриона, на которой женился. Цезарь не имел более ни времени, ни желания искать в толпе неизвестных людей, которые могли бы служить ему, как с большим успехом делал до сих пор; в его тесный и замкнутый кружок входило мало новых лиц: сыновья двух его племянников, Квинт Педий и Гай Октавий, и семейство Сервилиев. Ее сын Брут, ее два зятя — Гай Кассий и Лепид — образовывали в партии Цезаря маленькую аристократическую группу, с которой Цезарь обращался довольно хорошо, будучи действительно близок только с Лепидом.^[792]

Молодой Август

Что касается Гая Октавия, то это был очень умный молодой человек семнадцати лет, который после смерти отца и вторичного брака своей матери с Луцием Марком Филиппом воспитывался в доме своей бабушки, сестры Цезаря; последний взял его с некоторого времени под свое покровительство, наблюдал за его воспитанием и представлял народу при помощи почетных отличий. Он сам, может быть, выбрал для него, кроме уже бывших учителей, двух новых наставников — Афинодора из Тарса и Дидима Арея. Последний принадлежал к той неопифагорейской школе, которая, как мы видели, старалась тогда распространить в римском мире новую аскетическую мораль.^[793] Но молодой человек был очень слабого здоровья и в этот момент был тяжело болен, что сильно беспокоило Цезаря.

Духовный упадок Цезаря

В общем, Цезарю не доставало умных, энергичных и верных сотрудников, которые помогли бы ему привести в исполнение его великие проекты, ибо мысль, что один человек, как бы умен и энергичен он ни был, с несколькими друзьями и вольноотпущенниками, собранными случайно в течение двенадцати лет войны и злоключений, мог прекратить в обширной империи беспорядок, возникший от длительного социального разложения и перемен, была химерической. С помощью армии легко было одержать верх над консервативной партией и выродившимися высшими классами Италии; напротив, невозможно было одному человеку, используя законодательство, положить конец ужасному антагонизму этого жадного, дерзкого и гордого общества. Одно затруднение сменялось другим, будучи часто вызвано нетерпением, с каким Цезарь хотел одержать победу. Раздражение, усталость от этой огромной работы и обольщение ею затемнили сознание удобного случая и действительности, которое всегда было так ясно у него ранее. Как бы сознавая свое положение, он временами говорил, что прожил уже слишком долго.^[794] Его друзья Бальб и Оппий стали замечать с некоторого времени, что он стал странным и что всякий, даже самый осторожный совет при удобном случае о том, что он мог бы сложить с себя по крайней мере часть полномочий, с каждым днем раздражал его все более. Видели, что даже сочинением, в котором Цицерон хвалил Катона, он был раздражен до такой степени, что хотел писать ответ и поручил Гирцию сделать то же. Однако он не хотел, чтобы его обвиняли в нарушении конституции, ниспровержении традиций, действии против духа, если не против буквы, законов, с помощью которых он получил власть. В это время он написал свои Комментарии о гражданской войне, в которых старался показать, как точно соблюдал он конституцию и как враждебная партия, а вовсе не он, накладывала руку на имущество и права граждан. Но с каждым месяцем, протекавшим в этом бесконечно длинном году, которому реформировавшие календарь астрономы дали 15 месяцев, или 445 дней, факты все меньше и меньше соответствовали его намерениям и словам.

Клеопатра в Риме

В конце года Цезарь совершил грубую ошибку, приняв у себя в доме Клеопатру, прибывшую в Рим с большой свитой рабов и министров. Скандал в Риме и в Италии был очень велик.^[795] Все знали, что с некоторого времени у Цезаря была очень возбуждена чувственность, что он имел экстравагантные желания царской любви и что во время африканской войны он развлекался с Эзной, женой царя Мавритании Богуда, которой он делал бесчисленные подарки. Но этот новый бесстыдный скандал на глазах всего Рима возмутил общество, уже и без того недовольное и слишком склонное все критиковать. Начали жалеть Кальпурнию, выданную замуж в 59 году вследствие политической интриги и тотчас же покинутую своим бродягой мужем, любовницу которого она была вынуждена теперь принимать у себя в доме. Как будто бы это было осознанное преступление Цезаря, а не жалкая участь всех женщин высшего общества, которые не были порочными, развратными, распущенными. Порядочные женщины, как Туллия,

Корнелия, вдова Публия Красса и Помпея и множество других, оставшихся неизвестными, разве не приносились всегда своими родителями в жертву их политическому честолюбию? Разве не было им суждено быть выданными замуж, покинутыми и снова выданными, причем не обращалось внимания ни на возраст, ни на добродетели супруга; менять дом, служанок, общество с переменой политики; быть часто лишенными даже утешения материнства, находить в доме мужа пасынков старше себя и оказываться покинутыми ради гетер и вольноотпущенниц? Это было зло времени, один из тех многочисленных печальных и неизбежных симптомов беспорядка, сопутствующего великой перемене в цивилизации, которая готова была совершиться и которой женщина также отдавала свою часть скорби. Но сейчас общество приписывало персонально Цезарю этот всеобщий порок и негодовало, что диктатор выставляет напоказ свой разврат.

XVII

Последняя мечта Цезаря — завоевание Парфии

Возрастающая непопулярность Цезаря в высших классах

В высших классах недовольство Цезарем все увеличивалось. Наследственная гордость и недисциплинированность делали их недоброжелательными ко всякому правительству; раздражительность их еще более подогревали воспоминания о междоусобной войне, печали по поводу потери родных и друзей и о нарушенных интересах. Одни оказались лишенными наследств, на которые рассчитывали, вследствие конфискации имений побежденных, другие потеряли деньги, отданные на хранение в храмы Италии и Востока. Нехватка денег и трудность кредита наносили ущерб большому числу лиц. Цезарь напрасно старался доказать в своих «Записках о гражданской войне», что не он, а Помпей наложил руку на вклады частных лиц, и что, напротив, благодаря ему, Цезарю, были спасены сокровища известного храма Дианы в Эфесе.^[796] Но Помпей умер, и все изливали свое дурное расположение духа на живого человека.

Финансовый кризис

Нужно было быть человеком, одаренным безграничным терпением и ловкостью, почти сверхчеловеческим спокойствием и благоразумием, чтобы управлять в условиях такой гордости, недовольства, злобы, борьбы честолюбий и противоположных интересов. С другой стороны, власть, жажда мести и усталость возбуждали в Цезаре жажду славы, желание сравняться с Александром в грандиозных предприятиях, а сила обстоятельств побуждала его разорвать цепи законности и желать еще большей власти. Вокруг него было слишком много неудовлетворенных appetитов, слишком много химерических надежд на невозможную помощь. Нищета увеличилась в Италии ужасным образом: значительная часть среднего класса и простого народа была приведена в отчаяние нескончаемым кризисом. Масса восточных рабов, художников, ремесленников была освобождена своими менее богатыми господами, которые, не имея более возможности извлекать выгоды от их работы во время кризиса, не имели и средств прокормить их. Нужно было уменьшить число претендующих на хлебные раздачи, а это еще более усугубляло бедствие.

Необходимость покорения Парфии

Ужасная катастрофа казалась неизбежной, если бы не нашлось новых средств, а эти средства можно было получить только путем завоевания парфянской империи с ее сказочными сокровищами. В этом завоевании было все спасение. Сколько чудесных вещей мог бы сделать Цезарь, когда бы война против парфян доставила ему необходимые капиталы! Но мог ли он успешно выполнить столь трудное предприятие, будучи вынужден считаться с предрассудками, страхами, интересами завистливых и враждебно настроенных к нему сенаторов, со злобным удовольствием занимавшихся в данный момент только писанием и чтением смешных похвал Катону? Сам Брут составил одну такую похвальную речь в честь самоубийства Катона.

Клеопатра и ее сын

Вероятно также, что Клеопатра, единственная женщина, игравшая такую странную роль в падении великой республики и думавшая убедить Цезаря жениться на себе, продолжала своим соблазном, словами и примером будить в нем страсть к царской власти. Разве не явилась она в Рим со своим новорожденным сыном, которого называла сыном Цезаря, чтобы получить от Цезаря позволение дать ребенку его имя? И разве не увозила она, покидая Рим, вместе с подарками и привилегиями это многозначительное позволение?^[797] Впрочем, каковы бы ни были истинные честолюбивые замыслы Цезаря, их осуществление в данный момент зависело от успеха парфянской войны. Эта война была всепоглощающей мыслью Цезаря, и он прилагал всю свою энергию, чтобы привести ее в исполнение.

Цезарь в Испании

К несчастью, во второй половине 46 года очень важные обстоятельства принудили его еще раз отложить ее. Пользуясь популярностью, какой обладало в Испании имя Помпея, и благодаря недовольству, вызванному злоупотреблениями назначенных Цезарем правителей и брожением во многих легионах, Гней Помпей и Лабий набрали армию и завоевали большую часть полуострова. Цезарь сперва не считал опасность большой и предоставил заботу о войне своим генералам. Но последние, не будучи в состоянии одержать победу, кончили тем, что написали Цезарю о необходимости его приезда в провинцию. Известие об успехах Гнея Помпея увеличило беспокойное настроение общества. Цезарь правильно полагал, что нельзя отправиться на Восток, оставив в Испании победоносного врага. Неужели он никогда не покончит с гражданскими войнами? Эта новая экспедиция в такой момент не могла не раздражать его до последней степени. Она принуждала его прервать реформы, уже наполовину проведенные в жизнь, и отложить парфянскую войну. Война увеличивала и без того большие затруднения, которые Цезарь испытывал, свидетельствуя о том, что достигнутый мир не был окончательным.

Цезарь снова принимает диктатуру

Раздраженный испанской войной, намереваясь быстро окончить ее и утратить своих противников мощным ударом, Цезарь в конце года почти открыто сконцентрировал в своих руках все высшие государственные должности. Он принял полномочия диктатора, сделав своим начальником конницы уже не Антония, впавшего в немилость, а верного Лепида, назначенного правителем ближней Испании и Нарбонской Галлии, которому, ко всеобщему изумлению, было позволено управлять своими провинциями при помощи легатов.^[798] Он хотел, кроме того, быть избранным на 45 год единственным консулом (*consul sine collega*)^[799] и отложил выборы прочих должностных лиц. Диктатор и консул, не имевший товарища, разве не обозначало это почти самодержавного монарха?

Возвращение к аграрному закону 59 года

Эти меры произвели ужасное впечатление. Пропать недоверия, отделявшая Цезаря от высших классов, еще более увеличилась; к этому присоединились химерические страхи, что абсолютная власть в руках Цезаря будет синонимом социальной революции. Неожиданно возник слух, что Цезарь приказал начать в разных местах Италии межевание земель — якобы для того чтобы их конфисковать и распределить между своими солдатами, как это сделал Сулла.^[800] На мгновение всех охватила настоящая паника. Но скоро узнали, что этот страх был преувеличен: Цезарь приказал только новой комиссией заместить прежнюю, которой аграрным законом 59 года было поручено разыскать в Италии и в

Цизальпинской Галлии остатки общественного домена и земель, купленных у частных лиц.^[801] Он хотел использовать старый аграрный закон, чтобы сдержать обещания, сделанные солдатам во время гражданской войны.

Управление Италией в отсутствие Цезаря

Умы немного успокоились. Но другие события не замедлили их вновь взволновать. Цезарь уехал в Испанию, не созвав комиций.^[802] и все в Риме ожидали, что он во время своего отсутствия придаст магистратурам законный характер. Вместо этого к концу года явился новый сюрприз: Цезарь назначил восемь городских префектов (*praefecti urbi*), которым поручил все функции преторов и некоторые из функций квесторов, а также управление казначейством.^[803] Номинально они были под контролем Лепида, но в действительности ими руководили Корнелий Бальб и Оппий. Таким путем Цезарь установил то, что мы теперь назвали бы управлением кабинета, при котором не было и речи о народе и сенате. Во время поездки в Испанию он написал книгу, направленную против Катона, в которой старался опровергнуть готовую снова расцвести республиканскую идеологию.

Тревога и подозрения в Италии

Эта внезапная перемена в политике Цезаря до крайности возмутила высшие классы Италии и даже правое крыло его партии.^[804] Полился целый поток обвинений: сурово упрекали его за позволение дать свое имя сыну Клеопатры;^[805] создание восьми городских префектов представлялось одной из самых вольных мер, которые когда-либо видели; начинали говорить, что он хочет сделаться царем — ужасное обвинение, роковое для стольких знаменитых римлян. Кроме того, узнали, что Марцелл, консул 51 года, которому Цезарь даровал прощение, был загадочным образом убит в Афинах, когда возвращался в Рим. Тотчас обвинили Цезаря, утверждая, что он, лицемерно простив его, тайно приказал убить его из мести. Появление книги против Катона подлило масла в огонь: Цезаря называли клеветником на великого человека. Из числа знатных один только Цицерон, тронутый многочисленными похвалами, которые воздавал ему Цезарь в своей книге, послал через посредство Бальбы и Долабеллы письмо диктатору с выражением благодарности; но он не осмелился прочитать это письмо Аттику.^[806] Аграрная комиссия своими работами также причинила беспокойство многим. Ее деятельность пробудила в простом народе надежды, иллюзии и желания, которые могли быть опасны для всех. Расследования с целью установить, какие земли были общественными, сильно занимали всех, потому что даже если бы они были проведены с абсолютной справедливостью, они все же могли причинить много неудобств. Поэтому комиссары были завалены рекомендательными письмами и прошениями от собственников, их друзей и родных.^[807]

Смерть Туллии

Пока Цезарь сражался в Испании, положение в Риме в целом было малоуспокоительным. Обеспокоенные Бальб и Оппий писали Цезарю письмо за письмом. Нетерпеливо ожидая его возвращения, они любезным вниманием старались успокоить влиятельных людей, а особенно Цицерона, на которого начинала надвигаться тень старости, полной печали и огорчений. Чтобы упорядочить свои все более и более запутывавшиеся дела, он в конце 46 года женился на Публилии, молодой четырнадцатилетней девушке,^[808] принесшей ему хорошее приданое. Но в начале 45 года он был поражен тяжелым ударом: Туллия умерла в родах после своего развода.^[809] Огорченный отец искал утешения в философских работах и начал приводить в исполнение уже давно с любовью вынашиваемый замысел, от которого его постоянно отвлекали политические перемены. Он хотел резюмировать греческую философию в ряде диалогов,

аналогичных диалогам Платона, где действующими лицами выступали бы все великие римляне последних поколений — от старшего Катона до Лукулла и Варрона. Цицерон с его великим литературным даром мог бы, разрабатывая эту тему, создать образцовые произведения, изобразив для потомства в тихой интимной атмосфере философских диалогов те великие фигуры, которые история показывает нам во время войн и политической борьбы.

Цицерон — Аристотель Цезаря

Но необходимым условием этого была возможность работать по своему желанию и в полном спокойствии, а вместо этого сколько было теперь в его жизни беспокойств и печалей. Нужно было постоянно требовать от Долабеллы возвращения по частям приданого Туллии; нужно было искать деньги, чтобы воздвигнуть своей дочери пышный мавзолей. Наконец, истинные намерения Цезаря продолжали оставаться для него томительной загадкой. Он постоянно писал по этому поводу Бруту, недавно освободившемуся от управления цизальпинской Галлией. Он постоянно читал и перечитывал великие политические трактаты, написанные на греческом языке; особенно он зачитывался письмами Аристотеля и других греческих ученых, написанными к Александру Великому с целью побудить его управлять монархически лишь народами Азии; в Греции же оставаться первым из греческих граждан, членом благородной расы, которая всегда жила и могла жить только при свободном режиме.^[810] Письмо Аристотеля возбудило даже у Цицерона мысль написать подобное письмо Цезарю, и он действительно составил прекрасный трактат, который послал Аттику.^[811] Но благоразумный банкир посоветовал Цицерону сперва прочитать его Оппию и Бальбу, а последние отсоветовали Цицерону посылать письмо Цезарю.^[812] Это было для Цицерона большим разочарованием, а для образованных классов — новым поводом для подозрений. К счастью для Цицерона, во время всех этих волнений умер один его горячий поклонник, некто Клувий, оставив ему богатое наследство, уменьшившее его денежные затруднения. Но, в общем, Цицерон, подобно всем, был в постоянном нервном напряжении.

Неподготовленность Цезаря к войне в Испании

Пришедшие из Испании в начале 45 года известия только увеличили общее беспокойство. Обдумывая завоевание Парфии, Цезарь так плохо подготовился к испанской войне, что в начале ее, как это было и во время войны с Верцингеторигом, и во время первой испанской кампании, и во время кампании в Эпире, его солдаты страдали от голода.^[813]

Брут и его брак

Неожиданное и странное событие на некоторое время отвлекло от испанской войны внимание высшего римского общества. Брут развелся с дочерью Аппия Клавдия и женился на Порции, дочери Катона и вдове М. Бибула,^[814] товарища Цезаря по консульству, адмирала, умершего во время эпирской войны. Аристократ древнего рода, страстный любитель искусства, литературы и философии, Брут был одним из тех любимцев судьбы, которые приобретают всеобщее уважение, ничего для этого не делая. Обладавший некоторыми добродетелями, довольно редкими в высшем обществе, — воздержанностью, чистотой, самообладанием, презрением к вульгарному честолюбию, — он умел не только заставлять прощать себе мелкие недостатки, как, например, ростовщичество, которым занимался в Киликии, но и заставлял всех, даже Цезаря, удивляться себе как чуду воли и энергии.^[815] Потому ему добровольно предлагали то, что другие могли получить только ценой больших усилий, и невозможное для всех ему удавалось легко. Он сражался на стороне Помпея, однако Цезарь ради Сервилии осыпал его почестями. Он стал одним из

самых выдающихся членов аристократической цезарианской партии, но это не препятствовало Цицерону и самым выдающимся помпеянцам оставаться его большими друзьями. И вот он объявляет о своем браке с прекрасной вдовой, отец и первый муж которой были самыми ожесточенными врагами диктатора! Весь Рим спрашивал себя: что означает этот брак? Станет ли Брут теперь враждебен новому правительству Цезаря? Или последний примирится со своими прежними противниками? Сервилия, боявшаяся, чтобы этот брак не лишил сына расположения диктатора, старалась помешать женитьбе; Цицерон благоразумно держался в стороне, но это было напрасно. Без сомнения, здесь дело шло о проснувшейся через много лет взаимной симпатии двоюродных брата и сестры. Брут, однако, не намеревался порывать с Цезарем и, вероятно, в надежде получить прощение за свой брак, написал памфлет в защиту диктатора, бывший ответом на обвинение его в убийстве Марцелла.

Битва при Мунде

Цезарь и на этот раз победоносно окончил испанскую войну, но перенес при этом затруднения и опасности, которых не ожидали. Сам он несколько раз был болен и вел операции с такой усталостью, что при Мунде 17 марта 45 года едва не был разбит и взят в плен. Победа не была поэтому такой блестящей, как другие: диктатору не удалось уничтожить всех своих врагов, и если погибли Гней Помпей и Лабий, то Сексту Помпею удалось бежать на север. Однако молодой Секст не казался Цезарю опасным противником, и, оставив своим генералам заботу о его преследовании, он решил вернуться в Италию, где известие о битве при Мунде и о его возвращении вызвало очень сильное волнение.

Конец гражданской войны

Решительный момент приближался. Междоусобная война была окончена битвой при Мунде; по мнению высших классов, более не могло быть никакого предлога для продления диктатуры. Хотели, наконец, узнать, намерен ли Цезарь управлять своей родиной как тиран или же он даст ей свободу. К несчастью, левое крыло цезарианцев тотчас же воспользовалось победой, чтобы предложить новые полномочия для своего лидера, которые были тотчас же утверждены. Цезарю преподнесли титул *imperator* как наследственное *praepotens*; он назначался консулом на десять лет и получал право предлагать кандидатов на эдильство и трибунат.^[816] В то же время Бальб и Огай, желая доставить удовольствие Цезарю и произвести впечатление на общество, предложили всем влиятельным лицам Рима отправиться ему навстречу, чтобы оказать почести и сопровождать его в столицу. Было ясно, если только его сторонники не шли дальше его намерений, что Цезарь стремится к верховной и абсолютной власти. Рассуждали, сомневались, надеялись, с нетерпением ожидали прибытия Цезаря, который, напротив, не торопился. Он сперва задержался в Испании, где занялся устройством римских колоний в Гиспале,^[817] Новом Карфагене,^[818] Тарраконе,^[819] конфискуя часть их территорий и поселяя там известное количество своих солдат, которых отправлял в отставку. Он задержался затем в Нарбонской Галлии, где оставил одного из своих друзей, оказавшего ему большие услуги во время александрийской войны, Гая Клавдия Нерона, поручив ему раздать ветеранам десятого легиона земли в окрестностях Нарбоны, а ветеранам шестого легиона — в окрестностях Арелата (совр. Arles).^[820] Однако еще до своего перехода через Альпы Цезарь уже оказался в центре скрытой борьбы, свирепствовавшей в римском обществе. Консерваторы и обе фракции цезарианцев согласились на предложение Оппия и Бальба из расчета, лести или нетерпения, и кортеж, который должен был сопровождать Цезаря, увеличивался с каждым днем. Сам Антоний, устав от бедности и неизвестности, на которые он был осужден, выехал из Рима, твердо решив найти средство получить прощение.^[821] Требоний также двинулся в путь, чтобы идти навстречу Цезарю, но он так был раздражен новой политикой диктатора, что спрашивал себя, не лучше ли

было уничтожить Цезаря ударом кинжала.^[822]Наконец, Брут, по соглашению с Цицероном, который с нетерпением желал выяснить, на что ему рассчитывать, отправился навстречу Цезарю в Цизальпинскую Галлию, стремясь понять его намерения и, может быть, также узнать, не произвел ли дурное впечатление его брак. Но Бруту все было дозволено; он был хорошо принят, получил похвалы за ревность, какую выказал в прошлом году во время своего управления, и, счастливый от этого приема, написал Цицерону, что его опасения неосновательны и что Цезарь намерен восстановить аристократический образ правления, согласно желаниям консерваторов.^[823]

Новая фаза умеренности

Действительно, Цезарь, обеспокоенный общественным недовольством и раздором в среде своих сторонников, кажется, в одно мгновение хотел дать удовлетворение правому крылу цезарианцев, консерваторам и высшим классам. Он примирился с Антонием и, чтобы показать всем, что простил виновника ужасных репрессий 47 года, позволил тому часть пути сделать даже в своих носилках. Он уничтожил городских префектов, отказался от некоторых властных полномочий, сложил с себя обязанности единоличного консула, созвал комиции, заставил назначить обычных магистратов и выбрать в консулы одного из своих испанских генералов, Кв. Фабия Максима, и Требония, бывшего одним из наиболее знаменитых и наиболее недовольных из числа умеренных цезарианцев.

Здоровье Цезаря пошатнулось

Такого впечатляющего набора мер было вполне достаточно для того, чтобы у многих возродились надежды. Цезарь делал примирительные распоряжения, он не хотел, следовательно, надолго откладывать отмену чрезвычайного положения! Но всегда предусмотрительный Цицерон продолжал сомневаться и был прав. Цезаря несколько не занимала конституционная проблема, интересовавшая всех праздных людей Рима; его единственной, всепоглощающей целью была война с Парфией. Он желал не восстановления конституции, а завоевания парфянской империи. Его здоровье было плохо; припадки эпилепсии, которой он всегда страдал, сделались чаще и сильнее;^[824]тело и дух его были изнурены. Его прекрасный бюст, находящийся в Луврском музее и являющийся произведением великого неизвестного мастера, удивительно передает крайнее напряжение чудесной жизненности, уже почти совершенно истощенной. Но он не хотел, не мог дышать, как ему следовало бы: его звала сказочная Парфия.

Проекты Цезаря относительно его верховной власти

В течение месяцев, проведенных Цезарем в Испании, положение Италии несколько не улучшилось. Если битва при Мунде избавила его от нескольких опасных противников, то она несколько не помогла преодолеть тяжелые политические и экономические трудности, в которых билась Италия. Его умеренность скоро исчезла; немедленно по прибытии в Рим вместо конституционных реформ Цезарь со своей всегдашней энергией начал военные и политические приготовления к экспедиции, которая должна была привлечь общественное мнение и сделать его более благоприятным. Чтобы отметить испанский триумф, были даны грандиозные празднества; на грандиозных народных банкетах Цезарь впервые приказал вместо греческих вин подавать некоторые итальянские вина, искусно приготовленные восточными рабами и начинавшие входить в моду. Он хотел таким образом познакомить народ с итальянским виноделием и ободрить итальянских виноделов, достигших столь больших успехов даже в условиях ужасного кризиса.^[825]Закон об иностранных колониях был тотчас предложен и утвержден; начали набирать колонистов из солдат, граждан и вольноотпущенников. Затем одно неожиданное предложение стало

следовать за другим: пораженный Рим каждый день слышал о новом проекте Цезаря. Диктатор хотел отвести течение Тибра, чтобы осушить Понтийские болота; построить все Марсово поле, которое должно было быть перенесено к подошве Ватиканского холма; построить театр, который позже, достроенный Августом, был назван театром Марцелла и грандиозные развалины которого сохранились до сих пор; поручить Варрону основать повсюду в Риме обширные библиотеки; прорыть Коринфский перешеек; провести дорогу через Апеннинские горы; построить большой порт в Остии; дать работу предпринимателям и рабочим; собрать все законы в единый свод.^[826] Все эти проекты, естественно, могли быть выполнены, когда завоевание Парфии доставит нужные средства, и тем самым служили и для оправдания в глазах публики великого предприятия.

Неразборчивость друзей Цезаря

Но Цезарь на этот раз ошибался, думая, что такое обилие грандиозных идей ослепит Италию. Космополитическая чернь столицы могла предаваться химерическим надеждам, если ей обещали колонии и работу; но средние классы оставались в дурном настроении вследствие финансового кризиса, конца которого никто не предвидел. Что касается оскорбленных в своих республиканских чувствах и все еще страшившихся социальной революции высших классов, то они спрашивали себя, не сошел ли Цезарь с ума, и насмехались даже над серьезными реформами, например над реформой календаря.^[827] Вместо восхищения его великими проектами находили удовольствие в негодовании против шумной клики мужчин и женщин, окружавших диктатора. Чтобы найти необходимые для парфянской войны деньги, Цезарь был вынужден продать конфискованные у побежденных имения, затем общественные земли, на которых нельзя было основать колоний, и земли храмов.^[828] Эти поспешные распродажи принесли особенную выгоду его друзьям, почти даром получившим огромные земельные угодья. Значительное имение, конфискованное во время войны, было отдано Сервилию;^[829] некоторые вольноотпущенники, многие центурионы, военные трибуны и генералы из армии Цезаря нажили себе большие состояния. В их числе был молодой германский раб по имени Ликин, которого Цезарь уличил в ростовщичестве среди его товарищей по рабству и которому дал значительный административный пост; занимая его, тот и стал одним из самых изворотливых помощников Цезаря.

Критика консерваторов

Цезарь не препятствовал этому грабежу, чтобы не слишком раздражать своих приближенных; но его враги воспользовались таким удобным случаем для нападок на него, для порицания всех его действий и проектов. Особенно враждебно они относились к парфянской войне, ставшей с этих пор краеугольным камнем всей политики Цезаря.^[830] Разве безрассудный завоеватель Галлии не причинил уже достаточно бед республике своей ненасытной жадной победой? Неужели после того как ему была дана столь большая власть, можно позволить ему покинуть республику, еще полную беспорядка, для того чтобы он пустился в опасное предприятие?

Нетерпение Цезаря

Недовольство охватывало все классы, и Цезарь все более и более раздражался, теряя самообладание, которое до сих пор никогда ему не изменяло. У него вырывались неосмотрительные слова, что республика теперь существует только по названию и что Сулла был очень глуп, сложив с себя власть диктатора.^[831] Lex municipalis был утвержден народом, но страдал многими недостатками от поспешности, с какой он готовился: в путаном и противоречивом его фрагменте, дошедшем до

нас,^[832] совершенно нет ясности и отчетливости официального римского документа. Другие предприятия Цезаря обнаруживают такую же поспешность. Цезарь поручил чеканку монеты и финансовое дело восточным, вероятно египетским, рабам;^[833] он допустил рабов и вольноотпущенников на все общественные должности; он сделал выговор народному трибуну Понтию Аквиле за то, что тот не встал однажды, когда Цезарь проходил перед скамьей трибунов.^[834] Он легко раздражался бранью и грубыми упреками. Он сердился, когда видел, что недостаточно точно соблюдаются его законы, особенно самые нелепые, например законы о роскоши, и, чтобы заставить их соблюдать, начинал спешно бороться с мелочами. Но, с другой стороны, он горячо отрицал, что стремится к царской власти или тирании; он неоднократно раздражался против тех, кто выказывал желание провозгласить его царем. Однако он так сильно мучился желанием иметь наследника, что в завещании, сделанном по возвращении из Испании и перед отъездом в Парфию, назначил опекунов для ребенка, который мог у него родиться, и усыновил Октавия, племянника своей сестры.^[835] Однажды, когда два трибуна сняли с его статуи диадему, возложенную неведомой рукой, он пришел в бешенство и сказал, что они хотели нанести ему оскорбление.^[836] Трудно узнать, действительно ли он возымел намерение основать в Риме династию, аналогичную династиям азиатских монархий, или он остановился на этой идее мимоходом, вероятно, под влиянием Клеопатры, не решаясь ни окончательно принять ее, ни тем более отбросить навсегда. Его враги во всяком случае были заинтересованы распространять слух, что он хотел сделаться царем. Этот слух циркулировал; подозрение было рождено, оно занимало всех, возбуждало надежды, страхи, злобу всякого рода, усложняло и без того уже трудное положение.

Приготовления к парфянской войне

Посреди этой смуты Цезарь все свои мысли направлял к одному — к войне против Парфии. Видя в этой войне средство выйти из всех затруднений, думая, что если он с победой вернется из Парфии, то будет господином положения благодаря славе и завоеванным сокровищам, он собирал деньги, заложил большой склад оружия в Деметриаде, разрабатывал план войны и послал вперед в Аполлонию Гая Октавия с его учителями и шестнадцатью легионами, составленными отчасти из новобранцев. Многие молодые люди, побуждаемые нищетой, поступили на военную службу в надежде обогатиться парфянским золотом.

Цезарь и крайние элементы его партии

Таким образом, во второй половине 45 года левое крыло и правое крыло партии Цезаря, умеренные и крайние, глухо боролись вокруг диктатора; но крайние постоянно выигрывали, так как лучше других понимали, то без завоевания Парфии их партия рано или поздно кончит тем, что не будет более госпожой положения и что ради этой высшей необходимости нужно пожертвовать всем, даже конституционными свободами, соединив всю власть в руках Цезаря. Иначе было невозможно вести с энергией и успехом столь трудное предприятие. Отягощенный долгами искатель приключений Долабелла появлялся теперь постоянно рядом с диктатором. Сам Антоний, устав искупать после двух лет нищеты и безвестности услуги, оказанные им в 47 году делу порядка, кончил тем, что присоединился к партии, казавшейся наиболее сильной.

Антоний снова приобретает влияние

Отход Антония от котерии умеренных цезарианцев был серьезным ударом для них, ибо он пользовался большим влиянием во всей партии Цезаря за великие услуги стране, оказанные им в качестве генерала во время галльской и междоусобной войн. Вскоре, в конце 45 года, котерию умеренных постигла

неудача, еще более тяжелая и почти непоправимая. Цезарь решил воспользоваться данным ему после Мунды правом рекомендации комициям магистратов, предоставив народу возможность только утверждать их. Это было смертельным ударом для всех тех (а они были очень многочисленны), кто упорно до последнего момента надеялся, что Цезарь откажется от этой огромной власти. Что же останется от республики, если один человек будет в состоянии распределять все должности? Какое различие будет между цезарем и царем, если все граждане должны будут ожидать всех прав от его доброй воли? Сделанный им выбор мог только усугубить пагубное впечатление высших классов. Если диктатор постарался вознаградить консервативных цезарианцев, назначив преторами двух самых выдающихся членов их котерии — Брута и Кассия, то еще более щедро он наградил Антония. Антоний был выбран товарищем Цезаря по консульству, а два его брата, Гай и Луций Антонии, были сделаны один претором, а Тфугой народным трибуном. Это было настоящее нашествие фамилии Антониев на республику. Другой выбор, еще более скандальный, усилил общее негодование. Цезарь, намеревавшийся скоро отправиться в Парфию, хотел назначить в качестве *consul suffectus* на время отсутствия своего фаворита Долабеллу, который не был даже еще претором. Вожак революционной партии на время отсутствия Цезаря становился одним из руководителей республики! Но на этот раз очень странный случай спутал расчеты Цезаря и Долабеллы. Чувствуя за собой поддержку общественного мнения, Антоний, желавший утолить свою ненависть к Долабелле и, может быть, старавшийся также щадить своих прежних друзей, принадлежавших к правому крылу, объявил на заседании сената 1 января 44 года, что в качестве авгура он воспрепятствует комициям собраться для утверждения Долабеллы. Цезарь уступил общему недовольству и не стал настаивать.

Цезарь пользуется царской властью

Смятение дошло до высочайшей степени. Крайне возмущенные высшие классы удалились от Цезаря, образовав вокруг него пустоту, а маленькая шайка жадных до денег и власти искателей приключений воспользовалась этим, чтобы заставить сенат и народ вотировать ему в первых числах 44 года еще более необычайные властные полномочия. Из Цезаря сделали почти бога, перенесли в Рим один из самых отвратительных восточных обычаев. Посвятили ему храм *Jovi Julio*; в его честь изменили на июль название месяца квинтилия; предоставили ему право быть погребенным в померии и иметь охрану из сенаторов и всадников.^[837] Если он не был царем по названию, то он был им в действительности. Знаменательным было и то, что, когда сенат явился сообщить о предоставленных ему полномочиях, он принял его не вставая с места.^[838] Он, впрочем, назначал сенаторами людей всякого рода, даже галлов, и хотел назначить начальником конницы на 44 год, когда Лепид отправлялся в свою провинцию, своего племянника Гая Октавия, которому было всего восемнадцать лет. Следовательно, Цезарь открыто нарушал самые древние и самые уважаемые традиции и смело переносил из литературы и философии в политику то революционное презрение к почтенному прошлому Рима, которое воодушевляло тогда молодое поколение писателей и мыслителей.

Старания Цезаря привлечь к себе общество

Однако усилению его власти сопутствовало соответствующее прогрессивное ослабление авторитета. Постоянно принимая новые полномочия и новые почести, диктатор становился все менее и менее способным пользоваться ими и делал все больше и больше уступок своим консервативным противникам. Его положение, особенно великий проект завоевания Парфии, порождало противоречие, столь несовместимое с представлением большинства историков о диктатуре Цезаря. Если он нуждался для этой войны в полноте власти, то он должен был также стараться не оставлять в Риме слишком много врагов на

время своего отсутствия и, насколько возможно, заручиться поддержкой благоприятного общественного мнения. К несчастью, сохранение чрезвычайных полномочий раздражало и задевало слишком многих. Не будучи в состоянии отказаться от этой власти, Цезарь старался смягчить это раздражение всякого рода уступками, чреватых даже падением престижа государства. Озабоченный недовольством, давшим себя почувствовать, когда он присвоил себе право назначения всех магистратов, он смягчил свое решение и заставил Луция Антония, кажется, в начале 44 года предложить очень странный *lex de partitione comitiorum*, удваивавший число квесторов, с тем чтобы половина их избиралась народом, а другая половина предлагалась комициям Цезарем *sine reuisa*. Этот же самый закон, возможно, устанавливал также, чтобы половина народных трибунов и плебейских эдилов предлагалась Цезарем, а половина избиралась народом, а также чтобы оба консула предлагались Цезарем, а курульные эдилы выбирались народом.^[839] Таким образом, права народа отчасти были уважены, а Цезарь со своей стороны мог по своей воле распределять должности своим друзьям. Без сомнения, также в угоду консерваторам был предложен *lex Cassia*, по которому Цезарь должен был восстановить число древних патрицианских фамилий, многие из которых пришли в упадок.

Цезарь и помпеянцы

Кроме того, он не только не обнаруживал более ненависти к помпеянкам, но дал им в последние месяцы полную амнистию. Он допустил их в Италию и возвратил вдовам и сыновьям убитых часть конфискованного имущества.^[840] Он до такой степени был любезен с ними, что несколько даже стал пренебрегать своими прежними сторонниками в трудные времена его жизни.^[841] Напрасно Гирций и Панса побуждали его не быть доверчивым;^[842] он распустил всю свою охрану, включая и испанских рабов; он хотел, чтобы в его прогулках его сопровождали только ликторы.^[843] Предупрежденный, что в разных местах Рима происходят ночные сборища, что о нем дурно говорят и что, может быть, готовится заговор, он удовольствовался изданием эдикта, в котором говорил, что он обо всем осведомлен, и произнес перед народом речь, в которой советовал всем злословившим впредь молчать.^[844] «Я предпочитаю смерть жизни в качестве тирана»,^[845] — сказал он однажды Гирцию и Пансе.

Цезарь и италийские колонии

Он давал всем разного рода обещания, возможные и невозможные.^[846] Он не старался даже препятствовать более грабежу общественной казны, которому предавались его друзья у него на глазах.^[847] Диктатура, таким образом, плелась неуверенным и старческим шагом, почти такая же слабая в своих уступках и средствах, как и старое республиканское правительство. Многие из его ветеранов получили земли у Волатерр и Арреция, конфискованные, но потом возвращенные Суллой ее старым владельцам, которые были вновь отобраны Цезарем в пользу государства. Многие другие получили земли в разных местах Италии и были сделаны членами сословия декурионов или членами муниципальных аристократий, реорганизованных по *Lex Julia* в разных городах Италии — в Равенне, Ларине, Капуе, Суэссе, Калатии, Казилине, Сипонте.^[848] Но поиски остатков домена шли медленно, так как комиссары были засыпаны рекомендациями могущественных лиц: большинство ветеранов поэтому должны были довольствоваться данными им обещаниями.^[849] Заморские колонии не имели успеха: некоторые колонисты, вероятно, отправились в Лампсак^[850] и к Черному морю;^[851] но подготовка относительно Карфагена и Коринфа все более замедлялась,^[852] и пришлось оставить мысль о колонии в Эпире.

Цезарь и Аттик

Цезарь конфисковал там часть земель города Бутрота, не заплатившего ему штрафа, наложенного во время войны. Но Атик, бывший в числе собственников Бутрота, лишенных их имений, заставил протестовать столько лиц своей партии и умел так хорошо говорить, интриговать и маневрировать, что Цезарь отменил декрет о конфискации при условии, что Атик уплатит штраф, наложенный на жителей Бутрота. Финансист, никогда не занимавший государственной должности, оказался могущественнее диктатора, но продолжение было еще любопытнее. Цезарь продолжал приготовления для основания колонии, так что Атик и Цицерон, много поработавший для своего друга в этом деле, несколько обеспокоенные, вынуждены были попросить объяснений. Цезарь, не желавший, чтобы знали о его отказе от основания колонии в угоду одному из самых крупных римских плутократов, просил их держать дело втайне: он отправит на кораблях своих колонистов и, когда они будут в Эпире, пошлет их в другое место, хотя и не решил еще, куда именно.[\[853\]](#) Вот к каким средствам прибегал властитель мира! Ему не удалось даже устранить столкновения между Антонием и Долабеллой, когда первый в качестве авгура воспрепятствовал собранию комиций, на котором Долабелла должен был быть избран как *consul suffectus*. Всемогущий диктатор был сам опутан сетью рекомендаций, услуг, одолжений, любезностей, которая охватывает все торговые общества, где деньги являются высшей целью жизни, и не мог порвать эти невидимые нити.

Что будет после завоевания Парфии?

Но все уступки ни к чему не приводили: недовольство возрастало.[\[854\]](#) Причина коренилась в противоречии, которое не могло быть разрешено никакой человеческой силой и которое должно было стать роковым для Цезаря. В то время как Цезарь своим проектом завоевания Парфии старался оправдать продление своих чрезвычайных полномочий, этот самый проект увеличивал у многих, особенно в высших классах, отвращение к его диктатуре. С беспокойством спрашивали, что будет, когда он вернется победителем? Не будет ли он тогда самодержавным господином республики? В то время как Цицерон старался убедить себя, что экспедиция Цезаря окончится, подобно экспедиции Красса, поражением, другие очень боялись военного гения этого человека, всегда одерживавшего победы, и старались распространить подозрение и недоверие к его намерениям. Ходили странные слухи: говорили, что Цезарь хочет жениться на Клеопатре, перенести метрополию римского государства в Илион или Александрию,[\[855\]](#) а после завоевания Парфии совершить большую экспедицию к гетам и скифам и вернуться в Италию через Галлию.[\[856\]](#) Клеопатра, кажется, возвратилась в Рим в конце 45 года, и это подтверждало первый из слухов. Ужасный скандал еще более возбудил умы. 26 января 44 года, в то время как Цезарь проходил по улицам, несколько человек из простонародья приветствовали его, называя царем. Два народных трибуна, которых он уже бранил по поводу диадемы, приказали заключить в тюрьму некоторых из этих крикунов. Цезарь был раздражен; он утверждал, что сами трибуны побудили этих людей кричать, чтобы затем обвинить его в монархических тенденциях, а когда оба трибуна с неудовольствием выслушали его упреки, он приказал особым законом сместить их и изгнал из сената к большому неудовольствию общества, для которого трибун был всегда самым священным из должностных лиц.[\[857\]](#)

Луперкалии

Наконец, в первой половине февраля [\[858\]](#) сенат и народ назначили Цезаря пожизненным диктатором.[\[859\]](#) Это было последней и самой важной мерой, принятой Цезарем ввиду его скорого отъезда на парфянскую войну. Эта мера должна была дать ему огромную и прочную власть, в которой он нуждался для выполнения столь трудного предприятия, и снять с него заботу о переменчивости римской политики. Но пожизненный диктатор — ведь это монарх, если и не по названию, то фактически! Чтобы смягчить

впечатление от настоящего государственного переворота и успокоить народ, испытывавший своего рода суеверный ужас перед монархией, Цезарь, повидимому, по договоренности с Антонием, разыграл 15 февраля во время праздника Луперкалии общественную пантомиму. Антоний явился перед Цезарем, председательствовавшим на празднике, с короной и сделал попытку возложить ее ему на голову. Цезарь отказался, Антоний настаивал, Цезарь повторил свой отказ более энергично, и его приветствовали бурными аплодисментами; после этого он приказал записать в календарь, что в этот день народ предлагал ему царский венец и что он отказался. Но такая ложь вызвала очень сильное негодование. [\[860\]](#)

Революционные мечты бедняков

И однако, в то время как долги продолжали тревожить Италию, а средний класс находился в весьма затруднительном положении, италийское и римское простонародье волновали смутные революционные мечты, которые с каждым днем все более и более устрасали класс собственников. Думали, что Цезарь своими колониями и парфянской войной возвратит золотой век, что тирании богачей и вельмож настанет конец, что их ждет новое и лучшее правление. Воспоминания о великой народной революции ожили до такой степени, что некто Ерофил, уроженец великой Греции, по профессии ветеринар и, без сомнения, полусумасшедший, выдавая себя за внука Мария, стал очень популярен. Его избирали своим патроном муниципии, колонии ветеранов, коллегии рабочих; он даже образовал вокруг себя двор и осмелился обращаться как с равными с Цезарем и знатью. Цезарь, все более и более терявший решимость и боявшийся раздражить народ, не осмелился уничтожить его; он удовольствовался его высылкой из Рима. [\[861\]](#)

XVIII

Иды марта

Кассий и начало заговора

Тогда одним человеком овладела идея, уже приходившая на ум Требонию: надо убить Цезаря. Этим человеком был Кассий,^[862] бывший квестором Красса во время парфянской войны, зять Сервилии, молодой человек, умный и честолюбивый, гордый, суровый и дерзкий, который, собираясь убить Цезаря, не мог надеяться достигнуть лучшего положения, чем то, которое имел, получив его по милости диктатора. Он благоразумно поделился своим проектом сперва лишь с несколькими друзьями, которых знал как противников Цезаря. Образовалась первая группа заговорщиков; начали взвешивать возможности и опасности предприятия и пришли к заключению, что в заговор надо вовлечь Брута, свояка Кассия.^[863] Брут пользовался большим авторитетом во всех партиях и, будучи сыном Сервилии, казался почти родственником Цезаря. Когда узнают, то он также готов убить Цезаря, многие колеблющиеся и робкие люди ободрятся.

Карьера Брута

Брут был одним из тех умных, гордых, честных и хороших, но слабых людей, которые встречаются так часто в старых аристократических фамилиях. Человек слабой воли и легко бравший за образец другого, он некоторое время был ростовщиком. В 49 году, когда высшие классы стояли на стороне Помпея, он примкнул к его партии. Потом он примирился с Цезарем и пользовался его дружбой. Он не был, однако, по своей природе склонным копить миллионы или тешить свое честолюбие; это был, скорее, ученый строгих нравов, который в обыкновенное время был бы вельможей, страстно преданным науке, немного гордым и причудливым. Но в те необычайные времена удивление, которое у народа вызывал его характер, породило в нем другую страсть — гордость самомнения, как будто он действительно был героем с железной волей, образцом тех добродетелей, которые вырабатываются только путем трудной работы над собой. Эта гордость, которую еще более возбудили занятия стоической философией, и его действительная слабость дают нам объяснение таинственного характера, занимавшего столь многих историков и моралистов. Верным средством сделать этого робкого и слабого человека способным на самые трудные решения было убедить его, что если бы он действовал иначе, то потерял бы свою репутацию героя.

Вовлечение Брута в политику

Кассий, как умный человек, понимал это и сумел заловить в сеть слабую душу свояка. Он начал с того, что заставил Брута находить по утрам записки на его преторском трибунале и приказывал помещать их у подножия статуи первого Брута на форуме. «О, если бы ты еще жил, Брут!» — говорили эти записки; или: «Ты спишь, Брут!».^[864] Иногда на улице Брут слышал, как сзади него кричали: «Нам нужен Брут!».^[865] Не зная, откуда приходят эти записки, наивный ученый легко вообразил, что весь народ обращается к нему, решительному человеку, который один способен на такую ужасную акцию. Он чувствовал себя польщенным в своей гордости, начал размышлять о поступках Цезаря и спрашивать себя, не следует ли ему действительно выполнить эту ужасную обязанность. Без сомнения, его нежная и робкая душа должна была сначала трепетать от ужаса, сознавая опасность и жестокость преступления и доброту Цезаря к нему и

его матери. Но раз появившаяся в его уме идея убийства мало-помалу овладела им. Он вспоминал о славе тех, кто убивал или изгонял тиранов в греческой или римской истории. Он вспоминал тонкие аргументы древних философов, оправдывавших тираноубийство соображениями высшей морали. Как раз потому, что Цезарь был его благодетелем, он должен быть более решительным, поразить его, принеся в жертву общественному долгу личное чувство; должен последовать примеру старшего Брута, первого республиканского консула, для блага государства отрубившего головы своим сыновьям. Кассий наконец открылся ему и дал понять, что он не должен быть претором, подобным другим, что Рим ожидает от него необычайных вещей, что он один может быть главой такого великого предприятия.^[866] К несчастью, Цезарь, слишком занятый тогда подготовкой к парфянской войне, редко видел Брута. Кассий торжествовал: после согласия Брута идея заговора, родившаяся в группе родственников Сервилиев, быстро распространилась в высших классах.

Быстрый рост заговора

Брут и Кассий легко нашли многочисленных сообщников в остатках партии Помпея, в правом крыле партии Цезаря и даже среди многих из его наиболее знаменитых генералов, например Гая Требония и Сервия Сульпиция Гальбу. Почти все современные историки очень удивляются той легкости и, полные справедливого восхищения великим человеком, направлявшим тогда все свои усилия на реорганизацию государства, очень сурово порицают слепое упрямство одних и измену других. Я, напротив, думаю, что их изумление было бы меньшим и суждения более умеренными, если бы они постарались отдать себе отчет в истинном положении дел, как оценивали это положение современники Цезаря. Как бы ни был велик Цезарь, современники не могли, подобно слишком наивному потомству, видеть в нем героя и полубога, которому нужно было поклоняться, даже когда он ошибался или творил зло. Многих, конечно, побуждали принять участие в заговоре мелкие личные мотивы, но отдельные мотивы каждого были вторичными побуждениями, а не самым поводом к заговору, который так же, как и дело Цезаря, не может оправдываться или осуждаться на основании простого разбора личных побуждений. Необходимо хорошо понять положение и его трагическую фатальность.

Гибкость гения

Цезарь был одним из самых великих гениев в истории; будучи одновременно ученым, художником и прекрасным практиком, он удивительным образом умел применять все свои способности во всякого рода работе. Его возвышенное гармоническое воображение, необычайно ясный ум, неутомимая энергия, чудесная гибкость и не знавшее усталости нервное упорство сделали бы из него во всякую эпоху великого человека. В наши дни он мог бы быть великим промышленником-предпринимателем в Соединенных Штатах, великим пионером, исследующим земли и рудники Южной Африки, великим ученым и писателем в Европе. В Древнем Риме семейные традиции и его честолюбие толкнули его к политике, т. е. к занятию, наиболее опасному для гениального человека, ибо здесь наиболее часто вследствие непредвиденных обстоятельств результат не соответствует усилию. На поприще римской политики Цезарь мог стать великим полководцем, великим писателем, великой личностью, но не великим государственным деятелем.^[867]

Ошибки Цезаря

У него были три главные политические идеи: восстановление демократической партии в 59 году, смелое применение в крупных масштабах политики Лукулла в 56 году и возрождение римского мира путем завоевания Парфии после смерти Помпея. Но две первые из этих идей родились слишком поздно, а третья

была невыполнимой. Это нам объясняет, почему первая окончилась демократической революцией консульства, вторая — катастрофой Красса при Каррах и кровавыми восстаниями в Галлии, а третья — убийством в мартовские иды. Было бы, однако, несправедливо приписывать эти неудачи ошибкам Цезаря. Он не был государственным деятелем, потому что нельзя быть им в демократии, где человек, не желающий склоняться перед сумасбродством народа, поработанного безумной страстью к власти, богатству и наслаждениям, мог жить в уединении и философствовать, но не вмешиваться в политику. Неумолимый рок господствовал над жизнью Цезаря: этим роком были события, принудившие его к демократической революции во время консульства; этим роком была затем необходимость спасаться самому, спасти свою партию и свое дело от последствий этой революции, толкнувшей его на самый безрассудный поступок его жизни — на присоединение Галлии. После этого присоединения ему уже нельзя было отступить назад: он должен был идти на кровавые репрессии, составляющие наиболее мрачную часть его истории. Междоусобная война была поэтому роковым результатом его галльской политики, и все его усилия воспрепятствовать ей были бесполезны. Успех Цезаря в этой войне превзошел его надежды, но в действительности оказался слишком большим: после победы Цезарь, будучи, на первый взгляд, всемогущим господином, на деле оказался в самом затруднительном положении — между невозможностью отказаться от власти и невозможностью одному с несколькими друзьями управлять обширной империей, находившейся в беспорядке. Он надеялся выйти из этого положения завоеванием Парфии. Это великое предприятие, по его мнению, должно было стать зарей новой истории Рима, но с высоты столетий и с большим знанием истории мы видим, что он был жертвой вполне естественной, но все же химерической иллюзии.

Цезарь как великий разрушитель

Историческая роль Цезаря не была ролью великого государственного деятеля, призванного внести порядок в хаос эпохи. Это была роль великого человека действия, предназначенного олицетворить и привести в движение в борьбе с традициями старого земледельческого общества все революционные силы торговой эпохи: религиозное неверие, моральную индифферентность, отсутствие семейного чувства, политический оппортунизм и недисциплинированность, презрение к традициям, восточную роскошь, хищный милитаризм, спекуляцию, подкуп, демократический дух, умственную утонченность, первое смягчение варварской жестокости, страсть к искусству и знанию. Я не думаю, чтобы можно было понять Цезаря, если не признать, что его роль, подобно роли Помпея, Красса и всех имевших успех современников, была главным образом ролью разрушителя; что эта роль была им всем назначена эпохой, основной задачей которой было положить конец той дезорганизации и разрушению старого мира, которые делали невозможным новое устройство империи. Это поколение подготовило трансформацию древнего мира в великое единство империи, ибо своей борьбой и усвоением новых традиций оно ускорило в Италии распад старого латинского общества, а в провинциях своими войнами и грабежом вызвало разрушение древних политических и социальных организаций, расчистив, таким образом, почву для принятия нового единого строя. Цезарь был великим человеком этого ужасного исторического момента. Я иду даже далее: я утверждаю, что если Цезарь более всех своих современников содействовал возрождению древнего мира, то лишь потому, что разрушил более всех прочих и не менее других пострадал в этой ужасной политике, уничтожившей столько выдающихся людей. Своей галльской войной он совершил разрушение старого кельтского мира, мучившегося в агонии уже целое столетие и загоравшегося дорожкой греко-латинской цивилизации на европейский материк, где она должна была почерпнуть новые силы для своего чудесного возрождения. Политической борьбой своей юности и гражданской войной Цезарь ускорил разрешение кризиса старых латинских учреждений, тянувшегося также целое столетие и наполнявшего беспорядком Италию и Империю.

Чем мог быть Цезарь

В своей роли гигантского разрушителя он заставляет нас удивляться себе, ибо она требовала почти сверхчеловеческого ума и энергии. Мы, правда, находим его в конце его жизни занятым реорганизацией мира, усилением беспорядка, которому он столько содействовал; он строил на поле, которое сам со своими современниками усеял столькими развалинами. Но было два условия, необходимых для того, чтобы он мог выполнить этот план реорганизации: первое — чтобы Цезарь имел достаточно гибкости и энергии приспособиться к этой совершенно новой политике, а второе — чтобы разрушительные силы, действовавшие в течение столетия в италийском обществе, истощились вместе с междоусобной войной. Даже допуская, что Цезарь обладал в своем гении достаточной гибкостью, чтобы из великого агитатора и разрушителя превратиться в реорганизатора империи, все же история последующих двадцати пяти лет показывает нам, что разрушительные силы империи были еще далеки от истощения. Они были еще так велики, что готовились развязать один из самых ужасных кризисов в истории мира.

Цель заговора

Знаменателен сам факт, что Цезарю не удалось прекратить раздор, разрывавший его партию. Каким же образом он мог тогда властвовать над всем обществом, раздираемым ужасным антагонизмом? Неудивительно, что Цезарь, который не мог предвидеть будущее, не отдавал полностью себе отчета в трудности положения и ободрялся возможностью после завоевания Парфии стать господином и реорганизатором республики. Но мы, которые можем лучше судить об этом положении благодаря знанию последующих событий, не имеем права более рассматривать заговор, жертвой которого пал Цезарь, как просто несчастную случайность, обязанную своим возникновением глупости и злобе нескольких людей. Этот заговор был первым выражением очень важного движения и должен рассматриваться как союз остатков консервативной партии и правого крыла цезарианцев с целью воспрепятствовать экспедиции против Парфии. Противники Цезаря не столько заботились о настоящем положении, сколько о том, которое возникло бы, если бы Цезарь вернулся с Востока победителем. Все заявления и опровержения Цезаря не могли их уверить, что после своего возвращения он не создаст настоящую монархию. И как представители старой латинской консервативной республики защитники интересов зажиточных классов объединились против азиатской и революционной монархии, которую Цезарь угрожал принести с Востока в складках своих победоносных знамен.

Восемьдесят заговорщиков

Заговор действительно имел столь большой успех, что к первому марта к нему примкнули, по одним источникам, шестьдесят сенаторов, а по другим — восемьдесят. Одним из последних был Децим Брут — любимый друг Цезаря, вернувшийся в Рим из Галлии в конце февраля. Цицерону, напротив, ни о чем не говорили, потому что не хотели подвергать такому большому риску великого писателя, вызывавшего всеобщее поклонение. Можно удивляться большому числу заговорщиков, когда подумаешь, что во всяком заговоре опасность разоблачения возрастает с числом участников. Объяснением такому большому числу заговорщиков была, конечно, их уверенность в верности Цезарю армии и простого народа, воодушевление которого возрастало ото дня ко дню. Заговорщики полагали, что Цезарю следует погибнуть под ударами не нескольких людей, а почти всего сената в целом его составе, для того чтобы коалиция из помпеянцев и умеренных цезарианцев могла после его смерти утратить легионы, народ и провинции. Это объясняет, может быть, почему после долгих споров решили не убивать одновременно с Цезарем и Антония.

Последнего спасла не совесть Брута, желавшего избежать лишнего пролития крови, но соображение, что смерть обоих консулов воспрепятствует немедленной реставрации древней конституции,[\[868\]](#) и надежда, что Антоний, перешедший недавно на сторону тирании, немедленно после смерти Цезаря вернется к своим старым друзьям.

Отработка деталей

Выбор места для убийства и способ его осуществления ясно показывают, что именно таково было намерение заговорщиков. Вопрос был важен: во время посещений друг друга заговорщики, чтобы не возбуждать подозрений, никогда не собирались все вместе,[\[869\]](#) обсуждая разные планы.[\[870\]](#) Но время шло, и нужно было спешить, потому что Цезарь готовился выехать в Парфию, и его ветераны, желавшие составить его почетный конвой при выезде из Рима, уже съезжались со всех концов Италии и останавливались в храмах.[\[871\]](#) Вносили различные предложения, но ни одно не нравилось. Споры раздражали заговорщиков, многие из которых уже раскаивались и начинали обнаруживать страх. Был даже момент смятения и нерешительности, которым робкие хотели воспользоваться, чтобы оставить предприятие.[\[872\]](#) Но события, сила вещей и уже нависавшая опасность вскоре укрепили колеблющиеся умы. Цезарь нагромождал узурпацию на узурпацию; он дошел до того, что заставил сенат утвердить закон, по которому до его отъезда магистраты должны были избираться на три года — на срок предполагаемого его отсутствия. Гирций и Панса в первых числах марта были назначены консулами на 43 год, и одновременно с ними были назначены трибуны. Распространялся также слух, что, по предсказаниям сивиллиных оракулов, парфяне могут быть побеждены только царем и что консул 65 года Луций Аврелий Котта, в заговоре против которого Цезарь участвовал в 66 году, предложил провозгласить его царем всей Римской империи за пределами Италии.[\[873\]](#) Когда, наконец, узнали, что Цезарь хочет созвать сенат 15 марта в курии Помпея, чтобы решить в числе других вопросов и вопрос о консульстве Долабеллы, а затем 17 марта уехать, все решили, что это прекрасный случай. Цезарь, убитый в сенате коалицией из восьмидесяти влиятельных сенаторов, выглядел бы, подобно Ромулу, казненному самим Римом.[\[874\]](#)

Вторая неделя марта

Откладывать далее было невозможно. Убить Цезаря нужно было во что бы то ни стало в мартовские иды. Последние дни перед заседанием протекали один за другим страшно медленно. При каждом заходе солнца в восьмидесяти из самых богатых домов Рима люди, так часто смотревшие смерти в лицо, измученные беспокойством, удалялись в свои спальни, спрашивая себя, не выдал ли кто-нибудь их тайну и не прикажет ли Цезарь убить их всех этой ночью. А с зарей они снова принимались за свои утомительные взаимные визиты, избегая на улицах любопытных взглядов прохожих, принимая безразличный вид лиц, делающих церемониальные визиты, стараясь даже дома не сказать ничего, что было бы услышано любопытными рабами. Особенно страдал от этих беспокойств и колебаний Брут. Если на людях у него на лице было написано спокойствие, то дома он погружался в долгое и печальное молчание; его сон был беспокоен и прерывался вздохами, причину которых Порция не могла понять. Робость, признательность и любовь вели в нем отчаянную борьбу с его упрямым, гордым стремлением показать себя героем.[\[875\]](#) Однако дни проходили, Рим оставался спокоен, тайна хорошо сохранялась:[\[876\]](#) ни Цезарь, ни его свита, по-видимому, ничего не подозревали. Одна лишь Порция в результате настойчивых вопросов узнала наконец от своего мужа страшную тайну. Мало-помалу на тайных собраниях пришли к соглашению относительно всех деталей задуманного убийства: заговорщики будут иметь под тогами кинжалы; Требоний задержит Антония на улице, заговорив с ним; Децим Брут поместит в находившемся возле курии театре Помпея нанятых им для игр гладиаторов, которые в случае нужды защитят заговорщиков. Как

только Цезарь будет убит, Брут произнесет речь в сенате, объясняя мотивы убийства, и предложит восстановить республику. Наступило утро 14 марта; день казался очень долгим, но прошел без всяких происшествий. Цезарь обедал у Лепида и должен был возвратиться поздно, что указывало на полное отсутствие у него страха. Сколько взоров должны были в ту ночь наблюдать небо, чтобы видеть, не померкнут ли звезды и встанет ли солнце, которое должно было увидеть пролитие крови Цезаря и восстановление республики! Один Цезарь поздно вернувшись домой, спал, ничего не подозревая, беспокойным сном усталого и больного человека.

Утро 15 марта

Заря 15 марта наконец взошла. Заговорщики рано собрались к портику Помпея по соседству с местом, где теперь находится Campo dei Fiori. Брут, бывший претором, вошел на трибуну и, подавляя свое волнение, спокойно начал выслушивать лиц, явившихся с жалобами. Другие заговорщики, ожидая открытия заседания, беседовали друг с другом под портиками, болтая со своими товарищами и стараясь сохранить спокойствие.^[877] В театре Помпея начался спектакль, на улицах было обычное движение. Цезарь должен был прийти с минуты на минуту.

Опоздание Цезаря

Но Цезарь опаздывал, задержанный, по-видимому, нездоровьем, едва не заставившим его отменить заседание. Уже встревоженные заговорщики стали чувствовать страх и дрожать при малейшем шуме. Некий друг приблизился к Каске, одному из заговорщиков, и сказал ему смеясь: «Ты кое-что скрываешь, но Брут мне сказал все». Испуганный Каска хотел уже все открыть, когда, продолжая, тот дал ему понять, что намекает на близкую кандидатуру Каски в эдилы. Сенатор Попилий Лена, приблизившись к Бруту и Кассию, сказал им на ухо: «Вы можете иметь успех, но спешите».^[878] А Цезарь все не приходил; солнце стояло уже высоко над горизонтом, было около десяти часов утра;^[879] заговорщики начинали терять терпение, ожидание утомило их, и некоторые стали помышлять об измене. Кассий, наконец, решился послать Децима Брута к Цезарю, чтобы узнать, что там происходит, и привести его в курию. Децим пошел по узким улицам Марсова поля, быстро поднялся на форум и вошел в domus publica, где жил Цезарь — великий понтифик. Он нашел его твердо решившим отложить заседание ввиду нездоровья. Побуждаемый опасностью, Децим набрался подлости увлечь на смерть дружескими советами человека, который ему доверял и который на его просьбу прийти последовал за ним с закрытыми глазами.^[880]

Убийство Цезаря

Носилки Цезаря наконец появились. Диктатор спустился к курии, и заговорщики, уже собравшиеся в зале, видели издали, как к нему приблизился Попилий Лена и долго тихо говорил с ним. Это был ужасный момент для Брута и Кассия. Что если он им изменит? Кассий был готов потерять голову, но Брут, более спокойный, имел мужество смотреть в этот момент в лицо Цезаря: это худое, суровое лицо, утомленное столькими заботами, было спокойно, как лицо человека, выслушивающего нечто интересное для того, кто говорил. Брут сделал Кассию знак успокоиться.^[881] Но была еще пауза: Цезарь оставался некоторое время вне курии, чтобы совершить жертвоприношения, предписываемые государственным ритуалом. Наконец, Цезарь вошел и занял свое место, в то время как Требоний удерживал снаружи Антония, завязав с ним разговор. Туллий Кимвр приблизился к диктатору с просьбой о возвращении из изгнания одного из своих братьев; другие заговорщики сгруппировались вокруг него как бы для того, чтобы присоединить свои просьбы к просьбе Кимвра. Цезарь, видя вокруг себя слишком много людей, встал и сделал им знак

отодвинуться. Тогда Туллий схватил его за тогу, соскользнувшую с его плеч и открывшую его грудь, покрытую одной легкой туникой. Это было сигналом: Каска нанес первый удар, но в спешке поразил его в плечо. Цезарь с криком схватился защищаясь за металлическую палочку для письма. Каска в испуге призвал на помощь брата, который вонзил свой кинжал в бок Цезаря. Кассий поразил его в лицо, Децим — в пах. Скоро все заговорщики оказались на нем, в тесноте поражая друг друга, в то время как сенаторы после мгновенного оцепенения с криком бежали, охваченные внезапным ужасом, толкая один другого и падая на землю. Все, даже Антоний, бросились спасаться. Только двое из друзей Цезаря устремились к нему на помощь. Но это было уже бесполезно: отбиваясь, Цезарь дошел до постамента статуи Помпея и там упал в луже крови.[\[882\]](#)

Паника и молчание

Брут хотел тогда произнести подготовленную речь, но курия была пуста. Заговорщики не думали, что стихийная паника расстроит так хорошо задуманный их проект немедленного восстановления республики. Что должно было делать? В том возбуждении, нервном напряжении, в каком они находились, после короткого совещания в страхе перед ветеранами и простым народом они решили призвать гладиаторов Децима Брута отправиться с ними на Капитолий, где можно было укрепиться и совещаться более спокойно. Действительно, они вышли, обернув тогу вокруг своей левой руки в виде щита и потрясая окровавленными кинжалами в правой руке, неся на конце палки остроконечную шапку, символ свободы, и взывая к свободе, республике и Цицерону, идеологу республиканизма. Но везде на улицах царил полный хаос.[\[883\]](#) Под портиками и на соседних улицах все были напуганы, видя убегающих с криком сенаторов и сбегающих с оружием в руках гладиаторов. Тревога распространилась в одно мгновение, началось повальное бегство. Крики были услышаны в театре Помпея, и испуганная публика также бежала в панике, в то время как воры завладевали корзинками и повозками разносчиков, торговавших вокруг театра.[\[884\]](#) Все искали убежища в домах и в лавках, поспешно закрываемых их владельцами. Внезапное появление банды вооруженных людей, покрытых кровью, увеличивало беспорядок на тех улицах, по которым они пробегали. Напрасно они, особенно Брут, кричали и делали жесты, чтобы успокоить толпу.[\[885\]](#) Никто их не слушал и не останавливался. Известие распространилось с быстротой молнии до самых отдаленных кварталов Рима, и повсюду испуганный народ заперся в домах. Антоний также не замедлил запереться, в то время как заговорщики искали убежища на Капитолии. Скоро улицы были пусты, и весь Рим погрузился в мрачное молчание. Люди боялись друг друга.

Спасение Парфии

Парфия была спасена. Великий разрушитель был уничтожен в тот момент, когда он был готов привести в исполнение свой грандиозный проект завоевания парфянской империи и повести Рим по дороге, проложенной Александром Великим. Этот проект поглощал всю его деятельность в последнее время его существования, тогда как слухи о его честолюбивых монархических замыслах были, вероятно, лишь вымыслом или по крайней мере опережающим события преувеличением его противников. Никто не знал, что сделал бы он после своего возвращения, если бы вернулся, одержав победу; быть может, этого не знал и он сам, несравненный оппортунист, который, добившись власти в период чрезвычайной смуты, умел в течение тридцати лет приспособливаться к самым различным положениям. Всегда озадаченный проблемами данного момента, он думал тогда только о том, чтобы воспользоваться диктатурой, приобретенной в гражданской войне, с целью стать вторым Александром и найти в Парфии средства для реорганизации империи.

Последний из гигантов

Но несравненный оппортунист на этот раз ошибался. Цезарь, сам того не зная, своим завоеванием Галлии, которому он придавал так мало значения, уже содействовал более всех своих современников тому будущему возрождению древнего мира, которого он ожидал от парфянской войны. Но для того чтобы это возрождение могло совершиться, нужно было не великое внешнее предприятие, а большой внутренний кризис, в котором могли бы истощиться до конца разрушительные силы, действовавшие уже целое столетие. И этот кризис, возможно, самый глубокий во всей древней истории, уже начинался в тот момент, когда Цезарь с пронзенной грудью падал под ударами своих прежних друзей и товарищей у постамена статуи Помпея.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Война с гельветами и свевами

I

Рассказ о первом годе проконсульства Цезаря (первая глава второго тома) по своей версии настолько отличается от традиционной, что мне кажется необходимым оправдать его подробным критическим разбором источников. Мы касаемся здесь одного из самых темных и важных периодов истории Рима. Речь идет о том, почему Цезарь завоевал Галлию.

Мы знаем точно, что только с 61 года, т. е. за три года до проконсульства Цезаря, римский сенат начал заниматься галльскими делами. Его внимание было возбуждено событиями, которые, к счастью, мы можем точно определить, сближая факты, связи между которыми до сих пор не замечали. Цезарь говорит нам (В. Г., I, 31), что вождь эдуев Дивитиак был отправлен послом в Рим, а Цицерон утверждает (*Di divin.*, I, 41, 90), что Дивитиак был друидом и его, Цицерона, гостем в Риме. Следовательно, весьма вероятно, что Дивитиак воспользовался гостеприимством Цицерона, когда прибыл в Рим с посольством, о котором говорит Цезарь. Но когда и для чего Дивитиак был послан в Рим сенатом эдуев? Хотя ни Цезарь, ни Цицерон не дают нам никаких хронологических указаний, первый все же косвенно помогает определить время посольства, говоря (В. Г., I, 35), что в 61 году (*M. Messala, M. Pisone consulibus*) сенат издал декрет, который, подтверждая еще раз за эдуями статус друзей и союзников римского народа, рекомендует правителю нарбонской Галлии защищать их. Не приезжал ли Дивитиак в Рим, чтобы добиться этого декрета? Предположение кажется мне очень вероятным. Дивитиак был, судя по Комментариям, вождем романофильской партии эдуев; естественно, что правительство эдуев воспользовалось им для ведения переговоров в Риме. Что касается оснований, побуждавших эдуев просить помощи у Рима, то Цезарь (В. Г., I, 31) косвенно опять дает нам их понять с достаточной ясностью: эдуи хотели получить помощь Рима в своей войне с царем свевов Ариовистом.

Следовательно, вполне вероятно, что в 62-м или 61 году Дивитиак прибыл в Рим, описал сенаторам печальное положение Галлии, объяснил им «германскую опасность», угрожавшую ей с возрастанием могущества Ариовиста, и возвратился в Галлию, получив от сената декрет, о котором говорит Цезарь. Этот декрет уполномочивал эдуев хлопотать у правителей нарбонской и Цизальпинской Галлии о том, чтобы получить помощь их легионов против Ариовиста. Но в следующем 60 году сложилось парадоксальное положение: Ариовист начал в Риме переговоры, чтобы в свою очередь быть объявленным, подобно его врагам — эдуям, другом и союзником Рима. Плиний (*H. N.*, II, 67, 170) косвенно указывает нам на этот факт, рассказывая, что Ариовист сделал значительные подарки Метеллу, одному из консулов 60 года. Так как мы знаем, что в следующем 59 году Цезарь в качестве консула предоставил царю свевов желанный титул, то мы можем думать, что подарки, сделанные Метеллу, должны были подготовить почву для переговоров. Факт очень странный. Конечно, внешняя политика Рима, отданная некомпетентным котериям сената, честолюбию, злобе и интригам партий и необдуманном голосованиям комиций, была в эту эпоху очень противоречивой. Но сколь бы велики ни были ее непоследовательность и легкомыслие, отказываешься верить, чтобы сенаторы дошли до объявления друзьями и союзниками Рима двух врагов, находившихся в состоянии войны. По крайней мере, если не допускать, что все в Риме сошло с ума, то этот двойной союз с эдуями и свевами был бы непонятен, если бы только какое-нибудь событие не изменило положения Галлии так, что убедило бы римлян в возможности и пользе сближения Ариовиста с эдуями. Мы

можем, следовательно, утверждать, не боясь ошибиться, что в течение 61 года в Галлии произошло нечто важное, что могло повлиять на изменение общего положения в стране. Действительно, в первых главах Комментариев Цезарь рассказывает нам, что в 61 году гельветы, один из самых варварских и воинственных галльских народов, позволили одному из своих вождей Оргеторигу убедить себя вторгнуться в Галлию и завоевать ее. Со своей стороны Цицерон своим письмом к Аттику от 15 марта 60 года сообщает нам, что уже в начале года в Риме живо интересовались этими проектами гельветов, и добавляет новые детали об их движении: «Боятся войны в Галлии. Достоверно известно, что гельветы взяли за оружие и вторгаются в Провинцию. Сенат решил, чтобы консулы бросили жребий, касающийся обеих Галлий, произвели набор, приостановили роспуск солдат и отправили послов к галльским народам с целью отвлечь их от гельветов».^[886] Цицерон, по-видимому, боялся сплочения галльских народов вокруг гельветов, и эта несколько отличная версия не противоречит, но дополняет версию Цезаря. Гельветы хотели, прежде чем вторгнуться в Галлию, найти помощь и союзников в стране для основания под своей военной гегемонией Великой Галльской империи. Не объясняет ли эта эмиграция гельветов того коренного изменения положения, о котором мы говорили? Кажется, что ответ не может вызвать сомнений. Ожидаемое гельветами вторжение должно было страшить как эдуев и Ариовиста, так и римлян. Если эдуи, ослабевшие во взаимной борьбе, рисковали быть уничтоженными гельветской коалицией, то и римляне еще очень живо помнили страшное вторжение кимвров и тевтонов, в котором участвовали и гельветы. Не попытаются ли они повторить его, оказавшись во главе Галлии. Следовательно, римляне, свевы и эдуи были заинтересованы в объединении против общего врага.

До сих пор все кажется ясным. Хотя мало склонные к занятию галльскими делами римские политики должны были наконец признаться, что вторжение гельветов вынуждает их принять оборонительные меры. Сенат думал предупредить случайное развитие событий при помощи декрета, о котором говорит в своем письме Цицерон; другие, как Метелл и Цезарь, готовы были дополнить эти меры союзом Ариовиста с Римом, при котором последний должен был выступить примирителем между свевами и эдуями. В общем, угроза гельветов заставила союз Рима и эдуев против Ариовиста потерять свой наступательный характер. Первые шаги этой политики, относящиеся уже к 60 году, становятся, таким образом, очень ясными.

В условиях пристального общественного внимания господствующий империалистический дух придавал совершенно иной смысл этой чисто оборонительной политике, которой предполагал следовать сенат. Котерия политиков решила использовать ее для пропаганды большой войны, которая бы стала источником богатства и славы, подобно восточным войнам Лукулла и Помпея. Политическая борьба, обострившаяся в Риме с возвращением Помпея, без сомнения, помогла привлечь в этот момент умы к Западу, к Галлии.

Промедление с утверждением актов Помпея вносило неопределенность в положение дела на Востоке; созданные Помпеем цари не знали, действительно ли они цари; новая сирийская провинция не знала, какой будет ее дальнейшая судьба. А пока все эти вопросы не были разрешены, Восток был закрыт для всякого нового предприятия. Возможно ли, например, было думать о завоевании Парфии, если еще не было завершено завоевание Сирии? Империалисты той эпохи были вынуждены не пренебрегать любым удобным поводом к войне и завоеванию, даже если бы он представлялся; в столь варварской стране, как Галлия. Цицерон в другом письме к Аттику (I, 20, 5) сообщает нам имя человека, который первым возымел идею воспользоваться вторжением гельветов для войны в Галлии. Любопытно, что это был не Цезарь, находившийся, впрочем, тогда в Испании в качестве пропретора, а консул Квинт Метелл Целер, муж пресловутой Клодии, правнук Метелла Македонского. Цицерон пишет Аттику (1 с): «Твой друг Метелл превосходный консул. Я сожалею только, что он выказывает такое недовольство, когда известия из Галлии позволяют надеяться на сохранение мира. Право, он имеет слишком большую жажду к триумфу». Эти строки открывают нам, что уже в 60 году в Риме была партия, желавшая воспользоваться эмиграцией гельветов для ведения в Галлии той же самой воинственной политики, которая так хорошо удалась на

Востоке, и что более благоразумные люди не одобряли этих проектов. Метелл, уже получивший в качестве провинции Цизальпинскую Галлию, был во главе партии войны; Цицерон, напротив, был в числе друзей мира.

Все, следовательно, заставляет думать, что римские легионы должны были атаковать гельветов весной 59 года. Но неожиданное событие спутало все расчеты римских политиков. В начале 59 года Метелл умер столь внезапно и таинственно, что обвиняли в отравлении его жену. Тотчас же Цезарь, бывший консулом и старавшийся заполучить выгодную провинцию, подхватил его мысль и его роль и заставил Ватиния предложить комициям закон, который давал ему Цизальпинскую Галлию на пять лет, начиная с дня голосования, происходившего, по-видимому, 1 марта. Все его поступки до момента отъезда в Галлию в марте 58 года очень хорошо объясняются предположением, что он имел о галльских делах представления, распространенные в римском политическом мире, и те же планы, что и его предшественник. Если он, как и все в Риме, опасался, что гельветы могут вторгнуться в Провинцию или Галлию теперь или позже, то понятно, почему он заставил комиции сейчас же, еще во время своего консульства, утвердить за ним командование легионами. Если он хотел так же, как Метелл, или еще более, воспользоваться вероятной войной против гельветов, чтобы приобрести деньги и славу в каком-нибудь грандиозном предприятии, то естественно, что он добился предоставления Ариовисту статуса друга и союзника римского народа с целью воспрепятствовать союзу между и без того грозными гельветами и могущественным царем свевов. Гельветы не выходили из своих гор весь 59 год, и Цезарь, вовлеченный в Риме в очень напряженную политическую борьбу, не мог ими заниматься. Но когда в начале весны 58 года он узнал, что гельветы готовятся выступить, он поспешил выехать из Рима. Это вполне естественно. Если великое вторжение в Галлию должно было состояться, то его прямой обязанностью было принять все необходимые предосторожности для защиты Провинции, а при удобном случае и для защиты эдуев, как приказывал декрет сената.

//

Теперь мы дошли до момента, с которого начинается рассказ Комментариев. До сих пор мы довольно легко могли объяснять ход событий. Все казалось ясным. Гельветы своим проектом основания Великой Галльской империи вынудили сенат принять оборонительные меры; эти оборонительные меры превратились в ачан наступательной политики под влиянием господствовавшего тогда стремления к расширению владений и под действием выгод, связанных с завоевательной политикой. Если результаты наших изысканий были до сих пор весьма удовлетворительны, хотя мы имеем только отрывочные и немногочисленные свидетельства, то мы должны были бы ожидать облегчения своей задачи, когда будем пользоваться Комментариями, историей войны, написанной самим завоевателем. Но нас ожидает полное разочарование. Первая книга Комментариев ставит под сомнение все, что мы до сих пор считали достоверно установленным или очень вероятным, потому что она разрушает основу всего нашего объяснения. Действительно, она нам показывает, что гельветы вовсе не хотели основать Великой Галльской империи и что вовсе не существовало «гельветской опасности». Повторим вкратце этот рассказ.

После знаменитого географического и этнологического очерка Галлии Цезарь посвящает четыре главы (III–VI) гельветскому движению. Но если внимательно прочитать его объяснения, то с изумлением замечаешь, то они очень неясны, неточны, смутны и содержат слишком серьезные противоречия. Цезарь начинает с рассказа о том, как один из гельветских вождей, Оргеториг, убедил знать и народ вторгнуться в Галлию и завоевать ее, и как гельветы позволили себя убедить, потому что не хотели более жить в стране, со всех сторон окруженной горами, откуда трудно было совершать набеги на соседние народы для удовлетворения своего воинственного характера. Цезарь действительно в предшествующей главе говорит,

что гельветы всегда были готовы и к наступательной, и к оборонительной войне со своими соседями, особенно с германцами. А это позволяет нам заключить, что и на своей прежней родине у них не было недостатка в удобных поводах к войне. Противоречие, впрочем, несущественное: даже не допуская, что гельветы были охвачены манией войны, как утверждает Цезарь, можно понять, что их вожди вознамерились вторгнуться в Галлию и решили, как говорит Цезарь несколькими строками выше, заключить союзы с соседними народами, поручив это дело Оргеторигу. Цезарь, следовательно, подтверждает нам то, что заставил нас подозревать Цицерон, т. е. что гельветы стремились для исполнения своих проектов стать во главе коалиции галльских народов. Но относительно этой коалиции у Цезаря, писавшего историю завоевания Галлии, можно было бы ожидать более подробных объяснений, чем те, которые доставил Цицерон, говоря о ней в конфиденциальном письме своему другу Аттику. Напротив, Цезарь не останавливается подробнее на этом вопросе, несмотря на его очевидную важность: он спешит рассказать нам (I, 3), что Оргеториг при переговорах изменил делу знати и народа. Вместо того чтобы заключить союз между тремя народами, он убедил вождя секванов Кастика и вождя эдуев Думнорига овладеть верховной властью у своих народов, обещая прийти к ним на помощь со своими гельветами; после этого, находясь во главе трех самых могущественных народов Галлии, они овладели бы и всей Галлией.

Рассказ этот очень неясен. Особенно таинственна роль Оргеторига! Он мог предложить Кастика и Думноригу помочь им ниспровергнуть законные правительства их стран *suis copiis suoque exercitu*, но как он мог надеяться предоставить в распоряжение своих друзей силы гельветов? Рассчитывал ли он также произвести государственный переворот у себя на родине? Цезарь действительно говорит, что Оргеториг «*suae civitatis Imperium optenturus esset*» («он готовился овладеть верховной властью в своем государстве»); фраза, правда, очень неопределенная, но, кажется, намекающая на проект государственного переворота. Он рассказывает затем, что, когда интриги Оргеторига были разоблачены, могущественный гельветский вождь сделался предметом судебного преследования и что он умер таинственным образом до вынесения решения по его делу. Ну неудивительно ли, если Оргеториг, замышляя государственный переворот в своей стране, в то же время намеревался содействовать двум другим государственным переворотам: одному у эдуев, другому у секванов? Гораздо было бы понятнее в этом случае, если бы он искал помощи иностранной власти для того, чтобы овладеть верховной властью над гельветами. Почему, напротив, если он не был сумасшедшим, ему хотелось увеличить риск, не приобретая никакой пользы? Вообще напрашивается единственное заключение из рассмотрения этой столь темной третьей главы: Кастик и Думнориг играли в этой гельветской эмиграции роль, которую Цезарь либо не знал достаточно хорошо, либо не хотел излагать с необходимой ясностью.

Рассказав в четвертой главе о смерти Оргеторига, Цезарь начинает пятую главу такими словами: «*Post eius mortem nihilominus Helvetii id quod constituerant facere conantur*» («Несмотря на смерть Оргеторига, гельветы не отказались от своего предприятия»). Цезарь кажется изумленным, что разоблачение интриг Оргеторига и его смерть не остановили движения гельветов. А это изумление вовсе не оправдывается предшествующим рассказом. Заговор Оргеторига с Кастиком и Думноригом, по рассказу Цезаря, не был существенной частью первоначального плана, а отклонением от него, и сам Цезарь нам говорит, что гельветы уже основательно подготовились. Разве не естественно, что после разоблачения и наказания изменника знати и народ вернулись к первоначальному плану, к вторжению в Галлию? Очень вероятно, что Цезарь скрыл что-то об этом таинственном заговоре, который должен был иметь очень большое значение, так как Цезарь, по-видимому, ожидал, что его разоблачение приведет к отказу от всего плана, выработанного Оргеторигом и вождями гельветов.

Вообще, если географический и этнологический очерк Галлии, содержащийся в двух первых главах, является удивительно ясным, то следующие главы, призванные объяснить нам движение гельветов, очень

туманны. Следует ли приписать эту неясность невозможности для Цезаря знать все подробности событий, происходивших в Галлии до его приезда, и часть которых — дипломатические переговоры, замыслы партий, интриги котерий — должна была остаться тайной? К несчастью, рассказ не становится яснее, когда Цезарь рассказывает о том, чего он сам добился в Галлии, о своих переговорах и битвах с таинственными гельветами.

Гельветы, не желавшие при движении в Галлию воспользоваться труднодоступными проходами южной Юры, отправили в начале весны 58 года к Цезарю послов — просить позволения пройти через Провинцию и обещали ему не причинить ей никакого вреда. Цезарь ломает мост у Женевы, собирает солдат, укрепляет с помощью находившегося в Нарбонской Галлии легиона оборону всех мест на левом берегу Роны от Юры до Лемана, где можно перейти реку, и отказывает в просимом гельветами позволении. Последние после нескольких попыток силой форсировать реку, которые Цезарь, вероятно, преувеличивает, отказываются от прохода через Провинцию, обращаются к секванам, получают от них позволение пройти через их страну и снова направляются по дороге к Юре. Цезарь оставляет тогда свой легион Лабиену, переходит Альпы, призывает три легиона, зимовавшие в Аквилее, набирает два новых легиона, возвращается в Галлию с пятью легионами через *mont Genèvre* и Гренобль и форсированным маршем идет к северной границе Провинции и к Роне. Очевидно, он выполняет сильный наступательный маневр против гельветов, которые тем временем прибыли к Соне и вторглись на территорию эдуев; этот наступательный маневр, по нашему мнению, был задуман уже давно, т. е. в тот момент, когда в Риме он понял необходимость без промедления отразить это вторжение, которое со временем могло бы стать очень опасным. Но, к нашему великому изумлению, Цезарь выдвигает совершенно иной мотив своих действий. Он говорит (гл. X), что поспешил собрать шесть легионов в Нарбонской Галлии потому, что узнал, что гельветы желают поселиться на берегу океана, в области сантонов, т. е. на плодородной территории, граничащей с Провинцией и близкой к Тулузе. Это объяснение, конечно, странно. Как согласовать его с тем, что Цезарь говорит нам несколькими главами раньше, т. е. что гельветы хотели завоевать Галлию? Выселение в область сантонов — предприятие, в корне отличное от вторжения в Галлию; однако Цезарь не делает никакой попытки согласовать эти две версии. Которой же из них мы должны верить? Кроме того, если Цезарь хотел защитить Провинцию от нападения гельветов, явившихся из области сантонов, почему он вместо того, чтобы двинуться со своей армией в сторону Тулузы и Гаронны, продолжал после соединения с легионом Лабиена движение к северу, перешел Рону при ее слиянии с Соной и без колебания оказался в пограничных с Провинцией областях? Этот столь решительный и быстрый маневр может быть объяснен только в том случае, если Цезарь хотел выполнить план Метелла, т. е. немедленно напасть на гельветов, намеревавшихся форсировать Сону, вероятно, в Маконе (*Macon*). Цезарь сам заметил противоречие и старался оправдать его, рассказывая, что, как только он перешел границу, в его лагерь явились послы эдуев, амбарров и аллоброгов с просьбой о помощи против гельветов и что тогда только он решился атаковать гельветов, не ожидая их прибытия в область сантонов. Вообще он старается убедить, что мысль о наступлении на гельветов пришла ему в голову только после перехода через границу и приема послов эдуев. Но это объяснение неубедительно, и его ложь очевидна. Цезарю все же следовало бы объяснить нам, почему, если он хотел защитить Тулузу, находившуюся на западе, он шел к северу и перешел северную границу Провинции.

Противоречия очевидны. Отчего они происходят? Нелепо было бы приписывать их недостаткам композиции Комментариев и поспешности, с какой они были написаны. «*Quam facile et celeriter eos (Commentaries) perfecerit seimus*» — замечает Гирций. Но Цезарь был слишком талантливым писателем: он умел писать с удивительной ясностью и точностью, даже когда очень спешил. Впрочем, эти противоречия слишком принципиальны для того, чтобы мы могли оправдать их невольными ошибками. Гораздо более вероятно, что дело идет о противоречиях, вызванных необходимостью Цезаря что-то скрыть. Возможно ли

выяснить это «что-то»? Цезарь писал свои Комментарии не для того, чтобы увековечить память о своих подвигах. Обвиненный в том, что он проводил в Галлии агрессивную и насильственную политику, он хотел в своей книге доказать, что всегда сражался против своего желания, что все его войны, начиная с войны против гельветов, были не агрессивно-наступательными, а оборонительно-превентивными, абсолютно необходимыми. И Цезарь имел превосходную возможность представить свой большой наступательный маневр против гельветов как меру высшей предусмотрительности в целях защиты связывая то, о чем он писал о гельветках в первых главах и о чем писал Аттику Цицерон, т. е. о том, что гельветы хотели основать Великую Галльскую империю. Никакое оправдание не могло иметь в глазах римлян большую силу; никто не мог бы оспаривать у Цезаря заслуги спасителя государства от нового нашествия кимвров и тевтонов при помощи войны, которая лишь казалась агрессивно-наступательной, по существу же была лишь благоразумной защитой. Почему же вместо того, чтобы воспользоваться этим столь простым и ясным объяснением, опиравшимся на рассказанные им самим факты, Цезарь отказывается от него и прибегает к запутанным и полным противоречий объяснениям, которые мы резюмируем так: сперва необходимость защитить Провинцию, потом — Тулузу и, наконец, — союзных с Римом эдуев и другие галльские народы? Есть лишь одно средство объяснить этот кажущийся абсурд: допустить, что страхи Цицерона относительно эмиграции гельветов, выраженные в его письме Аттику, были преувеличены; что гельветы ставили себе цель гораздо более скромную, чем завоевание всей Галлии; что между 58-м и 52 годами этот факт стал достаточно известным; для того чтобы в конце 52 года, когда Цезарь писал свои Комментарии, он не осмелился оправдывать свои наступательные действия необходимостью разрушить в самом начале будущую кельтско-гельветскую империю. Так как этот мотив не мог быть оглашен, то Цезарь оказался вынужденным либо признаться, что он заблуждался в своем понимании цели и характера эмиграции гельветов, либо что он напал на них без всякого повода. Не желая допустить ни того, ни другого, он старался доказать, что гельветы спровоцировали его, изменив рассказ остроумными вставками, которые, однако, весь его гений не смог освободить от противоречий.

Из всего изложенного вытекает, однако, очень важное для нас следствие: гельветы вовсе не хотели завоевать Галлию и основать великую галльскую коалицию. Но такое заключение порождает много других вопросов. Какова была истинная цель эмиграции гельветов? Действительно ли они намеревались переселиться в область сантонов, как утверждает Цезарь? И если гельветы не хотели вторгаться в Галлию, то как объяснить поведение сената, Метелла и Цезаря? Мы видели, что агрессивный характер, приписываемый переселению гельветов, объяснял нам все; при отрицании же этого, как следует понимать всю эту историю? Продолжим разбор рассказа Цезаря. Мы найдем там ответ на многие из этих вопросов.

Закончив переговоры с эдуями, Цезарь выполнил последнюю часть своего наступательного маневра с быстротой и энергией, которые всегда были его великими качествами. Он старался захватить и уничтожить гельветов при переходе через Сону, но ему удалось уничтожить только маленький арьергард, оставшийся на восточном берегу. Тогда за один день он переправляет всю свою армию на правый берег Соны и принимается преследовать неприятельскую орду, держась от нее на небольшом расстоянии и ожидая удобного случая напасть. В десяти главах (XIII—XXIII) с массой подробностей описывает нам Цезарь это преследование и останавливается на самых главных событиях, одно из которых было исключительной важности. Он заметил однажды, что часть эдуев ему изменила. Эдуи дали ему отряд конницы и обещали снабжать хлебом; но эдуйская кавалерия позволяла наносить себе поражение во всех схватках с неприятелем, и обещанный хлеб не приходил, запасы истощались; зная эдуев все более и более затруднялась объяснить задержку хлеба. Решив выяснить причину, Цезарь занялся расследованием. И вот вновь появляется личность, которую мы уже встречали в начале рассказа: Думнориг, вождь эдуев, участвовавший в заговоре Оргеторига. Цезарь узнал, что союз с Римом был заключен партией, во главе которой был Дивитиак; что Думнориг, напротив, был расположен к гельветам, так как его жена

принадлежала к этому племени, и надеялся с помощью гельветов захватить верховную власть. К несчастью для Цезаря, Думнориг, обладавший огромным богатством, располагал большим могуществом и, командуя кавалерией, тайно отдал приказ своим всадникам не сопротивляться гельветам и препятствовать доставке хлеба.

Этот эпизод очень важен. Он прежде всего показывает нам, что таинственные нити, связывавшие экспедицию гельветов с Думноригом, не были разорваны смертью Оратория. Он указывает нам также, что эмиграция гельветов если и не имела той грандиозной цели, которую приписывали ей в Риме, то не могла иметь такой скромной цели, как переселение в область сантонов, интересовавшее одних гельветов. Почему могущественная партия, вождем которой был Думнориг, была бы заинтересована в данном случае в удаче движения? Хотя наше желание узнать подробности этого события велико. Цезарь совершенно не склонен его удовлетворить и, рассказав, что по великодушию он простил Думнорига, спешит продолжить рассказ. Он рассказывает, что однажды надеялся уничтожить гельветов ночным нападением, но что попытка не удалась; что он вынужден был из-за недостатка съестных припасов отказаться от преследования гельветов, как вдруг был атакован врагами... Только в этот момент Цезарь дает нам первое топографическое указание. Нападение произошло на высоте Бибракте (современный Mont Beauvrai вблизи Autun). Следовательно, гельветы направлялись к северу и сделали большой обход, чтобы прийти в область сантонов. Но наше изумление еще более возрастает с рассказом о битве. Цезарь описывает битву как блестящую победу своих легионов. Раухенштейн, подвергнувший рассказ об этой войне критике, иногда, правда, слишком тонкой, но всегда очень остроумной, доказал, проанализировав изложение самого Цезаря, что результат был, напротив, весьма неопределенным: достоверно, например, что Цезарь был вынужден оставаться на поле битвы три дня, чтобы похоронить мертвых и позаботиться о раненых, тогда как гельветы спокойно продолжали свой путь, направляясь в область лингонов. Это второе топографическое указание, и оно не менее многозначительно, чем первое. Гельветы, которые, по рассказу Цезаря, хотели направиться к океану, шли теперь к северо-востоку, т. е. в противоположном направлении. Цезарю удалось наконец заключить мир, и гельветы решили возвратиться на свою прежнюю родину, за исключением небольшой части упорных лиц, направившихся *ad Rhenum finesque Germanorum*. Эта подробность бросает яркий свет на темный вопрос, который мы хотим осветить, и дополняет два предшествующих свидетельства о миграции гельветов. Почему же это меньшинство направилось к Рейну? Очевидно, что эти упрямы в момент отделения от своих соотечественников не хотели воспользоваться первой попавшейся дорогой; они должны были продолжать движение, начатое всей ордой, к тому пункту, который был ее исходной целью. Мы действительно видим, что гельветы уже повернули к востоку. Эмиграция гельветов была направлена, следовательно, к Рейну.

Возможно ли теперь определить цель этой таинственной эмиграции? Я думаю, что это возможно. Отметим прежде всего некоторые довольно любопытные совпадения. В 62-м или 61 году эдуи просят у римского сената помощи, в 61 году гельветы позволяют убедить себя эмигрировать. В Риме ведет переговоры Дивитиак; Думнориг замешан с самого начала, хотя и не явно, в интриги, подготовившие эмиграцию гельветов. Чего просил в Риме Дивитиак? Помощи римских легионов против Ариовиста. Куда направлялись гельветы? К Рейну, т. е. к областям, где, вероятно, стояла лагерем армия Ариовиста. В течение всей войны Дивитиак действует как доверенное лицо Цезаря, Думнориг — как покровитель гельветов. Хочется поставить вопрос: случайно ли, что переселение гельветов преследовало ту же самую цель, что и переговоры Дивитиака в Риме, т. е. оттеснение Ариовиста за Рейн? В самом деле, вспомним в общих чертах положение Галлии к моменту прибытия Цезаря и увидим, насколько вероятно это кажущееся столь смелым предположение. Главной проблемой, занимавшей тогда уже несколько лет почти все галльские племена, была «германская опасность», порождаемая возрастающим могуществом Ариовиста. Особенно эдуи, лишённые Ариовистом верховенства над всей Галлией, были до такой степени напуганы

участившимися набегами, что, отчаявшись прогнать Ариовиста собственными силами, решили прибегнуть к помощи Рима. Эта миссия была поручена Дивитиаку. Но Рим, очевидно, не был единственной иностранной державой, от которой эдуи надеялись получить помощь; гельветы, будучи очень воинственными, уже не раз воевавшие со свевами, также могли быть весьма ценными союзниками. Дивитиак был вождем консервативной партии, представлявшей старую галльскую знать, а против этой партии стояла другая, вождем которой был Думнориг; она опиралась на низшие классы, и ее можно было бы назвать народной партией. Их несогласия имели всегда политические причины и значение. Следовательно, напрашивается вывод: обе партии были одинаково убеждены, что эдуи одни не смогут ниспровергнуть германское господство; но они были несогласны относительно иностранных сил, к которым следовало прибегнуть. Партия Дивитиака, которую можно было бы назвать романофильской, рассчитывала опереться на Рим; партия Думнорига, которую можно было бы назвать национальной, хотела получить помощь от гельветов. Вероятно, что Думнориг, а не Оргеториг предложил гельветам переселение, обещая им после победы земли в какой-нибудь плодородной местности Галлии, и что Оргеториг был только главным агентом национальной партии среди гельветов.

Сколь бы невероятными ни казались эти гипотезы, они с удивительной точностью объясняют все факты, которые оставались неясными и отрывочными: союз между Ариовистом и Римом, тревожные слухи о движении гельветов, смерть Оргеторига, наконец, наступательную операцию Цезаря. Мы теперь гораздо лучше понимаем, почему Ариовист в 60-м и 59 годах так добивался стать официальным другом и союзником римского народа. Не мифическая опасность вторжения гельветов в Галлию побуждала его, как мы предположили вначале, искать дружбы Рима, но опасность гораздо более реальная. Как только он узнал, что и Дивитиак, и Думнориг интригуют против него — один в Риме, а другой среди гельветов, он испугался, как бы обоим братьям не удалось образовать против него коалицию из эдуев, гельветов и римлян; он должен был самыми энергичными мерами разрушить эту коалицию в тот момент, когда она готова была образоваться. Не постарался ли он помешать Думноригу в его интригах у гельветов? Допущение весьма вероятное, но, к несчастью, мы не обладаем никакими доказательствами этого. Напротив, очевидно, что шаги, сделанные в Риме с целью получить титул друга и союзника, имели целью парализовать союз Рима с эдуями. Установив это, мы будем в состоянии объяснить себе распространившиеся в Риме тревожные слухи об эмиграции гельветов. Эдуи просили в Риме помощи против Ариовиста, и Рим предоставил ее им декретом сената 61 года; хотя Ариовист был склонен оплатить на вес золота союз с Римом, все же он и его римские друзья должны были найти какое-нибудь средство скрыть от римской республики противоречие, существовавшее между этим союзом и союзом, уже заключенным с эдуями. Лучшим средством для достижения этой цели было, очевидно, показать, что римлянам, эдуям и свевам угрожает общая, чрезвычайно серьезная опасность, которая бы заставила их забыть свои ссоры, чтобы вместе встать против нее. Мне кажется, следовательно, очень вероятным, что Ариовист, пользуясь эмиграцией гельветов и невежеством римских политиков, постарался преувеличить гельветскую опасность и убедить могущественных людей Рима, что гельветы рассчитывают стать во главе коалиции из галльских народов, которая может в один прекрасный день напасть на Италию. Ариовисту, впрочем, тем легче было убедить римлян, что ему в его старании помогала часть его врагов. Мы уже видели, что Цицерон в своем письме Аттику от 16 марта 60 года является первым, кто сообщает нам о гельветской опасности. Откуда он получил это известие? Мы видели, что он был близок с Дивитиаком, своим гостем. Следовательно, очень вероятно, что это известие, как, впрочем, и другие, в которых он сообщает нам о галльских делах, исходило от Дивитиака. Нетрудно объяснить, почему часть эдуев, склонных к союзу с Римом, старалась, подобно Ариовисту, устроить римлян эмиграцией гельветов. Этой партии было очень выгодно опередить национальную партию в исполнении плана, разработанного для изгнания Ариовиста: необходимо было, следовательно, постараться, пока Думнориг энергично работал у гельветов, преодолеть какими-нибудь решительными мерами обычную лень римского сената и заставить

его действовать. Гельветская опасность могла также служить этой партии аргументом, чтобы убедить римлян без промедления вмешаться. Галлия находится в критическом положении; если Рим не вмешается, чтобы избавить ее от Ариовиста, то это возьмут на себя гельветы; но, став господами Галлии, гельветы будут очень опасны для Италии. Таковым должен был быть основной смысл сообщений, которые романофильская партия эдуев посылала в Рим, относительно галльских дел. Завязывали ли друзья Дивитиака интриги в среде гельветов, чтобы нарушить согласие, с которым те начали свои приготовления? Это очень правдоподобно: мне кажется вероятным, что Оргеториг пал жертвой интриги или Ариовиста, или эдуев, или их всех. Мы могли бы таким образом объяснить удивление Цезаря тем, что смерть Оргеторига несколько не остановила приготовлений гельветов. Оргеториг был представителем и вождем национальной гельветской партии, самым деятельным и самым умным агентом Думнорига, главным организатором экспедиции. Если коварство, приведшее к его гибели, имело целью скомпрометировать в глазах эдуев все движение народной партии, то понятно, почему Цезарь, знавший в 52 году, когда писал свои Комментарии, всю истину, притворяется удивленным, что гибель Оргеторига несколько не скомпрометировала экспедиции.

Галльские дела вообще очень осложнились в течение 60 года. Национальная партия энергично работала, чтобы поднять на ноги гельветскую армию; романофильская партия и Ариовист согласно, но с различными целями, доносили на национальную партию; римские политики находились перед этой опасностью в очень серьезном замешательстве. Должны ли были они уступить домогательствам эдуев, послать римские армии для войны с Ариовистом и, устранив вмешательство гельветов в галльские дела, взять на себя задачу ниспровержения германского владычества в Галлии? Или они должны были прежде всего заняться «гельветской опасностью», пойти на союз с Ариовистом и без промедления раздавить гельветов, чтобы гарантированно избавить Италию от всякой будущей опасности? Возможны были две политики: политика антигельветская и политика антигерманская. Нужно было сделать выбор. То, что мы знаем о проектах консула Метелла, заставляет нас думать, что уже Метелл склонился к антигельветской политике. Цезарь в 59 году окончательно принял эту политику, как доказывает союз, заключенный им с царем свевов. Этот союз означал победу интриги Ариовиста над интригами Дивитиака. Конечно, было бы очень важно знать причины, которые заставили Цезаря решиться на столь неудачный выбор; но так как у нас нет документальных подтверждений этого, мы должны довольствоваться гипотезами. Наиболее вероятна гипотеза, что причину этой ошибки следует искать в полном незнакомстве в Риме с галльскими делами. Тревожные слухи, распространявшиеся в Риме эдуями и Ариовистом об эмиграции гельветов, должны были произвести очень сильное впечатление, потому что воспоминания о нашествии кимвров и тевтонов были еще слишком свежи и живы в памяти римлян. Как только начали циркулировать тревожные слухи о гельветах, публика и политический мир со свойственной демократами привычкой все упрощать усмотрели в галльском вопросе только гельветскую опасность; все остальное — борьба эдуев и свевов, германская опасность, границы Рейна — отступило на второй план. Цезарь, захваченный общим настроением, присоединился к общему мнению и немедленно по прибытии к своей армии сделал необходимые распоряжения, чтобы напасть на гельветов.

В действительности Цезарь, решаясь на войну с гельветами, совершал очень грубую ошибку. Экспедиция гельветов должна была быть очень популярной во всей Галлии, ибо все надеялись, что она уничтожит германское владычество. Вмешательство проконсула, служившее парадоксальным образом в пользу Ариовиста, затронуло гордость и интересы национальной партии и поставило в тяжелое положение романофильскую партию и самого Цезаря. Сторонники союза с Римом, естественно, должны были отвечать перед народом за все то, что представитель Рима делал в Галлии. Предсказывали, что вмешательство Рима принесет Галлии огромные beneficia, а проконсул, напротив, является самым ревностным союзником Ариовиста, который с помощью Цезаря избавился от столь страшного врага, как гельветы, не двинув ни

одного солдата. Эта гипотеза также может показаться смелой, но ее можно подкрепить аргументом, который, по моему мнению, играет решающую роль: она позволяет нам объяснить крутой поворот в политике Цезаря, последовавший вслед за заключением мира с гельветами. Если затруднения, связанные с первой книгой *Комментариев* и рассмотренные до сих пор, достаточно велики, то там мы встречаемся с еще большим затруднением: Цезарь не объясняет нам, почему немедленно после войны с гельветами он начал войну с Ариовистом. Он рассказывает, что по окончании гельветской войны представители галльских народов просили у него позволения созвать собрание галлов, и он дает нам довольно патетическое описание этого собрания: представители погружены в угрюмое молчание; он сам смущен видом этой немой скорби и вынужден буквально вырывать объяснения из их уст, замкнутых суеверным страхом. Наконец несчастные решаются говорить и жалуются Цезарю на невыносимый гнет Ариовиста. Тогда Цезарь, не будучи в состоянии терпеть, чтобы с друзьями римского народа, обращались столь жестоко, в порыве великодушия решается на войну — рыцарскую войну за освобождение, предпринятую из чувства справедливости.

Нужно очень мало понимать в политике, чтобы принять всерьез этот героический рассказ... Римская политика вообще и политика Цезаря в частности не ведали таких сентиментальных соображений. Война против Ариовиста была очень серьезной войной, потому что, будучи наступательной, она велась всего шестью легионами против очень сильного врага, воодушевленного большими успехами, к тому же в отдаленной стране, без прочной операционной базы. К этим военным затруднениям прибавлялось затруднение политическое, еще более важное. Ариовист был союзником Рима и с совершенной лояльностью выполнял свои обязательства. Его ссоры с эдуями не могли считаться предлогом для разрыва, потому что эти ссоры предшествовали заключению союза с Ариовистом. Объявляя друзьями и союзниками эдуев и свевов, Рим, очевидно, решил не вмешиваться более в их раздоры. Следовательно, для войны не было никакого приличного предлога. А если римский проконсул не мог начать войны несправедливой, то еще трудней было ему решиться на войну противозаконную. В случае неудачи начавший противозаконную войну полководец мог подлежать очень тяжелой уголовной ответственности; нельзя не учитывать и впечатления, которое противозаконная война могла произвести на суеверных и невежественных солдат. Последнее не надумано; подобный, хотя и исключительно редкий, случай в военной истории Рима произошел в Везанционе (Besançon): солдаты взбунтовались и отказались выступить, ссылаясь именно на то, что война была противозаконной.

Следовательно, очевидно, что, если Цезарь решился на столь опасную и скоротечную войну — в несколько недель, — идя навстречу всем опасностям, ставя на карту свою карьеру, он должен был быть принужден к этому серьезными политическими причинами, которые не позволяли ему выжидать. В противном случае он постарался бы выиграть время, чтобы увеличить свою армию, как сделал он это в следующем году во время войны с белгами, и найти более серьезный *casus belli*, чем тот, которым он воспользовался. Что же это были за столь серьезные причины? Если придерживаться рассказа *Комментариев* или традиционной версии этой истории, то их совершенно не видно. Напротив, мы можем дать очень удовлетворительный ответ на этот вопрос, если примем все предложенные нами объяснения. Цезарь начал войну с Ариовистом, чтобы изгладить в общественном мнении Галлии тяжелое впечатление, произведенное его войной против гельветов. Эта война разрушила опору его галльской политики и увеличила могущество Ариовиста, т. е. царя, бывшего ему соперником, если только он хотел иметь какое-либо влияние на галльские дела. Цезарь должен был осознать допущенную им грубую ошибку в течение войны с гельветами или после ее окончания. И чтобы немедленно исправить ее, очень смело разорвал союз, который сам заключил с Ариовистом, и объявил ему войну. С принятием этой нашей гипотезы все становится понятным.

Можно, однако, сделать одно возражение. Можно сказать, что Цезарь вовсе не ошибался в оценке

положения дел в Галлии; что он понимал настоящую цель эмиграции гельветов; что при своем отъезде из Рима он прекрасно знал, что ему надо победить не гельветскую опасность, но опасность германскую; что он, решившись на войну с Ариовистом, хотел сначала избавиться от гельветов, которые ставили себе ту же самую задачу. В этом случае союз с Ариовистом был бы только хитростью, чтобы отвлечь внимание царя свевов и убедить его предоставить Цезарю свободу действий в войне с гельветами. Таково мнение Дюрюи. Но существуют, по моему мнению, два довода, кажущиеся мне неопровержимыми. Во-первых, если Цезарь правильно оценивал положение Галлии и знал об истинных целях эмиграции гельветов, то он не взял бы Думнорига в качестве начальника конницы. Комментарии показывают, что предательство Думнорига было большой неожиданностью для Цезаря. Это указывает, что Цезарь не знал отношений, связывавших экспедицию с политическими партиями Галлии, т. е. что он имел очень поверхностное представление о том, чем это движение было в действительности. Другим неопровержимым доводом является для меня союз Цезаря с Ариовистом. Если бы он предвидел, что война с Ариовистом неизбежна, он никогда не согласился назвать того другом и союзником. Всякий, знающий римскую историю, отвергнет мысль, что Цезарь мог хладнокровно прибегнуть к подобной безрассудной мере, которая была чревата для него столь серьезными последствиями.

СПИСОК КНИГ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

- Aumale (Duc d.). — Alesia, в *Revue des Deux Mondes* du 1-er mai 1858.
- B. C. H. — *Bulletin de correspondance Hellénique*. Paris.
- Babelon. — M. R. R.: *Description historique et chronologique de monnaies de la République romaine*. Paris, 1885–1886.
- Barbagallo — R. R. E.: *Le relazioni politiche di Roma con l'Egitto, dalle origini al 50 a C.* Roma, 1901.
- Barnabei. — Di un termine gracciano scoperto presso Atena, в *Notizie degli scavi*, mars 1897.
- Barone. — I. G. C.: *I grandi capitani sino alla rivoluzione francese*. Torino, 1898.
- Bellezza. — F. S.: *Dei fonti e dell' autorità storica di C. Sallustio Crispo*. Milano, 1891.
- Beloch. — B. A. W.: *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*. Leipzig, 1886.
- Beloch. — I. B.: *Der Italische Bund unter Roms Hegemonie*. Leipzig, 1880.
- Bernhardt. — C. M. K.: *Chronologie der mithridatischen Kriege*. Marbourg, 1896.
- Bertrand. — *Les tombelles l'Auvenay*, в *Revue archéologique*, 1861.
- Blasel. — *Die Motiven der Gesetzgebung des C. Sempronius Gracchus*. Trieste, 1878.
- Blumner. — G. T. A.: *Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Alterthums*. Leipzig, 1869.
- Böckh. — E. P. A.: *L'Economia pubblica degli Ateniesi*, Milano, editione de la Biblioteca di storia economica, под редакцией Vilfredo Pareto.
- Bonfante. — D. R.: *Diritto Romano*. Firenze, 1900.
- Borsari — T. R.: *Topografia di Roma antica*. Milano, 1897.
- Brunn. — G. G. K.: *Geschichte der griech. Künstler*. Stuttgart, 1857–1859.
- Bruns. — *Fontes juris romani antiqui*. Tübingen, 1860. Busolt, в N. I. P. P., см N. I. P. P.
- Bynum. — L. M. J. B.: *Das Leben des M. Junius Brutus bis auf Caesars Ermordung*. Halle, 1898.
- Caetani-Lovatelli (comtesse Ersilia). — *I giardini di Lucullo*, в *Nuova Antologia*, 16 августа 1901.
- Caetani-Lovatelli. — *I giornali dei Romani*, в *Nuova Antologia*, ноябрь 1901.
- Caliegari. — L. S. C.: *La legislazione sociale di Caio Gracco*. Padua, 1896.
- Cantalupi. — M. S.: *La magistratura di Siila durante la guerra civile*. Roma, 1899.
- Castelli. — Gli E.: *Gli Ebrei*. Firenze, 1899.
- C. I. A.: *Corpus inscriptionum atticarum*.
- C. I. Gr.: *Corpus inscriptionum graecarum*.
- C. I. L.: *Corpus inscriptionum latinarum*.
- Ciccotti. — D. P.: *Donne e politica negli ultimi anni della repubblica romana*. Milano, 1895.
- Ciccotti. — P. V.: *Il processo di Verre*. Milano, 1895.
- Ciccotti. — T. S.: *Il tramonto della schiavitù nel mondo antico*. Torino, 1899.
- Cohen. — *Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain*. Vol. I. Paris, 1859.

- Courbaud. — B. R. R.: Le bas-relief romain a représentation historiques. Paris, 1899.
- Croiset. (A. et M.). — Histoire de la littérature grecque. Vol. V. Paris, 1899.
- Daremberg, Saglio et Pottier. — D. A.: Dictionnaire des antiquités grecques. Paris, 1873 cl.
- Dareste, b N. R. H. D., cm N. R. H. D.
- Deloume. M. A. R.: Les manieurs d'argent a Rome. Paris, 1890.
- Di Marzo. — S. P. C. R.: Storia della procedura criminale romana. Palermo, 1898.
- De Saulcy. — Guerre des Helvètes, b Revue archéologique, 1861.
- Drumann. — G. R.: Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd I2. Zweite Auflage herausgegeben von P. Groebe. Berlin, 1899. Bd II. Koenigsberg, 1835; Bd III. Koenigsberg, 1837; Bd IV. Koenigsberg, 1838; Bd V. Koenigsberg, 1841.
- Duruy. — H. R.: Histoire romaine. Vol. III. Paris, 1881.
- F. H. G.: Fragmenta Historicorum Graecorum edidic. C. Müller. Paris, 1874.
- Fabroni. — Storia degli antichi vasi fittili aretini, 1841.
- Ferrerò (E.). — Dei Dbertini. Torino, 1877.
- Forcella. — I. C. M.: Le industrie e il commercio a Milano sotto i Romani. Milano, 1901.
- Foucart — cm. Le Bas.
- Franchina. — Le condizioni economiche della Sicilia di tempi di Verre. Palermo, 1897. Franke.—I. P. P., cm. N. I. P. P.
- Friedlaender. — D. S. G. R.: Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit vom August bis zum Ausgang der Antonine. (6 Ausg.). Leipzig, 1888. Fustel de Coulanges. — C. A.: La cité antique. Paris, 1870. Fustel de Coulanges. — G. R.: La Gaule romaine. Paris, 1891. Gardthausen. —A.Z.: Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1896.
- Gilbert. — T. R.: Geschichte und Topographie der Stadt Rom im Alterthum. Leipzig, 1883–1890. Giri. — Il suicidio di Lucrezio. Palermo, 1895.
- Giussani. — L.R.: Litteratura romana. Milano, Ed. Francesco Vallardi.
- Goler (von). — Gaesars Gallischer Krieg in dem Jahre 52. Karlsruhe, 1859.
- Head. — Historia nummorum. Oxford, 1887.
- Heller, b Phil., cm. Philologus.
- Hermes. Zeitschrift für classisene Philologie. Berlin.
- Ho molle. —B. C. H.: Les Romains a Délos, b Bulletin de correspondance hellénique. Vol. VIII. Hübner. — De senatus populique romani actis. Leipzig, 1860. Ihne.—R. G.: Römische Geschichte. Vol. VI. Leipzig, 1886.
- John. — E. G. C. V.: Entstehungsgeschichte der Catilinarischen Verschwörung, b Janrbücher für Philologie und Paedagogik. Suppl.-band. VIII. Jordan. T. R.: Topographie des Stadt Rom in Alterthum. Berlin, 1878. Judeich. — CO.: Caesar in Orient. Leipzig, 1885. Jullian. — Vere: Vercingétorix. Paris, 1901. I. P. P-, cm. N. I. P. P.
- Kariowa. —R. R. G.: Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1893. Kromayer, b Phil., cm. Philologus. Kromayer, b Hermes, cm. Hermes.
- Lanciani, b B. O.: Bolletino della commissione archeologica comunale di Roma.
- Lancia ni. —T. R. A.: Topografia di Roma antica; i Commentarti di Frontino intorno le acque e gli acquedotti,

Silloge epigrafica aquaria. Roma, 1880. Lanciani. — Forma urbis Romae. Mediolani, 1893. Landucci. — Storia del diritto romano. Padova, 1895.

Lange. — R. A.: Römische Alterthümer.: Bd I (2 Aufl.). Berlin, 1863; Bd II (2 Aufl.). Berlin, 1867; Bd III (1 Aufl.). Berlin, 1871.

Le Bas, Waddington et Foucart. — V. A.: Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure pendant les années 1843–1844. Paris, 1847—)1877.

Loewy — cm. Zeitschrift für Bildende Kunst, XXIII, 74 cji. 1888.

Lombroso. — L'Uomo delinquente. Torino, 1897.

Lossau. — I. K.: Ideale der Kriegführung.

Manfrin. — C. P.: La cavalleria dei Parthi nelle guerre contro i Romani. Roma, 1893.

Marquardt. — R. S. V.: Römische Staatsverwaltung (Handbuch der rom. Alterthümer). Leipzig, 1871.

Marquardt. — V. P. R.: La vie privée des Romains. Paris, 1892.

Masi. — V. S. A. hjim A.: Vicende politiche dell' Asia dall' Ellesponto all' Ingo. Vol. I, Modena, 1898; vol. II, Città di Castello, 1901.

Maurenbrecher. — C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae. Leipzig, 1893.

Meyer. — Oratorum Romanorum fragmenta. Fübinger, 1842.

Meyer. — U. G. G.: Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen. Halle, 1894.

Micalella. — F. D. C.: La fonte di Dione Cassio per le guerre galliche de Cesare. Lecce, 1896.

Mommsen, b Hermes, cm Hermes.

Mommsen. — P. R.: Le Province romane da Cesare a Diocleziano. Trad. di Ruggiero. Roma, 1887.

Mommsen. — R. F.: Römische Forschungen. Berlin, 1864.

Mommsen. — R. G.: Römische Geschichte. Berlin, 1874.

Mommsen. — R. M. W.: Geschichte des Römischen Münzwesens. Berlin, 1860.

N. I. P. P.: Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. Leipzig.

Napoleon III. — J. C.: Histoire de Jules Cesar. Paris, 1865–1866.

Neumann. — G. R. V.: Geschichte Roms während des Verfalls der Republik vom Zeitalter des Scipio Aemilianus bis zu Sullas Tode. Breslau, 1881. Niccolini, b S. I. F. C, cm. S. I. F. C.

Nissen, b H. Z.: Der Ausbruch des Bürgerkrieges 49 vor. Ch.; b Historische Zeitschrift. Bd. XLIV h XLVI.

Nitzsch. — G. V.: Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. Berlin, 1847. N. R. H. D.: Nouvelle Revue historique du droit. Paris.

Overbeck. — G. G. P.: Geschichte der griechischen Plastik. Leipzig, 1893–1894. Pauly-Wissowa — Kröll. — R. E.: Real Encyclopädie der classischen Alterthumwissenschaft. Stuttgart, 1894 oi.

Peter. — G. R.: Geschichte Roms. Halle, 1881.

Petsch. — Die historische Glaubwürdigkeit der Commentarteli Caesars vom gallischen Kriege nach gegenwärtige Stande der Kritik. Glückstadt. I. 1885; II. 1886. Phil.: Philologus; Zeitschrift für das klassische Alterthum. Göttingen.

Pohlman. — Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte. Leipzig, издание Jablonowski-Gesellschaft. 1882.

- Porzio, в R. S. A., см R. S. A.
- Rauchenstein. — F. C.: Der Feldzug Caesars gegen die Helvetier. Zürich, 1882.
- Rawlinson. — S. O. M. или S. G. O. M.: The sixth great Oriental monarchy. London, 1873.
- Reinach. — M. E.: Mithridate Eupator, roi du Pont. Paris, 1890.
- Rheinisches Museum für Philologie, Frankfurt.
- R. S. A.: Rivista di storia antica. Messina.
- Rüstow. — H. K. C.: Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesars. Nordhausen, 1862. Salvioli. — D. P. F.: Sulla distribuzione della proprietà fondiaria in Italia al tempo dell'impero romano. Modena, 1899.
- Schanz. — G. R. L.: Geschichte der römischen Litteratur. München, 1890.
- Schiller-Voigt. — Die römischen Privatalterthümer und Kulturgeschichte. = Handbuch der class. Alterthumwissenschaft. Bd IV. Nordlingen, 1885.
- Schmidt. — B. W. C.: Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero von seinem Prokonsulat in Cilicthen bis zu Caesars Ermordung. Leipzig, 1893.
- Schmidt, в Rhein. Mus: Der Ausbruch des Bürgerkrieges in 49, v. Ch., в Rheinisches Museum. Bd XLVII.
- S. I. F. C.: Studi italiani di Filologia classica.
- Stern. — C.: Catilina und die Parteikämpfe der Jahre 66–67. Dorpat, 1883. Stobbe. — Die Candidati Caesaris; в Philologus. Bd XXVII.
- Sumpf. — B. O.: Casars Beurtheilung seiner Offiziere in den Commentarien vom Gallischen Kriege. Quedlinburg, 1892.
- Sunden. — De tribunita potestate a L. Sulla imminuta quaestiones. Upsala, 1897. Tarentino. — C. C.: La congiura catilinaria. Catania, 1898. Vogel, в I. P. P., см. N. I. P. P.
- Voigt. — I. N.: Die Lehre vom Jus Naturale et Jus Gentium der Römer. Leipzig, 1856.
- Vagliari. — Di un nuovo frammento del cosiddetto elogio di Turia, в Notizie degli scavi, октябрь 1898.
- Waddington, см. Le Bas.
- Waltzing. — C. P. R.: Étude historique sur les corporaüons professionnelles chez les Romains. Vol. I. Louvain, 1895.
- Weber. — R. A. G.: Die römische Agrargeschichte. Stuttgart, 1891. Willems. — D. P. R.: Le droit public romain. Louvain, 1872.
- Willems. — S. R. R.: Le sénat de la république romaine. Louvain, vol. I, 1878; vol. II, appendice et table, 1885.
- Wlassak. — Edict und Klageform. Jena, 1882.
- Ziehen, см. Reinisches Museum, 1896. С. 593 сл.
- Zumpt. — C. E.: Commentationes epigraphicae. Vol. I. Berolini, 1850.
- Zumpt. — S. R.: Studia romana. Berolini, 1859.

Примечания

1

1 Итальянское издание не имеет отдельного предисловия ко второму тому.

2

1 Это следует из хода войны и признаний самого Цезаря, который неоднократно говорит, что, вынужденный по прибытии на место действовать, он не знал самого важного — точного положения дел. См.: В. Г. II, 4, 1; II, 15, 3; III, 7, 1; IV, 20, 4.

3

1 Cicero (A., I, XIX, 2): «Senatus decrevit... legali cum auctoritate mitterentur, qui adirent Galliae civitates darentque operam, ne eae se cum Helvetmis jungerent». Это место письма является чрезвычайно важным для понимания истории завоевания Галлии: оно указывает нам на исходную точку галльской политики Цезаря. См. прилож. в конце тома.

4

2 См.: Rauchenstein, F. C, p. 50.

5

3 Раухенштейн (F. C, p. 43), как мне кажется, доказал, что вопреки утверждению Цезаря гельветы переселились не все.

6

4 На основании данных, изложенных Раухенштейном, F. C, 51, я следую версии Диона, XXXVIII, 31–32, отличающейся от версии Цезаря, В. Г., I, 7. Что касается источников Диона, то мне кажется, что Micaella в своей прекрасной работе *Les sources de Dion pour les guerres de Cesar dans les Gaules*, Lecce, 1896, окончательно доказал, вопреки мнению Геллера и Раухенштейна, что Дион следовал не Комментариям Цезаря, а другому автору, рассказ которого существенно отличается от рассказа Цезаря и во многом более правдоподобен.

7

5 Napoleon III, J. C, П, 48 сл., по-видимому, правильно исправляет рассказ Цезаря об этой работе, В. Г., I, 8. См.: Dio, XXXVIII, 31.

8

6 Цезарь, В. Г. I, 8, говорит о попытках, предпринятых гельветами, силой добиться прохода. Очевидно, речь идет лишь об отдельных случаях. Цезарь рассказывает о них, чтобы представить гельветов наступающими. Если бы гельветы хотели вторгнуться в Провинцию, защищаемую тогда только одним

легионом, то легко бы достигли этого благодаря своему численному превосходству.

9

1 Цезарь, не говоря этого прямо, старается уверить (В. Г., I, 29), что эмигрантов было 360 000. Plut., Caes., 18, и Strabo, IV, 3 (193), дают приблизительно ту же оценку. Один Орозий, VI, VII, 5, говорит, что их было 157 000. Последнее более вероятно. Rauchenstein, F. C., 44, указал, что 360 000 человек с припасами на три месяца составили бы линию более чем в 90 километров и что Цезарю при желании легко было бы атаковать ее, чего он не сделал. Впрочем, сам Цезарь (В. Г., I, 20) говорит, что возвратились в Швейцарию 110 000 человек. Мы увидим, что потери гельветов во время войны были не очень значительны. Так как только небольшая группа переселилась на север, а другая осталась на территории эдуев, то можно предполагать, что при выступлении их было приблизительно 150 000 человек.

10

2 Rüstow, H. K. C., 3, насчитывает в легионах Цезаря по 3000 человек, но это относится к последним годам войны. Сначала легионы должны были быть более многочисленными. Предполагая в них по 4000 человек, получим в шести легионах 24 000 солдат, к которым надо прибавить до тысячи вспомогательных войск и 4000 присоединившихся к ним всадников эдуев.

11

3 Таково мнение von Göler'a, которому возражает Раухенштейн (F. C., 67 сл.); доводы последнего неопровержимы, если допустить, что гельветы хотели идти к югу, в область сантонов (совр. Saintonge). Тогда непонятно, как Цезарь, бывший на юге и намеревавшийся перерезать им дорогу, поднялся к северу до высоты совр. Макона вместо того, чтобы направиться к северо-западу. Но так ли это? Не следует ли, напротив, допустить, что гельветы шли к северу (см. Прилож.)? В этом случае все становится ясно: Цезарь думал захватить их при переправе через Арап. Выясняется и вопрос о сражении с тигуринами, произошедшем на левом берегу этой реки. Мне кажется неправильным приписывать Лабиену заслугу этой победы, как делают Аппиан (Gall., 15) и Плутарх (Caes., 18). О Лабиене Цезарь очень хорошо отзывался в своих Комментариях. Эта книга написана в тот момент, когда угрожала гражданская война и когда Цезарь должен был стараться льстить своим генералам. Стоило ли ему оскорблять Лабиена, отнимая у него заслугу в маленьком сражении? Справедливо, что текст Комментариев не говорит, что Цезарь перешел Рону в Лионе (В. Г., I, X: «In Seguiavos exercitum ducit»). Сегусиавы занимали, как кажется, правый берег Роны; Наполеон III помещает их на левом берегу лишь для того, чтобы согласовать это место Комментариев с необходимостью для Цезаря перейти Рону в Лионе. Но не проще ли предположить, что Цезарь, писавший наскоро и через семь лет после событий, допустил неточность и ошибся в имени народа? Тогда отпадет необходимость допускать, как предполагает это Saulcy (Guerre des Helvetes в Revue Archéologique, 1861), что Цезарь, перейдя Рону при Виенне, потом снова перешел Рону в противоположном направлении, что было бы абсурдом.

12

1 Если, по крайней мере, опираться на Диона (XXXVIII, 32). Цезарь (В. Г., I, 11) не упоминает о секванах.

13

2 Rauchenstein (F. C, 61) доказал, что эта операция описана Цезарем с некоторым преувеличением (B. G., I, 12). В действительности она не лишила гельветов мужества.

14

3 Heller в Phil. (XIX, 559).

15

1 Caesar, B. G., VI, 11.

16

2 Strabo, IV, III, 2 (192).

17

3 Caesar, B. G., I, 31.

18

4 Id., I, 44: «Omnes Galliae civitates ad se (scilicet Ariovistum) oppugnandum venisse...; eas omnes copias uno proelio... superatas esse».

19

5 Proelium ad Magetobrigam, о котором говорит Дивитиак (B. G., I, 31), вероятно, то самое, о котором Ариовист упоминает в своей речи, цитированной в предшествующем примечании.

20

6 Caesar, B. G., I, 36.

21

7 Id., I, 32.

22

8 Caesar, B. G., I, 4; I, 18; VI, 15; VII, 32. Страбон, IV, IV, 3 (197), говорит нам, что в таких республиках проживала большая часть галльских народов.

23

1 Caesar, B. G., I, 31.

24

2 Обо всем этом см. Приложение.

25

1 Caesar, B. G., I, 14.

26

1 Id., I, 15.

27

2 См. справедливые комментарии Раухенштейна (F. C, 73) к рассказу Цезаря об этом походе (B. G., I, 15).

28

1 B. G., I, 21–22. Рассказ вызвал критику и предположения. См.: Lossau, J. K., I, 304; Rauchenstein, F. C, 76; Sumpf, B. O., 14. Но эта критика, особенно критика Раухенштейна, мне кажется несерьезной. Почему невозможно допустить, что гельветы забыли в тот вечер занять холм? Такие промахи встречаются во всех войнах. Если бы хитрость не удалась потому, что на холме были гельветы, то это вовсе не было бы виной Цезаря, и маловероятно, чтобы он исказил весь рассказ, рискуя обвинить самого себя, единственно с целью дискредитировать Консидия, как предполагает Раухенштейн. Мне кажется более вероятным, что Консидий действительно ошибся и что все произошло как рассказывает Цезарь: настаивая на ошибке Консидия, он отводит от себя вину, ибо он поверил его донесению и лишь потому потерял хладнокровие. Это объяснение имеет еще один плюс: оно подтверждает то, чему мы имеем много доказательств, — в свою первую войну Цезарю не доставало еще хладнокровия.

29

2 Как предполагает de Saulcy. См.: Phil., XIX, 559.

30

3 Мне кажется маловероятным, что гельветы атаковали Цезаря, как он говорит (B. G., I, 23), потому, что его намерение повернуть к Бибракте истолковали как утрату мужества в римской армии, или потому, что хотели отрезать ей путь. Все показывает, что гельветы избегали сражений с римлянами, чтобы к концу эмиграции сохранить свои силы. Следовательно, если бы они узнали, что римляне перестают их преследовать, то они, вероятно, просто оставили бы их с миром. Кроме того, если бы они намеревались

уничтожить римскую армию, они не стали бы продолжать свой путь после битвы, но, как мы увидим, могли бы повторить нападение на следующий день при очень неблагоприятных для Цезаря условиях. Мне кажется, проще видеть повод к битве в неожиданном нападении Цезаря накануне.

31

1 Rauchenstein, F. C, 83.

32

2 В. G., I, 25–26. Цезарь описывает с чрезвычайной ясностью, не упуская подробностей, первую половину битвы: атаку, предпринятую гельветами с фронта, их отступление, безрассудное преследование, предпринятое римлянами, атаку на фланге боев и тулингов. Но это только начало битвы; чтобы сообщить нам о ее ходе и окончании, Цезарь довольствуется пятью словами: *Diu atque acriter pugnatum est*. Но как протекала эта битва, неизвестно. Цезарь не говорит более о двух легионах, поставленных на вершине холма. Он хочет убедить, что вечером, в то время как часть врагов отступила, но еще не бежала, римляне овладели лагерем, с ожесточением защищаемым другой частью армии. Он не говорит, однако, что делали гельветы, отступившие на холм, в то время как римляне овладевали лагерем их товарищей. Возможно ли, что они оставались безучастными? Цезарь сам дает понять, что у него не было пленных, и признается, что враги могли в ту же самую ночь двинуться в свой путь, тогда как он вынужден был три дня оставаться на поле битвы. Следовательно, он не преследовал врагов. Но тогда к чему же сводится вся победа? Все это показывает, что эта якобы победа Цезаря была если не настоящим поражением, то по крайней мере неудачей, которую он ловко сумел скрыть. Если бы Дивикон также написал свои комментарии, то мы имели бы совершенно иной рассказ.

33

3 Caesar, V. G., I, 26.

34

1 Условия мира, которые Цезарь (В. С, I, 27) поставил гельветам, были таковы, что обличают во лжи весь его рассказ о войне. Совершенно невероятно, чтобы гельветы возвратились только потому, что лингоны по приказу Цезаря не оставили им иного выхода. Очевидно, что они взяли бы силой то, в чем получили отказ. Кроме того, если Цезарь приказал не только аллоброгам дать гельветам хлеб, но и эдуям дать им земли, то это показывает, что гельветы, договариваясь о мире, добились хороших условий. Прибавим к этому, что, как указал Раухенштейн (F. C, 97), мы впоследствии не видим, чтобы Цезарь набирал военные контингенты среди гельветов, из чего можно заключить с известной вероятностью, что гельветы не сдались безоговорочно, не лишились своего оружия и, быть может, даже не признали римского господства.

35

2 Рассказ в Комментариях, вероятно, повторяет этот рапорт.

36

1 Cicero, Pro domo, XU, 107–108; Plut, Cic, 33.

37

2 Cicero, Post reditum in senatu, IX, 22.

38

1 Cicero, Pro domo, XXV, 66; A., III, Vili, 3.

39

2 Cicero, Pro Sext, XXVI, 56; XXX, 65, но очень преувеличено.

40

3 Id., Pro domo, XXVIII, 74.

41

4 Cicero, Pro domo, XXXVIII, 102; XLIII, 111.

42

5 Id., Pro Sext, XXXI, 68.

43

6 Id., XXXI, 68.

44

7 Id., A., III, XV, I.

45

1 См.: Cicero, F., XIV, 1; XIV, 2; XVI, 4; ad Q., I, 3; I, 4; A., III, 7; III, 8; III, 9; III, 10; III, 11; III, 12; III, 13; III, 15; III, 19; III, 21.

46

2 Plut., Pomp., 49.

47

1 Dio, XXXVIII, 34. Относительно существенных различий между рассказами Диона и Цезаря и оснований, по которым рассказ Диона более правдоподобен, см.: Micallella, F. D., 38 сл.

48

2 Дион, XXXVIII, 35, говорит, что паника началась среди солдат; Цезарь, напротив, утверждает (B. G., I, 39), что сперва она охватила высших офицеров. Рассказ Диона более достоверен: невозможно допустить, чтобы офицеры имели так мало достоинства и мужества, что обнаружили свой страх перед солдатами; напротив, если допустить, что битва с гельветами была несчастлива для римлян, то очень естественно, что среди солдат возникла паника. Версия Диона настолько естественнее версии Цезаря, что сам Petsch (*Die historische Glaubwürdigkeit der Commentarien Caesars vom gallischen Kriege nach gegenwärtige Stande der Kritik*. Glückstadt. I, 1885; II, 1886), всегда склонный верить рассказам Цезаря, допускает, что здесь он искажает действительность. Этот рассказ нам показывает, как склонен был Цезарь прославлять мужество своих солдат и принижать заслуги высших офицеров, почти поголовно принадлежавших к аристократии.

49

1 Цезарь (B. G., I, 54) вскользь говорит, что Ариовист ожидал подкреплений. Это, конечно, действительная причина, по которой Ариовист откладывал битву; предсказания женщин, о которых Цезарь говорит в 50-й главе, были не причиной, но объяснением, данным солдатам.

50

2 Об этой неудаче Цезаря повествует Дион (XXXVIII, 48), и я думаю, что это правда, хотя, как доказал Petsch, рассказ о войне у Диона очень запутан. Но если не допустить подобного эпизода, то трудно объяснить, почему Ариовист переменил свое намерение. Рассказ Цезаря не совсем ясен. Например, в 50-й главе он говорит, что однажды, после того как он держал все утро армию в открытом поле, ожидая сражения, он отвел ее за лагерные укрепления. «Тогда, наконец, — прибавляет он, — Ариовист повел часть своей армии на приступ к маленькому лагерю, и жестокое сражение продолжалось до вечера. Ариовист кончил тем, что отозвал своих солдат после крупных потерь с обеих сторон». Как видно, здесь говорится о серьезном сражении, но очень кратко и очень неопределенно. Что делали солдаты маленького лагеря и что — солдаты большого? Сделали ли последние вылазку, чтобы атаковать нападающих и заставить Ариовиста вывести другие войска, — мы не знаем этого. В следующей главе Цезарь говорит нам, что на другой день он повел свои легионы на вражеский лагерь и что германцы были принуждены принять бой. Что значит это принуждение? Почему германцы не могли оставаться в своих окопах, как в другие дни? Как, с другой стороны, германцы могли построить свои войска в боевой порядок, если Цезарь был так близок от их лагеря? Эта неясность должна, таким образом, что-то скрывать: вероятно, исход сражения предшествовавшего дня, которое было более серьезным, чем хочет дать понять Цезарь, и которое побудило Ариовиста вступить в бой.

51

1 Cicero, Post red. in sen., IX, 22, 23; Ad Qui. post red-, VI, 15.

52

2 Id., A., III, XIII, 1; III, XIV, 1.

53

3 Id., A., III, XV, 6.

54

4 Cicero, De harusp. resp., XXIII, 49; Pro domo, XXV, 67.

55

5 Plut., Pomp., 49; Drumann, G. R., II, 272 сл.

56

6 Cicero, A., III, XX, 3.

57

7 Id., Pro domo, XLIII, 111.

58

1 Cicero, Pro domo, IX, 23; X, 25.

59

2 Id., Pro Sexto, XXXIII, 71.

60

3 Id., Pro domo, XXV, 66–67.

61

4 Id., A., III, XXIII, 1.

62

5 Id., 2–3.

63

6 Dio, XXXIX, 10.

64

7 Cicero, Pro domo, XV, 40; Drumann, G. R., II, 281.

65

8 Mommsen в Hermes, 1899, с. 145 сл.

66

1 Cicero, Pro Sext., XXXIII, 72; In Pis., XV, 34.

67

2 Id., Pro domo, XXVI, 68; Pro Sext., XXXIV, 73, 74.

68

3 Id., Pro Sext, XXXV, 77; Plut., Cic, 33.

69

1 Cicero, Pro domo, X, 25.

70

1 Сам Цезарь признается в этом (B. G., II, 4).

71

1 Caesar, B. G., II, 33.

72

1 См.: Drumann (G. R., I, 31 сл.).

73

2 Dio, XXXIX, 8; App., B. C, II, 16.

74

3 Cicero, A., IV, I, 4.

75

4 Cicero, *ibid.*, IV, I, 6; Plut., *Pomp.*, 49; Dio, XXXIX, 9.

76

5 Unge, R. A., III, 309–310.

77

6 *Ibid.*, III, 308.

78

7 *Ibid.*, III, 309.

79

1 Dio, XXXIX, 12; Plut., *Cato Ut.*, 35; Cicero, *Pro Rab. Post.* II, 4; Lange, R. A., III, 311.

80

2 Beloch, *Die Bevölkerung Galliens zur Zeit Caesars* в *Rheinisch. Museum*, LIV, с. 414 сл.

81

1 Конец 57 года — очень важный момент в галльской войне, что ускользало от внимания всех историков (даже Jullian'a, Vere, 77). В этот момент после окончания кампании против белгов Цезарь объявил в Риме об умиротворении всей Галлии; потом, покончив с неопределенной политикой, которой следовал до сих пор, возвестил о присоединении этой страны. Другими словами, в конце 57 года Галлия сделалась римской провинцией. Это доказывают нам большие празднества, устраиваемые в то время и имеющие большое значение, ибо еще в конце 58 года ни народ, ни магистраты, напротив, никаких манифестаций не проводили (см.: Dio, XXXIX, 5 и 25; Oros., VI, 8, 6; Caesar, B. G., II, 35, но особенно речь Цицерона, *De provincieis consularibus*). Последняя — очень важный современный документ, на который историки не обращали достаточного внимания (см. особенно главы VIII, XIII, XIV: *una atque altera aestas* (лето 58-го и 57 годов, потому что речь произнесена весной 56 года) *vel metu, vel spe, vel poena, vel ppraemiis, vel annis, vel legibus potest totam Galliam sempiternis vineulis adstringere* (XIV, 34). Предположение, что Цезарь был побужден провозгласить аннексию ввиду положения своей партии в Риме, делают вероятным многие аналогии, приводимые историками, и оно подтверждается свиданием в Луке и его результатами. Тот факт, что Цезарь, B. G., II, 35, скрывает, так сказать, в одной короткой фразе самый важный момент своей жизни, вместо того чтобы разрушить это предположение, делает его только более

вероятным. Мы увидим, что Цезарь написал свои Комментарии, чтобы отместить обвинения консерваторов по поводу своего управления. А так как присоединение было сделано слишком поспешно, раньше, чем страна была еще завоевана, и возбудило многолетнюю войну за независимость, за которую возлагали на него ответственность, то ему нужно было постараться возможно лучше скрыть эту преждевременность, бывшую политическим подлогом и источником всех последующих войн.

82

2 Dio, XXXIX, 25.

83

3 Id.

84

4 App., B. C, II, 17.

85

5 Caesar, B. G-, II, 35; Plut, Caes., 21.

86

1 Plut., Caes., 17; Sueton., Caes., 57.

87

2 По крайней мере это, по-видимому, имеет в виду Плутарх в лаконичной 17-й главе биографии Цезаря.

88

3 См. Plut., Caes., 17.

89

4 Cicero, In Rab. Post., III, 6; Cicero, F., I, I, 1.

90

5 Cicero, In Pis, XXI, 50; In Rab. Post., III, 6; Dio, XXXIX, 12.

91

1 Dio, XXXIX, 13–14.

92

2 Cicero, Ad Qu., II, V, 1.

93

3 Id., III, 3–4.

94

4 Cicero, Ad Qu., II, III, 2.

95

5 Id., VI, 6.

96

1 Cicero, Ad Qu., П, V, 1.

97

2 Id., F. I., IX, 8. Это является новым доказательством того, что аграрный закон еще не действовал. Если бы кампанские поля были уже распределены, то это обсуждение было бы невозможно.

98

3 Id., 9.

99

1 См. у Корнелия Непота (Att., 14) описание жизни Аттика и в надписи из Турий (С. I, L., VI, 1527) описание знатной фамилии, которая, не выказывая архаической грубости, сохраняла древнюю строгость и скромность. См. также очень тонкие замечания у Vaglieri, *Notizie degli scavi*, octobr. 1898, p. 412 сл., а также Cicero (Pro Cael., IV, 9: M.) Crassi castissima domus.

100

2 См. Aristot, Pol., II, VI, 5; II, VI, 9; IV, V, 1.

101

1 Croiset, *Histoire de la littérature grecque*, Paris, 1899, vol. V, с. 408 сл.

102

2 Varro, R. R., HI, II, 16; III, V, 8.

103

1 Friedländer, D. S. G. R., II, 392.

104

2 См. любопытную переписку Целия с Цицероном (Cicero, F., VIII, VI, 5; VIII, IX, 3). См. также Cicero, A., VI, I, 21.

105

3

См.: Cicero, Pro Caelio, XV, 35.

106

4 Plin., H. N., XXXVII, I, 11–12.

107

5 См.: Cicero, Pro Cael., IX, 25; XII, 29; XVIII, 42.

108

1 Drumann, G. R., I2, 47.

109

2 См. всю речь Цицерона (Pro Caelio).

110

3 Catullus, XLVI.

111

4 Id., IV.

112

5 Id., XLVI, 1–3.

113

6 Id., XLVI, 5.

114

7 Catullus, Cl.

115

8 Id., IV.

116

1 Cicero, In Pis., 35.

117

2 Cicero, De prov. consul., 5.

118

3 Cicero, A., VI, I, 4 сл.; VI, II, 7 сл.

119

1 Желаящие подробнее ознакомиться с этим родом дел могут изучить предпринятую в 45 году Цицероном продажу его долговой претензии к Фаберию. Цицерон много говорит об этом в письмах (Cicero, A., XII, 5, 40, 47; XIII, 1–5, 27–33). О хронологии и интерпретации этих писем см.: Schmidt, B. W. C, 291 сл.

120

2 Светоний (Caes., 24) говорит, что условия Лукской конференции были придуманы Цезарем и что он предложил их и добился принятия их другими. Утверждение, конечно, точное, потому что из троих Цезарь был самым энергичным человеком, шедшим на риск при любых опасностях.

121

1 App., B. C, II, XVII.

122

2 Из Caes. (B. C, I, XIV) видно, что Цезарь имел гладиаторскую школу в Капуе. Я предполагаю, что он основал ее, когда галльские войны стали приносить ему прибыль.

123

3 Нет прямых указаний на то, что при свидании в Луке речь шла о египетских делах, но это более чем вероятно. Красс, Цезарь и Помпей не могли бросить дело, которое при небольшом риске могло быть столь выгодным. Мы предполагаем, на основании слов Плутарха (Caes., 48), что Цезарь заставил Птолемея обещать деньги. Суммы, которые наследники Птолемея должны были ему в 48 году, могли быть только обещанными за его реставрацию.

124

1 Caesar, B. G., III, 7 и 10.

125

2 Это, как кажется, следует из Светония (Caes., 25), последовательно излагающего главные факты завоевания в хронологическом порядке, за исключением конца, где он упоминает о поражении при Герговии до убийства Титурия и Аврункулея.

126

3 Caesar, B. G., Ш, 11; Dio, XXXIX, 40.

127

1 Цезарь (B. G., III, 11) говорит: «Ex Pictonibus et Santonis reliquisque pacatis regionibus». Однако он еще не сказал о покорении пиктонов и сантонов и даже впервые только упоминает о первых. Вероятно, эта просьба о помощи была одним из тех многочисленных быстрых решений, которые Цезарь принимал, чтобы покорить для Рима еще свободные народы Галлии.

128

2 Cicero, F., I, IX, 9.

129

3 Cicero, Ad Q., II, 8.

130

4 Lange, R. A., III, 323.

131

1 Cicero, A., IV, 1, 3; IV, 2, 7; IV, 3, 6.

132

2 Cicero, Ad Qu., II, 6, 3.

133

3 См. о мотивах этого изменения взглядов интересное письмо Цицерона (F. I, 9).

134

4 Overbeck, G. G. P. II, 482.

135

5 Lange, R. A., III, 309 сл.

136

6 См.: Cicero, De prov. cons., XIII и XV, 32–36.

137

1 Plut., Crass., 15; Pomp., 51; Dio, XXXIX, 27.

138

2 Plut., Crass, 15; Cato Ut., 41.

139

3 Dio, XXXIX, 27.

140

4 Plut, Pomp., 51; Crass., 15; Dio, XXXIX, 28; Valer. Max., VI, 2, 6.

141

5 Dio, XXXIX, 30.

142

1 Светоний (Caes., 24) говорит, что систематический грабеж Галлии начался после свидания в Луке.

143

1 Juilian, Vera, 81. Верцингеториг, конечно, — имя, а не титул. См.: *ibid.*, 87 сл.

144

2 B. G., V, 25.

145

3 B. G., V, 54.

146

4 B. G., IV, 21.

147

5 B. G., V, 6.

148

6 B. G., VI, 12.

149

7 Juilian (Verc, 80 сл.) первый ясно указал на эту перемену политики Цезаря в Галлии, в которой Фюстель де Куланж не отдавал себе отчета; см.: G. R., 52–55.

150

8 App., B. C, II, 17; Plut, Рошр., 52; Crass., 15; Cato Ut, 41–42; Dio, XXXIX, 31.

151

9 Cicero, Phil., XIII, 10, 23.

152

1 Cicero, Phil., II, 10, 24.

153

1 Drumann, G. R., IV, 93.

154

2 Dio, XXXIX, 38.

155

3 Cicero, A., IV, 10, 1.

156

4 Plut, Cato Ut, 35.

157

5 Dio, XXXIX, 55–58; App., Syr., 51; Jos., A. I., XIV, 6, 2; B. I., I, 8, 7; Cicero, Pro Rab. Post, VIII, 22.

158

6 Plut, Crass., 2.

159

7 App., B. C, II, 18. См. как свидетельство отвращения консерваторов от этого предприятия враждебное суждение Флора (III, 11), заимствованное, конечно, у консервативного историка Тита Ливия.

160

1 Plut. (Caes., 22) утверждает, что поведение Цезаря по отношению к этим врагам было вероломным, и это доказывается также предложением Катона, которое не было бы сделано, если бы Цезарь в действительности не нарушил международного права. Можно видеть также (B. G., IV, 12), что Цезарь пытался оправдаться, сваливая вину на врагов.

161

2 Dio, XXXIX, 53.

162

3 Plin., N. H., VIII, 7, 20. Текст Авла Геллия (X, I, 6) свидетельствует, что храм, пристроенный к театру, был освящен Помпеем в его третье консульство. См.: Asconius, In Pison., p. 1.

163

1 Loewy (Zeitschr. für bildende Kunst, XXШ (1888), с. 74 сл.), однако, доказал, что эта традиция ложна.

164

2 Gilbert, T. R., III, 323.

165

3 Cicero, F., VII, I, 3.

166

4 Dio, XXXIX, 39.

167

1 Plut., Crass., 17.

168

2 Sueton., Caes., 24.

169

1 Caesar, B. G., V, 2.

170

2 Sueton., Caes., 47.

171

3 Cicero, A., IV, XVI, 14.

172

4 См.: Lanciani, F. U., tav. 15 и 21.

173

5 Cicero, A., IV, XVI, 14.

174

6 Sueton., Caes., 47.

175

7 Ibid., 48.

176

1 Schol. in Iuven., I, 109.

177

2 См.: Cicero, A., VII, 7, 6,—Catullus, XXIX.

178

3 См.: «Imperator unice» Катутла, Carm. XXIX, 11; LTV, B., 2,— иронический намек на чрезвычайные похвалы, расточаемые Цезарю его поклонниками.

179

4 Cicero, F. I, 9, 20.

180

5 Cicero, Ad Q., II, 15; B., 2.

181

6 Cicero, F., I, 8, 12–18; F., VII, 5; VII, 8, 1.

182

7 Cicero, Ad Q., III, 2, 2.

183

8 Lange, R. A. III, 339; Cicero, Ad Q., II, 16, 1; A., IV, 16, 1.

184

1 См.: Giussani, L. R., 147; Stianpini, Il suicidio di Lucrezio R. S. A., I, fasc. 4; Cicero, Ad Q. II, XI, 4.

185

2 Cicero, Ad Q., II, 14, 1.

186

3 Lichtenberger, De Ciceronis re privata; Paris, 1895, p. 9, 14.

187

4 Из показаний самого Цицерона (A., V, 4, 3; V, 5, 2; V, б, 2) следует, что он был должником Цезаря. Так как эти письма, принадлежащие к 51 году, говорят о возврате долга, то мне кажется вероятным, что долг был сделан в эпоху самой большой дружбы между Цезарем и Цицероном и наибольшего богатства Цезаря.

188

5 Catullus, Carm., XI.

189

6 Giussani, L. R., 167.

190

7 Catullus, Carm., XXIX, LIV, LVI1, XCIII.

191

1 Catullus, Carm., LII. (Перевод А. П. Рудакова).

192

2 Catullus, Carm., XXXVII. (Перевод А. П. Рудакова).

193

3 Lange, R. A., III, 337.

194

4 App., B. C, II, 19.

195

Drumann, G. R., III, 4; Cicero, A., IV, 15, 7; IV, 18.

196

6 Cicero, A., IV, 16, 8.

197

7 Плутарх (Cato Ut., 44) рассказывает этот эпизод с некоторой неточностью, что следует из текста Цицерона (A., IV, 15, 7).

198

8 Cicero, Q., II, 16, 2.

199

9 Cicero, Q., II, 16, 2.

200

1 Cicero, Q., III, 16, 3.

201

2 Cicero, Q., III, 1, 1–2.

202

3 Cicero, Q., II, 16, 4.

203

4 См.: Cicero, A., IV, 16, 13, и F., VII, 7. Vogel (J. P. P, 153, с. 276 сл.), мне кажется, доказал, что «*Britannici belli exitus expectatur*» Цицерона (A., IV, 16, 13) и его же (F., VII, 7, 2) «*Sine Britannia*» указывают, что мысль об экспедиции была оставлена, и главы 1–7 пятой книги Комментариев подтверждают это толкование.

204

5 См.: Strabo, IV, V, 3 (200).

205

6 Caesar, B. G., V, 6.

206

7 Id., B. G., V, 4.

207

8 Atheneus, VI, 105 (273).

208

1 См.: Cicero, Q., II, XVI, 4. Это письмо написано в конце августа, как указывает место: *Scauri iudicium statim exercebitur*. А мы знаем из Аскония, что процесс против Скавра происходил 2 сентября.

209

2 Vogel (I. P. P., 153 с. 275 сл.) установил эту дату и выставил солидные доказательства против менее поздней даты, допущенной Наполеоном III.

210

3 Cicero, Q., II, 16, 4.

211

4 Cicero, Q., III, 1, 5, 17; Ш, 1, 7, 25; ПИ, 8, 3; Dio, XXXIX, 64; Sueton., Caes., 26.

212

5 Cicero, Q., III, 1, 5, 16; А., IV, 18, 2.

213

6 Cicero, Q., III, 2, 3.

214

7 Cicero, Q., III, 1, 7, 25.

215

1 Cicero, Q., III, 1, 7, 25. Это место вполне согласно с местами Цезаря (В. G., V, 10–11). «*Quum ad mare accesserit*» Цицерона, без сомнения, указывает на путешествие, о котором Цезарь рассказывает в этой главе и которое произошло в конце августа. Письмо написано около 28 сентября. Vogel, I. P. P., CLIII, p. 281.

216

2 Cicero, Q., III, 3, 1 (письмо написано около 20 октября. Vogel, I. P. P., CLIII, p. 281).

217

3 Cicero, Q., III, 4. Заметьте, однако, что, по справедливому предположению Фогеля (I. P. P., CLIII, p. 281), начало письма не сохранилось.

218

4 По Фогелю (I. P. P., СЫН, р. 281 сл.), долгое молчание, на которое жалуется Цицерон, доказывает, что партизанская война, предпринятая с целью перехватить сообщения римлян, о которой говорит Цезарь (В. G., V, 22), была серьезнее, чем он дает понять, и являлась одним из оснований для скорого заключения мира. Все указывает, что Цезарь, против своего желания участвовавший в этом предприятии, отступил, как только можно было заставить в Риме поверить, что он имел успех.

219

5 Caesar, B. G., V, 22.

220

6 Vogel, I. P. P., CLIII, p. 284.

221

7 См.: Strabo, IV, V, 3 (200).

222

8 Так по Плутарху (Caes... 23). Сенека (Ad Marc, 14), напротив, говорит, что Цезарь получил известие об этом в Британии.

223

1 App., B. C, П, 20.

224

2 Cicero, Ad Q., III, 8, 4: Rumor dictatoris injueundus bonis; III, 9, 3: principes nolunt.

225

3 Cicero, Ad Q., III, 8, 4: Velit nolit, scire difficile est.

226

4 Cicero, Q, III, 1, 7, 24.

227

5 Dio, XXXIX, 55.

228

6 Cicero, Q., III, 1, 5, 15.

229

7 Cicero, Q., III, 4, 1; A., IV, 16, 9; Dio, XXXIX, 62.

230

8 Dio, XXXIX, 63.

231

1 Caesar, B. G., V, 24. «Unam legionem, quam proxime trans Padum conscripserat, et cohortes V in Eburones...misit» — таков обычный текст. Но без сомнения его следует исправить: «...unam legionem et cohortes V, quas proxime trans Padum conscripserat...» Так как Цезарь перечисляет свои восемь легионов, то этот «unam legionem», названный последним, не мог быть набран proxime, но самое раннее — в 58 году, когда он набирал два новых легиона для войны с белгами. Напротив, пять когорт, кроме этих восьми легионов, появляются здесь в первый раз, и естественно, что Цезарь объясняет, где и когда он их набрал.

232

1 Caesar, B. G., VI, 1.

233

2 О влиянии иностранных купцов на древнюю кельтскую и германскую жизнь см.: Caesar, B. G., II, 15; IV, 2; IV, 24. О торговле вином между Италией и Галлией см.: Diodor, V, 26; Atheneus, IV, 36(152). См. также: Julian, Verc, 51.

234

1 Fustel de Coulanges, G. R., 33.

235

2 Strabo, IV, П, 1 (190); IV, II, 2 (191); IV, ПI, 2 (192); IV, IV, 3 (196); IV, IV, 3 (197). Эти указания относятся к несколько более позднему времени, но вероятно, что прогресс промышленности, результатом которого они являются, начался уже во времена Цезаря. Julian, более смелый, чем Фюстель де Куланж (G. R., 32), замечает, что Комментарии Цезаря и раскопки, предпринятые у Mont Beauvrai (Bibrakte), указывают, что в Галлии уже в эту эпоху были развиты искусство и ремесла.

236

3 Fustel de Coulanges, G. R., 35.

237

4 Caesar, B. G., VI, 24.

238

1 Caesar, B. G., VI, 3.

239

1 Флор (III, 11) дает Крассу одиннадцать легионов; но, по Плутарху, у него было только девять. Плутарх (Crass., 20) говорит, что Красс имел с собой семь легионов при вторичном переходе через Евфрат. К этим семи легионам надо прибавить (Plut., Crass., 17) 7000 солдат, оставленных в Месопотамии, которые, без сомнения, составляли два легиона по 3500 человек, ибо римляне по возможности избегали дробить легионы. Мы имели бы, таким образом, девять легионов, и число солдат в каждом из них можно было бы определить по числу солдат в двух легионах, оставленных в Месопотамии. Возможно, что в тексте Флора имела место ошибка переписчика, написавшего XI вместо IX. Нет необходимости считаться с преувеличениями Аппиана (B. C, II, 18), утверждающего, что армия Красса состояла из 100 000 человек.

240

2 Dio, XL, 12–13; Plut., Crass., 17.

241

3 Dio, XL, 13; Plut., Crass., 17. Manfrin, сделавший в своей книге «La cavalleria dei Parti» (Roma, 1893) столько тонких и справедливых замечаний об этой войне, первый указал, что конечный неуспех заставил историков подвергнуть несправедливой и мало обоснованной критике всю кампанию.

242

1 Rawlinson, S. G. O. M., 159 сл.

243

2 Plut., Crass., 18; Dio, XL, 16.

244

3 Plut., Crass., 19.

245

4 Plut. (Crass., 20) говорит, что Красс направился вдоль Евфрата. Но в той же главе Плутарх

рассказывает, что некоторое время спустя Кассий пытался убедить Красса двинуться на Селевкию вдоль Евфрата и что по этому поводу был созван военный совет. Дион (XL, 20) также упоминает об этом. Невозможно, следовательно, чтобы армия шла вдоль Евфрата. Красс, очевидно, пошел по дороге внутрь Месопотамии, где находились осажденные города, чтобы освободить их и немедленно нанесли поражение парфянам.

246

5 См. вычисления Рустова (Н. К. С, 63 сл.) о длине, которую занимал легион при движении по большой дороге.

247

1 Plut., Crass., 20.

248

2 Rawlinson (S. G. O. M., 157 сл., 162 сл.) и Manfrin (С. Р., 73 сл.) указали, что напрасно обвиняют Красса в том, что он повел свою армию в пустыню. Пустыня начинается только за тем местом, где был дан бой. Эта часть Месопотамии имела города, источники воды и богатую растительность. Это была богатая и населенная страна, как доказывают многие свидетельства древних и рассказ Диона (XL, 21) «Страна имела деревья».

249

3 Dio, XL, 20; Plut., Crass., 21.

250

1 Plut., Crass., 22.

251

2 Rawlinson, S. G. O. M., 163.

252

3 О длине легиона, построенного в одну линию без интервалов, см.: Rustow, Н. К. С, 55.

253

4 Plut., Crass., 23. 70 когорт не могли быть все включены в каре, согласно тексту Плутарха, который говорит, что стороны каре имели по 12 когорт; это составило бы 48 когорт. Но следует иметь в виду, что *agmen quadratum* обычно был в виде прямоугольника, стороны которого относились к фронту как 2 к 3 (Rustow, Н. К. С, 56), и что, взяв за основание фронт в 12 когорт, мы получим всего 40 когорт, т. е. ровно 4 легиона. Мы поэтому можем предположить, что в каре было построено только четыре легиона. Тот факт,

что парфяне предприняли обходное движение, отраженное Крассом, дает основание думать, что другие легионы оставались позади. Им-то парфяне и должны были угрожать позади каре. Было бы хорошо, чтобы специалисты занялись тщательным изучением этой столь интересной битвы между пехотой и конницей. Manfrin осветил некоторые темные стороны, но много других еще ждут своего объяснения.

254

5 Plut., Crass., 23.

255

1 Plut., Crass., 23; Dio, XLI, 22; Manfrin, C. P., 78.

256

2 Plut, Crass., 24, 25.

257

1 Plut., Crass., 25–26; Dio, XL, 24.

258

2 Manfrin, C. P., 88, правильно оценивает поведение легионов, но, по моему мнению, слишком суров к Крассу.

259

3 Это, по моему мнению, самый вероятный рассказ о том, что произошло ночью. Мало вероятно, напротив, чтобы, как рассказывает Плутарх (Crass., 27), Красс совершенно потерял в эту ночь голову и что Кассий по собственной инициативе дал приказ об отступлении. Энергичное поведение Красса до и после битвы указывает, что если у него и был временный приступ скорби, то он скоро сумел вернуть себе хладнокровие. Кроме того, Кассию трудно было бы присвоить себе власть генерала, которому так охотно повиновались и которого так уважали, как Красса.

260

4 Plut, Crass., 28; Dio, XL, 25.

261

5 Plut, Crass., 28.

262

1 Место Плутарха (Crass., 29) о «тщетных надеждах на Армению» косвенно указывает нам на план

Красса.

263

2 Это, по моему мнению, самое вероятное предположение, чтобы объяснить удивительное отступление Кассия. Дион (XL, 25) и Плутарх (Crass., 29) дают только неполные и темные рассказы об этом странном эпизоде. Кассий мог отделиться от армии только с согласия Красса; но основания, по которым это согласие было дано, остаются одним из многочисленных темных пятен этой странной войны. См. также смутные намеки Диона (XL, 28).

264

3 Plut., Crass., 30; Dio, XL, 26.

265

1 Plut., Crass., 30–31; Dio, XL, 27; Polyæn., Strateg., VII, 41; дату дает Овидий (Fasti, VI, 465), но не совсем точно, ибо в один и тот же день, по его мнению, произошли битва при Каррах и смерть Красса.

266

2 Drumann, G. R., IV, 109.

267

3 Lange, R. A., III, 359.

268

4 Ibid., 351 сл.

269

1 По поводу имуществ, конфискованных Цезарем у одних галлов и отданных другим, см.: Caesar, B. G., III, 69.

270

1 Plin., N. H., XXXVI, VI, 48; Courbaud, B. R. R., p. 352.

271

2 Caesar, B. C, I, 15.

272

3 Lange, R. A., III, 352 сл.

273

4 Cicero, Pro Milone, XIV, 37.

274

5 Cicero, Pro Mil., XV, 40; Dio, XLV, 40.

275

6 Dio, XL, 47.

276

7 Ibid., 46.

277

8 Asconius, p. 32.

278

1 App., B. C, II, XXI; Dio, XL, 48; Vellerns, II, 47; Livius, P., CVII; Cicero, Pro Mil., X, 28.

279

2 App., B. C, II, 21–22; Dio, XL, 49; Asconius, p. 34.

280

1 Jullian, Vercing., 114: «Его (Цезаря) поведение во время начавшейся зимы (53–52) было странным неблагоприятием».

281

2 Цезарь не говорит об этом варварском эпизоде. О нем довольно наивно рассказывает Гирций (В. Г., VIII, 23). Если бы галлы также написали историю римского завоевания, то они, без сомнения, рассказали бы нам много подобных случаев, которые лучше бы объяснили ненависть галльской знати к завоевателям. По Гирцию, попытка убийства Коммия Лабиеном произошла по собственному почину последнего, но это невозможно. Коммий был связан с Цезарем слишком тесной дружбой, и Лабиен не стал бы действовать без согласия проконсула.

282

1 Dio, XL, 48.

283

2 Ibid., 49.

284

3 Dio, XL, 49; App., B. C, II, 22.

285

4 Чтобы понять, как менялось общественное мнение по отношению к Цезарю в 53 и 52 годах, достаточно сравнить то, что говорит о Цезаре Цицерон в 56-м, 55-м и 54 годах (Cicero, F., I, 9; VII, 7; VII, 8, Ad Q., II, 15, B.; II, 16; III, 1; III, 5; III, 8; III, 9; A., IV, 16; IV, 18; и вся речь De provinciis consularibus), с тем, что он писал в 51 и 50 годах (Cicero, A., VI, 1, 25; VII, 7, 5). См. кроме того: Cicero, F., II, 8, 2. Это изменение объясняется не личными причинами, ибо Цезарь всегда делал все возможное, чтобы сохранить к себе расположение Цицерона (см.: A., VII, 1, 3), а переменой мнения в высших классах, имевшей причиной гибель Красса, внутренний беспорядок в Риме и восстание галлов. Нужно заметить, кроме того, что в переписке Цицерона мы почти не имеем писем 52 года и что те, которые у нас остались, являются непоказательными. Так как вероятно, что переписка была опубликована при Августе и, конечно, была предметом предварительной цензуры, то я склонен думать, что письма 52 г. почти все были устранены, потому что они указывали на вызванный восстанием галлов ужас и содержали очень нелестное мнение о Цезаре. Момент перемены беспристрастного общественного мнения, бывшего ранее благосклонным к Цезарю после завоевания Галлии, относится как раз к 52 году: в этом году отдали себе отчет в том, что присоединение 57 года было политической ошибкой.

286

1 Florus, III, 10, 22.

287

2 Cicero, Pro Milone, XXIII, 62; XXVI, 70; Asconius, p. 35, 51; Dio, LX, 49–50; Caesar, B. G., VII, 1.

288

3 Sueton., Caes., 27.

289

1 App., B. C, II, 25; Dio, XL, 51.

290

2 Caesar, B. G., VII, 1–5.

291

1 Так как Клодий умер 18 января, то мне кажется возможным принять приблизительно эту дату на основании Caes. (B. G., VII, 1). Я замечу, кстати, что в рассказе об этой войне Цезарь почти везде пренебрегает всякой хронологией, что увеличивает трудность восстановления истории этой войны.

292

2 Jullian (Vercing., 155) думает, что Цезарь прибыл к своим легионам в конце февраля. Это мне кажется маловероятным. Путешествие из Равенны в Нарбон, распоряжения, отданные им для защиты нарбонской Галлии, и переход через Севенны не могли занять у него менее двух недель. От Оверни до Агединка через Виенну около 600 километров, и, хотя часть перехода была сделана верхом, нужно прибавить еще пятнадцать дней. Чтобы Цезарь мог присоединиться к своим легионам в конце февраля, нужно было, чтобы из Равенны он выехал в конце января, что совершенно невероятно, если иметь в виду, что Клодий был убит 18 января, что Цезарь приехал в Равенну после этого убийства, что он оставался там некоторое время и старался получить возможность выставить свою кандидатуру в консулы заочно. Все это нельзя было сделать за несколько дней. Относительно того, что легионы должны были собраться у Агединка, то это, по моему мнению, следует из слов Цезаря (B. G., VII, 9): «legiones in unum locum...cogit» и (VII, 10) «duabus Agedinci legionibus...relictis» (Id.).

293

1 Герцог Омальский (Revue des Deux Mondes от 1 мая 1858 г., с. 75) заметил, что легионы Цезаря не могли состоять из 5000 человек, но что они должны были иметь от 3500 до 4000. Если мы учтем, что дело происходит в конце войны, то, я думаю, можно еще уменьшить их численность и считать в них только по 3000 человек.

294

2 Jullian (Verc, 159) приписывает Верцингеторигу от 6000 до 7000 всадников и 100 000 пехотинцев. Большинство историков также склонны рассматривать армию Верцингеторига как очень значительную. Но это мне кажется невозможным. Прежде всего, откуда набрал бы он столько солдат? Восставшие народы, конечно, послали ему контингенты; но не нужно забывать, что некоторые из этих народов, притом самые важные, например сеноны и паризии, сконцентрировали свои военные силы в своей стране, так что скоро Цезарь должен был послать против них четыре легиона. Кроме того, поскольку в древности нелегко было прокормить 100 000 человек в военное время (Митридат, например, должен был неоднократно в течение ряда лет собирать хлеб, чтобы содержать армии, едва ли более значительные), то было совершенно невозможно, чтобы такая большая армия вела столь опустошительную войну, какую вела армия Верцингеторига. Подобная война могла иметь успех только в том случае, если опустошающая армия малочисленнее неприятельской или если она имеет гораздо больше продовольствия, в противном случае опасность является для нее большей, чем для врага. Ничто не доказывает, что таков был случай с Верцингеторигом. Кроме того, в войне почти всюду участвовала только кавалерия (см.: Caesar, B. G., VII, 14), пехота играла лишь второстепенную роль. Когда Цезарь сделал попытку захватить лагерь (VII, 17), она могла очень быстро вместе с багажом спрятаться в болоте, что было бы невозможным, если бы она была многочисленна. Наконец, возможно ли, чтобы Цезарь осмелился разделить свою армию и отправиться в

Герговию только с шестью легионами, т. е. приблизительно с 20 000 человек, если бы он имел против себя армию в 100 000 пехотинцев, кавалерия которой превосходила его собственную? Можно считать до 8000 число всадников, так как Верцингеториг в конце войны имел их 15 000 (Caesar, B. G., VII, 64), после того как получил подкрепление из Аквитании, а часть всадников была доставлена ему после совещания в Бибракте.

295

3 Нужно вспомнить, что календарь был тогда более чем на месяц впереди действительного времени года.

296

1 Должно заметить, что Цезарь (B. G., VII, 18), рассказывая о попытке захватить врасплох пехоту Верцингеторига во время отсутствия конницы, не говорит, с какими силами он шел против галльского лагеря, что было бы важной подробностью. Это не может быть случайной забывчивостью; вероятно, он шел с небольшим числом людей, потому что галльских пехотинцев самих было немного. Он умолчал, сколько солдат вел с собой, чтобы нельзя было предположить, каковы были силы врага.

297

1 Jullian (Vercing., 183), по моему мнению, прав, определив время, нужное для этой экспедиции — с момента отъезда из Агединка до взятия Аварика — в пять недель. Так прошли конец марта и первая половина апреля.

298

2 Об этой ошибке Цезаря см.: Varone, J. G. C, с. 64.

299

1 См. у Наполеона III (J. C, II, 281) замечания о рассказе Цезаря (B. G., VII, 45–51) об этом приступе.

300

2 См.: Caesar, B. G., VII, 56.

301

1 Plut., Caes., 26.

302

1 Герцог Омальский первый заметил, что необходимо предположить это движение Цезаря на восток, о котором Комментарии ничего не говорят. По его мнению, Цезарь отправился в Vitry-sur-Marne. См.: Revue des Deux Mondes, 1 mai 1858, p. 76–77.

303

2 Spectateur militaire, avril, 1863.

304

3 Герцог Омальский в Revue des Deux Mondes, mai 1858, p. 94, отметил стратегические преимущества этого места и указал, что Верцингеториг прекрасно поместил свою главную квартиру. Я не останавливаюсь на вопросе, действительно ли Alise-Sainte-Reine — древняя Алезия, так как это мне кажется теперь вне сомнения.

305

1 Дион (XL, 30) говорит нам, что Цезарь хотел идти на помощь Провинции.

306

2 Von Göler, Caesars gallischer Krieg in dem Jahre 52. Karlsruhe 1859.

307

3 Revue des Deux Mondes, 1858, 1 mai, с. 87.

308

4 Spectateur militaire, avril, 1863.

309

5 Revue des Deux Mondes, 1858, 1 mai, с. 95.

310

6 Я откровенно заявляю, что тщательно изучал географические карты Франции, измерял расстояния и высчитывал дни пути, но не могу присоединиться ни к одной из этих гипотез. Задача эта, быть может, неразрешима. Для ее решения необходимы во всяком случае стратегические и топографические знания, превышающие мои.

311

1 Обычно допускают, ссылаясь на Цезаря (В. G., VII, 77), что кроме кавалерии в Алезии укрылось 80 000 солдат. Но следует прежде всего заметить, что эта цифра вложена в уста Критогната, произносящего речь; кроме того, трудно допустить, чтобы 80 000 человек, присоединившиеся к населению, могли найти место в маленьком галльском городе и жить там почти два месяца; наконец, нельзя объяснить бездеятельность Верцингеторига, если он располагал такими силами. См. замечания герцога Омальского в

Revue des Deux Mondes, 1 mai, 1858, с. 111.

312

1 Revue des Deux Mondes, 1 mai, 1858, с. 113.

313

2 Это вероятное предположение сделано герцогом Омальским. Revue des Deux Mondes, 1 mai, 1858, с. 112.

314

3 Dio, XL, 40; Caes., B. G., III, 47.

315

1 Цезарь (B. G., VII, 76) говорит, что общая численность армии достигала 250 000 пехотинцев и 8000 всадников. Поспешность, с какой проведен был набор, и трудность прокормить 250 000 человек даже в течение короткого времени заставляют подозревать, что эти оценки несколько преувеличены. Тем не менее армия все же должна была быть очень многочисленной.

316

2 Jullian, Verc, 286.

317

1 App., B. C, II, 23; Dio, XL, 50; Plut., Pomp., 54; Cato Ut, 47.

318

2 Sueton., Caes., 26; Dio, XL, 51; Cicero, A., VII, 1, 4; VII, 3, 4.

319

3 Cicero, A., VII, 16, 2; Vellerns, II, 76.

320

4 Lange, R. A., III, 361.

321

5 Dio, XL, 56.

322

1 Plin., N. H., XV, 1, 3.

323

1 Например, К. Фунданий, откупщик П. Агразий, всадник К. Атрий (Varro, R. R., I, 2, 1), praetectus fabrum Либон Мартий (Varro, R. R., I, 2, 7), М. Сей (Varro, R. R., III, 2, 7), всадник Габерий, разводивший коз (Varro, R. R., II, 3, 10).

324

2 Blumner, G. T. A., p. 98. См. вторую книгу Варрона «De re rustica».

325

3 Forcella, I. C. M., c. 12, сл.; c. 25.

326

4 Blumner, G. T. A., 102.

327

1 Blumner, G. T. A., 100.

328

2 Plin., N. H., XIX, 1, 9.

329

3 Strabo, IV, VI, 2 (202).

330

4 Fabroni, Storia degli antichi vasi fittili aretini, 1841, p. 55.

331

5 Diodor, V, 13.

332

6 Blumner, G. T. A., 117–119.

333

7 Forcella, I, C. M., 45 сл.

334

8 Именно об этом классе упоминает Цезарь (B. G., I, 13; I, 23).

335

9 См. Caesar, B. C, III, 71.

336

10 Aul. Gell., XV, 4.

337

11 См., кроме Мамурры, случай с дедом Веллея Патеркула (Veil, II, 76).

338

1 Horat., Sat., VI, 71 сл.

339

2 Donatus, p. 54, 10.

340

3 Schanz, G. R. L., I, 143.

341

4 Schanz, G. R. L., I, 141.

342

5 Donatus, p. 58, 21; Servius ad. ed., VI, 3.

343

1 См.: Cicero, A., VII, 2, 1; Tusc, III, 19, 44; De Orat, XLVIII, 161.

344

2 Cicero, F., XIV, VII, 3.

345

1 Corn. Nepos, Att., 15.

346

2 Cicero, Ad Q., II, XIII, 2. По вопросу о латифундиях см. прекрасную работу Сальвиоли «Le capitalisme dans le monde antique». Paris, 1906.

347

1 Ущерб, понесенный военной славой Цезаря из-за событий 53–52 гг., — не только предположение, являющееся вероятным благодаря стольким другим аналогичным историческим фактам, но подтверждается той легкостью, с какой поверили тогда в Риме слухам о понесенных Цезарем поражениях (см.: Cicero, F., VIII, 1,4) и о сильном недовольстве, охватившем его армию. См.: Plul., Pomp., 57; Plut., Caes., 29.

348

1 Dio, XL, 44; XL, 56; App., B. C, II, 24; Plut, Pomp., 55; Caes., 28.

349

2 Ученые согласны теперь признать, что Commentant de Bello Gallico были опубликованы в 51 году. Я думаю, вместе с Ниппердеем и Шнейдером, что они были уже закончены к началу 51 года и что, таким образом, они были написаны в последних месяцах 52 года, после окончания войны с Верцингеторигом, но раньше начала новых войн. Действительно, если бы они были написаны в 51 году и после войн этого года, то они содержали бы в себе рассказ и о них.

350

3 Напр., Caesar, B. G., I, 29.1

351

4 Ibid., II, 4.

352

5 Ibid., VII, 77.

353

6 Hirtius, B. G., VIII, praef.

354

1 Клеветники Цицерона хотели видеть в этом деле интригу, которой там не было. Места у Цицерона (A., V, 8, 2; F., VIII, 3, 2) мне кажутся очень ясными: дело идет о фиктивной покупке имений Милона, совершенной Филотимом по соглашению с Милоном и его друзьями для того, чтобы спасти эти имения. В общем, Милон благодаря бескорыстной поддержке Цицерона выкупил свои имения за минимальную сумму. Интрига была позднее, — когда в бытность Цицерона в Киликии Филотим старался заставить признать себя действительным владельцем части имений к ущербу для Милона. Отсюда беспокойство Цицерона, боявшегося, как бы его не стали подозревать в недостатке верности и в сговоре со своим вольноотпущенником.

355

2 Plut., Cic, 36.

356

3 Cicero, F., III, 2, 1; A., V, 2, 3.

357

1 Lichtenberger, De Ciceronis re privata, Paris, 1895, p. 48.

358

2 Cicero, F., V, 20, 1.

359

3 Aul. Gell., XV, 4.

360

4 Место из Авла Геллия (XV, 12) указывает нам, что деньги часто перевозились в амфорах.

361

5 Cicero, A., V, 1, 3; Schmidt, B. W. C, 73.

362

6 См. рассказ о подобной сцене у Цицерона (A., V, 1).

363

1 Cicero, F., Vin, 1, 3.

364

2 Ibid., 1, 4.

365

3 См.: Dio, XL, 43. Он упоминает не о правильной подати, наложенной на Галлию, по словам Светония (Caes., 25), но о чрезвычайных контрибуциях, наложенных вследствие войны.

366

4 Sueton., Caes., 26–28.

367

5 Ibid., 28.

368

1 Порядка этих обсуждений, подготовивших великое столкновение партий, нельзя установить по путаным рассказам Аппиана (B. C, II, 25–26) и Светония (Caes., XXVIII), но, к счастью, у нас есть сообщение Цицерона. В письме к Аттику (Cicero, A., V, 2, 3) он говорит, что 8 мая он не знал, как Цезарь принял *auctoritas praescripta* сената по поводу транспаданцев. Очень вероятно, что Цицерон здесь упоминает о предложении, сделанном, согласно Светонию (Caes., XXVIII), Марцеллом: *ul colonis quos rogatione Vatinia Novumcomum deduxisset, civitas adimiretur*. Аппиан, напротив, ничего не говорит об этом предложении и довольствуется рассказом о грубости, с какой Марцелл выступил против жителей Кома. Эта грубость была, очевидно, следствием борьбы, вызванной этим предложением. Заседание, следовательно, происходило в апреле, и мне кажется вероятным, что это было именно то заседание, на котором присутствовал Цицерон (F., IV, 3, 1) и где он слушал умеренные советы Сервия. Аппиан, с другой стороны (B. C, II, 25), до случая с команцами упоминает о сенатском заседании, на котором была отвергнута просьба Цезаря о продлении его начальствования. Светоний не упоминает об этом предложении, но по порядку, которому следует Аппиан в своем рассказе, я склонен думать, что это последнее обсуждение происходило до случая с команцами и, следовательно, вероятно, в то же самое время, что и обсуждение предложения по поводу гражданства жителей Кома. Оба обсуждения были только поводом к нападкам на Цезаря. И таким образом, еще более понятны благоразумные советы Сервия.

369

2 Lange, R. A., III, 372; Cicero, A., V, 2, 3.

370

3 Cicero, A., V, 2, 3; F., VIII, 1, 2.

371

4 App., B. C, II, 26; Plut., Caes., XXIX; Cicero, A., V, 11, 2.

372

1 Cicero, F., II, 8, 2; A., V, 7.

373

2 Цицерон оказывает нам большую помощь в определении даты этого обсуждения. Он говорит (F., Vm, 1, 2), что Марцелл «...in Kalendas Junias distulit relationem...provinciarum Galliarum». Очевидно, именно об этом заседании рассказывает Светоний (Caes., XXVIII): «M. Claudius Marcellus...retulit ad senatum, ut ei succederetur ante tempus». Светоний не упоминает о противодействии Помпея, о котором говорит Аппиан (B. C, II, 26). Можно сделать, однако, одно возражение. По рассказу Цицерона (A., V, 7), 20 мая Помпей был в Таренте. Мог ли он присутствовать 1 июня на заседании сената? Доехать за десять или одиннадцать дней из Тарента до Рима вполне возможно. Но если не предполагать такой необычайной быстроты, то можно допустить, что заседание происходило не 1 июня, в соответствии с намерением Марцелла, а несколькими днями позднее, или что Помпей не выступал лично, а поручил это кому-нибудь из своих друзей.

374

3 Lange, R. A., III, 377.

375

1 Cicero, A., V, 11, 3.

376

2 Cicero, F., Vin, 4, 4.

377

3 Id., F., VIII, 9, 2.

378

4 Id., F., VIII, 9, 5.

379

3 Lange, R. A., III, 378.

380

6 Cicero, A., V, 21, 13.

381

7 Ibid.

382

1 Cicero, F., VIII, 1, 4; Schmidt (B. W. C, с. 12) первый отчетливо осветил важность этой книги с политической точки зрения.

383

2 Об этом заседании см. важное письмо Цицерона (Cicero, F., VIII, 8).

384

1 Cicero, F., VIII, 10, 2.

385

2 Id., VIII, 10, 3.

386

3 Id., III, 8, 4.

387

4 Id., II 17, 7; III, 5, 4.

388

5 Id., F., III, 6, 5.

389

6 Id., F., XV, 1.

390

1 Cicero, A., V, 20.

391

2 Cicero, A., V, 21, 2; здесь мне кажется необходимым принять поправку Гоффмана: *Litterae in Senatu recitatae sunt datae* (вместо *id est*) *Nonis*. См.: Schmidt, В. W. С, 82. Письмо Целия (Cic, F., VHI, 10, 2), написанное 18 ноября, доказывает, что письма были прочитаны после 18 ноября, а не ранее этой даты, как полагал Шмидт.

392

1 Lange, R. A., III, 381.

393

2 Cicero, A., VI, 1, 25.

394

3 *Ibid.*, VII, 7, 5.

395

1 См. остроумные замечания Шмидта (*Rh. Mus.*, XLVII, с. 261). Необходимо допустить, что Цезарь не хотел вызывать междоусобную войну и рассматривал ее как невозможную, чтобы объяснить удовлетворительным образом почти все его поступки з течение 50 года.

396

2 См.: Cicero, F., VIII, 14, 2.

397

1 Velleius, II, 48, 3.

398

2 Dio, XL, 60; App., B. C, II, 27; Plut., Caes., 29; Velleius, II, 48, 4; Sueton., Caes., 29; Serv. ad Aen., VI, 621.

399

3 Lange, R. A., III, 382; Dio, XL, 61.

400

1 Dio, XX, 62; Cicero, F., VIII, 6, 5.

401

2 Nissen, H. Z., XLVI, c. 66; Cicero, F., VIII, 11, 1; A., VI, 3, 4.

402

3 Cicero, F., VIII, 11, 3.

403

4 Cicero, A., VIII, 2, 3.

404

5 Cicero, F., Vin, 14, 4.

405

1 Cicero, F., VIII, 11, 3.

406

2 App., B. C, II, 27.

407

3 Sueton., De clar. rhet., 1.

408

4 Plut., Pomp., 57; Cicero, F., VIII, 3, 2.

409

5 Lange, R. A., III, 386, n. 1.

410

1 Nissen, H. Z., XLVI, c. 66.

411

2 App., B. C, II, 27.

412

3 Cicero, F., VIII, 13, 2; Nissen, H. Z., XLVI, стр. 66.

413

4 App., B. C, II, 27, Vellerns, II, 48.

414

3 Ход событий доказывает, что пропаганда Куриона была непосредственным мотивом разрыва между Цезарем и Помпеем, и это подтверждается ясным указанием Диона (XL, 63).

415

6 App., B. C, II, 28.

416

1 Plut., Pomp., 57.

417

2 App., B. C, II, 28.

418

3 Ibid., II, 29.

419

4 Nissen, H. Z., XLVI, с. 69; Lange, R. A., III, 388.

420

5 Hirtius, B. G., VIII, 54; App., B. C, II, 29; Dio, XL, 65 (дата неточная); Plut, Pomp., 56; Plut, Caes., 29.

421

6 Cicero, A., VI, 1, 8; VI, 2, 9.

422

1 Mommsen, P. R., I, 307 сл.

423

2 Cicero, A., VI, 2, 4. См.: Mommsen, P. R., I, 328.

424

3 Cicero, F., III, 7, 2; III, 8, 2. Ср.: Cicero, A., V, 21, 7.

425

4 Cicero, A., V, 21, 7.

426

5 См.: Cicero, A., V, 16, 2.

427

1 Cicero, F., II, 11, 2.

428

2 Id., A., V, 13, 2.

429

3 Id., VI, 1, 13.

430

4 Id., VI, 3, 9.

431

5 Id., F., VIII, 9, 4.

432

6 Cicero, A., VI, 2, 5; Pliut., Cic, 36.

433

7 Id., V, 21, 10; VI, 1, 6.

434

8 Id., VI, 1, 3.

435

9 Cicero, A., VI, 2, 7.

436

1 Id., VI, 1, 3.

437

2 Id., V, 21, 11.

438

3 Cicero, A., V, 21, 7; VI, 1, 20; VI, 2, 5; F., XV, 4, 2; Plut., Cic, 36.

439

4 Cicero, A., VI, 1, 16.

440

5 Все подробности этой интриги переданы Цицероном (A., V, 21; VI, 1; VI, 2)

441

6 Cicero, F., II, 17, 4.

442

7 Ibid., XIII, 26.

443

8 Ibid., V, 20, 2.

444

1 Мне кажется, что таким образом можно объяснить темное место Цицерона (F., V, 20, 3).

445

2 Cicero, F., II, 17, 4.

446

3 См. по поводу управления Цицерона справедливые ответы Шмидта (B. W. S, 5 сл.) на критику Друманна, Тирреля и Пурсера (Tyrrel and Purser. Correspondence of Cicero, Dublin 1879–1901).

447

1 Cicero, F., II, 7, 4; II, 11, 1; A., VI, 3, 2.

448

2 Cicero, F., II, 16, 5.

449

3 Id., F., II, 8, 1; VIII, 1, 1.

450

1 Plut., Pomp., 58.

451

2 Hirtius, B. G., VIII, 50.

452

3 Как заметил Ниссен (H. Z., XLVI, с. 67, пр. 1), выражение, которым пользуется Гиртий (B. G., VIII, 50) — "hibernis peractis", не означает, что зимние квартиры готовились к 52–51 гг. Вероятно, речь идет о 51–50 гг., ибо зимой 52–51 гг. почти все легионы должны были не отдыхать, а сражаться.

453

1 Ниссен (H. Z., XXVI, с. 68, пр. 1), мне кажется, доказал, что выборы авгура, а следовательно, путешествие Цезаря в Цизальпинскую Галлию проходили *после* консульских выборов, а *нераньше* их, как обычно думали, и что это было в сентябре. Доказательство находим у Цицерона (F., VIII, 12, 3), упоминающего о Ludi Circenses, происходивших в сентябре, и у Плутарха (Ant., 5), который говорит, что

Антоний был избран сперва трибуном, а потом авгуром. Кроме того, было бы непонятным, почему Цезарь предпринял такое большое путешествие только ради выборов авгура, если бы раньше не потерпел неудачи с Сульпицием. Хотя эти основания очень неясны, все же их можно видеть также у Гирция (В. Г., VIII, 50).

454

2 Hirtius, В G., VIII, 50.

455

3 Ibid., VIII, 51.

456

4 Nissen, H. Z., XLVI, с. 69.

457

5 Cicero, F., VIII, 14, 4.

458

1 Cicero, A., VI, 7, 2.

459

2 Id., F., V, 20, 1–2. Мне кажется, что можно так разрешить противоречие между этим местом и цитированным выше (A., VI, 7, 2).

460

3 Id., A., VII, 7, 6.

461

4 Cicero, F., V, 20, 9.

462

5 Id., F., V, 20, 8.

463

6 Id., A., VI, 7, 2.

464

7 Id., F., XIV, 5, 2.

465

8 Id., A., VII, 2, 3.

466

9 Cicero, F., XVI, 14, 2. Этот Курий, конечно, Маний Курий (письма ad F., XIII, 17).

467

1 Cicero, F., XVI, 9, 2.

468

1 Lange, R., A., III, 389.

469

2 Cicero, F., VIII, 14, 4; Dio, XL, 63.

470

3 Это следует из того факта, то свидание Цицерона и Помпея в декабре, вероятно, состоялось в Неаполе. См.: Schmidt, B. W. С, 94.

471

4 Hirtius, B. G., VIII, 54.

472

1 App., B. C, II, 30.—Nissen (H, Z., XLVI, с. 71, пр. 1), мне кажется, окончательно доказал, то заседание проходило 1 декабря.

473

1 App., B. C, II, 30; Plut., Rompr., 58. Если сопоставим рассказ Аппиана (B. C, II, 30–31) и Плутарха (Rompr., 58), то увидим, что Плутарх совмещает на одном заседании события, которые, по Аппиану, происходили на двух разных заседаниях. Верной должна быть версия Аппиана: она одна позволяет объяснить совершенный Марцеллом государственный переворот, о котором мы скоро будем говорить, и положение Помпея. Последний до тех пор держался очень сдержанно, хотя и был в прохладных отношениях с

Цезарем; нужен был очень серьезный повод для того, чтобы он решился встать во главе революционно-консервативной партии и принять в Неаполе начальствование над италийскими легионами. Его поступок объясняется этим голосованием и изложенными Алпианом основаниями. Но государственный переворот должен был быть обдуман вождями консервативной партии и Помпеем, а так как последний был в Неаполе, то это дело требовало некоторого времени.

474

2 Мы не имеем никакого указания на этот замысел, но мне кажется необходимым допустить его, потому что решительно невозможно, чтобы Марцелл сделал попытку государственного переворота без согласия на то Помпея. Вполне вероятно, что откровения Помпея к Цицерону в письме от 10 декабря (А., VII, 4, 2) содержат в себе намек на государственный переворот, угрожавший, как он знал, Риму.

475

3 Cicero, F., XVI, 12, 4.

476

1 Sueton., Caes., 30.

477

2 Plut., Pomp., 57.

478

3 Cicero, A., VII, 4, 2. Относительно даты и места этого свидания см.: Schmidt (B. W. S, 94). Эта неожиданная перемена, если только Помпей не сошел с ума, должна быть объяснена изменением положения, вызванным, по моему мнению, голосованием 1 декабря. Это новое доказательство того, что, когда Цицерон писал данное письмо, государственный переворот, явившийся результатом сенатского заседания, еще не произошел.

479

1 Nissen (H. Z., XLVI, с. 72) датирует это заседание 4 декабря; Schmidt (B. W. S, 97) относит его на 10 декабря. Обе эти даты кажутся мне одинаково невозможными. Первая потому, что не было бы времени для переговоров с Помпеем, который был не у ворот Рима, как думает Ниссен, а в Неаполе или по крайней мере, как следует из Цицерона (А., VII, 4, 2), в пункте, отстоявшем от Рима на три или четыре дня пути. Кроме того, если бы государственный переворот состоялся в то время, он был бы главным предметом беседы Цицерона и Помпея 10 декабря, о которой говорит Цицерон (А., VII, 4). Напротив, Цицерон упоминает о государственном перевороте, которого, впрочем, не одобряет (только в А., VII, 5, 4). Вторая дата невозможна потому, что 10 декабря Курион уже не был трибуном (App., B. C, II, 31; Dio, XL, 66). Plut., Pomp. (58), согласно утверждают, что veto принадлежало Куриону: невозможно, чтобы все они допустили одинаковую опisku, имея в виду Антония. Предположение Шмидта, что Марцелл хотел подождать вступления в должность новых трибунов, бесполезно: как только государственный переворот был

предрешен, сопротивление или угодливость трибунов уже не имели никакого смысла. Я думаю, следовательно, что заседание проходило 8-го или 9 декабря, как только было получено согласие Помпея.

480

2 Schmidt, B. W. C, 97–98. Установление дат, сделанное Шмидтом, мне кажется превосходным.

481

3 См.: Schmidt в Rh. Museum, XLVII, с. 248.

482

4 Мне не кажется необходимым изменять, как желал бы этого Шмидт (B. W. C, 99), правдоподобный рассказ Аппиана (B. C, II, 32), утверждающего, что Курион форсированным маршем прошел только в обратном направлении. Вероятно, что Курион выехал 10-го или 11 декабря, что он присоединился к Цезарю в Плацентии или в другом месте, направляясь с ним в Равенну, и что по получении известия о государственном перевороте отправился в Рим с ультиматумом Цезаря. Во всяком случае мне кажется достоверным, что Курион выехал в Рим из Равенны, находящейся приблизительно в 260 милях от Рима, а не из Плацентии или Милана, до которых более 400 миль, потому что невозможно сделать 400 миль за 3 дня. Должно, следовательно, принять поправку Мендельсона и вместо τρισχλίοις читать δισχιλίους.

483

5 Schmidt, B. W. C, 98.

484

1 Cicero, A., VII, 5, 4. Относительно даты см.: Schmidt, B. W. C, 101. Iter Pompei есть, конечно, путешествие в Луцерию.

485

2 Cicero, A., VII, 8, 5. См.: Schmidt, B. W. C, 98.

486

3 Schmidt, B. W. C, 99.

487

4 См.: Cicero, A., VII, 3, 5, и очень интересное место в A., VII, 7, 7.

488

5 Cicero, A., VII, 6, 2.

489

6 Nissen, H. Z., XLVI, с. 75.

490

7 Schmidt, B. W. C, 99.

491

1 Это письмо можно восстановить по следующим источникам: App., B. C, II, 32; Dio, XLI, 1; Caes., B. C, I, 9; Sueton., Caes., 29; Plut., Pomp., 59; Caes., 30; Cicero, F., XVI, 11, 2.

492

2 Cicero, A., VII, 8, 4. Это письмо, передающее нам беседу с Помпеем, очень важно, так как доказывает, что 25 декабря 50 г. сам Помпей думал, что Цезарь из-за стремления к еще большей власти не помышляет о междоусобной войне, а думает лишь защитить свое политическое положение. Цицерон действительно говорит, что Помпей "...putat eum, quum audierit contra se diligenter parari, consulatum hoc anno neglecturum ac potius exercitum provinciamque retenturum". Он прибавляет еще, что Помпей не хотел мира: "...pacificationis... ne voluntas quidem". Если сопоставим эти слова со словами Гиртия (B. G. VIII, 52): "iudicabat... liberis sententiis patrum conscriptorum causam suam facile obtineri", то увидим, что эти очень серьезные авторитеты утверждают прямо или косвенно — Цезарь не хотел войны. Прибавляя к этим свидетельствам поступки самого Цезаря, которые станут необъяснимыми, если не допустить, что он желал мира, не приходим ли мы к решительному заключению, что не он, а Помпей и консерваторы были ответственны за разрыв?

493

3 Cicero, A., VII, 7, 6.

494

1 Caesar, B. C, I, 1; Dio, XLI, 1.

495

2 Это рассказывает не Цезарь, а Аппиан (B. C, II, 32).

496

3 Caesar, B. C, I, 2.

497

4 Это вероятное предположение сделано Ниссеном (H. Z., XLVI, 80, пр. 1)

498

5 Caesar, B. C, I, 2.

499

6 Ibid., I, 3.

500

1 Caesar, B. C, I, 3.

501

2 Cicero, F., XVI, 11, 2.

502

3 Ibid., VI, 6, 5.

503

4 Ниссен (H. Z., XLVI, с. 84, пр. 1), опровергая Аппиана (С, II, 32), указал, что предложение было сделано именно в это время.

504

5 Я не думаю, как Шмидт (B. W. C, 123), что Росций и Цезарь были посланы после известия о взятии Аримина и в качестве официальных делегатов сената. Цицерон (A., VII, 13, B.) и Цезарь (B. C, 1, 8) говорят, что каждый из них прибыл самостоятельно и по поручению Помпея. Ланге (R. A. III, 401), кажется, ближе к истине, с той разницей, что, по моему мнению, они были посланы после известия о взятии Аримина, происшедшем 14 января. Они не могли бы быть 23 января в Минтурнах: времени им, по Шмидту (B. W. C, 123), достало бы только, чтобы доехать до Фана; и так как Цезарь утверждает, что разговор происходил в Аримине, то я не вижу повода сомневаться в этом. Было решено послать их, очевидно, в тот момент, когда опять явилась надежда на мир.

505

6 Cicero, F., VI, 6, 6; Velleius, II, 49; Sueton., Caes., 29; Plut., Pomp., 59; Caes., 31.

506

7 Caesar, B. C, I, 5.

507

8 Cicero, F., XVI, 12, 4.

508

1 App. B. C, II, 34.

509

2 Caesar, B. C, I, 6; Cicero, F., XVI, 12, 3.

510

3 Cicero, F., XVI, 11, 3.

511

4 Schmidt, B. W. C, 106.

512

1 Hirtius, B. G., VIII, 52.

513

1 Sueton., Caes., 65–70.

514

2 Plut., Caes., 32.

515

1 Plut., Caes., 32; Sueton., Caes., 31.

516

2 По Светонию (Caes., 33) и Диону (XII, 4), это обнаружение происходило в Аримине; по Цезарю (B. C, I, 7) — в Равенне. См.: Schmidt (B. W. C, 105, пр. 1); и Nissen (H. Z., XLVI, 97), пр. 1) — основания, по которым здесь нельзя верить Цезарю. Он, вероятно, старался скрыть, что захватил своих солдат врасплох и объявил им свой план, когда уже начал приводить его в исполнение.

517

3 Nissen, H. Z., XLVI, с. 96.

518

4 Nissen (H. Z., XLVI, 97) и Schmidt (B. W. C, 114 сл.) доказали, что, по показаниям Цицерона (A., VII, 11, 1, и F., XXI, 12, 2), 17 января в Риме уже знали о захвате Анконы и Арретия. Следовательно, эти города были заняты самое позднее 14 числа. Некоторые пункты рассказа Цезаря вследствие этого неправдоподобны; например, невозможно, чтобы он занял Пизавр, Фан и Анкону после неудачи мирных переговоров, посредниками в которых были Росций и Луций Цезарь. Другими словами. Цезарь искажает первые эпизоды войны с целью показать, что он был завачен врасплох насильственными решениями сената.

519

5 См.: Schmidt, Rh. Mus., XLVII, с. 261; B. W. C, 123; соображения Шмидта, по моему мнению, очень хорошо показывают, какими были истинные намерения Цезаря.

520

6 См.: Schmidt, B. W. C, с. 123, пр. 1.

521

7 Caesar, B. C, I, 9; Cicero, F., XVI, 12, 3.

522

8 Florus, IV, 2; Lucan, II, 462.

523

1 Plut., Pomp., 60; App., B. C, II, 35.

524

2 App., B. C, II, 36.

525

3 Plut., Pomp., 60; Caes., 33.

526

4 Cicero, F., XVI, 11, 3.

527

5 App., В. С, II, 36.

528

6 Цицерон (А., VII, 16, 2) доказывает нам, что Помпей стал отдавать себе отчет в незначительности сил Цезаря только после прибытия Лабиена, т. е. в феврале.

529

1 Schmidt, В. W. С, 115.

530

2 Цицерон (F., XVI, 12, 2; А., IX, 10, 2) доказывает, что 17 января происходило заседание сената, на котором Помпей, полный ужаса из-за взятия Анконы и Арреция, заставил утвердить предложение об оставлении Рима. Я думаю, что это заседание было тем единственным, на котором Помпей сделал заявления; о последних упоминают Цицерон (А., VII, 11, 1), Плутарх, Pomp. (60), Цезарь (В. С, I, 32, 8), Аппиан (В. С, II, 36), а Катон (Plut., Pomp., 60; Cato Ut., 52) предложил объявить Помпея диктатором и издать декрет о бунте. Относительно последнего я вместе со Шмидтом (В. W. С, 106 сл.) думаю, что он был издан после вторжения Цезаря в Италию, но не 14 января, ибо все заставляет думать, что единственное заседание было 17 января; общее состояние нерешительности, вероятно, препятствовало проведению более раннего заседания, о котором мы, конечно, знали бы, если бы оно было.

531

3 Plut., Pomp., 60; Caes., 33; App., В. С, II, 37.

532

4 Plut., Pomp., 60; App., В. С, II, 36.

533

5 Plut., Pomp., 60; Cato Ut., 52.

534

6 См.: Cicero, А., VII, 11, 1 (слова Помпея).

535

7 Caes., В. С, I, 32, 8.

536

8 Nissen (Н. Z., XLVI, 100), опираясь на неопределенные выражения Плутарха (Pomp., 60; Cato Ut., 52) и

на слабости Помпея во время войны, думает, что предложение Катона не было утверждено. Schmidt (В. W. С, 135), по-видимому, того же мнения. Но Веллей (II, 49) говорит, что "consules senatusque... Pompeio summan imperii detulerunt". Мне кажется, что Веллей прав. Иначе нельзя было бы объяснить, почему Помпей приказал оставить Рим и отступить в Грецию не только армии, но и всему сенату. Кроме того, во время войны в Италии он руководил из Луцерии всеми операциями, и если его высшее командование оказалось безуспешным, то причина этого не в недостатке законной власти, но в слабости самого Помпея и его партии.

537

9 Cicero, A., IX, 10, 2; App., В. С, II, 37; Dio, XLI, 6.

538

1 См.: App., В. С, II, 37.

539

1 См.: Cicero, F., XIV, 7, 3.

540

2 См.: Cicero, A., VII, 13 A, 3.

541

3 Ibid., VII, 18, 4.

542

4 Corn. Наер., Art., 7.

543

5 Мне кажется, что рассказ Цезаря, верный в своей основе, но преувеличенный (Caes., В. С, I, 14), можно исправить путем сравнения его с рассказом Диона (XLI, 16). Цезарь, однако, ошибается, говоря, что известие о взятии Авксима (совр. Osimo) породило панику; он же сам утверждает, что паника произошла 18 января, на следующий день после отъезда Помпея, а в тот день Авксим еще не был взят.

544

1 Dio, XLI, 7.

545

2 Cicero, A., VII, 10; A., IX, 10, 4.

546

3 Cicero, A., VII, 11, 3.

547

4 Ibid., VII, 12, 2.

548

5 См.: интересные замечания Шмидта (B. W. C, 117) о письмах Цицерона (A., VII, 1J, 5; A., VIII, 11, B., 3; A., VIII, 11, D, 6; F., XVI, 11, 3).

549

6 Cicero, A., VII, 13, A, 3.

550

7 Schmidt, B. W. C, 122; Rh. Mus., XLVII, 261.

551

8 Cicero, A., VII, 17, 3; A., VII, 21, 3.

552

1 Caesar, B. C, I, 12. По поводу этой концентрации войска см.: Schmidt, B. W. C, 125.

553

2 Cicero, A., VII, 14, VI; II, 15, 2. О датах см.: Schmidt, B. W. C, 124.

554

3 Cicero, A., VII, 14, 1.

555

4 Caesar, B. C, I, 13.

556

5 Ibid., I, 15.

557

6 Schmidt, B. W. C, 127, пр. 1.

558

7 Caesar, B. C, I, 15.

559

8 Шмидт, мне кажется, прав, когда переводит слова Цезаря (B. C, I, 15) "Asculum Picenum proficiscitur" как "он двинулся по направлению к Аскулу". Это позволяет объяснить "recepto Firmo" в B. C, I, 16, без предположения, что Цезарь сперва взял Аскул, а потом двинулся на Фирм, и без исправления текста.

560

9 Suet, Caes., 33.

561

1 Cicero, A., VII, 15, 3.

562

2 Например, известие о потере Пицена (Cicero, A., VII, 21, 2).

563

3 Cicero, A., VII, 21, 1.

564

4 Ibid., VII, 21, 2.

565

1 Cicero, A., VII, 22, 1; F., XV, 15, 1.

566

2 Schmidt, B. W. C, 131.

567

3 Факт, что Цезарь шел морским берегом, указан Цицероном (A., VIII, 12, B, 1). См.: Schmidt, B. W. C,

568

4 Цезарь (В. С, I, 15) насчитывает приблизительно 33 когорты в этой области, 20 из которых были под начальством Домиция. Цицерон (А., VIII, 11, А; VIII, 12, А, 1) говорит, что, по свидетельству Помпея, их было 31: 14 — под начальством Вителлия, 5 — под начальством Гирра, 12 (по некоторым изданиям 11) — под начальством Домиция. Сведения Помпея достовернее, чем сведения Цезаря, получившего их косвенным путем. Гарнизоны Сульмона (7 когорт, по Саес., В. С, I, 18) и Альбы Фуцентии включены в число 31 когорты, так же как 18 когорт в Корфиний. См.: Cicero, A., VIII, 12A, I; Schmidt, B. W. С, 133.

569

5 Cicero, A., Vili, 12A, 1.

570

6 Ibid., Vili, 11, A.

571

1 Cicero, A., Vili, 12, B, 2.

572

2 Ibid. О дате этого письма см.: Schmidt, B. W. С, 136. См.: Cicero, A., Vili, 12A, 1.

573

3 Cicero, A., VIII, 12A, 3. О дате, которую можно установить на основании Cicero, A., VIII, HD, 1, см.: Schmidt, B. W. С, 136.

574

4 О дате, когда был отдан этот приказ, см.: Schmidt, B. W. С, 136.

575

5 Cicero, A., VIII, 12A, 3.

576

6 Ibid., VIII, 1 ID, 1.

577

7 Ibid., Vili, 12A, 4; Schmidt, B. W. C, 139.

578

1 Caesar, B. C, I, 18.

579

2 Cicero, A, VIII, 9, 4.

580

3 Ibid.; VIII, 11, 5.

581

4 Cicero, A, IX, 7C, 1.

582

5 Caesar, B. C, I, 34.

583

6 Можно, по-видимому, таким образом согласовать Caesar (B. C., I, 26) и Cicero (A., IX, 13A); Schmidt (B. W. C, 152) думает, что посылка Магия была усыпляющей уловкой, и это мне кажется вероятным.

584

1 Именно так, по моему мнению, следует понимать Caes. (B. C, I, 26).

585

2 Caesar, B. C, I, 26.

586

3 Schmidt, B. W. C, 152.

587

4 Cicero, A., IX, 15A, 1.

588

1 Cicero, A., IX, 15, A.

589

2 Cicero, A., X, 4, 8; X, 9, A, 1. Эти свидетельства Куриона и Целия, видевших тогда Цезаря каждый день, очень важны и дают представление о его настроении после отъезда Помпея. Несомненно, что они правдивы: Целий, когда писал Цицерону, не имел никакого повода ложно приписывать Цезарю жестокие слова, а Курион, старавшийся привлечь Цицерона к партии своего генерала, скорее преувеличил бы его сдержанность, чем вспыльчивость. Эти искренние дружеские сообщения очень ценны психологически. Впрочем, нет противоречия между этой жестокостью Цезаря и его первоначальной миролюбивостью: положение до такой степени изменилось и стало таким опасным, что он мог быть вне себя.

590

1 Cicero, F., XVI, 12, 4; A., VII, 26, 1; VIII, 2, 3; VIII, 3, 7.

591

2 Caesar, B. C, I, 32; App., B. C, H, 40; Cicero, A., IX, 15, 1.

592

3 Caesar, B. C, I, 30; App., B. C, II, 41.

593

4 Caesar, B. C, I, 30; Dio, XLI, 18; App., B. C, II, 40–41. Последний ошибается, говоря, что в Иллирию был послан Азиний Поллион.

594

5 Орозий (VI, 15, 8) и Дион (XII, 40), мне кажется, доказывают, вопреки словам Аппиана (B. C, II, 41), что в Иллирию был послан Долабелла, а не Гай Антоний. Последний, по-видимому, был направлен на помощь Долабелле своим братом Марком.

595

6 См.: Cicero, A., VII, 13, A., 1; VII, 9, 3.

596

1 Cicero, A., VIII, 16, 1–2.

597

2 Cicero, A., VIII, 1, 3; VIII, 11, 7; VIII, 16, 1; IX, 1, 2; IX, 8, 1.

598

3 Cicero, A., IX, 13, 4; X, 8, 6.

599

4 Dio, XLI, 16; App., B. C, II, 41.

600

1 Cicero, A., IX, 18, 1. См.: Schmidt, B. W. C, 161.

601

2 Cicero, A., IX, 18, 1.

602

3 Ibid., 18, 2.

603

4 Groebe, App. ad Drumann, G. R. I2, 402.

604

5 Caesar, B. C, I, 32; Dio, XLI, 15–16; App., B. C, II, 41; Plut., Caes., 35.

605

1 Cicero, A., X, 1, 3; см.: Schmidt, B. W. C, 166.

606

2 Caesar, B. C, I, 33; Plut, Caes., 35.

607

3 App., B. C, II, 41, ошибочно приписывает это Цезарю. Конституция давала преторам власть замещать отсутствующих консулов.

608

4 Ibid. Мне кажется вероятным, что все эти решения были утверждены сенатом. Zumpt (S. R., 203) предполагает противное.

609

5 При отсутствии документов можно предполагать то или другое. См.: Dio, XII, 17

610

6 Dio, XII, 17; App., B. C, II, 41; Plut., Caes., 35 (см.: Caesar, B. C, I, 33), обращают внимание на выражения, которые он употребляет, чтобы скрыть такой важный поступок.

611

7 Таковы цифры Плиния (Н., N., XXXIII, 17), Орозий (VI, 15, 5) дает менее вероятные цифры.

612

1 Мы имеем достоверное свидетельство Куриона о том, что Цезарь был очень смущен негодованием простого народа на его угрозы трибуну. Cicero (A., X, 4, 8); см. также: Cicero, A., X, 8, 6.

613

2 Dio (XLI, 18), Плутарх, Caes. (37), однако, относят эту реформу ко времени его возвращения из Испании.

614

3 Cicero, A., X, 8, 6; см.: Groebe, App. ad Drumann, G. R., I2, с. 402.

615

4 Из шести легионов, бывших у Цезаря под Корфинием (B. C, I, 25), три, конечно, вновь набранных, были посланы гарнизонами в Брундизий, Тарент и Синонт (Cicero, A., IX, 15, 1), один был дан Кв. Валерию и два Куриону (Caesar, B. C, I, 30). Война в Испании и осада Массалии, следовательно, осуществлялись восемью легионами, остававшимися в Галлии.

616

5 См. очень важное письмо Цицерона (A., X, 8), особенно Л6 и 7.

617

6 Cesar, B. C, I, 44.

618

7 Таков был, по-видимому, по словам Цезаря (B. C, I, 38), истинный мотив, по которому Варрон

остался в дальней Испании, а вовсе не по другой причине, как утверждает Цезарь (В. С, II, 17). Его рассказ, в котором чувствуется злоба и даже злословие, не может быть правдивым и, должно быть, был написан в момент крайнего раздражения Варроном, ибо противоречит не только рассказу самого Цезаря (В. С, I, 38), но и характеру Варрона, правда, сдержанному и холодному, но достойному и честному.

619

1 Эту кампанию можно понять, лишь уяснив, что военные операции в Испании и осада Массалии были тесно связаны друг с другом. Это очень хорошо понимал Цицерон; однако это упускают из виду многие современные историки (см.: Cicero, A., X, 12, 6).

620

2 Caesar, В. С, I, 61.

621

3 Schmidt, В. W. С, 176.

622

4 Из шести легионов, бывших у Цезаря под Корфинием (В. С, I, 25), три вновь набранных, были посланы гарнизонами в Брундизий, Тарент и Сипонт (Cicero, A., IX, 15, 1), один был дан Валерию и два — Куриону (Caesar, В. С., I, 30). Война в Испании и осада Массалии, следовательно осуществлялись восемью легионами, остававшимися в Галлии.

623

5 Caesar, В. С, I, 37.

624

1 Мне кажется, можно таким образом истолковать свидетельство Диона (XL, 43).

625

2 Caesar, В. С, I, 39.

626

3 Текст Цезаря (В. С, I, 39), где перечислены посланные в Испанию силы, испорчен. Но мы можем вычислить, что легионов было пять. Более четырех потому, что в битве, о которой говорит Цезарь (В. С, I, 40), Фабий вывел из лагеря четыре легиона против четырех легионов неприятеля и что, конечно, один легион оставил для охраны лагеря. Не более пяти потому, что Цезарь имел тогда четырнадцать легионов: три из них он оставил для охраны приморских городов Италии (Cicero, A., IX, 15, 1), один послал в Сардинию, два — в Сицилию, а с тремя осаждал Массалию (Caesar, В. С, I, 36). Однако имеется одно

затруднение: с какими силами Долабелла вел войну в Иллирии и откуда были взяты пятнадцать когорт, посланных к нему на помощь под начальством Гая Антония, о которых говорит Орозий (VI, 15, 9)? Остается предположить, что они были взяты из гарнизонов приморских городов; и это предположение тем более вероятно, что легионы должны были добираться в Иллирию морем.

627

4 Plut., Cato Ut., 53; Caesar, B. C, I, 30; Dio, X, 41.

628

5 Cicero, A., X., 12, 6.

629

6 Ibid., X, 9, 1.

630

1 Cicero, A., X, 10, 5.

631

2 Ibid., X, 8A.

632

3 Ibid., X, 10, 2.

633

4 Caesar, B. C, I, 39.

634

5 Эта дата следует из слов Цезаря (B. C, II, 32); соответственно, мы узнаем, что его операции против Афрания и Петрея продолжались 40 дней, а из С. I. L., I p. 398, что Афраний и Петрей сдались 2 августа.

635

6 Caesar, B. C, I, 41.

636

7 Dio, XLI, 20.

637

1 Рассказ Цезаря (В. С, I, 41–56) заслуживает тщательного анализа и сравнения с рассказом Диона (XII, 20 сл.). Цезарь описывает (с. 43–48) сражение за возвышенность как маловажный эпизод, не оказавший никакого влияния на ход войны. Напротив, в гл. 48–56 он изображает вздутие рек как причину критического положения, в котором он вдруг оказался. Но в этом рассказе не объяснено одно: почему Цезарь, так спешивший дать сражение, что даже оставил для этого осаду Массалии, не старался более вступить в серьезный бой после этой первой стычки, имевшей, по его словам, неопределенный исход? Кроме того, странно, что вздутия рек оказалось достаточно, чтобы обусловить такой голод. Скорее этот голод явился результатом враждебности испанских народов, еще более усугубившейся после первого поражения Цезаря. Это доказывается важным и проницательным наблюдением Диона, XII, 20, утверждающего, что голод в лагере Цезаря вызвали его первые неудачи и что снабжение продовольствием нормализовалось не тогда, когда реки вошли в берега, а когда известие о победе Децима Брута под Массалией привлекло к Цезарю дружбу соседних испанских народов. Другими словами, мне кажется, что стремление быстро завершить эту войну привело Цезаря к ошибочному решению осаждать Массалию одновременно с войной в Испании; что эта ошибка и неудача в первой битве подвергли его большой опасности; что позднее он старался скрыть свою ошибку, уверяя, как мог, что все зло причинило наводнение.

638

2 Caesar, В. С, I, 53.

639

3 Ibid., III, 4; App., В. С, II, 49.

640

4 Cicero, F., XIV, 7. Duruy, H. R., III, 305, несправедливо упрекает Цицерона за то, что последний бежал к Помпею, когда Цезарь, казалось, погиб в Испании: 7 июня Цезарь был еще под Массалией.

641

1 Cicero, A., X, 9, 2; A, X, 8, 7.

642

2 Caesar, В. С, I, 59–60, едва упоминает об этой метаморфозе, происшедшей среди испанских племен, и не объясняет, какова была истинная причина этой *commutato rerum*. Напротив, действительный ход событий хорошо описан Дионом (XII, 21). Это служит лишним доказательством того, что Дион пользовался текстом автора, тщательно изучавшего историю войн Цезаря, а не следовавшего слепо Комментариям.

643

3 С. I. L., I, p. 398. Эти эпизоды войны описаны Цезарем (В. С, I, 61–87).

644

1 Oros., VI, 15, 7.

645

2 Dio, XLI, 24.

646

3 Caesar, В. С, II, 21; Dio, XLI, 36. См.: Zumpt, S. R., 205 сл.

647

1 См.: Cicero, A., IX, 9, 4: propter nummorum caritatem.

648

1 Dio, XLI, 37; App., В. С, II, 48. Меры, принятые впоследствии Цезарем и предложенные Целием и Долабеллой, показывают, что именно от этого зла страдала тогда Италия.

649

2 Dio, XII, 25.

650

3 Caesar, В. С, II, 23. Еще одна трудность: какими были эти два легиона? Мог ли один быть легионом, посланным в Сардинию, а другой — из тех, которые оставляли для охраны приморских городов Италии?

651

4 Caesar, В. С, II, 24–44; App., В. С, II, 44–46; Dio, XII, 41–42.

652

5 Oros., VI, 15, 8; App., В. С, II, 47; Dio, XU, 40; Florus, IV, 2; Caesar, В. С, III, 10.

653

6 Caesar, В. С, III, 2.

654

7 Из данных Цезаря, В. С, III, 2, и III, 6, следует, что семь легионов, погруженных на корабли в Брундизии насчитывали всего 15000 человек.

655

1 App., В. С, II, 47; Dio, XLI, 26–35.

656

2 Mommsen, C. I. L., I2, p. 40.

657

3 Plut., Caes., 37.

658

4 Аппиан (В. С, II, 52) доказывает, что отъезд в Брундизии произошел внезапно и позднее, чем обычно думают.

659

5 Caesar, В. С, III, 1.

660

1 Lange, R. A., III, 411.

661

2 Caesar (В. С, III, 1) подтверждает версию Диона (XLI, 36) и Аппиана (В. С, II, 48); Plut., Caes., 37. См.: Lange R. A., III, 411.

662

3 Dio, XLI, 36.

663

4 Cicero, A., VII, 7; X, 8, 2.

664

5 См.: Cicero, De off., II, 24, 84.

665

6 Можно сравнить меры, принятые Цезарем, с мерами, принятыми в Эфесе во время войны с Митридатом, которые перечислены в большом перечне, опубликованном Дарейстейем (N. R. H. D., 1877, с. 161 сл.).

666

7 Caesar, B. C, III, 1; Sueton., Caes., 42. Рассказ Диона (XLI, 37) более запутан, кроме того места, где очень точно описаны распоряжения, относящиеся к посредникам. App. (B. C, II, 48) и Plut. (Caes., 37) едва упоминают об этом.

667

8 Это, по моему мнению, следует из слов Цезаря (B. C, III, 1) и из старания, с ксгорым он подчеркивает, что возвращение изгнанников было решено волей народа.

668

9 Dio, XLI, 38.

669

10 App., B. C, II, 48.

670

1 Caesar, B. C, III, 6.

671

2 Ibid., III, 10. По моему мнению, невозможно сомневаться, что эти предложения были сделаны всерьез, а не только для того, чтобы выиграть время, как думает Дион (XLI, 47), или чтобы возложить ответственность за войну на своего противника, как можно предполагать. Положение Цезаря было слишком опасно, чтобы без надежды на мир искушать человека, одаренного здравым умом, принять это предложение. Кроме того, эти попытки были возобновлены слишком различным образом для того, чтобы не быть искренними. Действительно, Цезарь первый выслушал предложения Либона (B. C, III, 16–17), конечно, старавшегося этой хитростью добиться перемирия; потом во время осады Диррахия он пытался побудить вмешаться в качестве миротворца Сципиона, тестя Помпея (B. C, III, 57); наконец, во время войны, в то время, когда можно было ее окончить, он старался с помощью Корнелия и Бальба привлечь к заключению мира Лентула (Vellerns, II, 51). Бальб, бывший другом Помпея и Цезаря, употреблял все усилия в течение войны, чтобы заключить мир. Впрочем, если бы Цезарь не желал мира, он действовал бы неразумно, предлагая его; ибо, давая врагу повод думать, что он его боится, он уничтожал эффект, произведенный его быстротой и смелостью и на который он сильно рассчитывал ввиду незначительности своих сил.

672

3 App., B. C, II, 54.

673

1 Caesar, B. C, III, 18.

674

2 См.: Cicero (A., XI, 3, 3), свидетельство которого подтверждает Caesar (B. C, III, 96).

675

3 Cicero, F., IV, 14, 2; A., XI, 6, 2.

676

1 Plut, Pomp., 66–67.

677

2 Cicero, A., XI, 6, 2.

678

3 Plut, Brut, 4.

679

4 Caesar, B. C, III, 23–24.

680

5 Caesar, B. C, III, 25; Dio, XLI, 46; Plut, Caes., 38; App., B. C, II, 57.

681

6 App., III, 12; B. C, II, 59; версия Цезаря (Bei. Al., 42–43) несколько отлична.

682

1 Caesar, B. C, III, 20–22.

683

1 Шмидт думает, что, на основании рассказа Цицерона (А., XI, 4), битва при Диррахий состоялась в интервале между 14-м и 18 июня. Потери в тысячу убитых, оцениваемые Цезарем, меньше, чем считают все другие историки.

684

2 App., B. C, III, 12; Dio, XLII, 11.

685

1 Plut., Pomp., 66.

686

2 Ibid., Pomp., 67.

687

3 C. I. L., I, p. 324 (Fasti Amiternini), p. 328 (Fasti Ant.), 9 августа.

688

1 Цезарь (B. C, III, 99) говорит, что он потерял только 200 человек, тогда как Помпей потерял 15000. Азиний Поллион уменьшает потери Помпея до 6000 (Plut., Caes., 46). Цезарь, может быть, в числе убитых считал и беглецов.

689

1 Plut., Pomp., 73.

690

2 Caesar (B. C, III, 102): факт приезда Помпея в Амфиполь показывает, что таков был действительно его план.

691

3 Schmidt, B. W. C, 207.

692

1 Caesar, B. C, III, 102.

693

2 Из слов Цезаря (В. С, Ш, 102) следует, что, когда он писал Комментарии, он думал еще, что первым намерением Помпея было остановиться на Сирии.

694

3 Schmidt, В. W. С, 179.

695

4 Cicero, De div., I, 32, 68.

696

5 Dio, XLII, 13; App., В. С, II, 87.

697

6 Plut., Cic, 39; Cato Ut, 35.

698

7 Относительно подробностей и текстов, касающихся этого бегства см.: Drumann, G. R., III, 519; Schmidt, В. W. С, 207 сл. Я не верю, чтобы Помпей когда-либо думал укрыться у парфян, это было бы слишком непатриотичным и очень опасным. См.: Dio, XLII, 2.

699

1 Lucan., VIII, 251.

700

2 Plut, Pomp., 76.

701

3 Lucan., VIII, 259.

702

4 Dio, XLII, 6. Речь идет не о Кае Кассии, как доказал Judeich (С. О., 60).

703

5 App., B. C, II, 89.

704

6 Schmidt, B. W. C, 208; Caesar, B. C, III, 103.

705

7 Caesar, B. C, III, 106.

706

8 Schmidt, B. W. C, 208.

707

1 Plut., Pomp., 78–79; App., B. C, II, 84–85; Dio, XLII, 3–4.

708

2 Dio, XLII, 5. См.: Zumpt, S. R., 211.

709

3 См. по поводу путешествия из Александрии в Рим справедливые возражения Юдейху, сделанные Шмидтом (B. W. C, 205).

710

4 Dio, XLII, 19.

711

5 Fasti capit., anno 706. C. I. L., I2, p. 40. Относительно времени, когда Цезарь стал диктатором, существуют разногласия; Judeich (C. O., 182), Sternkoff (Programm. Dortmund., 1891, с. 27) говорят, что это было в начале ноября; Mommsen (C. I. L., I2, 41) — что в последних месяцах года; Schmidt (B. W. C, 211) — в середине сентября; Groebe (App. ad. Dnimann, G. R., I2, с. 40) — в конце сентября или в начале октября. Аргументы тех и других кажутся мне малоубедительными; я, однако, присоединяюсь к мнению Шмидта, думая, подобно ему, что Цезарь имел намерение стать диктатором тотчас после Фарсалы, когда заметил, что ему придется продолжать войну после истечения срока своего консульства. Я не думаю, однако, что следует верить Цицерон (Phil., II, XXV, 62), когда тот говорит, что Антоний сам назначил себя *magister equitum*. Это было бы слишком большим злоупотреблением, и Цезарь, еще бывший склонным к умеренности, не перенес бы этого. Мне кажется более вероятным, что, когда Цезарь в Александрии узнал (приблизительно 25 октября, по Шмидту, B. W. C, 211) о назначении себя диктатором, он послал в Рим назначение *magister equitum*, которое могло прийти в первых числах декабря. Можно, таким образом, было бы принять поправку к тексту Диона (XLII, 21), предложенную Зумптом (R. S., 211–212).

712

1 Dio, XLII, 20.

713

2 См.: Cicero, A., XI, 1, 1; XI, 2; XI, 3, 3; XI, 4, 20.

714

1 То, что Цезарь принужден был остаться в Египте и вмешаться в междоусобную войну из-за нужды в деньгах, следует из замечаний Диона (XLII, 9 и 34), Орозия (VI, 15, 29) и Плутарха (Caes., 48).

715

2 Caesar, B. C, III, 106.

716

3 Такой вывод можно сделать из сравнения Dio (XLII, 34; Plut., Caes., 48; Caesar, B. C, III, 106). Ἐυπράξεις τῶν χρημάτων, о которых упоминает Дион, могли быть только контрибуцией, о которой говорит и Плутарх (Caes., 48).

717

4 Dio, XLII, 34. Естественно, что в Комментариях эта часть истории обойдена молчанием.

718

1 Caesar, B. C, III, 110.

719

2 Cicero, XI, 7, 2. По поводу этого декрета см.: Judeich (C. O., с. 185), Schmidt (B. W. C, 214 сл.), Groebe и Drumann (G. R., I2, 402). История этого декрета, однако, очень темна.

720

3 Cicero, A., XI, 17, 13.

721

4 Cicero, F., XV, 15, 2.

722

5 См.: Cicero, A., XI, 23; XI, 24.

723

1 Plut., Ant., 9.

724

1 Dio, XLII, 29.

725

2 Dio, XLII, 29; Plut., Ant., 9.

726

3 [Caesar], B. Alex., 65; Dio, XLII, 30.

727

1 Dio, XLII, 31; Livius, Pes., 113. См.: Ziehen в Rhein. Mus., 1896, с. 593 сл.

728

2 Schmidt, B. W. C, 222.

729

3 C. I. L., 1, p. 304 (Fasti Maffeiiani): 27 марта.

730

4 Dio, XLII, 30.

731

5 Cicero, A., II, 15, 1.

732

6 Ibid., XI, 17, 3.

733

7 Dio, XLII, 30.

734

8 [Caesar], B. A., 65.

735

9 App., B. C, II, 90.

736

1 Дион (XLII, 20) перечисляет вместе все полномочия, полученные Цезарем тотчас после Фарсалы и впоследствии в течение 47 года; но по поводу права вести войну и заключать мир говорит, что оно было предоставлено позднее, когда опасность африканской войны казалась очень серьезной. Мне кажется вероятным, что и право обращаться с помпеянцами по своей воле было предоставлено ему тогда же и что это была лишь угроза со стороны цезарианцев. Ибо тотчас после Фарсалы репрессии были бы в противоречии с царствовавшим тогда примирительным настроением.

737

2 Дата установлена Юдейхом; Schmidt, B. W. C, 224.

738

3 App., B. C, II, 90.

739

4 Vunum, B., 25.

740

5 C. I. L., 1, p. 306 (Fasti Maffeiani), p. 324 (Fasti Amiternini): 2 августа.

741

6 Schmidt (B. W. C, 226) установил эту дату по Цицерону (F., XIV, 20: письмо, написанное 1 октября).

742

1 Plut. Ant., 10; Dio, XLII, 51; Sueton, Caes., 38.

743

2 Это предположение Зумпта (S. R., 221) кажется мне вероятным.

744

3 Tacit, Ann., VI, 16.

745

4 Dio, XLII, 50; Cornel. Nep., Att., 7.

746

5 Dio, XLII, 50; Plut., Ant, 10.

747

1 Lange, R. A., III, 433.

748

2 Dio, XLII, 52–55.

749

3 Schmidt, B. W. C, 233.

750

4 (Caesar), Bell. Afr., 1.

751

5 Ibid., 2.

752

1 Zumpt (S. R., 211), мне кажется, прав, доверяя словам Диона (XLII, 20), по которым выходит, что вторая диктатура была дана Цезарю не на неопределенное время, а только на 47 год; следовательно, 1 января 46 года он не был уже диктатором. Зачем бы ему в апреле 46 года доверили бы звание диктатора на десять лет, если бы он уже был диктатором на неопределенное время? Кроме того, мы имеем монеты 46 года (Cohen, п. 2, 3), где Цезарь называется только Cons. III, а Fasti Capitolini (C. I. L., I2, p. 21) не упоминают о диктатуре Цезаря в 46 году.

753

1 Cicero, Brut., III, 11.

754

2 Ibid., I, 4; II, 6.

755

3 Ibid., XIV, 53.

756

4 Ibid., LXXI, 250.

757

5 Dio XLIII, 14; см.: Mommsen (C. I. L., I2, p. 41).

758

6 Dio, XLIII, 14; выражения Диона сами по себе неясны, но из сравнения их с XLIII, 45, где рассказывается о новых полномочиях, приобретенных Цезарем после Мунды, мне кажется возможно вместе с Stobbe (Die Candidati Caesaris в Phil, 27, с. 94) утверждать, что таково было содержание закона.

759

7 Ibid., 15.

760

1 Cicero, Brutus, LXXVI, 266.

761

2 Ibid., XCVI, 336 сл.

762

3 Cicero, F., IX, 1–7.

763

4 Первое упоминание о несогласиях с Теренцией обнаруживается в письме Цицерона от 5 июня 47

года (A., XI, 16, 5). Письмо Цицерона (F., IV, 14, 3) представляло разрыв как уже непоправимый. Развод произошел в конце 47 года или в начале 46-го. См.: Schmidt (B. W. C, 239). Основания для развода неясны: кажется, здесь был замешан вольноотпущенник Филотим.

764

5 Cicero, F., IX, 7, 1; IX, 16, 2.

765

6 Ibid., IX, 16, 7.

766

7 См.: Cicero, A., VI, 6, 1.

767

1 Plut, Cato Ut, 66 сл.; Dio, XLIII, 10 сл.; App., B. C, II, 98 сл.

768

2 (Caesar), Bell. Afr., 98; Dio, XLIII, 14.

769

3 Dio, XLIII, 15; Plut, Caes., 55.

770

4 Мне кажется, что разрешить все вопросы, относящиеся к третьей диктатуре Цезаря, можно, только предположив, что Цезарь принял пост диктатора, предложенный ему после битвы при Тапсе, лишь в конце 46 года, но ранее 1 января 45 года, хотя Моммзен (C. I. L., I2, p. 42) предполагает противное. Дион (XLIII, 1) утверждает, что в 46 г. до Р. X. Цезарь был в третий раз диктатором и консулом, но это утверждение опровергается свидетельством Капитолийских Фаст (C. I. L., I2, p. 28), ничего не говорящих о диктатуре в 46 г.; в то же время они указывают, как и монеты 46 г. (Cohen, п. 34, 36, п. 15, 17), что Цезарь в третий раз был диктатором в 45 г., а в четвертый — в 44 г. Итак, третья диктатура была в 45 г. С другой стороны, есть монеты 46 г. (Cohen, п. 4), на которых Цезарь назван диктатором; но даже принимая остроумное рассуждение Цумпта (S. R., 215), который тщился доказать, что они отчеканены в 47 г., из (Caesar) Bell. Hisp., II: dictator tertior consul designates quarto... следует, что Цезарь принял пост диктатора незадолго до конца года, отправляясь на испанскую войну. Это объясняет, почему составители Fasti Capitolini ничего не говорят о диктатуре 46 г.

771

1 Cicero, Phil., II, XXIX, 72.

772

2 Vellerns, II, 56; App., B. C, II, 102.

773

3 Sueton., Caes., 38; App., B. C, II, 102; Dio, XLIII, 21. Размеры выплат варьируют.

774

4 Dio (XLIII, 21) различает триумфальные празднества от тех, которые были позднее при освящении храма Венеры Genetrix и которые другие историки древности смешивают с первыми.

775

5 Dio, XLIII, 25; Sueton., Caes., 41.

776

6 Sueton., Caes., 42.

777

7 Ibid.

778

8 Dio, XLIII, 21.

779

9 Sueton., Caes., 43; Dio, XLIII, 25.

780

1 Sueton., Caes., 42.

781

2 Zumpt (C. E., I, 300) предполагает, по моему мнению, справедливо, что наделения землей в Италии в 45-м и 44 гг. были основаны на Lex Julia 59 г.

782

3 Dio, XLIII, 26; Plut., Caes., 59.

783

4 Sueton., Caes., 43; Dig. XXXIX, IV, 15.

784

5 Существуют разногласия относительно опубликования Lex Julia municipalis. Савиньи думает, что он был опубликован в 45 г.; Моммзен (С. I. L., I, 123) относит его также к концу 45 г.; Lange (R. A., III, 440) полагает, что он был издан в 46 г.; Nissen в Rh. Museum, XLI, с. 100, равным образом считает, что это было в 46 г., между маем и сентябрем. Наиболее обоснованным мне кажется мнение Моммзена.

785

6 Schmidt, B. W. C, 255.

786

7 Cicero, F., IV, 4, 4; Cicero, pro Marc, IX, 27.

787

1 App., B. C, II, 102.

788

2 Cicero, F., VI, 18, 1.

789

3 Ibid., IX, 15, 4.

790

4 Overbeck, G. G. P., II, 482.

791

5 Lange, R. A., III, 448.

792

1 Тем, кто преувеличивал чувство и близость Цезаря к Бруту, следует обратить внимание на то, что после Фарсалы и до возвращения Цезаря из Испании они виделись недолго лишь в 47 г. на Востоке; потом Цезарь отправился в Африку, а Брут весь 46 год оставался управлять цизальпинской Галлией; когда Брут вернулся в Рим, Цезарь уже отбыл в Испанию. См.: Вупит, В., 29 и 30.

793

2 Sueton., Aug., 89; см.: Weichen, Commentatio de imp. Caes. scriptis eorumque reliquiis, Grimae, 1835, p. 27 сл.; Gardthausen, A. Z. I, 47, сл.

794

3 Cicero, pro Marcello, VIII, 25.

795

1 По поводу обвинений Цезаря за его отношения с Клеопатрой см.: Dio, XLIII, 27; Sueton., Caes., 52.

796

1 Caesar, B. C, III, 31–33.

797

1 Sueton., Caes., 52.

798

1 App., B. C, П, 107.

799

2 Dio, XLII, 33; C. I. L., I2, p. 28.

800

3 См.: Cicero, F., IX, 17.

801

4 См.: Dio, XLII, 54; App., B. C, II, 94; Cicero, F., XPI, 3; XPI, 5; XIП, 7; XIII, 8.

802

5 Cicero, A., XII, 8.

803

6 Sueton, Caes, 76; Dio, XLIII, 28 и 48; Cicero, F., VI, 8, 1. Schmidt, B. W. C, 263.

804

7 Мы видим доказательство этого в рассказе Плутарха (Ant., 13) о Требонии. См.: Cicero, Phil., II, XIV, 34. См. также упоминание о предвещаниях, неблагоприятных для Антония (Cicero, F., VI, 2, 2).

805

8 Sueton., Caes., 52.

806

1 Cicero, A., XIII, 50, 1; XIII, 51, 1.

807

2 Cicero, F., XIII, 4; XIII, 5; XIII, 7; XIII, 8.

808

3 Schmidt, B. W. C, 268.

809

4 Ibid., 271.

810

1 Cicero, A., XIII, 28.

811

2 Ibid., XII, 51; XIII, 2; XIII, 26, 2; XIII, 27, 1.

812

3 Ibid., XIII, 27, 1. Isa обозначает Оппия и Бальбу, как доказывает другое место Цицерона (A., XIII, 2, 1).

813

4 Dio, XLIII, 32.

814

5 Возражения Моммзена по поводу родства Порции (Hermes, XV, с. 99 сл.) мне кажутся опровергнутыми Бинумом, В., 33.

815

6 Plut., Brut., 6; Cicero, A., XIV, 1, 2.

816

1 Dio, XLIII, 44–45.

817

2 Isidor., XV, I, 71; Strabo, Ш, II, 1. О вероятном исправлении этого текста Страбона см.: С. I. L., II, p. 152.

818

3 С, I. L., II, 462.

819

4 Ibid., 538.

820

5 Sueton., Tib., 4. Kromayer (Hermes, XXXI, с. 10 сл.), по моему мнению, доказал, что только эти две колонии, называвшиеся Julia paterna, были основаны Цезарем после второй испанской войны для своих ветеранов.

821

1 Plut, Ant, 13.

822

2 Ibid.; Cicero, Phil., 11; XIV, 34.

823

3 Cicero., A., XIII, 40, 1.

824

4 App., B. C, II, 110; Nicol. Damasc., 23.

825

1 Plin., II. N., XIV, 15, 97.

826

2 Plut., Caes., 58.

827

3 Ibid., 59.

828

4 Dio, XUII, 47.

829

1 Sueton., Caes., 50.

830

2 Cicero (A., XШ, 31, 3) показывает нам это недовольство высших классов; чтобы успокоить их, Цезарь написал Оппию и Бальбе, что отправится в Парфию только после окончательного устройства дел в государстве.

831

3 Sueton., Caes., 77.

832

4 По поводу странного стиля большого фрагмента, дошедшего до нас из этого закона (С, I, L., I, 206), и поспешности его подготовки, бывшей тому причиной, см.: Nissen в Rh. Museum, XLV, с. 104 сл.

833

5 Sueton., Caes., 76.

834

6 Ibid., 78.

835

7 Ibid., 83.

836

1 Sueton., Caes., 79.

837

1 Dio, XLIV, 5.

838

2 Sueton., Caes., 78.

839

1 Dio, X1ЛП, 51; Cicero, Phil., VII, VI, 16; см.: Stobbe в Philol., XXVII, c. 95.

840

2 Sueton., Caes., 75.

841

3 Nicol. Damasc., 19.

842

4 Vellerns Paterculus, II, 57.

843

5 App., B. C, II, 107, см.: Sueton., Caes., 86.

844

6 Sueton., Caes., 76.

845

7 Vellerns Paterculus, II, 57.

846

8 Dio, XLIII, 47.

847

9 Ibid.

848

1 См.: Zumpt, C. E., I, 304–307.

849

2 Это следует из Аппиана (В. С, II, 125; 133; 139).

850

3 App., В. С, II, 137.

851

4 Синоп: Strabo, XII, III, 11. См. монеты: Head, *Historia nummorum*, Oxford, 1887, с. 435, а также Гераклея, как можно предположить из Страбона, ХП, III, 6. См.: Zumpt, C. E., I, 317.

852

5 См.: App., Pun., 136; Zumpt, C. E., I, 318.

853

6 Cicero, A., XVI, 16, a, b, c, d, e, f.

854

7 См.: Cicero, F., VII, XXX.

855

1 Sueton., Caes., 79; Nicol. Damasc., 20.

856

2 Plut, Caes., 58.

857

3 App., В. С, II, 108; Sueton., Caes., 79.

858

4 Lange, R. A., III, 470.

859

5 Dio, XLIV, 8; App., B. C, II, 106.

860

6 Dio, XLIV, 11; App., B. C, II, 109; Plut, Caes., 61; Plut, Ant, 12; Sueton., Caes., 79; Vellerns, II, 56. Эта сцена произвела такое сильное впечатление, что о ней упоминается во многих местах филиппик Цицерона. См. особенно: Cicero, Phil., II, XXXIV, 85–87, и Columba, Il Marzo del 44 a Roma, Palermo, 1896, с. 9.

861

1 Nicol. Damasc., 14; Val. Max., IX, 15, 2; Cicero, A., XII, 49, 1.

862

1 Утверждение Диона (XLIV, 13), что инициатором заговора был Брут., помимо психологического невероятия противоречит утверждению всех историков, в том числе Плутарха (Brut., 8).

863

2 Plut., Brut., 10.

864

1 Plut., Brut., 9; Plut., Caes., 62; App., B. C, II, 112. Мне кажется вероятным, вопреки словам Плутарха, что Кассий и его друзья были авторами этих записок. См.: App., B. C, II, 113.

865

2 Dio, XLIV, 12.

866

3 App., B. C, II, 113.

867

1 Это мнение противоположно мнению Моммзена (R. G., III, 464): «Цезарь был, конечно, великим оратором, великим писателем и великим полководцем, но именно потому, что он был совершенным государственным человеком». Paolo Oratio в своем этюде «Il problema del CrestJanesimo, Roma, 1901», который, будучи несовершенным по форме, содержит тонкие замечания о римском мире, справедливо говорит (с. 84), что «личные причины, создавшие величие Цезаря, являются причинами *необходимыми*». Но он ошибается, по моему мнению, считая, что Цезарь был «тонкий политик, удивительный оппортунист».

868

1 О конституционных затруднениях, происходивших от отсутствия консулов, см.: Cicero ad Fam., XI, 10, 2.

869

2 Nicol. Damasc., 23; Suelon., Caes., 80.

870

3 Nicol., Damasc., 24.

871

4 App., B. C, II, 200.

872

5 Dio, XLIV, 15.

873

6 Sueton., Caes., 79.

874

7 App., B. C. II, 114.

875

1 Plut., Brut., 13.

876

2 Я думаю, что в рассказах древних о полученных Цезарем предупреждениях много вымысла. Если бы о заговоре было действительно известно, то это дошло бы до сведения Антония, Лепида и других верных друзей, а этого было бы достаточно. Не было необходимости в предупреждении самого Цезаря. Возможно, что в эти дни он получал те ложные предупреждения о заговоре, какие имел уже давно и какие получают всегда все главы правительств. Единственное вероятное свидетельство о раскрытии тайны, по моему мнению, — это показание Попилия Лены (Plut., Brut, 15). Если примем во внимание, что все заговорщики были сенаторами и аристократами, то не будем более удивляться, что их тайна так хорошо сохранялась.

877

3 Plut, Brut, 14.

878

1 Plut, Brut, 15; App., B. C, II, 115.

879

2 Columba, Il marzo del 44 a Roma, Palermo, 1896, с. 40.

880

3 Plut, Caes., 64; Dio, XLIV, 18.

881

4 Plut., Brut., 16.

882

5 Plut., Caes., 66–67; Brut, 17–18; Dio, XLIV, 19–20; App., B. C, II, 17; Nicol. Damasc., 24–25. Я передаю здесь подробности только начала убийства, потому что только они одни достоверны. Действительно, заговорщики могли запомнить лишь первые минуты суматохи, потом же, вероятно, никто ничего не помнил. Слова Цезаря к Бруту и жест, который он якобы сделал, закрывшись своей тогой, конечно, басня. Как он мог закрыться тогой, когда все были на нем и поражали его? Что касается обращения к Бруту («*tu quoque Brute fili mi*»), то это сентиментальный отрывок из фантастической легенды, сделавшей Брута сыном Цезаря.

883

1 App., B. C, II, 119; Nicol. Damasc., 25.

884

2 App., B. C, II, 118; Nicol. Damasc., 25.

885

3 Dio, XLIV, 20; Nicol. Damasc., 25. Мне кажется, не прав Groebe (Append, ad Drumann, G. R., I2, 407 сл.), предполагающий, что Брут в этот момент держал первую речь к народу на форуме. Писатели, особенно Николай Дамасский и Дион Кассий, передавшие это волнение с большой ясностью, говорят только о призывах к спокойствию, сделанных Брутом и другими с помощью жестов и немногих слов, что и естественно в такой суматохе.

886

1 Ad: Att., I, 19, 1.